

HISTORIA ROSSICA

Валери Кивельсон

Картографии
царства:

Земля и ее значения
в России XVII века

HISTORIA
ROSSICA

VALERIE KIVELSON

Cartographies of Tsardom:

THE LAND AND ITS MEANINGS
IN SEVENTEENTH-CENTURY
RUSSIA

Cornell University Press

Ithaca and London

ВАЛЕРИ КИВЕЛЬСОН

Картографии царства:

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ
В РОССИИ XVII ВЕКА

Перевод с английского

Наталии Мишаковой

Новое
Литературное
Обозрение

2 0 1 2

УДК 528.9 (470+571)(091)"16"
ББК 26.17г(2)4
К38

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*Е. Анисимов, В. Живов, А. Зорин,
А. Каменский, Ю. Слэзкин, Р. Уортман*

*Изданию данного перевода содействовала щедрая финансовая поддержка
декана Колледжа литературы, наук и искусств
Мичиганского университета
(Office of the Dean, College of Literature, Science and the Arts, University of Michigan),
а также дополнительная поддержка факультета истории
Мичиганского университета (Department of History, University of Michigan).*

Кивельсон В.

К38 Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Валери Кивельсон; пер. с англ. Наталии Мишаковой; научн. ред. перевода Михаил Кром. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 360: ил.

ISBN 978-5-86793-988-5

Монография американского историка Валери Кивельсон открывает перед читателем удивительный и красочный мир московской картографии XVII века. Чертежи земельных участков, нарисованные в ходе многочисленных судебных тяжб, карты Московского царства и Сибири становятся ценнейшим источником по истории мировоззрения людей той эпохи. Какое место занимали в московском обществе крепостные крестьяне и в огромной формирующейся империи — покоренные сибирские народы? Какие чувства вызывала у жителей Московии окружающая природа и у первопроходцев — возникавшие перед ними новые земли? Эти и другие подобные вопросы, находящиеся на стыке социальной и культурной истории, поднимает В. Кивельсон в своей книге — первом в научной литературе исследовании роли пространства и пространственного воображения в допетровской России.

УДК 528.9 (470+571)(091)"16"
ББК 26.17г(2)4

Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia,
by Valerie Kivelson, originally published by Cornell University Press.
Copyright © 2006 by Cornell University Press.
This edition is a translation authorized by the original publisher.
© Н. Мишакова, пер. с англ., 2012
© ООО «Новое литературное обозрение», 2012

*Посвящается трем необыкновенным людям:
Дэниелу Кивельсону,
Маргарет Гэлланд Кивельсон
и Тамар Хофер*

Я как-то по пути оставил знак в пространстве — специально, чтобы опознать это местечко через двести миллионов лет, на следующем витке. Какой знак? Объяснить не так-то просто, ибо вы при слове «знак» сразу представляете что-то отличное от чего-нибудь еще, а там ведь ничего и не было такого, что могло бы отличаться. <...> Вы говорите, что какой знак формы — все равно, он должен просто служить знаком, то есть чем-нибудь от прочих знаков отличаться или быть таким же, как они. Но это вам сейчас легко так говорить, а мне в ту пору было не на что ориентироваться, чтобы про себя решить: «Я сделаю вот так же» или «Сделаю иначе», не имелось образцов...

*Итало Кальвино. «Знак в пространстве»,
из его книги «Космическомические истории»
(Перевод Н. Ставровской)*

ОТ РЕДАКТОРА

Имя профессора Мичиганского университета Валери Кивельсон хорошо известно специалистам по истории допетровской Руси. Ее первая книга была посвящена русскому провинциальному дворянству и политической культуре XVII века¹. Уже в этой работе проявились характерные черты исследовательского подхода Кивельсон: сочетание богатого источникового материала (преимущественно архивного) с постановкой крупных научных проблем, широта кругозора, творческое воображение и активное использование сравнительного метода. Книга отразила важные тенденции как в американской историографии в целом, так и в американской русистике в частности.

К концу 80-х годов XX века в США сформировалось направление, родственное исторической антропологии, — новая культурная история. Ее лидеры — такие, как Роберт Дарнтон и Линн Хант — призывали к заимствованию методов анализа у литературоведов и антропологов и делали акцент на изучении символических языков (вербальных и невербальных), разнообразных практик и репрезентаций². В 1980-е годы «культурный поворот», как впоследствии отмечала В. Кивельсон, произошел и в американской русистике: интерес исследователей Московской Руси сместился с изучения политических институтов, войны, дипломатии, государственного управления на различные аспекты истории культуры³.

Приведенная характеристика приложима и к творчеству самой Кивельсон: озаглавив свою первую монографию «Самодержавие в провинциях», исследовательница перенесла внимание со столичного уровня на региональный и показала важную роль уездных детей боярских в функционировании московской политической системы на местах; при этом в качестве центральной категории анализа она использовала понятие политической культуры⁴.

В книге «Самодержавие в провинциях» Кивельсон подвергла ревизии привычный образ Московского царства как деспотического государства, властитель которого как рабами правил своими бесправными подданными. Полемизируя со сторонниками подобного взгляда (весьма распространенного как в американской, так и в российской историографии⁵), исследовательница предложила иную и, как мне кажется, более убедительную точку зрения на природу московской монархии, которая, подобно другим европейским государствам начала Нового времени, нуждалась в поддержке и содействии различных групп населения, находивших в рамках существующей правовой и политической системы возможности для защиты своих прав и интересов⁶.

Еще во время работы над первой монографией у Кивельсон возник замысел новой книги — той самой, которую сейчас держит в руках читатель. Как вспоминает автор, «несколько лет назад в поисках иллюстраций для книги об уездных землевладельцах я натолкнулась на большую коллекцию нарисованных от руки карт земельных участков XVII века... Как только я увидела эти прекрасные рисунки, я поняла, что недостаточно воспроизвести их в качестве иллюстраций: этот источник настоятельно требовал интерпретации, которой почти не проводилось до сих пор» (наст. изд. С. 17).

Мысль положить в основу будущего исследования рукописные чертежи и карты XVII века и использовать их как источник для изучения представлений жителей Московии о своем месте в мире оказалась чрезвычайно плодотворной. О покорении русскими просторов Евразии со времен В.О. Ключевского написано очень много, но о пространственном воображении в допетровской Руси не писал еще никто.

По многим признакам книга «Картографии царства» может быть отнесена к жанру новой культурной истории: это и сам выбор невербальных (визуальных) источников — карт как основного материала для исследования, и виртуозная их интерпретация (дешифровка) с целью выявления представлений — правовых, политических, религиозных, эстетических — создавших их людей. Примечательно также (и это опять-таки вполне в духе новой культурной истории), что Кивельсон интересуют не только и не столько карты как некие готовые артефакты, сколько *практики* их создания: исследовательница тщательно собирает сведения о русских картографях XVII века, о социальной среде, из которой они вышли.

В новой книге Кивельсон можно заметить развитие некоторых важных для нее идей: в частности, в чертежах спорных участков из земельных тяжб, в картах Сибири и записках первопроходцев она обнаруживает подтверждения своего тезиса об интегрирующем характере Московского царства, в социальной и правовой системе которого находили себе место и крепостные крестьяне, и колонизируемые сибирские народы.

Существенную роль в книге играет сравнительно-исторический анализ. Я, например, не мог пройти мимо тезиса, подкрепленного европейскими и даже японскими параллелями, о том, что картография, оставшаяся редким явлением в Средние века, «возникла на пепле провинциализма и партикуляризма, регионального покровительства и присоединения и являлась как инструментом, так и результатом... формирования государства и национальной интеграции» (С. 35). Следовательно, быстрое развитие русской картографии в XVII веке косвенно указывает на исторический «возраст» страны: начало Нового времени, что может послужить важным аргументом в нескончаемом споре о том, к какой эпохе, Средневековью или раннему «модерну», следует относить допетровскую Русь.

Впечатляют также сделанные на основе сравнения русских и европейских чертежей и карт выводы о различиях в положении несвободных (соответственно, крепостных крестьян и рабов) в Московии и колониальной Америке, а также о разных методах колониальной политики России и европейских держав.

Вышедшая в издательстве Корнеллского университета в 2006 году книга «Картографии царства» была высоко оценена и американскими историками, и российскими исследователями⁷. Справедливости ради надо, однако, упомянуть, что в хоре похвал прозвучали и отдельные критические ноты: так, Честер Даннинг отметил, что его не убедил тезис автора о том, что «московская теория империи» была на практике менее жестока, чем западный империализм⁸. Тем не менее и критики не могли не признать новизну и оригинальность исследования Кивельсон.

В заключение необходимо сказать несколько слов о проблемах перевода. Терминология американского издания подверглась существенным изменениям. В соответствии с желанием Валери приблизить язык к реалиям Московии XVII века, мы с переводчицей Наталией Мишаковой заменяли используемые в оригинале вневременные понятия вроде «солдат» (soldiers) или «клерков» (clerks) на термины эпохи: «служилые люди», «подьячие» и т.п. Труднее было подобрать соответствия научным терминам, у которых до сих пор нет аналогов в русском языке. Довольно долго, например, не удавалось найти адекватный перевод понятия «human geography», которое несет весьма важную смысловую нагрузку в книге Кивельсон. Перебрав разные варианты («социальная география», «гуманитарная география»), мы наконец остановились на «человеческой географии», и решающим аргументом послужило то обстоятельство, что указанное выражение уже однажды было употреблено — в русском переводе статьи Люсьена Февра⁹.

Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность коллегам, оказавшим мне помощь в проверке архивных цитат, уточнении тер-

минов и реалий: О.Е. Кошелевой (Институт всеобщей истории РАН), М.Ю. Зенченко (РГАДА), П.В. Седову и З.В. Дмитриевой (Санкт-Петербургский институт истории РАН), а также И. Р. Соколовскому (Институт истории Сибирского отделения РАН).

Надеюсь, что с выходом русского перевода книги Валери Кивельсон этот новаторский труд будет по достоинству оценен как специалистами, так и всеми, кто интересуется далеким XVII веком, эпохой Московского царства.

М.М. Кром

БЛАГОДАРНОСТИ

Ряд институтов и организаций помогли мне в проведении исследований и написании этой книги, и я бы хотела выразить им признательность за поддержку. Мичиганский университет и кафедра истории предоставили мне творческий отпуск и дополнительный семестр, свободный от преподавания, а также средства научно-исследовательских фондов для оплаты расходов на дорогу и фотографирование. Параллельные гранты Общества международных и региональных исследований Американского совета научных сообществ, Совета исследований по общественным наукам, Национального фонда гуманитарных наук (ACLS, SSRC, NEH International and Area Studies Fellowship) и Института гуманитарных наук Мичиганского университета (University of Michigan Institute for the Humanities), где я получила стипендию семьи Хантинг, позволили мне завершить основную часть работы. Благодаря краткосрочной стипендии IREX на оплату дорожных расходов я смогла совершить важнейшую исследовательскую поездку в Россию. Дополнительная поддержка от вице-президента по исследованиям, Колледжа литературы, наук и искусств, кафедры истории и Центра российских и восточноевропейских исследований при Мичиганском университете сделали возможной публикацию этой книги.

Я бы хотела поблагодарить многих людей, которые помогли мне на долгом пути написания этой книги. Андрей Булычев вдохновил меня на этот проект, отправив мне фотокопии нескольких карт для иллюстраций моей первой книги. Кроме того, он оказал мне огромную помощь в архивных исследованиях, как и Ольга Кошелева, а также другие сотрудники РГАДА. Дэниел Роулэнд заставил меня всерьез задуматься об этом проекте, когда пригласил участвовать в семинаре на тему «Архитектура и идентичность в русской истории», в результате чего появилась моя первая статья о картах. В течение досадно долгих лет, прошедших после семинара, многие люди читали и слушали мою работу и делились ценными крити-

ческими замечаниями и предложениями. Ив Левин помогла проекту, предложив опубликовать получившуюся в результате статью — более раннюю версию главы 4 — под названием «Души праведных в светлом месте: Ландшафт и православие на русских картах семнадцатого века» (*Russian Review*. 1999. January. Vol. 58. P. 1–25).

Героическая пятерка — мои друзья Сью Джастер, Майкл Ходарковский, Вик Либерман, Дэн Смайл и Элиз Виртшафтер — прочитала рукопись целиком, а некоторые из них — не один раз.

Другие люди высказывали критические и ценные замечания в отношении отдельных частей моей работы. Я хочу поблагодарить каждого из них. В Мичиганском университете, в Центре российских и восточноевропейских исследований и в Институте гуманитарных наук мне посчастливилось иметь отзывчивых, заинтересованных и интересных коллег на кафедре истории. За помощь, советы и поддержку я благодарю Евгения Аврутина, Джейн Бербанк, Боба Грина, Сою Лурманн, Дага Роджерса, Билла Розенберга и особенно Рона Суни. Специалисты по картографии Мичиганского университета Мэтью Эдни, Карл Лонгстрет, Мэри Педли, Нейл Сейфьер и Вэл Трауб оказали огромную помощь во всех вопросах, связанных с картами. Мэри Педли — образец ученой эрудиции и доброты — мягко направляла меня в мире картографической истории.

За пределами Мичиганского университета я получила горячую поддержку от многих людей. Мои друзья и коллеги в Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (AAASS; ныне Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований — ASEES) живо откликнулись на мою работу. Я благодарю Марка Бассина, Леонида Чекина, Дэвида Голдфрэнка, Чарльза Гальперина, Сашу Хо, Дэна Кайзера, Нэнси Коллманн, Ив Левин, Маршалла По, Дона Островского, Майкла Флайера, Изольду Тире и Дэна Уо. Кэтрин Делано-Смит также поддержала этот проект и опубликовала раннюю версию главы 2 в журнале «*Imago Mundi*» (*Cartography, Autocracy and State Powerlessness: The Uses of Maps in Early Modern Russia // Imago Mundi*. 1999. Vol. 51. P. 83–105). Также спасибо Джону Акерману и Карен Лаун из издательства Корнеллского университета (Cornell University Press) и Кэролин Паунси, проявившим энтузиазм, гибкость и жесткость в процессе публикации.

За помощь и содействие в публикации русского перевода я бы хотела поблагодарить в первую очередь Михаила Крома, который поддержал этот проект и довел его до завершения, Михаила Долбилова и сотрудников издательства «Новое литературное обозрение», и более всего Наталию Мишакову за ее прекрасный перевод. Я рада поблагодарить кафедру истории и деканат Колледжа литературы, наук и искусств в Мичигане за финансовую поддержку, а также Джона Уэсли-Хилла за его неустанные

труды по поиску русских версий цитат, которые необходимо было восстановить в первоначальном виде.

Я обязана Библиотеке Хоутона Гарвардского университета (Harvard University's Houghton Library) и Библиотеке карт Пьюси (Pusey Map Library) за доступ к собранию русских чертежей Багрова, включающему «Хорографическую книгу» Семена Ремезова, его общую карту Сибири и карту Сибири Спафария, а также к широкому набору европейских карт раннего Нового времени и карт Нового Света, к которым я обращалась для сравнения.

В России мне посчастливилось воспользоваться помощью и поддержкой многих людей и организаций. Я чрезвычайно благодарна покойному М. П. Лукичеву, директору Российского государственного архива древних актов (РГАДА), за его безмерную поддержку моей работы и разрешение фотографировать и воспроизводить любое количество карт из архивного собрания. Сотрудники с терпимостью относились к моим жадным запросам на бесчисленные, громоздкие чертежи и кипы сопровождающих их юридических документов. За последние годы сотрудники РГАДА оказали мне неоценимую помощь, указывая на соответствующие неопубликованные архивные руководства и указатели. Я также благодарна Отделу рукописей Российской государственной библиотеки за разрешение использовать «Чертежную книгу» — шедевр Семена Ремезова, сотрудникам Государственного военно-исторического архива за разрешение рассмотреть и воспроизвести «Общую карту Сибири» 1673 года, а также Отделу рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге за предоставленный доступ к «Служебной чертежной книге» Ремезова и разрешение фотографировать и воспроизводить эти, еще не опубликованные, изображения. Я также хотела бы поблагодарить Джима Акермана за помощь в работе с Собранием карт Библиотеки Ньюберри, а также Пашу Джонсона и Предрага Матеича из Хиландарской библиотеки Университета штата Огайо и монахов Хиландарского монастыря на горе Афон за предоставленный доступ к микрофильмам космографий. В Париже Андрей Берелович и Владислав Назаров ввели меня в международный кружок историков Древней Руси, за что я их благодарю.

Я бы хотела поблагодарить Алексея Владимировича Постникова за то, что он помог мне открыть двери архивов. Эрудированный и элегантный, он без колебаний приветствовал меня, новичка в истории картографии, и с самого начала беспрестанно оказывал мне помощь и поддержку. Владимир Святославович Кусов и Светлана Ивановна Сотникова установили вдохновляющий стандарт творческого анализа. Мои русские друзья и коллеги из некартографических сфер также постоянно предлагали поддержку, помощь с переводом и содействие в логистических и научных вопро-

сах. Это Елена Борисовна Смилянская, Елена Николаевна Швейковская, Ольга Евгеньевна Кошелева и Михаил Маркович Кром. В Москве Сергей Романюк, Галина Овчинникова, Людмила и Полина Белкины, Роберт и Катя Лангеры принимали у себя и угощали, а также поддерживали мой дух и подпитывали интерес. В Петербурге мне повезло попасть в «кружок двух Тань». Я благодарю Джоан Нойбергер и Луизу Макрейнольдс за то, что они пригласили меня в это удивительное общество.

Джоан Нойбергер была участницей этого проекта на каждом его этапе. Кому еще так повезло, чтобы иметь друга, попутчика, коллегу, сотрудника и критика, интересующегося Иваном Грозным и при этом являющегося двоюродной сестрой? Единственное, о чем я жалею, заканчивая этот проект, это о том, что мы не сможем больше вместе над ним работать. Я наслаждалась каждой минутой этого сотрудничества.

ВВЕДЕНИЕ

Хорошая карта стоит тысячи слов, — говорят картографы, и они правы: потому что она *создает* тысячу слов: она порождает сомнения, идеи. Она ставит новые вопросы и заставляет искать новые ответы.

Франко Моретти. Атлас европейского романа, 1800—1900

Карты полны удивительного очарования для человеческого воображения. Они говорят о путешествиях и приключениях, исследованиях и открытиях, а научные карты, известные нам сегодня, предлагают спокойно отстраненный, объективный, богоподобный взгляд на мир сверху. Разноцветные и нарядные карты Средневековья и начала Нового времени обладают другой, скорее эстетической, внешней привлекательностью с их декоративными завитками, иллюстративными картушами и океанами, населенными морскими чудовищами. Создатели товаров без конца обыгрывают привлекательность древних карт: изысканные канцелярские принадлежности, высококачественные настенные календари, глобусы цвета сепии и галстуки ко Дню отца — все они соблазняют покупателя темами старинной картографии.

Несколько лет назад в поисках иллюстраций для книги об уездных землевладельцах я натолкнулась на большую коллекцию нарисованных от руки карт земельных участков XVII века. Эти русские карты, подобно европейским, оказались очаровательными и интригующими. Выполненные от руки, часто в нескольких черновых и лишь затем в окончательном варианте, подкрашенные акварелью, эти карты в большинстве своем составлялись уездными подьячими и отставными дворянами и детьми боярскими для использования в судебных процессах по поводу споров из-за недвижимого имущества. Эти русские рукописные карты не были изготовлены профессиональными картографами, их не печатали в богатых изданиях, как знаменитые голландские и английские карты, они не стремились изобразить весь мир, ни даже его существенную часть, и были столь же скромны, как и цели, которым они служили.

Как только я увидела эти прекрасные рисунки, я поняла, что недостаточно воспроизвести их в качестве иллюстраций: этот источник настоятельно требовал интерпретации, которая почти не проводилась до сих пор.

Само существование этих карт заслуживало внимания. Жители Московии в целом были молчаливым народом, не желавшим или не имевшим склонности излагать абстрактные идеи и эмоциональные реакции на бумаге. «Молчание Московии» приобрело культовый статус в научной литературе. Западные путешественники уже в XVI и XVII веках отметили отсутствие любопытства к окружающему миру у москвитов, чье явное равнодушие стало неотъемлемой частью устойчивого образа России вплоть до эпохи Петра Великого. В России начала Нового времени было создано мало значительных описательных или аналитических источников, ставших классическими трудами в западных библиотеках. Письменные источники в общем и целом ограничивались административным и церковным жанрами почти до самого конца XVIII века. Изобразительные памятники обычно были сосредоточены у декоративного и теологического краев репрезентативного спектра, свидетельствуя о нежелании отображать природный мир.

Однако москвиты все же создавали карты, называемые *чертежами*, в допетровский век и в первые годы правления Петра I, и создавали их сотнями. Необычные своим светским содержанием и привлекательные нарядной, народной эстетикой, эти чертежи-карты еще должны удостоиться широкого внимания и интерпретативного анализа. Русские и советские географы и картографы описали их картографические и (незначительные) научные достоинства, а несколько западных историков кратко упомянули о них мимоходом. Отдельные фрагменты карт появлялись в качестве иллюстраций к работам по другим предметам, но мало кто уделял им внимание как источникам, несущим свой собственный смысл¹. Изготовленные местными чиновниками, уездными служащими и горожанами, карты изображают непосредственный окружающий мир так, как художники-любители посчитали нужным его изобразить. Выполняя свою задачу, непрофессиональные составители карт принимали решения о том, что включать, а что не включать, как представлять различные свойства ландшафта, что выделить как значимое и важное и какие символы использовать для отображения физического мира. Эти простые, ярко раскрашенные цветные чертежи-карты, украшенные деревьями, речками, церквушками и домишками, представляют собой уникальное средство для изучения некоторых самых интересных вопросов истории раннего Нового времени в России. Их детальные образы помогают подобрать ключ к пониманию того, как серьезные вопросы государственной политики и высокой церковной теологии отражались на земле, в жизнь и опыте обычных людей, а точнее, как восприятия географии и окружающей среды формировали социальный опыт населения и формировались им. Анализируя образы карт в контексте связанных с ними документов, в данной книге я исследую

власть и обычаи московского самодержавия и православную культуру в жизненном опыте подданных царя, живших в глубинке.

Согласно каталогу В. С. Кусова, с XVII века сохранилась почти тысяча карт России, включая как иностранные карты, так и карты местных картографов². Более половины сохранившихся карт — это подробные чертежи очень небольших районов, крупномасштабные топографические карты, составленные в связи с имущественными тяжбами. Карты такого типа стали базой источников и темой первой половины этой книги, посвященной имущественным делам в Европейской России. Почти пятьсот таких карт (492, по моим последним подсчетам) сохранилось в архивном собрании Поместного приказа — главного административного органа, осуществлявшего контроль над землевладением. В них документально отображены имущественные споры со всех уголков Европейской России. На рисунке 1 показано их распространение. Сохранились чертежи из каждого города и области, указанных на карте. Благодаря педантичным процедурам архивации, которых придерживались московские делопроизводители, а затем их имперские и советские наследники, большинство карт сохранилось наряду с протоколами судебных дел, в связи с которыми они были представлены, поэтому их можно точно датировать и установить обстоятельства тяжбы. Все поддающиеся датировке карты из собрания Поместного приказа относятся ко второй половине века, и все, за исключением шестидесяти девяти, — к последней четверти века. Тот факт, что карты сохранились вместе с относящейся к ним документацией, несколько необычен для истории картографии начала Нового времени. Если историки Московского государства, как правило, с завистью смотрят на количество и разнообразие сохранившихся первоисточников в западноевропейских архивах, то в данном случае дотошные московские бюрократы сберегли и удобно снабдили перекрестными ссылками такое сокровище архивных материалов, которое может заставить позеленеть специалистов по ранней Новой истории Запада. Благодаря контексту, предоставленному судебными протоколами, карты раскрывают гораздо больше сведений, чем содержится в одном изображении.

Большинство сохранившихся карт земельных участков представляют собой грубый набросок черными или цвета сепии чернилами, но многие нарисованы красивыми цветами осени: реки — синим или зеленым; дороги — коричневым или серым; деревни — оттенками желтого или охры. Они мгновенно очаровывают зрителя прелестными деревьями, растущими вверх, вниз или поперек и вдоль дорог и рек, своей смешанной или расходящейся перспективой и полным отсутствием постоянного масштаба или ориентации. Иногда в верхней части карты окажется улыбающееся солнце (или два!), обозначающее направления, как на карте из Калуги,

воспроизведенной на вклейке 1, где одно из солнц названо за[кат] или «за[пад] летней», а другое — «восток летней», что указывает на северную ориентацию карты. Но большинство карт лишено основных указаний и содержит многочисленные одновременные ориентации. Многие карты довольно большие, порядка трех-четырёх футов в ширину, и рисовались из нескольких точек, по мере того как автор перемещался вокруг листа бумаги. Здания и деревья обращены вверх, вниз или поперек, в зависимости от местоположения или точки зрения художника в данный момент. Таким образом, у них несколько ориентаций, и их нужно читать со всех четырех сторон. Чаще всего в качестве показателя относительной ориентации используется направление течения рек и ручьев, которое значило для местных жителей больше, чем абстрактные стрелки компаса. На некоторых картах направление надписей вдоль рек показывает направление течения рек. На других подсказку дает расположение церкви, алтарь которой находится на востоке³.

Вторая категория карт, которой посвящена вторая половина книги, отображает гораздо более крупные участки территории в значительно меньшем масштабе. Это ранние карты Московского царства и его соседей, на которых заметен особый интерес к пограничным районам и границам, к областям, которые были только что завоеваны и присоединены или ожидали московского завоевания. Сибирь, как крупнейшая и наименее изученная пограничная область, удостоилась большого внимания составителей карт XVII века, фиксировавших земли и народы, открытые во время экспедиций на восток. В отличие от карт земельных участков, которые создавались по местной инициативе и служили в большей или меньшей степени личным интересам в московских уездах, сибирские карты в масштабе страны, как правило, заказывали подразделения московской государственной администрации для стратегических целей царского режима. На них хорошо видны политические границы, маршруты военных поставок, укрепления и линии сообщений, а также места стратегического значения, такие как колодцы и пути передвижения кочевников. Многие из этих карт тоже сохранились вместе с приказами канцелярии и отчетами составлявших их исследователей, солдат или должностных лиц. Наряду с картами и документальными свидетельствами, в хрониках, сказках и космографиях сохранились комментарии о географии Сибири и о том, как осмыслились ее поразительные ландшафты. Такие сопутствующие тексты обогащают источники для исследования геополитического и религиозно-политического понимания мира жителями Московского царства.

Рис. 1. Европейская Россия в конце XVII века с указанием районов создания местных карт. Названия городов указывают на районы, откуда карты сохранились в собрании РГАДА (Ф. 1209. Поместный приказ).

Эти документы и карты, по-своему отображающие вопросы высокой политической значимости, удостоились большего внимания ученых, чем скромные местные карты, и многие из них были напечатаны. Главные вопросы при изучении этих карт во многом порождаются традиционными опасениями более общей научной картографии и дипломатической истории. Были ли эти карты точными с научной точки зрения? Какими способами велась съемка и устанавливались долгота и широта? Какие инструменты использовались при их составлении? Насколько точно были установлены границы с соседними государствами?

Поскольку история картографии кардинально преобразилась, изменились и типы вопросов, которыми она занимается. Исследователи культурной географии, вдохновленные в значительной степени работами Анри Лефевра, под маской внешнего научного нейтралитета смогли выяснить, что карты умело скрывают свою собственную силу как инструмента строительства государства, политического доминирования и социального контроля. Вот что пишет Марк Монмонье в колоритном отрывке своей остроумно озаглавленной книги «Как лгать с помощью карт»:

Карта — это идеальный символ государства. Если ваше великое герцогство или родовые владения выглядят потертыми, захудалыми и изношены по краям, просто возьмите лист бумаги, отметьте несколько городов, дорог и ландшафтных характеристик, нарисуйте четкую и жирную границу вокруг территории такого размера, на который вы осмеливаетесь претендовать, закрасьте, добавьте название, возможно, поставив перед ним для более сильного впечатления слово «Республика», и — presto: теперь вы лидер новой, суверенной, автономной страны. Если кто-то в этом сомневается, просто покажите карту. Ваше новое государство теперь существует не только на бумаге, оно есть на карте, а значит, оно должно реально существовать⁴.

Монмонье предполагает, что картам присуща некая утверждающая сила. Такое скептическое отношение к нейтральности и фактическому содержанию карт развязало руки историкам культуры, которые погрузились в историю картографии и нашли способы прочитать послания о гендерных, классовых, религиозных и других культурных течениях в чисто фактических, на первый взгляд, очертаниях карт⁵.

Вдохновленная этой увлекательной литературой, а также развивающимися областями культурной географии и науки о пространстве, в данной книге я решила отставить в сторону все вопросы научной точности и способов съемки, предоставив моим коллегам-географам определять картографические достоинства и операции, лежащие в основе составления карт

Сибири, а также восточных и южных границ Московии. Помимо инструментальной функции московские карты выполняют важную экспрессивную функцию, и именно эту экспрессивную функцию я пыталась понять в первую очередь. Несмотря на то что они были созданы для административных целей в официальных царских ведомствах, на пограничных заставах и в судах, карты отражают более глубокие предпосылки и установки своих создателей и таким образом рисуют яркую картину взаимодействия политики, культуры и веры.

Второе направление истории картографии и культурной географии оказалось не менее плодотворным: это изучение трансформирующей силы, присущей картам, особенно в силу авторитетного, научного представления территориального деления, имущественных прав и политического контроля, характерного для западной картографии со времен научной революции⁶. Карты не только устанавливают границы территории, которые позднее можно узаконить, но также могут трансформировать понимание и восприятие пространства, места и власти у зрителей. Из-за недостатка свидетельств о восприятии, воспроизведении или распространении рукописных карт Московии, сохранившихся в единственных экземплярах в официальных архивах, эти утверждения, даже с изменениями, учитывающими совершенно ненаучную форму чертежей-карт XVII века, можно лишь в ограниченной степени отнести к случаю Московского государства. Тем не менее я надеюсь, что эта книга докажет, что карты не только отражали отношения и ментальные установки жителей Московии, но также служили наряду с другими текстами и практиками для подкрепления и принятия определенных способов понимания и узаконения земельных и пространственных притязаний. Московские карты иллюстрируют глубоко укоренившиеся представления о естественных и правильных отношениях между людьми и местами, а эти представления, в свою очередь, имели влияние в реальном мире политики, закона и правопритязаний. Составители карт изображали мир таким образом, который был понятен им самим, в контексте своего опыта и своей ментальной вселенной. Эти изображения устанавливали примерные параметры, через которые последующие пользователи и зрители могли увидеть правильное и естественное устройство местности. После того как карты нарисовали, их обычно хранили в административных и военных учреждениях, где круг пользователей и зрителей представлял собой небольшую, но весьма значимую группу, в которую входили чиновники, администраторы, воеводы и помещики, самым непосредственным образом заинтересованные в процессах передачи, обоснования и утверждения контроля над землями.

В своем новаторском исследовании географии европейских романов Франко Моретти предполагает, что карты могут быть полезны в качестве

«аналитических инструментов: они необычным образом вскрывают текст и выносят на свет отношения, которые иначе оставались бы скрытыми»⁷. Именно в таком духе я подхожу к картам Московского государства XVII века, составляющим основу данной работы.

Карты подталкивают нас к переосмыслению российской истории с новой, пространственной, точек зрения. Такая пространственная перспектива, в свою очередь, поднимает новые вопросы и предлагает новые ответы на вопросы старые и более знакомые, такие как: природа самодержавия, распространение крепостничества, расширение имперского господства, значение православного христианства, роль субъекта в политическом сообществе. Возвращение к классическим темам русской истории с географической и картографической точки зрения проливает свет на дотоле скрытое значение физического местоположения и природной среды в московском политическом и культурном порядке. Пространственные и территориальные факторы внесли свой вклад в формирование того, как жители Московского государства понимали свое место в божественном и человеческом мире, и далее повлияли на формирование московской политической и социальной системы. Через свое конкретное местоположение в Русском царстве москвиты понимали свое отношение к более крупному целому. На основе своей пространственной принадлежности московские подданные получали средства к существованию, просили защиты у царя и судей, получали признание как члены более широкого политического и социального сообщества и непосредственно общались со своим Богом. Центральный аргумент этой книги состоит в том, что географическая перспектива открывает новые взгляды на то, как москвиты строили политическое общество из широко разбросанных кусочков самодержавной империи. Историки России изучали стратегии интеграции, выработанные царским режимом для создания своей собственной законности и подкрепления своей власти принуждения согласием среди населения⁸. Я утверждаю здесь, что пространство было одним из самых важных посреднических и объединяющих факторов, которые привязывали подданных к царю отношениями подчинения и в некоторой степени также и права. Упуская пространственные отношения, историки не замечают одну из уникальных черт московской политической культуры. Будучи огромной территорией, Московия простиралась через Евразию к Тихому океану уже к 1640-м годам. На таких расстояниях определить местонахождение людей, идентифицировать их и привязать к месту было столь же насущной задачей, как и идентифицировать людей по чину и сословию. В то же время и государство, и его непокорные подданные продолжали продвигаться сквозь пространство и по континенту. Мобильность и ее отсутствие контрапунктом проходят через всю эпоху Московского государства⁹.

Я честолюбиво надеюсь, что изучение карт и географического воображения в последующих главах сможет внести свой вклад в разрешение извечного вопроса о том, что есть русского в России. Есть ли что-то, что отличает ее и делает уникальной? И что это? Данный вопрос всегда присутствует в обсуждениях этого загадочного государства и народа. Он возникает в газетах и телепрограммах, в бесчисленных книгах и романах, в самой России и за границей, и это происходит с начала XIX века. Стремление установить и определить сущность России, по-видимому, порождает бесконечные размышления. Даже выяснение того, где находится Россия, дает пищу для споров. География вносит значительный вклад в ее притягательность и ускользающий характер. С начала Нового времени люди недоумевают, где она находится: в Европе или в Азии? Исследователи, которые бились над этим вопросом, попеременно выбирали то первое, то второе, представляли себе Россию, разделенную на две части Уралом или Доном, а наиболее изобретательные создали для России специальный неологизм — Евразия, к которому прилагался гибридный культурный профиль. Только в конце XVI века, а затем более активно в XVII веке русские сами начали предпринимать попытки составлять карты своей страны с помощью отдаленного подобия системы. Составителей этих карт не беспокоила двусмысленность расположения на двух номинальных континентах; вместо этого они посвящали свои усилия нанесению на карты огромных малоизвестных участков на востоке между Московией и Тихим океаном, Северным морем и пустыней Гоби¹⁰.

Однако каждый, даже лишь мимолетно знакомый с Россией, согласен в одном. Россия огромна, «она столь велика, что раскинулась на 10 часовых поясов и два континента», как пишет «Нью-Йорк Таймс»¹¹. Размеры России — это очевидный географический факт, но его значение остается таким же противоречивым, как и любой другой аспект загадочного народа, политики и культуры России. Исследователи призывали географию на помощь, пытаясь объяснить ряд аспектов исторического развития России. С. М. Соловьев, историк XIX века, приписывал упадок культуры в период между Золотым веком средневекового Киева и суровыми веками московского правления перемене климата: от солнечного тепла украинского юга к неумолимому холоду московского севера. Великий социальный историк В. О. Ключевский объяснял распространение крепостничества естественной реакцией на широкие и открытые просторы российских степей, которые манили работников свободой и таким образом угрожали лишить московскую экономику столь необходимой рабочей силы. У землевладельцев не было иного выбора, кроме как привязать крестьян к земле¹². Екатерина Великая объясняла французскому философу Дени Дидро, что Россия слишком велика и разнообразна, чтобы ею можно было управ-

лять как другими государствами. Она требует более жесткого, самодержавного правления¹³. Идея о том, что экспансионистская внешняя политика России выросла из «стремления к морю» или желания иметь порт в теплых водах, завоевала огромную и стойкую популярность во время «холодной войны». В постсоветской России мистические географические теории неоевразийца Льва Гумилева захватили воображение широкой, националистически настроенной публики и превратили географию России в политически заряженный пробный камень мобилизации националистических сил.

Эти и другие широкие интерпретации российского исторического развития выросли из геополитических прочтений места России на карте. Карты можно читать не только как инструменты или с точки зрения обоснования какой-либо доктрины, а видеть в них выразительные метафоры создавшей их культуры. Читая карты и географические отчеты как текстовые и наглядные источники, мы получаем возможность по-другому взглянуть на историю Московского государства или рассказать другую историю. Мы не можем обещать исчерпывающе ответить на вопрос «что такое Россия?» в этой книге, но мы можем, сосредоточившись на пространстве, месте и ландшафте, предложить свое толкование того, как русские понимали и активно формировали свое место в природном и рукотворном мире, в своей социальной среде, в политическом обществе российского царства и в созданном божественной силой космосе. Если читать карты как культурные конструкции, а не прозрачные отражения географической реальности, они могут помочь нам воссоздать отношения москвитов к собственности и крепостному праву, дикой природе и пахотным полям, политической принадлежности и общественной жизни, колониальной экспансии и миссионерской деятельности — и все это в контексте более широкой повести христианского спасения.

Основная гипотеза этой книги состоит в том, что москвиты воспринимали свою роль в мире в значительной степени в терминах пространства. Эта предпосылка позволяет исследовать использование и понимание пространства не только как важной детали нисходящей структуры государственного завоевания и контроля (точка зрения, выраженная в вышеприведенной цитате из Монмонье), но и как важной категории, через которую обычные москвиты осознавали, изменяли и обговаривали свое место в мире. Царское государство определяло своих подданных, их жизни и судьбы в соответствии с тем пространством, которое они занимали, а московские подданные, в свою очередь, заявляли о себе как об обитателях определенных мест. Концепция «Земли Русской» была наделена культурной и мобилизующей силой уже в средневековых источниках. Хроники и сказания призывали князей сплотиться, чтобы защитить Землю Русскую

от захватчиков, а священнослужители молили князей прекратить вражду, чтобы Земля Русская не погибла. «Земля» и «народ» лишь незначительно различались в терминологии Московского государства. Слова «род» и «земля» могли быть взаимозаменяемы, что и происходит на картах, так же как и в хрониках, сказаниях и дипломатических документах. Политические и династические последствия обращения к Земле Русской были глубоко исследованы, но смыслы, концептуально присущие самой земле, остались неизученными. Что бы ни отображали москвиты — границы отдельных пахотных земель, пастбищ или обширных просторов Сибири, — они считали, что социальная и политическая принадлежность вписана в камни, леса и поля тех мест, которые они населяли. Ландшафт принимал как политическое, так и теологическое значение, выходящее далеко за рамки своих объективных географических характеристик, и играл роль в определении и воплощении смысла принадлежности к православному Московскому царству.

Конец XVI — XVII век — это время, когда пространственное мышление и движение в пространстве стали чрезвычайно важны в Московии. Два великих события той эпохи российской истории по своей сути касались пространственного контроля и передвижения в пространстве: закрепощение крестьян и территориальное формирование империи. В основной части России именно в этот период крепостное право закрепилось в юридической системе и способе социальной и культурной организации. Начиная с первых указов, ограничивавших движение крестьян в конце XVI века, через отмену закона об ограничениях на возвращение беглых крепостных в 1649 году и до постепенного закрытия лазеек для освобождения и ужесточения крепостных норм в конце XVII века это была эпоха, когда людей стали определять по месту их проживания. Не только крестьяне, но также и горожане, духовные лица и даже дворяне и дети боярские получали идентичность, привилегии и средства к существованию благодаря законной связи с определенным участком земли. В общественных контактах москвиты всех слоев общества идентифицировали себя по своему социальному классу и территориальной принадлежности и получали признание своих прошений и ходатайств потому, что принадлежали к определенному месту. Путешественники, независимо от того, передвигались ли они внутри Московского государства или пересекали его границы, должны были иметь транзитные документы, разрешающие перемещение, потому что, после того как они покинули предписанное место на земле, их социальное положение становилось туманным и сомнительным. Я утверждаю, что такой, в своей основе пространственный, способ восприятия общества и царства давал москвитам всех сословий доступ к членству в большом русском политическом сообществе и в то же время захлопывал двери к

географической и социальной мобильности. Резко ограниченные в своих передвижениях законодательными нововведениями, москвиты одновременно получали некоторую гражданскую идентичность и защиту своих притязаний на землю и ее продукцию через общественное признание своей связи с определенным местом.

Имперская экспансия и завоевание тоже по существу касаются движения через пространство и обустройства в нем. Завоевание и колонизация затрагивают различные интересы, главным образом экономические и политические, но стремление к прибыли и власти обязательно сопровождается имперским пространственным воображением. Московия, как и современные ей империи Нового Света, должна была выработать способы представления завоеваний больших территорий и закрепления на этих землях своих людей — как колонизируемых, так и колонизаторов. Предпринимая сложные и подчас противоречивые шаги, московские власти вынуждены были нарушать многие из своих собственных фундаментальных установок, чтобы заселить просторы Евразии и обезопасить оборонительные рубежи на юге. Режиму постоянно требовалось все больше русских крестьян и солдат, чтобы накормить и укомплектовать сторожевые крепости, и поэтому приходилось отказываться от своей приверженности к стабильной неподвижности крепостного права и поощрять, явно или скрыто, расселение русских вдоль границ империи¹⁴. Однако при стремлении получить меха и дань от завоеванных сибирских племен, власти пытались воссоздать упорядоченную, зафиксированную в реестрах неподвижность центра страны среди кочевых племенных народов тайги, тундры и степи. Разрываемая между свободой и строгостью, мобильностью и ее отсутствием, Московия оказалась лицом к лицу с безотлагательными и насущными проблемами территориальности как в колониальных, так и во внутренних владениях.

Через исследование этих двух сфер политического и территориального мышления, а именно: крепостного права в центре и имперской экспансии в Сибири, в книге рассматриваются два наиболее значимых аспекта истории Московского государства в XVII веке. Некоторым читателям может показаться, что смещение точки зрения и переход к другой базе источников во второй части книги создает приводящий в замешательство разрыв, а объединение двух частей в одну книгу — вынужденный союз, но я надеюсь показать, что эти две части на самом деле образуют единое целое, так как в них исследуются дополняющие друг друга аспекты интереса XVII века к использованию пространства и его значениям. С точки зрения государства и опыта его подданных нанесение центральных и пограничных районов страны на карты представляло собой две составляющие единого проекта: с одной стороны, создание царской территориальной империи и ее

консолидация в воображении людей, а с другой — интеграция и включение разнородного населения, прикрепленного к определенным местам и идентифицируемого через связь с ними, в пространство этой империи. Места создавали подданных царства, а совокупность мест составляла царство во всей его полноте. Мощное политическое и территориальное воображение Московии XVII века имело длительные последствия в реальном мире, которые прослеживаются до сих пор в очертаниях постсоветских пространств и государств¹⁵.

Я исследую значение пространства для двух взаимосвязанных блоков вопросов в контексте крепостного права и империи. Первый блок вопросов касается московских политических и социальных структур. Самое распространенное и часто повторяемое предположение в отношении российской политической системы состоит в том, что она представляла собой самодержавное государство под управлением деспота-царя. Истинность этого утверждения многократно подкреплялась впечатлениями западных путешественников того времени, которые не обнаруживали здесь знакомых средств защиты и свобод своей родины, а также историческими свидетельствами, которые усиливают впечатление полного неуважения к личным свободам и неотъемлемым естественным правам. Не имея даже концепции равных прав и свобод — следует логическое рассуждение — московиты должны были страдать под тираническим контролем ничем не ограниченного правителя. Этот стойкий аргумент трудно опровергнуть с точки зрения положений, установленных западноевропейской правовой моделью.

Но если мы посмотрим на то, что было, а не на то, чего не было, мы увидим поправки к этой картине, показывающие общество со своими собственными, совершенно отличными формами прав, привилегий и статусов людей как подданных царя. Пространственное и территориальное мышление способствовало формированию гораздо более интерактивного и всеобъемлющего государственного строя, чем обычно представлялось при рассмотрении Московии при самодержцах Романовых. Московские карты и географические источники иллюстрируют пространственную концепцию членства в сообществе подданных царя и правоверных христиан. Карты позволяют нам увидеть подданство в Московском государстве как набор обязательств и прав, корни которых лежат в самой земле. Связанные неразрывно религия, закон и пространственные отношения в совокупности создали прочную основу, на которой бесправные и беззащитные — крестьяне, крепостные и завоеванные племена — могли идентифицировать себя как подданных Бога и царя. Будучи подданными Московской империи, что подтверждалось их пространственным положением в этой империи, они могли на законном основании видеть себя активными, полнос-

тью признанными членами всеобъемлющего и особо благословенного общества. Как подданные царя и жители его царства, они имели право на основные средства защиты, правосудие и гарантии подданства. Последующие главы продолжают эту линию пространственного мышления и рассматривают географическую основу распространенных правопритязаний, начиная от лугов и болот в Центральной России до просторов Сибири. В дальнейших главах прослеживаются последствия этого мышления для земельной собственности, крепостного права и подневольного труда, имперской экспансии и нерусских субъектов колониального завоевания.

В системе жесткого неравенства, построенной на насильственно подерживаемых властных иерархиях, даже находящиеся на самом низком уровне крепостные крестьяне и сибирские кочевники имели свое место в государстве. Признавая дифференциальные права, основанные на географическом положении, и предлагая юридическую защиту этих прав в судах, Московская империя создала имперскую систему раннего Нового времени, которая покоилась на форме административной интеграции, основанной не на ассимиляции и не на чисто принудительной власти. Вместо этого она строилась на признании и принятии особенности и категориальных различий¹⁶. Пространственные категории чина и принадлежности давали одно из наиболее всеобъемлющих средств, с помощью которых можно было осуществить такое принятие. Рассмотрение пространственных притязаний как основы права и признания в государстве дает нам отличную возможность поставить под сомнение и переформулировать укоренившиеся клише по поводу царской тирании.

Второй блок вопросов, рассматриваемых главным образом в центральных главах книги, касается крайне религиозного и специфически православно-славянского аспекта изобразительной и текстовой трактовки природной среды на московских картах и в географических трактатах. Представляя пространство, московиты также всегда представляли свое место и роль своей земли в христианском космосе. В согласии с позитивной эсхатологией и самонадеянной теологией спасения, созданной при московском дворе, администраторы невысоких чинов — писцы и уездные служащие, составлявшие карты, а также различные сочинители и служилые люди, размышлявшие о географических вопросах, — выражали чрезвычайно оптимистическое, самоуверенное и даже высокомерное представление о России как о рае, а о русских — как об «избранном народе», само присутствие которого могло превратить обычную землю в сады Эдема. Та же религиозная убежденность, проявляющаяся в картах небольших земельных участков в центральной части России, окрашивала и московскую версию империализма и покорения соседних земель, простиравшихся через сибирские горы и равнины до Северного моря, Тихого океана и Китая. Такое

религиозное видение сформировало уникальный вид имперской миссии, основанной на отчетливо территориальном понимании значения экспансии, включавшем божественно продиктованное предназначение распространить православие путем распространения русскости по землям и рекам Крайнего Севера и Дальнего Востока.

1

МОСКОВСКАЯ КАРТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Было бы полезно представить простой рассказ об истории составления карт в России как фон и исторический контекст для анализа источников в последующих главах. К сожалению, осуществить это почти невозможно. В ранней истории России нет ничего, что можно было бы просто пересказать, и составление карт — не исключение. К счастью, споры об истории картографии идут параллельно с общей полемикой о российской истории, и, рассматривая развитие картографии, мы можем одновременно повторить краткий курс российской истории. История и историография русской картографии тесно переплетены, и темы национализма, самодержавия, империализма, секретности и недоверия возникают в них снова и снова, создавая любопытный резонанс между изучаемым предметом и процессом его изучения. Через призму картографии интересно рассматривать споры о строительстве государства, культурном развитии и характеристиках русского народа и царского режима. Таким образом, эта глава задает как научный, так и исторический контекст для последующих глав.

НАЧАЛА РУССКОЙ КАРТОГРАФИИ

Свидетельства о составлении карт в России практически отсутствуют до конца XVI века. Не имея дошедших до наших дней источников, историки картографии часто чувствовали себя вправе более или менее вольно постулировать наличие или отсутствие карт в российской культуре. Научная литература по истории картографии сильно пострадала от давления

националистической полемики, возможно потому, что длительная традиция составления карт обосновала бы претензии на засвидетельствованные достижения рациональной науки. Тем не менее, вчитываясь в текстовые источники в поисках прямых или косвенных упоминаний карт и ища их следы в архивах, историки и исторические географы провели великолепное эмпирическое исследование ранней русской картографии. Их труд позволяет составить примерное представление о пути картографического развития и сделать краткий обзор практики составления карт в Киевской (средневековой) и Московской (раннего Нового времени) Руси.

Согласно А. В. Постникову, который, несомненно, является ведущим историком русской картографии, первая сохранившаяся карта была грубо вырезана на каменной плите, известной как Степанов камень. Датированный XII веком (период расцвета Киевской Руси), Степанов камень вполне мог служить обозначением границы. Он был найден в Тверской губернии, к северу от Москвы. Если его на самом деле следует считать картой, то этот уникальный объект занимает бесспорное почетное место единственной сохранившейся карты русских земель за несколько веков¹. Следующий дошедший до наших дней картографический источник, удивительная находка последних лет, отодвинул дату древнейшей дошедшей до наших дней русской карты на бумаге ни много ни мало на полтора века. Датированная Г.М. Прохоровым самым концом XIV — первой четвертью XV века, эта карта представляет собой очень грубый набросок планировки Кирилло-Белозерского монастыря на севере России. По вполне правдоподобному утверждению Прохорова, св. Кирилл, основатель монастыря, названного его именем, мог сам нарисовать эту карту. На ней приблизительно изображены монастырские кельи, образующие три стороны квадрата, а открытая сторона смотрит на волнистую линию, обозначающую берег Сиверского озера. Небольшой овал в середине квадрата обозначает церковь, а отдельно расположенные квадраты — это кладовые и рабочие помещения различного рода. Каким бы примитивным он ни был, этот абстрактный план представляет собой поразительный прогресс для этих, в остальном лишенных карт, веков, и Прохоров объясняет его появление именно в это время, поместив его в период процветания литературных и художественных искусств — период, когда усилия по изображению реальных людей и реальных мест породили прославленные фрески Феофана Грека и Андрея Рублева. «В тот момент нашей истории, — пишет Прохоров, — наши художники словно взглянули окрест себя и отобразили божественное творение не только теологически, “очами вечного ума”, но также и через свидетельство своих “глаз телесных”»².

Следующая по хронологии карта, совсем недавно уступившая первенство рисунку из Кирилло-Белозерского монастыря, это карта земельных владений, по удивительному совпадению также из Тверской губернии. Это

небольшой чертеж на бумаге, датируемый 1533 годом³. Три упомянутых артефакта представляют собой все дошедшие до нас русские картографические источники до середины XVI века. Всегда встает вопрос: говорит ли такое отсутствие источников о том, что они не сохранились, или оно в действительности подтверждает отсутствие таких источников в рассматриваемом обществе? Другими словами, было ли создано много карт, но просто они все пропали, или карты вообще не создавались на протяжении этих веков?

Хотя открытие кирилло-белозерского чертежа существенно усложняет картину, все же кажется более вероятным, что до конца XV века, и даже в XVI, создавалось очень мало карт. Хронологический разрыв между сохранившимися картами хорошо объясняется с исторической точки зрения как общей политической и культурной сумятицей этих веков, так и рассматриваемыми далее специфическими изменениями в художественном изображении природы. XII век обозначил конец эпохи Киевской Руси — периода культурного расцвета, когда литературная и художественная элита создавала удивительные шедевры, а русские купцы и воины благодаря международной торговле и дипломатическим контактам преодолели огромные расстояния и побывали в различных странах, но, как и многие средневековые общества, Киевская Русь создавала скорее словесные описания, а не наглядные изображения территории⁴. В период между закатом Киевской Руси и подъемом и укреплением в XV веке нового государственного строя — Великого княжества (позднее царства) Московского — культурная деятельность в восточнославянских землях пришла в упадок и многие навыки и ремесла были забыты. Начало XV века — время, удостоившееся справедливой похвалы Прохорова, ознаменовало начало новой культурной активности. Обычай чеканить монеты — честолюбивый грандиозный проект конца X — начала XI века, — по всей видимости, сошел на нет в последующие века, но возродился в конце XV века, при Иване III. Подобным образом сложные техники обжига кирпича были забыты в бесполойные годы распада Киевской Руси и татаро-монгольского ига, чтобы снова возродиться только в конце XV века.

Таким образом, отсутствие непрерывной практики составления карт до подъема Москвы хорошо объясняется с исторической точки зрения, хотя некоторые и пытаются это оспорить. Не смущаясь тем фактом, что до нас дошли всего лишь две очень приблизительные и схематичные карты, созданные до 1533 года, несколько авторов смело постулируют существование в то время богатой картографической традиции. Наиболее интересен в этом отношении А. А. Тиц, чья увлеченность русскими картами и чертежами делает чтение его книги занимательным, даже когда его аргументы менее чем убедительны. Тиц утверждает, что жители Киевской Руси и первые москвиты, несомненно, должны были делать карты, а также

весьма схожие с ними архитектурные планы, потому что они были способны путешествовать на дальние расстояния и строить красивые здания. По его словам, эта практика на деле была столь рутинной, что такие планы рисовали на самых обыкновенных доступных материалах, даже на снегу и на песке, и, следовательно, именно обыкновенность привела к их полному исчезновению⁵. Прелесть этого факта в том, что его невозможно опровергнуть, но, к сожалению, нет свидетельств, которые могли бы его подтвердить. Снег и песок имеют неприятное свойство таять и сыпаться. Ретроспективное доказательство, идущее от обратного — от сложного конечного результата к гипотетической потребности в чертежах, было аккуратно опровергнуто Дэвидом Тернбуллом в исследовании строительства готических соборов в Западной Европе. Он показал, что эти соборы, гораздо более сложные, чем небольшие очаровательные каменные церкви Киевской Руси, строились, а многочисленная рабочая сила координировалась благодаря использованию шаблонов, а не нарисованных планов какого-либо рода⁶. Более того, утверждая, что за время Средневековья Русь не создала карт, мы ни в коем случае не подразумеваем, что она отставала от своих западных современников.

Средневековые общества редко создавали карты. Это общее правило подтверждается историческими фактами по всей Евразии, от Англии до Японии. В период Средневековья составление карт не являлось рутинной частью официальных действий или процедур. По мнению историка Мэри Элизабет Берри, которая рассматривает развитие японской картографии в раннее Новое время, для того чтобы люди смогли графически и схематически вообразить то, что традиционно передавалось словами как *cartes parlantes*^{*}, был необходим эпистемологический сдвиг. Берри предполагает, что составление карт началось или, по крайней мере, распространилось в Японии раннего Нового времени в конце XV века из-за распада старых моделей местных, крайне партикуляристских связей и способов представления и их последующего замещения более абстрактными, общими и поддающимися обобщению способами мышления. При таком новом способе мышления абстрактный символизм карт становился все более актуальным. Картография, таким образом, возникла на пепле провинциализма и партикуляризма, регионального покровительства и присоединения и являлась как инструментом, так и результатом более широкого процесса формирования государства и национальной интеграции. Но картографическая ментальность не может быть введена указом сверху. Чтобы эта практика широко распространилась и чтобы сопротивление кодификации, характерной для картографической абстракции, уступило место «повсеместному принятию», по словам Берри, сначала должна развиться «менталь-

^{*} Говорящие карты (франц.). (Примеч. пер.)

ность создания кодов». «Помимо навыков и потребности, [для составления карт] сначала требуется желание перевести окружающий мир в код. То есть должна существовать сильная склонность к преобразованию всего, что в окружающем мире является особенным, личным, уникальным и познаваемым из опыта, в общие, безличные, категориальные и статичные признаки». Новые «надлокальные категории» сделали возможной концептуальную схематизацию пространства и значения, что было необходимо, прежде чем составление карт могло стать общепринятой практикой⁷. Как и в Японии, карты оставались редкостью и в средневековой Европе, где их лишь иногда добавляли в качестве схематического представления земель или символических изображений христианского космоса. Если не считать отдельных карт паломнических маршрутов в Иерусалим, редких планов земельных участков и средневековых лоций берегов и морских путей, которые создавались начиная с XIII века в Италии и Иберии, карты как практические инструменты оставались в западном мире скорее исключением, чем правилом до середины XV века. С этого момента, несомненно, в Европе начинается картография. Не случайно развитие европейской картографии совпадает с ростом централизованных монархий и, как и в Японии, с первыми успешными попытками объединить разрозненные локальные режимы в более крупные и однородные государства⁸.

Было бы логично ожидать роста картографической практики также и в Московии в конце XV века, поскольку ее политический профиль очень похож на профиль проводящих централизацию европейских и азиатских государств, но в действительности русских карт составлялось в то время очень мало, и ни одна из них не сохранилась. Правление Ивана III (1462—1505) было временем впечатляющего роста, как территориального, так и административного, Великого княжества Московского. Иван завоевал и присоединил огромные территории. За время его царствования и правления его сына, Василия III (1505—1533), московские владения увеличились в три раза. Иван III руководил созданием первых зачатков бюрократии в Московии и начал распространять политическую и религиозную идеологию для легитимации своей власти. Правитель чеканил монеты, издал новый унифицированный кодекс законов и в целом открыл путь к установлению государственного контроля. По крайней мере, с конца XV века, если не гораздо раньше, великие московские князья начали заказывать подробные описания своих земель, но остается спорным наличие в этих описаниях настоящих карт. Первое свидетельство о карте, используемой в качестве доказательства в земельном иске, датируется 1483 годом и приводится Д.М. Лебедевым. В этом деле из Псковской земли чиновники великого князя начертили карту спорного участка на бересте. Затем они представили рисунок своему господину, чтобы помочь ему разобраться в расположении местности. К сожалению, эта берестяная карта не сохранилась⁹.

Начиная с XV века составлялись карты всех крупных частей русских земель, и хотя все они или их большинство до самого конца XVI века, вероятно, делались иностранцами, они включали географические сведения, предоставленные русскими информантами. Знаменитые авторы карт Паоло Джовио (1525) и Сигизмунд фон Герберштейн (1549) были обязаны соответственно русскому посланнику в Риме Дмитрию Герасимову и московскому эмигранту в Литве Ивану Ляцкому тем, что последние поделились своими знаниями о московских землях¹⁰. По мнению Б.А. Рыбакова, самые известные карты России и Татарии, опубликованные в Западной Европе, основывались на утерянной русской карте 1497 года, но Сэмюэль Барон убедительно доказывает, что, хотя такая карта, возможно, и существовала, ее тоже, скорее всего, сделал иностранец¹¹. Анализ имеющихся свидетельств говорит, что русские, как и люди во многих других обществах, до конца XVI века не имели обыкновения сами составлять карты, но при этом они обладали достаточными средствами для знакомства с географией своих земель и без этого шага¹². Таким образом, переход от географического знания к графическому нанесению на карту не является необходимым, и отсутствие устоявшейся исконной русской картографической традиции до XVI века не бросает тень на культурное развитие России.

История картографии все еще динамически развивается. Часто всплывают новые архивные находки, которые могут радикально менять контуры этой области¹³. Упомянутое выше обнаружение С.М. Каштановым карты земельного участка 1533 года передвинуло дату первой известной московской карты почти на век назад¹⁴. А совсем недавно в Восточной Европе была обнаружена копия оригинала карты Дженкинсона 1562 года, которая долго считалась утерянной. Это открытие сделало возможным любопытное переосмысление картографирования русских земель и соотношения между русским и западным географическим знанием¹⁵. Публикация Прохорова снова кардинально поменяла направление дискуссии, а будущие открытия могут привести к еще более глубокому пересмотру нынешнего понимания ранней русской картографии.

XVI и XVII ВЕКА

Ко времени Ивана IV Грозного (1533—1584) свидетельства русского интереса к картам становятся все отчетливее. Иван или его администраторы собирали копии западных карт и атласов. Несколько документов из ранних лет его правления, до его совершеннолетия, указывают на озабоченность центральной администрации составлением карт спорных земельных владений. Датированные 1534 и 1535 годами, эти документы содержат

приказы местным властям расследовать противоречивые требования тяжущихся сторон и составить карты («чертежи») спорных земель. Инструкции будто бы от самого четырехлетнего Ивана совершенно ясны. В деле 1534 года местному служилому человеку (посельскому) в Белозерском уезде было поручено расследовать и вынести вердикт в споре между тем же Кирилловским монастырем, упомянутым ранее, и двумя братьями-крестьянами, Микитой и Андреем, сыновьями Михаила. Он получил такой приказ: «...да и на чертеж бы еси тое спорную землю вычертил, да суд свой и обыск, написав на список подлинно да и чертеж вычертив, скажи мне, великому князю, поставя передо мною обоих истцев с очей на очи»¹⁶. Предположительно в результате этих расследований появились чертежи, подобные сохранившейся карте 1533 года, предшественники более детальных и многочисленных карт для имущественных тяжб XVII века.

Более того, ко времени правления Ивана в центральных царских архивах хранились хорографические и топографические карты различных регионов Московского царства. Хотя ни одна из этих уездных карт не пережила последующие столетия, их существование было зафиксировано в подробных описях государственного архива, составленных дьяками в 1570-е и 1580-е годы¹⁷. Составление карт было лишь одним из многих нововведений правления Ивана IV. Известный в истории под именем Грозный из-за своей агрессивной и переменчивой политики 1560-х и 1570-х годов, Иван IV многое сделал для строительства мощного централизованного государства. Основываясь на наследии своего дедушки, Ивана III, он продолжил процессы территориального присоединения и установления контроля. Завоевав Казанское и Астраханское мусульманские ханства на Волге, Иван IV превратил Московию в многоэтничную империю, или царство, состоявшее из различных, ранее суверенных государств. Его правление было временем впечатляющего завоевания Западной Сибири, открывшее для русской экспансии огромные просторы на востоке. Основываясь на примере своих предшественников, он издал новый сборник законов, регламентировал и упорядочил военную службу, реформировал процедуры налогообложения и местного управления и построил систему государственных приказов с постоянным штатом дьяков и подьячих. Чтобы управлять недавно увеличившимися владениями, он отправлял писцов, количество которых постоянно росло, проводить описания (составлять писцовые книги) протяженности, местоположения, населения и принадлежности земель всего царства. Земельные описания, на основании которых взимали налоги и призывали на военную службу, проводились монархиями на стадии централизации почти по всей Европе в период с XV по XVII век, и Россия не была исключением. Без тщательной переписи земель и собственности у государств не было иного способа возложить обязанности на отдельных

людей и хозяйства. Кадастры были важнейшим пунктом повестки дня монархий в эпоху централизации, поскольку они делали территории, население и ресурсы «видимыми» и «понятными» для правящих режимов. Иногда, но не всегда, монархии раннего Нового времени переводили свои описания в наглядную форму — кадастровые карты. Есть свидетельства в пользу того, что Иван IV тоже заказал составление общей карты своего царства, но в источнике об этом сказано неоднозначно, и нет никаких подтверждений того, что такой приказ когда-либо был выполнен¹⁸. Писцовые книги создали словесные карты государства и его ресурсов, но настоящее составление наглядных карт стало стандартной частью государственных переписей только во второй половине XVIII века.

Первая документально подтвержденная национальная попытка создать всеобъемлющую сводную карту всего царства была предпринята в самом конце XVI века при Борисе Годунове и получила продолжение в начале XVII века. Годунов был регентом при сыне Ивана IV, Федоре Ивановиче, а затем сам вззошел на трон, после того как Федор умер в 1598 году, не оставив наследника. Годунов интересовался картами и собрал ряд голландских изданий для царской коллекции. Его младший сын, Федор Борисович, возможно, заказал карту Москвы, поскольку его имя стоит на прекрасной карте города, датированной первыми годами XVII века¹⁹. Династия Годуновых продержалась недолго. Царь Борис умер в 1605 году, когда беспорядки уже охватили царство, а его сын был убит по приказу первого самозванца, захватившего престол. Период нестабильности и открытых военных действий, известный как Смутное время, остановил развитие картографии, но проект царя Бориса по составлению карт был завершен после повторного усиления царства при новой династии Романовых в 1613 году. Ставший его итогом Большой чертеж не сохранился до наших дней, но в этом случае имеются убедительные доказательства того, что он когда-то существовал. Оригинал погиб в пожаре Москвы 1626 года. В 1627 году Разрядный приказ заказал ему замену и вторую карту с изображением стратегических украинских территорий на юге и дороги в Крым. Последняя карта сохранилась в нескольких более поздних копиях вместе с многочисленными документами, касающимися составления карты (указами, инструкциями, квитанциями об оплате чертежникам), и Книгой Большому чертежу — подробным списком географических сведений, собранных на основе оригинального Большого чертежа и дополненных данными из писцовых книг²⁰.

Земельное описание, хотя все еще очень слабо связанное с настоящим картографированием, быстро продолжалось в начале XVII века и было неразрывно связано с развитием в центре государственного контроля и социальными трансформациями того периода. Распространение кадастро-

вой практики, будучи существенным проявлением роста бюрократического делопроизводства, сопровождало радикальную переделку социальных отношений в Московии, и таким образом это снова связывает наш обзор развития картографии с развитием Русского государства. Историки государственной политики отмечали, что кадастровые описания, как и другие административные документы, не просто отражали существующую действительность, они преобразовали эту действительность и жизненный опыт тех, кого они описывали. Роджер Дж. Кейн и Элизабет Бейджент, авторы книги «Кадастровая карта на службе государства», пишут:

Кадастровая карта — это инструмент контроля, который как отражает, так и укрепляет власть тех, кто ее заказывает... Кадастровая карта пристрастна: там, где знание — сила, она дает исчерпывающую информацию, которую можно использовать к выгоде одних и в ущерб другим... И наконец, кадастровая карта активна: изображая одну реальность, как при заселении Нового Света или в Индии, она помогает стереть старую²¹.

Развивая ту же тему, Джеймс С. Скотт замечает: «...формулы скорописи, через которые налоговые чиновники должны постигать реальность, это не просто инструменты наблюдения. Они обладают властью трансформировать отмечаемые ими факты в силу своего рода финансового принципа Гейзенберга»²². В московском случае земельные описания и составлявшие их писцы произвели полную трансформацию базовых фактов русской жизни. Московские писцовые книги фиксировали местоположение, границы и размер (с поправкой на качество) каждого участка земли, а также его владельца и проживающих там крестьян²³. Какое-то время, объезжая деревни, записывая имена, возраст, пол и местонахождение каждого крестьянина и землевладельца, государственные администраторы, разумеется, были заинтересованы в том, чтобы их налогоплательщики и военнообязанные гарантированно оставались на своих местах, чтобы никто никуда не перемещался и не нарушал описанный порядок вещей. Мелкие землевладельцы давно требовали от государства, чтобы оно привязало их работников-крестьян к одному месту и защитило их рабочую силу от похищения более богатыми и влиятельными землевладельцами. Государство, проводя перепись, каждый раз повелевало, что крестьяне должны оставаться юридически прикрепленными к тому месту, на котором они в последний раз были записаны. Завершив общую перепись сельского населения в 1645 году, режим Романовых окончательно удовлетворил пожелания мелких землевладельцев и закрепил свою собственную версию социальной стабильности, сделав обязательным постоянное прикрепление крестьян к той земле, к которой они были приписаны. Новый свод законов 1649 года завершил постепенный процесс закрепощения русского крестьянства²⁴.

Законодательно закрепленное отсутствие мобильности позволило государству гарантировать соответствие демографического распределения картине, созданной в его массивных реестрах; в результате деревня выглядела так, как она должна была выглядеть по мнению государства. Закрепощение стало следствием описательного акта, продемонстрировав обоснованность для данного случая более общего утверждения Скотта: «Государственный [кадастр], созданный для выявления подлежащих налогообложению собственников, не просто описывает систему землевладения — он создает такую систему благодаря способности придавать своим категориям силу закона»²⁵. Таким образом, составление текстовых карт было неразрывно связано с крупнейшим событием русской истории после монгольского нашествия, которое будет формировать опыт большинства населения до отмены крепостного права в 1861 году и впоследствии.

Несмотря на загадочные упоминания уездных карт в архивах Ивана IV, вполне вероятно, что даже в XVII веке никакие кадастровые карты на самом деле не составлялись. Земельные описания, по-видимому, оставались чисто вербальными на протяжении всего московского периода. Следовательно, карты не играли непосредственной роли в закрепощении населения. На самом деле, как мы увидим в дальнейших главах, отношения между крестьянами и картами в Московии были гораздо более сложными и двусторонними, потому что карты, которые изображали крестьянские земли и дома, были местными. Хотя на картах земельных участков отражались сведения, заверенные писцами, такое картографирование инициировалось на местах и отражало местные интересы. Наиболее заметными среди представителей местных интересов были землевладельцы, знать и монастыри, но местные карты давали возможность также и крестьянам быть услышанными. Крестьянские деревни и дома занимают видное положение на земельных картах и в сопровождающих их судебных протоколах. Такое необычное присутствие делает московские карты земельных владений гораздо более многозначными и многовалентными артефактами, чем можно было бы ожидать, исходя из более общего рассказа о картографических проектах государства начала Нового времени. Более того, как напоминает нам Скотт, процесс социальной трансформации через официальное описание никогда не работает так гладко и односторонне, как надеются государственные деятели: «Мы должны помнить не только о способности государства при помощи упрощений трансформировать мир, но также и о способности общества модифицировать, разрушать, блокировать и даже ниспровергать устанавливаемые для него категории»²⁶. Русские крестьяне после 1649 года оказались втиснуты в только что созданные категории ограничения свободы, но даже в своих новых границах они сохраняли механизмы для того, чтобы избегать, уклоняться и в значительной мере переопределять надвигающуюся систему крепостного права.

КАРТЫ ИМПЕРИИ

На протяжении XVII века составление карт распространялось все шире и шире как на государственном, так и на местном уровне. Изготавливались дорожные карты, чтобы показать пути, по которым военные и гражданские курьеры передавали информацию из одного конца обширных московских земель в другой. Карты использовались для крупных градостроительных проектов, предпринятых в XVII веке Московским государством²⁷. Служащие Посольского приказа заказывали карты границ Московии, ее соперников и соседей. Берясь за огромную задачу строительства линии оборонительных укреплений вдоль южной границы, Разрядный приказ заказал карты всей постоянно перемещавшейся засечной черты, отдельных крепостей и потенциальных мест расположения новых крепостей. В XVII веке война шла почти постоянно, поэтому укрепленные рубежи приобретали решающее значение. Когда московиты одерживали победы, граница отодвигалась и вырастали новые крепости, что требовало новых планов и новых карт. На протяжении всего века Россия вела многочисленные приграничные войны с соседями на севере и на западе — Швецией и Речью Посполитой. Побочным продуктом борьбы с Польшей оказалось для России участие в войне за Украину, которую успешно присоединили по частям после 1654 года²⁸. Столкновения с крымскими татарами и другими кочевыми племенами на юге и на востоке происходили на протяжении всего XVII века и продолжились в начале XVIII, при этом границы России отодвигались все дальше на территории кочевников. Сибирь, завоевание которой началось в 1581 году, когда казак Ермак со своим отрядом разгромил хана Сибири Кучума, продолжала манить русских поселенцев и первопроходцев на протяжении последующего века. В XVII веке русские землепроходцы осваивали Крайний Север. Уже к 1640-м годам они дошли до Тихого океана и до конца века нанесли на карту большую часть замерзшего северного побережья и очертания Чукотки и Камчатки; они поняли, что к востоку, отделенная от них океаном, лежит «большая земля»²⁹.

Карты сибирских территорий — по частям и целиком — составлялись с 1660-х годов. Первая сохранившаяся карта Сибири, карта П. И. Годунова, была заказана воеводой главного административного центра всей Сибири — города Тобольска. Если карта Годунова служила административным интересам, то другие вехи картографирования Сибири объясняются коммерческими и дипломатическими императивами. Начиная с миссии Ивана Петлина в 1618—1619 годах, русские дипломаты неоднократно преодолевали степь в надежде установить торговые отношения с Китаем, который считался потенциально выгодным торговым партнером. Отчеты по каждой поездке не только описывали дипломатические и торговые пере-

говоры, но и пройденный маршрут с дорогами и встреченными препятствиями. К отчетам неизменно прилагались карты, и некоторые из них сохранились³⁰. Миссии по установлению торговли между Россией и Китаем за весь век не принесли плодов, они обычно терпели провал из-за ошибок и промахов, связанных с соблюдением придворного протокола, но карты внесли существенный вклад в русскую картографию. Содержащиеся в них географические сведения перешли и в западноевропейские картографические работы³¹. Собрав воедино картографические достижения целого века, дополнив и расширив их благодаря своему собственному выдающемуся видению, сибирский картограф Семен Ульянович Ремезов в конце XVII — начале XVIII века создал блестящий корпус картографического материала. О Ремезове — энергичном человеке с разнообразными талантами, родившемся и выросшем в Тобольске, летописце, картографе и градостроителе — рассказывается в последних главах этой книги.

К концу XVII века картография начала укореняться в среде московских имущих классов как полезная практика. Почти тысяча карт сохранилась с XVII века, и большая их часть относится к последней четверти века³². Такая схема сохранности, по-видимому, отражает развитие картографии в Московии в XVII столетии, и в частности ее бурный рост в последней четверти века. Карты заняли свое место наряду с описаниями, документами о передаче прав собственности, купчими и административными указами как средство установления права собственности на землю или обозначения имущественных границ. Все еще не являясь частью обычных имущественных сделок, карты земельных владений стали признанным элементом особо сложных имущественных тяжб. От половины до двух третей сохранившихся карт XVII века были созданы в связи с административными расследованиями имущественных споров, и, к счастью, многие из этих карт сохранились вместе с соответствующими судебными материалами³³.

Карты земельных владений были локальными картами и чертились в очень крупном масштабе (т.е. это были карты небольших территорий с высокой степенью детального разрешения). Дело, которое разбирал курский воевода, князь Петр Хованский, касающееся имущества курского землевладельца Петра Кекина, иллюстрирует процесс заказа и изготовления карт.

В государеве грамоте написано: велено в Курск послать в Мирополе и из отставных дворян, кого пригож(е), да с ним от места подьячего добрых и против челобитья Петра Кекина сыскать мирополцы градскими и уездными многими людьми всякими, сыскать накрепко в правду кроме села Уграедова и села Осоя помещиков в Мирополском уезде по обе стороны речки Криницы от устья, большой галицкой даруги по урочи-

шам и по речке Рыбицы, и по речке...* землю и санными покосы и лесо(м) и всякой угодой он, Петр, по каким дачам владеет... А описав, измереть в десятины и положить ...в описные и в мерные книги с межами и з гранми по урочищам подлинно, и против тех книг на чертежу начертить с размером по тому ж, со всякою подлинною ведомостью³⁴.

До XVIII века в России не существовало учреждений для официального обучения картографов. В действительности многих из тех, кто создавал местные карты земельных участков, никак нельзя назвать «картографами». Это были просто любые грамотные люди, которые, как отставные дворяне и местные подьячие, упомянутые в этом отрывке, могли выполнить такую работу. Составители карт происходили из различных социальных слоев, и единственным общим критерием их отбора являлась базовая грамотность. Около трети составителей карт были служащими центральных московских приказов, главным образом основного учреждения, ведавшего землевладением, — Поместного приказа. Остальные две трети происходили из рядов подьячих, местных администраторов, писцов, солдат, горожан и отставных дворян или детей боярских. Некоторые подьячие центральных приказов имели опыт составления писцовых книг, но большинство составителей карт выполняли такое поручение лишь один или несколько раз и обучались в процессе работы. Ремезов, сибирский картограф, например, по-видимому, был самоучкой, хотя и весьма высокого уровня. Тем не менее карты XVII века демонстрируют некоторую степень стандартизации технических и художественных приемов. Они используют одинаковую палитру и схожие символы для обозначения деревьев, лесов, дорог, рек и полей. Отчасти такая стандартизация изображения могла стать результатом общего опыта работы в московских приказах, но распространенность изобразительных норм среди случайных картографов, рисовавших карты лишь единожды, объяснить сложнее, а ведь именно они были авторами основной массы карт. Хотя и существует соблазн приписать такую однородность растущей «профессионализации» *чертежников* (составителей карт), но отсутствие каких бы то ни было механизмов для получения такого результата — обучения, ученичества и даже специализации в качестве картографов — делает более убедительными альтернативные объяснения³⁵. Общая изобразительная культура, в которой религиозные иконы представляли собой основную возможность познакомиться с живописными образами, и общий набор материалов (краски, чернила и бумага) кажутся более вероятным, хотя и более расплывчатым объяснением поразительной похожести, которую мы видим на этих картах.

* Название речки попало на сгиб листа и не поддается прочтению (В.К.).

Используя техники, применяемые в России с тех пор как были изготовлены первые карты, составители карт строили свои чертежи вокруг маршрутов и путей, которыми они в действительности могли пройти по дорогам и рекам. Обычно они измеряли длинные расстояния в днях пути по реке или по суше, а более короткие верстами и саженьми — предпочитаемыми мерами длины. Их подсчитывали с помощью мерных цепей или веревок, которые тщательно отмеряли и прикладывали одна к другой³⁶. Компас, известный в России с XV века, играл незначительную роль в картографической работе, и основные направления редко отмечались на картах. Как пишет Постников: «Русская картография до XVIII столетия не знала ничего из основ математики и географии, применяемых в Европе для нанесения на карту обширных территорий с использованием координат широты и долготы, проекции и масштаба. Вместо этого единое картографическое полотно создавалось из структурно разнородных материалов, пространственно организованных вокруг “скелета” основных рек и дорог». Вместо широты и долготы московские картографы привязывали свои образы к топографическим деталям. Они отмечали множество ориентиров и специфических характеристик ландшафта, и их чертежи становились “чрезвычайно богаты топонимией”³⁷. Они не использовали стандартную проекцию, ориентировку или масштаб, которые часто различались в пределах одной карты. Николай Комедчиков указывает, что на некоторых картах указателями направлений служат церкви, ориентированные на восток, или православные кресты с нижней поперечиной, наклоненной в сторону востока. Иногда он находит, что деревья нарисованы так, что они указывают на юг, хотя в других местах деревья вырастают из дорог или направлены в разные стороны на разных участках одной карты³⁸.

Только в XVIII веке в России оценили важное дополнение, которое графическое представление пространства давало текстовому описанию. В конце XVII века москвиты постепенно превратились в людей, обладающих, по выражению ученых, «картографическим мышлением», и таким образом оказались ментально и культурно подготовлены к смелым картографическим инициативам Петра I и всеобъемлющему Генеральному межеванию, проведенному при Екатерине II.

Карты XVIII века являются индикаторами темпа реформ и культурных изменений в период от Петра до Екатерины. Петр, в целом увлеченный западной технологией и научным рационализмом, понимал преимущества систематической съемки и картографирования своих земель. Уже в 1698 году под покровительством Пушкарского приказа была организована «Школа цифири и землемерия». По словам Постникова, о ней сохранилось мало сведений, за исключением того, что ее основал думный дяк А.А. Винуис, а главным преподавателем в ней был некий мастер Зерца-

лов. В 1699 году здание школы сгорело, и больше в документальных свидетельствах она не упоминается.

Вслед за этим недолго длившимся экспериментом Петр основал, судя по всему, первую в Европе профессиональную школу по обучению специалистов-картографов или, как он их называл, геодезистов. Уже в 1701 году он организовал Школу математико-навигационных наук в Сухаревской башне в Москве, а в 1715-м учредил геодезический институт при Морской академии в Санкт-Петербурге. Поскольку русских специалистов, обученных картографическим приемам, не хватало, Петр приглашал в свои институты квалифицированных иностранцев, но уже за одно поколение он подготовил впечатляющие кадры русских геодезистов и отправил их во все уголки своего царства производить съемку и составлять полные атласы Российской империи³⁹. Взаимодействие между иностранными и русскими картографами продолжалось на протяжении века; иногда это было гармоничное сотрудничество, а иногда острый конфликт. Первые поколения русских картографов создавали интересные гибриды исконной и западной картографии. Карта 1759 года неких спорных островов, составленная киевским полковым лейтенантом Иваном Путильцовым, изображенная на рис. 1.1, внешне выглядит как западная карта, с очень точным масштабом и компасной розой, указывающей на северную ориентировку, но она по-прежнему усыпана мелкими изображениями деревьев и домов, и на ней нет сетки. Первая попытка создать атлас империи в итоге разделилась на две, при этом возник философский спор, который рассорил двух ответственных за это людей — французского астронома и картографа Жозефа Николя Делиля и русского руководителя работ по составлению карт и топографической съемке Ивана Кирилловича Кирилова. Делиль выступал за амбициозный план создания комплекта максимально точных карт, основанных исключительно на научной съемке и триангуляции всего царства, подобных тем, которые Кассини провел для Франции. Кирилов поддерживал менее амбициозный, но более реалистичный проект составления атласа на основе традиционных русских методов отображения речных путей, к которым время от времени добавлялись измерения расстояния, долготы и широты. В итоге Кирилов опубликовал атлас с общей картой империи и тридцатью семью уездными картами за свой счет в 1734 году. Так и не законченный атлас Делиля появился в 1745 году (рис. 1.2)⁴⁰.

Ко времени Екатерины Великой (1762—1796) научное топографическое картографирование стало неотъемлемой частью русской практики. При Екатерине уполномоченные офицеры-геодезисты проводили Генеральное межевание с целью измерить и нанести на карту каждый квадратный дюйм земли русских землевладельцев в Европейской России, отмечая границы между участками строго кодированными цветами и линиями.

Рис. 1.2. University of Michigan, Map Library: *Иван Кирилов и Жозеф Никола Делиль. «Марта Генералис Тотюс Имперіи Руссичі» («Всеобщая карта всей Российской империи») // Атлас Российской. СПб.: Императорская Академия наук, 1745.*

Политика формировала контекст, в котором создавались карты, начиная со времен Московского царства, когда за показ карты иностранцу можно было лишиться головы, и до советской эпохи, когда издатели намеренно допускали неточности в картах, чтобы ввести в заблуждение потенциальных врагов. Политика также пронизывала научную литературу о создании русских карт — с раннего Нового времени до сих пор. Поэтому повествование о русской картографии требует тщательного отсеивания. Секретность и покровы молчания, а также обвинения в преднамеренном искажении и сокрытии информации преследуют историю русской картографии. Московские правители признавали силу карт, а также содержащихся в них знаний и сведений. Мишель Фуко не был первым, кто указал на равенство знания и власти. Согласно официальной царской политике, карты должны были оставаться монополией государственных органов, и незаконное обладание картами считалось вопиющим преступлением. Исаак Масса, голландский купец и дипломат, который в начале XVII века провел несколько лет в Московии, решил приобрести карту Московии, но нашел эту миссию трудновыполнимой. Беззастенчиво выскомерный в своих культурных предубеждениях, он писал:

Все то время, которое я пребывал в Москве, я прилагал огромные усилия, чтобы заполнить достоверную карту города, но мне это так и не удалось. В этой стране нет художников, да и кто бы стал их ценить, если никто ничего не знает об искусстве. На самом деле имеется несколько скульпторов и изготовителей идолов [godemaekers], но я бы никогда не осмелился предложить никому из них сделать для меня чертеж города, потому что они быстро бы схватили меня и отправили на пытки, думая, что, прося об этом, я наверняка замышляю измену. Этот народ столь подозрителен в этом отношении, что никто не возьмет на себя смелость взяться за такую задачу.

К счастью для Массы, его русский друг в качестве знака своего хорошего расположения предложил помочь, чем только сможет. «Проси у меня, что пожелаешь, — сказал он, — и я дам это тебе». Масса ухватился за эту возможность.

Я осмелился попросить у него изображение города Москвы. Услышав это, он поклялся, что если бы я попросил у него лучших лошадей, он бы с большей готовностью отдал мне их. Но поскольку он считал меня своим лучшим другом, то он дал мне этот рисунок, при условии, что я по-

клянусь, что никогда ни слова не скажу об этом москвиту и никогда не открою имя того, кто мне его дал. «Потому что, — сказал он, — моей жизни будет грозить опасность, если кто-нибудь узнает, что я сделал чертеж города Москвы и дал его иностранцу. Меня убьют как предателя»⁴².

Позднее, в 1673 году, шведский военный агент в Москве Эрик Палмквист приложил две карты Сибири к своему отчету о состоянии Московии. Он описал, как он «не без труда и не без усилий» приобрел эти документы. «Я лично наблюдал и чертил карты в различных местах, рискуя жизнью, и также получал сведения от русских подданных в обмен на деньги»⁴³. Лев Багров утверждает, что десятью годами позже русский посланник в Китае Николай Милеску, известный как Спафарий, взял с собой в путешествие карту Московии и оставил ее у китайцев, в результате чего понес суровое наказание за свою измену⁴⁴. Мне не удалось найти подтверждения этому рассказу, но он очень похож на правду. Московия не одна понимала потенциально губительную для себя силу карт и желала сохранить стратегические знания в тайне. Масса шел по стопам предыдущих западных путешественников, когда приписывал исключительно русской паранойе страхи москвитов по поводу того, что карты попадут не в те руки, но если бы он взглянул поближе к дому, то нашел бы подобные тревоги из-за обладания картами по всей Западной Европе. И в Португалии, и в Испании закон устанавливал смертную казнь для любого, кто отдаст карты иностранцам⁴⁵. Дж.Б. Харли пишет: «К раннему Новому времени картографическая секретность (поддерживавшаяся правилами, которые можно назвать правилами исключения и запрещения) была несомненно широко распространена, и “официальная” картография того периода показывает классический случай “власть — знание”. В то самое время, когда карты трансформировались с помощью математических методов, они также становились интеллектуальным оружием государственной системы. Само изображение на карте все больше подвергалось сокрытию, цензуре, а иногда обобщению или искажению»⁴⁶. Умалчивая сведения, так же как и сообщая их, карты служили интересам государства.

Нежелание москвитов делиться картографической информацией, возможно, замедлило распространение географических знаний и умения обращаться с картами среди населения. Встреча Массы с его другом — составителем карты приходит на ум в связи с многочисленными более поздними отголосками подобных настороженных контактов и наполненных подозрениями отношений между русскими картографами и западными коллекционерами, составителями карт и дипломатами. В одном из трех атласов Ремезова, Чертежной книге, сохранились написанные чернилами пояснения на голландском языке рядом с оригинальными ремезовскими

подписями. На основании косвенных свидетельств Багров приходит к выводу, что А.А. Виниус, в то время думный дьяк Сибирского приказа, добавлял голландские подписи, когда работал с Ремезовым над подготовкой атласа, чтобы контрабандой вывезти его и тайно опубликовать в Амстердаме — мировом центре публикации карт. Если такой заговор и существовал, хотя эта идея горячо оспаривается советскими авторами, он так и не осуществился. Багров предполагает, что русское правительство, возможно, узнало о замысле и пресекло его⁴⁷. Полвека спустя произошла похожая история, когда карта России Делиля была опубликована во Франции раньше, чем появилось русское издание, в результате чего Делиль был обвинен русскими в том, что он тайно похитил карту из страны, которая платила ему зарплату, и опубликовал ее без разрешения⁴⁸. Во времена правления императрицы Елизаветы (1741—1762) важные новые географические сведения, доставленные сибирскими землепроходцами, скрывались правительством, которое держало географические доклады под надежным замком, чтобы не допустить их распространения⁴⁹. Подозрительность была характерна не только для императорского режима, но также и для конкурентов — западных картографов и географов. Общее настроение взаимного недоверия достигло такой точки, что во второй половине XVIII века швейцарский географ-полюсник Самуил Энгель обвинил русское правительство в цензуре карт и фальсификации географических сведений с целью превеличить трудности и отвратить европейцев от попыток преодолеть северный путь через Евразию к Тихому океану. Насмехаясь над русскими сообщениями о холодах и тягестях путешествий за полярным кругом, подозрительный Энгель заявлял, что на самом деле Европу и Тихий океан соединяет легкий морской путь вдоль северного края Российской империи⁵⁰. Тот факт, что такое нелепое утверждение воспринималось как правдоподобное, говорит об уровне общего недоверия по отношению к России. Старые мелодии снова зазвучали значительно позже, в советский период, когда историки картографии обменивались подобными обвинениями в своих кругах. Лев Багров, один из первых, кто подошел к истории картографии как к самостоятельной отрасли, вызвал негодование своих советских коллег, когда, эмигрируя из страны после революции, вывез «национальное достояние» — важные исторические карты⁵¹.

В основном карты, сохранившиеся с XVII века, иллюстрируют широкое, открытое использование карт, а не деятельность закрытого режима. Карты земельных участков создавались как доказательства в имущественных спорах, часто по инициативе тяжущихся сторон, при этом существенный вклад вносили соседи, свидетели и спорящие стороны. Такие карты создавались открыто и функционировали как публичные документы. Стратегические и логистические карты, заказанные государством, также тре-

бовали большого вклада местных знаний и таким образом формировали вопросы государственной политики на основе представлений местных сообществ о самих себе. Взаимное недоверие между центром и периферией, судьями и тяжущимися сторонами, землевладельцами и крестьянами, а также враждующими землевладельцами пронизывает судебные материалы, в которых находятся эти карты, но их публичная, а не секретная функция проявляется в этих материалах наиболее полно. Если карты как государственные документы время от времени могли строго контролироваться и охраняться (и даже с ними дело не всегда так обстояло), то карты и документы о местной жизни использовались открыто и открыто оспаривались в России XVII века. Теперь мы обратимся именно к такому открытому составлению и использованию карт.

КАРТОГРАФИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ И ЗАКОННОСТЬ В МОСКОВИИ

Рост и возвышение могущественных централизованных монархий по всей Евразии с XV по XVII век — это одна из наиболее заметных черт раннего Нового времени. Согласно большинству стандартных исторических описаний, рост централизованных государств влек за собой разрушение провинциализма и партикуляризма, а также всеобщую переориентацию на господствующий центр. Отношения между централизуемого государства и периферийными областями занимают такое же важное место в изучении истории картографии, как и в трудах, посвященных формированию государства раннего Нового времени в целом. Там, где историю картографии «наложили» на историю централизуемых государств, тенденция в общем подтверждается: карты были мощным инструментом на службе государства. Общее мнение, основанное на приравнивании знания к власти Мишеля Фуко, по-видимому, состоит в том, что карты служили интересам государства, представляя на обозрение центра все значимые региональные особенности и предавая забвению то, что считалось несущественным. Как пишет Дж. Б. Харли, «начиная с XVI века и далее карты предлагают особенно благоприятные возможности для исследования с новой точки зрения изменяющихся и взаимозависимых отношений между подъемом национального государства и распространением картографии... Картография в первую очередь являлась формой политического дискурса, связанного с обретением и сохранением власти»¹. Карты сводили местные особенности к системе наглядных знаков и обозначений тех характеристик, которые были важны для централизованного государства, делая реальными интересы этого государства и символизируя второстепенность, и даже стирание, местного своеобразия². Джефф Кинг в работе «Картография реальности» основывается на идеях Эдварда Саида, когда резюмирует такой подход к составлению карт: «Власть составить карту, или описать местность словами, или же не допускать другие формы

картографирования — это ключевой элемент способности заявить свои права на территорию... Западная колониальная карта — это абстракция, которая имеет тенденцию уничтожать другие измерения реальности в акте насильственного захвата»³.

Такое понимание тесного сотрудничества карт с государственной властью оказалось продуктивным. История картографии переключила внимание с восстановления биографий выдающихся первопроходцев, геодезистов и картографов с их научными и техническими достижениями на отслеживание политики и власти, присущих самим картам, и способы, которыми карты могли служить интересам сильных мира сего против слабых.

Но как результат любого радикального пересмотра идея о том, что карты служат государственной власти, несмотря на свою полезность, пренебрегает нюансами истории. Тщательные исследования централизирующихся монархий обнажают такие отношения между абсолютистскими режимами и подвластными им территориями и местным населением, которые были скорее обоюдными, чем односторонними, и столь же договорными, сколь и навязываемыми сверху. Как показывает растущее количество работ по истории картографии, ряд факторов усложняют отождествление карт с центральной государственной властью и указывают скорее на включение, чем на стирание местного или особенного. Карты служили централизирующимся режимам, не уничтожая противопоставление, а вовлекая различные группы интересов в единую дискуссию, стандартизируя термины обсуждения и создавая единую систему, в которой могли вестись споры⁴. Карты стандартизировали «пространство в новом виде»⁵. Принимая предпосылки определенной формы картографирования, противоборствующие стороны могли спорить о деталях того, кто чем владеет и где проходят границы, но пространственные понятия — концепции юрисдикции, права собственности и разделения территории, присущие карте, уже начали формировать реальность. Можно спорить о том, где лежат границы, но не о принципиальном существовании и правомерности границ как таковых.

Хотя интересы централизирующихся государств, несомненно, играли важную роль в осуществлении картографических проектов, они не были единственными движущими силами процесса составления карт. Даже если свести все обсуждение к картам, созданным по велению или в интересах государства, успешное их составление часто требовало, скорее, включения местных характеристик, а не их стирания. С практической точки зрения едва ли можно было нарисовать карту, «находясь наверху государственной пирамиды, без учета имеющихся карт»⁶. Как напоминает нам Питер Барбер, «только [местные жители] могли предоставить местные документы, назвать людей, могущих отвести топографа на местные высоты, будь то церкви или возвышенности, указать местные ориентиры, а в некоторых случаях и собрать средства»⁷. Местные карты обычно достаиваются

меньшего внимания и теоретического анализа, чем более яркие карты стран и империй или более символические *tabulae mundi*^{*}, но отдельные работы все же уделяют некоторое внимание картам земельных владений. Многие исследования местных карт ограничиваются подробнейшими описаниями самих карт, картографов и их покровителей, но есть среди них и такие, которые внесли ценный теоретический вклад также и в историю картографии⁸.

КАРТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Русские карты развивались вместе со становлением царской власти. Историки России, как и исследователи других частей мира в раннее Новое время, долгое время были заняты попытками разобраться в формировании государства и возникновении мощной самодержавной государственной системы в период между серединой XV и XVII веком. В это время слабое, разрозненное скопление враждующих русских княжеств слилось, чтобы создать самодержавную монархию, обладающую — по крайней мере, в принципе — абсолютной властью над своими подданными и территориями. К XVII веку, согласно большинству мнений, русский царь превосходил своих западных коллег в стремлении уничтожить любые крупницы автономной местной власти. Не существовало местных князей, уездных собраний или городских корпораций, осмелившихся бросить вызов его неограниченной власти. Утверждается, что он узурпировал право собственности на все земли царства и превратил всех жителей в рабов. Притязая на божественный характер своей власти, царь, по-видимому, встал над законом и над любыми ограничениями.

Большое количество сохранившихся местных карт XVII века, периода расцвета царского абсолютизма, дает нам средство для проверки этой знакомой картины централизованной государственной власти. Изучая взаимное влияние центральных и местных интересов, отраженное в русских картах, мы можем лучше понять не только значение карт как инструментов государственной власти, но и природу государств раннего Нового времени в более широком смысле. Свидетельства местных карт земельных владений расшатывают принятые концепции государства и периферии, центрального и местного, правителя и подданного в контексте абсолютистского государства раннего Нового времени. Русские провинциальные карты иллюстрируют выгоды, полученные как государством, так и местными действующими лицами, и то, каким образом система правосудия и

^{*} Карты мира (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

судебное рассмотрение земельных исков активно способствовали участию подданных в жизни царства. Эти карты и породившие их многочисленные судебные тяжбы позволяют нам уловить аспекты государственной некомпетентности и неэффективности, а также уступчивости и взаимодействия государства, которые часто ускользали из виду при стремлении объяснить безостановочный рост государственной власти.

Династию Романовых, вступившую на трон в 1613 году после опустошительного периода беспорядков, известного как Смутное время, отличало непреклонное стремление к усилению административного, юридического, экономического и культурного контроля над своими подданными и территориями. Этот век был отмечен быстрым развитием государственного административного аппарата, законов и правил, регулирующих поведение, а также реальных полномочий государственных судов⁹. Неудивительно, что картографические проекты по заказу государства стали неотъемлемой частью роста государственного аппарата и государственной власти. В России действовали все знакомые элементы истории картографии раннего Нового времени: желание централизующегося государства наносить на карту и таким образом знать и контролировать свои широко раскинувшиеся территории, систематизация, проявляющаяся в пренебрежении местными особенностями в стандартной картографической практике, переход от вербальной к наглядной репрезентации. Таким образом, на первый взгляд кажется, что русский случай полностью соответствует общему представлению о составлении карт как об инструменте централизации власти.

Карты, которые чаще всего рассматриваются в работах по развитию русской картографии, подтверждают неразрывную связь между составлением карт и государственными интересами. Карты национальных границ, коммуникаций и маршрутов военных поставок, крепостей и оборонительных линий, а также сибирских и южных границ, несомненно, служили и способствовали государственному расширению и контролю¹⁰. Московские власти хотели знать как можно больше о своих территориях, их населении и ресурсах. В собраниях царских библиотек числились экземпляры основных изданных на Западе карт и атласов уже в конце XVI века, а ко времени Алексея Михайловича (1645—1676) картографические фонды были весьма обширны и включали карты мира, Западной Европы, уездов Московии, маршрутов, по которым ходил мятежный Стенька Разин, когда пытался напасть на Москву, а также Китая, Северного моря и т.д.¹¹ Составление Большого чертежа, охватывающего всю Европейскую Россию, и его трудоемкая замена после того, как он был уничтожен пожаром 1626 года, показывают, что к началу XVII века Разрядный приказ осознавал присутствующие картам стратегические возможности. В сопроводительном тексте,

Книге Большому чертежу, записан приказ царя Михаила о том, что к первоначальной карте центральных русских земель необходимо составить дополнение с изображением тактически важных украинских земель на юге. Конкретность царского приказа иллюстрирует государственный интерес к знанию стратегических возможностей региона, его транспортных путей и направлений вероятных нападений.

И другой чертеж велели сделать от царствующаго града Москвы Резанским, и Северским, и Польским городом; от Ливен от города тремя дорогами до Перекопи: дорогою Муравским шляхом, дорогою Кальмиускою, среднюю дороною Изюмскою против розрядные старые росписы, что сделана роспись в Розряде при прежних государех, от Ливен до Перекопи, и от Перекопи до Козлева, и до Бахчисарая и Альмасарая, и до Корсуни, и до Кафи, и до Крыма, и до Балыклея, и до черкасов, что промеж Черного и Азовского моря остров Таурика, а ныне Крымская орда; и теми тремя дорогами рекам и колодезям, и на реках татарские перевозы и перелазы, которыми татаровя приходят в Русь, и всяким полевым призначным урочищам, и до которых урочищ ездят¹².

Из этого довольно запутанного приказа ясно, что стремление царя составить карты своих земель было продиктовано военными и дипломатическими интересами.

«МЕРИТЬ НЕ ДАДИМ!» МЕСТНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫМ КАРТОГРАФИЧЕСКИМ ПРОЕКТАМ

На протяжении XVII века официальный интерес к картам возрастал. Степень стратегического значения карт очевидна из прямой причастности Разрядного и Посольского приказов к повелениям составить карты границ Московии, ее врагов и соседей¹³. Явные стратегические интересы лежат в основе карты 1701 года, составленной по приказу Петра I стольником Максимом Цызыревым. Ему были даны конкретные указания «сделать тайным образом от Витебска вверх до самых вершин Двины реки чертеж сподлиною мерою по масштабу». Ему приказали «очертить и описать что в чертеже имянно в которых местех от границы, сколько от Двины реки и где перешла Двина через рубеж московской и какие села и деревни по ней»¹⁴ (см. рис. 2.1). Такие карты заказывали дьяки московских приказов, а изготавливали работники, которых специально направляли из Москвы для сбора и доставки необходимой информации. В основе таких мероприятий, несомненно, лежали политические цели.

Рис. 2.1. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. № 1. Ч. 2. Витебская губерния (цветная). На этой карте реки Двины стольник Максим Цызырев изобразил границу России с Великим княжеством Литовским. Карта ориентирована вдоль реки и показывает местные достопримечательности в виде архитектурных набросков. Основной признак изменившейся при Петре I эстетики состоит в том, что подписи теперь заключены в прямоугольники, а не располагаются свободно в разные стороны.

Иногда создается впечатление, что столкновения между местными исполнителями и правительственными агентами поддерживают давно сложившийся образ централизующегося государства, находящегося не в ладах с уездными властями. Некоторые случаи иллюстрируют открытое сопротивление местных крестьян и землевладельцев усилиям государственных властей измерить и нанести на карту уездные владения. В 1687 году группа рассыльщиков уездной приказной избы города Кашина дважды отправлялась на спорный участок для обследования и составления карты, но безуспешно. «Для сыску и подлинного розыску на те вышписанные пустоши и тех сел и деревень по росписи прикащики и старосты и крестьяне великих государей учинились непослушны и им учинились на те вышписанные пустоши для сыску и подлинного обыску к воеводе не едут»¹⁵. Еще более выразительно описание угличского дела, когда городские следователи выехали в спорную деревню для проведения расследования, а там собралась большая толпа враждебно настроенных местных жителей — с «рогатинами и дубьем, и палками, и с камнем». Когда следователи попытались выполнить свою работу, их

били и с лошадей долов збили, и вдогонку камнем и палками в них бросали, и ево подячего камнем ушибли в левое плечо и в спину, и в понятою камнем бросили ж. А иных дубьем били и монастырских стряпчего Саву Кудрявцова и крестьян дубьем били ж, и камнем и палками вдогонку бросили, и стряпчего с лошади збили, и за ними посылными и за понятыми и за стряпчим и за монастырскими крестьяны гнали, и за Семеном Офросимовым гонялись ж и кричали «перенимай-те и бейте гораздо!»¹⁶

Еще один случай вооруженного сопротивления произошел в Рузском уезде в 1698 году, когда, согласно свидетелю, более двухсот горожан, размахивая дубинками, копьями и луками со стрелами собрались, чтобы прогнать следователей, которые пытались установить границы имения. Как говорят, толпа кричала: «Побьем насмерть, а мерить не дадим!»¹⁷

В самом жестоком случае, когда местные власти в Ефремове собрали группу крестьян-свидетелей для подтверждения границ спорного землевладения, Иван и Алексей Мещериновы со своими крестьянами, вооруженные копьями, резаками, мушкетамы и пистолетами, напали на землемеров и убили шестерых. После длительного расследования суд приговорил Ивана к смерти. Позднейшим указом приговор был изменен:

Ивана Иванова сына Мещеринова смертью казнить не указали, а велели ево привезеть к плахе и сказать ему прежней наш великово госуда-

рев указ, положить на плаху и, с плахи сняв, сказать нынешней наш великого государя милостивой указ: учинить ему наказание то ж, что и брату ево Алексею: бить кнутом и сослать в Новой Богородицкой город на вечное житье вместе з братом ево Алексеем¹⁸.

Эти случаи ожесточенного сопротивления картографическим стремлениям центра можно поверхностно интерпретировать как местную оппозицию планам государственной централизации, но при более близком рассмотрении оказывается, что они иллюстрируют действие гораздо более локализованных политических и экономических интересов. Не участвовавшие так или иначе в большом историческом контексте и даже особо не осведомленные о подъеме национальной монархии, местные действующие лица сопротивлялись нанесению на карты своих земель, когда опасались определенного результата землемерной съемки. Материалы дела Мещериновых показывают, что их жестокость объяснялась конкуренцией между местными землевладельцами и их собственным стремлением сохранить владения, несмотря на претензии, выдвинутые другими претендентами. Мещериновы жаловались, что их противники, семья Римских-Корсаковых и некий Петр Подлясов, получили незаконную выгоду от тесных родственных и покровительственных связей с Нарышкиными, родственниками матери Петра I. Поскольку оппоненты обладали таким незаслуженным преимуществом, Мещериновы в этом земельном споре вряд ли могли рассчитывать на постановление суда в свою пользу и поэтому перешли к непосредственным действиям. Тот факт, что соседи обвинили их в поджоге и изнасиловании, а также нападении и убийстве, возможно, свидетельствует о том, что они просто были неприятными людьми. В любом случае в контексте местных ссор очевидно, что было бы неправильно отнести этот эпизод к принципиальным столкновениям между центральными и местными интересами. Подоплека других случаев противодействия попыткам центра составить карты показывает подобные сложные и чисто местные противоречия, а не конфликт государственных и местных интересов¹⁹.

«БОЛЬШОЙ ПОВАЛЬНЫЙ ОБЫСК»: СОСТАВЛЕНИЕ КАРТ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ И МЕСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Отвлекаясь от устаревших представлений о картографии как о служанке мощного централизующегося режима, решительно настроенного на подавление очагов местного сопротивления, мы находим другие, более интересные истории о подъеме централизованных государств и сопутствующем развитии картографии. Одна история показывает не подавляющую

мощь власти в XVII веке, а поразительную беспомощность государства, оказавшегося перед лицом непомерного разрастания своих земель и органов управления. В России раннего Нового времени, как и повсюду, составление карт служило местным, отдельным интересам так же хорошо и активно, как и интересам центра. Правовые споры, в которых играли роль местные карты, показывают, что карты и сопутствующие им судебные-административные процедуры, возможно, настолько же препятствовали процессу эффективного строительства государства, насколько и помогали. В то время как общая направленность изменений и пристрастность власти, несомненно, были в пользу государства, карты, возможно, обозначали и устанавливали лимиты этой власти в той же мере, в которой и содействовали ее укреплению. Вторая и, возможно, более значимая из этих альтернативных историй выявляет скорее слияние, чем противоборство центральных и местных интересов и то, каким образом эти интересы вместе работали над созданием чувства единения и участия в жизни царства.

Давайте начнем с распутывания представленных на картах связей между центральными и местными интересами, а затем попытаемся оценить степень участия государственной власти в составлении карт. Неудивительно, что взаимодействие между центральными и местными силами наиболее явно демонстрируют местные карты, т.е. крупномасштабные карты отдельных земельных владений, граничных линий и значимых объектов местности, а не грандиозные отображения путей сообщения и оборонительных линий. Землевладение в значительной степени было прерогативой элиты — землей владели дворяне и служилые люди, а также монастыри и другие церковные учреждения. Религиозные власти защищали свое имущество с таким же земным рвением, как и светские землевладельцы. Большинство землевладельцев, участвовавших в судебных прениях по поводу имущества в XVII веке, получали землю либо по праву безоговорочного наследственного владения (вотчина), либо в дар от царя на определенных условиях (поместье). Обе формы землевладения обязывали собственника служить царю на административной или военной службе, а также платить государству налоги или обеспечивать уплату налогов своими крестьянами. В принципе окончательное право на всю земельную собственность оставалось за царем, при этом всячески ограничивалась законная способность землевладельцев продавать, сдавать в аренду, дарить или завещать собственность. Формально землю поместья вообще нельзя было продавать, и она переходила государству как выморочное имущество, если владелец не оставлял наследника мужского пола, который стал бы выполнять обязательства службы, причитающиеся с данной собственности. Более того, царь обладал, хотя и редко ее применял, прерогативой конфискации земель в случаях измены, невыполнения обязательств или отказа от службы, но на самом деле собственность — как по-

местья, так и вотчины — оставалась в руках собственников и без помех переходила наследникам, за исключением случаев вопиющих преступлений, таких как измена. Динамичный рынок земли, который породил многие судебные дела и карты, составляющие основу этой книги, показывает, что ограничения на продажу, скорее всего, тоже соблюдались в случае нарушений, а не в обычном порядке вещей. Царь и его правительство демонстрировали готовность скорее оставить землю в активном пользовании, чем вмешиваться в продажи или регулировать незначительные детали сделок по передаче собственности.

Городские общины также имели права на некоторые земли общего пользования, как и независимые крестьяне-собственники в северных уездах, но судебные дела свидетельствуют об их постоянной борьбе с притязаниями соседних магнатов и других общин. Солдатские, стрелецкие и казачьи полки получали участки земли для совместного возделывания, при этом они владели правом собственности на землю и защищали это право как полковое подразделение²⁰. Несмотря на обширность русских земель, в которых, казалось, места должно было хватить всем, споры по поводу прав были постоянными и ожесточенными. В наиболее густонаселенных центральных уездах земельная собственность была редким и ценным товаром уже в XVII веке, что вызывало горячие правовые споры из-за права собственности. В менее населенных периферийных областях заселенные и уже расчищенные участки были достаточно редки, чтобы стать причиной столь же ожесточенных судебных тяжб²¹.

Земельные споры в уездных судах слушали воеводы, назначаемые центральными земельными приказами в Москве и полностью им подотчетные. Инициатива в тяжбе происходила от истца, который подавал прошение, адресованное непосредственно царю. Ходатайства начинались со стандартного приветствия и просьбы: «Государь, царь и великий князь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец! Аз, холоп твой, имярек, бью тебе челом». Затем проситель описывал совершенные против него преступления и молил царя о милосердии и справедливости. Хотя прошения были адресованы самому царю, обычно их подавали в уездном городе в канцелярию местного воеводы, откуда они направлялись в Москву. За исключением случаев, касавшихся верхушки элиты, сам царь не получал прошений и не издавал указов. Это делали соответствующие центральные управления в Москве. Основная масса земельных дел попадала под юрисдикцию Поместного приказа, поскольку большая часть собственности в Московии находилась в поместном владении. Приказ давал указания воеводам о том, как следует действовать, но фактическая работа проведения расследований и слушания показаний проводилась в уездах местными людьми воеводы и представителями, присланными из Москвы. В принци-

пе, каждое прошение давало начало полному расследованию. Расследование включало широкий опрос местных свидетелей и снятие показаний обеих сторон по делу. Если обвинения, как это часто бывало, вели к опровержениям или встречным обвинениям, следователи устраивали обвинителю и обвиняемому «очную ставку», чтобы попытаться установить истину. Бумаги шли из уезда в Москву и обратно в огромных количествах, при этом в центр отправлялись отчеты, а в уезд возвращались указы и подтверждения. Решения по этим делам обычно приходили из московского приказа, но основывались они на результатах местного расследования. В подобных судах, состоявших из различных конфигураций местных и центральных властей, слушались имущественные иски по меньшей мере с середины XVI века, но только в конце XVII века карты достаточно часто стали фигурировать в качестве доказательств²². Даже в конце XVII века суды не требовали представления карт в рамках стандартной процедуры²³. Вместо этого карты, по-видимому, приобщались к делу, только когда свидетельства становились особенно сложными и противоречивыми или когда стороны сами требовали составления карт своих владений. Карты составлялись с целью показать характер местности и прояснить сложные описания для судебных следователей и судей.

Помимо того очевидного факта, что карты изготавливались для использования в царских судах, связь со строительством государства следует также из языка самих карт. Их делали агенты по поручению центра. Словарный запас, которым они пользовались, создавался и стандартизировался в центральных государственных приказах. Формализованный язык текста карт происходит непосредственно из писцовых книг и официальных жалованных грамот на земли, составленных писцами Поместного приказа, как это видно из следующего текста, приведенного на карте земельного участка:

Речка Черная, пустошь Топорково, на ней место дворовое, два прудца, пашни перелогом средние земли пол-осмины, лесу пашенного полтора десятины да непашенного лесу 6 десятин, сена 27 копен, лесу болота десятина, пустошь Мокрово, пустошь Моклоково, пруд на речке на Чорной, земля пустоши Захаровы Гаврилы Суворова, земля пустоши Пердюгиной на суходоле и земля пустоши Вакшейи Бориса Протопопова, межа писца Ивана Вердеревского, межа писца Андреяна Юрьева сына Бестужева²⁴.

Хотя этот язык представляет собой чисто бюрократический жаргон, тем не менее, документы раскрывают ту исключительно местную инициативу, которая была отмечена выше. Например, Петр Ярышкин, землевладелец из Суздальского уезда, обратился к царю по поводу дела о спор-

ной земле и попросил его оспариваемое поле «досмотреть и описать... и учинить тем пустошам чертеж». Местный воевода сообщал по данному делу, что он в действительности сделал так, как просил Ярышкин. «По челобитию Петра Осипа сына Ярышкина, посылаю я, холоп ваш, Суздальские приказные избы подьячего... и тот подьячий, приехав в Суздаль, подал холоп ваш тем пустошам розыск и досмотр и чертеж за своею и розных и понятых людей руками»²⁵. Подобным образом в 1696—1697 годах городской воевода Карачева получил в ответ на «челобитие» одной из сторон в сложном имущественном споре приказ поехать в «Самовскую волость про старое владение села Самиова сыскать... и чертеж учинить»²⁶. Другой проситель писал царю в 1677 году:

По твоему великого государя указу, а по моему челобитью послана твоя великого государя межевая грамота в Переславль-Залеской к воеводе к Петру Федорова сыну Полтева, велено ему ехать в Суздальской уезд на вотчинную мою землю пустошь Будихина по выписи с писцовых и межевых книг описать и очертить и отмежевать по прежним межам с Ывановою землею Блудова с селцом Толстиковым, и тою, государь, мою вотчинную землю описал и очертил и отмежевал против писцовых и межевых книг, и столбы поставил, и ямы вычистил²⁷.

Иногда стороны не только выступали с инициативой, требуя составления карт своих земель, но и рисовали карты сами. В деле Степана Жданова, служилого человека из Чернского уезда, против крупного местного землевладельца, митрополита Варсонофия, Жданов сам нарисовал несколько карт, которые он представил в качестве доказательства в свою пользу. В судебном протоколе записано:

Истец подал чертеж, а сказал, что тот чертеж письмо ево, Степановы руки, а подал тот чертеж он, Степан, преосвященному митрополиту Варсонофию во 184 (1676) году в великой пост, в то время, как договаривался с ним митрополитом в той земле розделаца безспорно, и бил челом, чтоб ответчика против того чертежа допросить, тот чертеж ево ли рук, и ответчик, смотря чертеж, сказал: тот де чертеж ево руки, и написал он дело против их старых крепостей и против ево чертеж, которой он подал в суде, и чтоб де он, истец, тому ево Степанову чертежу, которой он подал, на улику сказал порок²⁸.

Алексей Земцов, настойчивый агент митрополита, был так возмущен тем, что он назвал ждановским вопиющим искажением картины, что представил свою собственную карту в качестве контрдоказательства.

Истец сказал: ответчик-де Степан в ответе своем против монастырских крепостей солгал, против своих чертежей прямые межи не указал... и по смотру той земли учинил чертеж, и чтоб тот чертеж у него взять к судному делу и съ ево, Степана, новыми чертежами свидетельствовать, и подал чертеж²⁹.

Это дело необыкновенно богато во многих смыслах. Карты не только имеют идентифицируемых авторов, которые сами являются сторонами в деле, но и явно противоречат друг другу: у Степана Большая Новосильская дорога идет параллельно реке Гостиж, а у митрополита они пересекаются под принадлежащей митрополиту деревней Гостиж. В итоге представитель приказной администрации отправился составлять новые карты земель. Эта предположительно нейтральная карта, подписанная обеими враждующими сторонами, подтверждает географию Степана³⁰ (см. рис. 2.2—2.4).

Как письменные тексты, так и графические изображения на картах весьма индивидуализированы и представляют местные интересы и местное видение. Хотя большая часть деревьев и лесов, служащих декоративным фоном карт, передана стилизованно, как абстрактный рисунок на гобелене, там, где это важно, чертежи вплоть до малейшей черточки изображают конкретные деревья, камни, ямы, столбы и ручьи, являющиеся обозначением границ или узнаваемыми ориентирами. На карте из Юрьев-Польского уезда мы видим тщательно выполненное изображение и подпись: «на пустоши Тяпковой наехано две ямы большие, а в них растет малина да кропива, а кругом ям пашенная земля пустоши Тяпкова» (рис. 2.5)³¹. Подобным образом, несмотря на то что города или монастыри на многих картах показаны схематично, с помощью условных символов, на других картах детали архитектурных сооружений выполнены очень тщательно. Например, на карте с кустами малины церковь и необычная, отдельно стоящая, похожая на фонарный столб колокольня в городке Загорье, очевидно, изображены на основании наблюдений (рис. 2.6). Сравнивая архитектурные чертежи на картах и сохранившиеся письменные и археологические источники, А. П. Гудзинская и Н. Г. Михайлова установили, что составители карт изо всех сил старались точно отобразить здания и, вероятно, рисовали с натуры. По их мнению, два изображения города Углича и соседнего Николо-Улейминского монастыря — одно из которых сделано горожанами, а другое — членом монастырской братии, создают на удивление различные зрительные образы, но оба передают значимые местные сооружения довольно точно (рис. 2.7 и вклейка 2)³². Борис Морозов находит, что на карте конца XVII века, начерченной в связи со спором из-за водяных мельниц и затопленных земель, детально и точно изображены домашняя церковь и помещичий дом, хотя сами здания со-

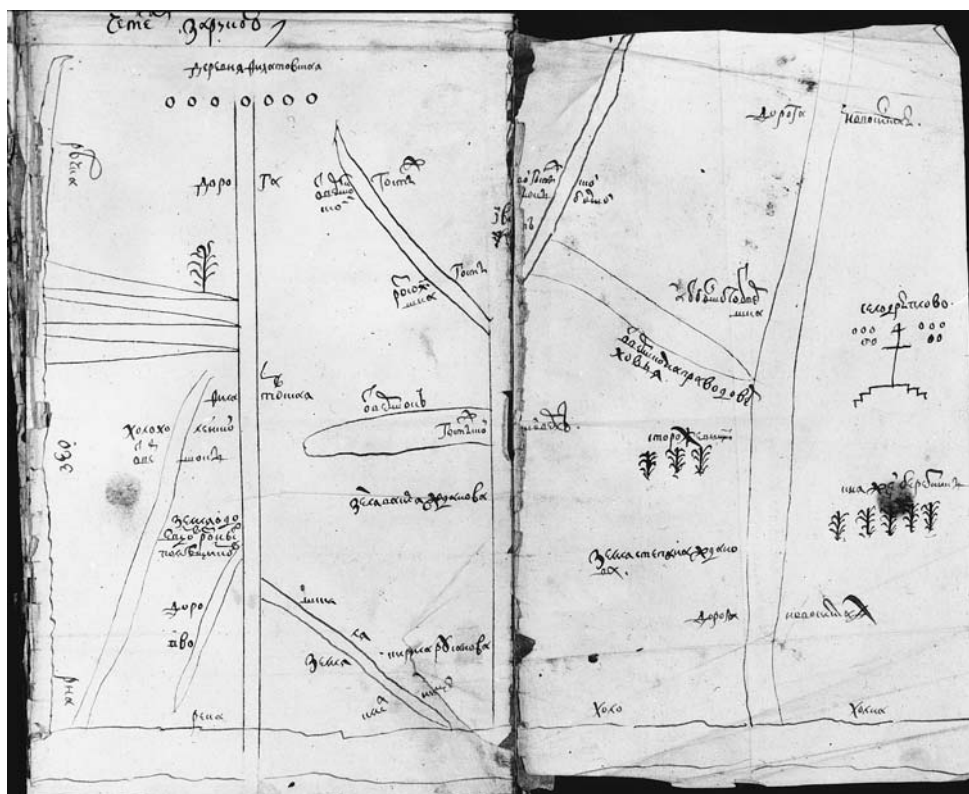

Рис. 2.2. РГАДА. Ф. 1209. Чернь. Стб. 24533. Л. 176 (рисунок чернилами, 1676—1678). Ответчик, Степан Жданов, изображает Новосильскую дорогу сверху вниз справа. Река Большая Гостиж (изображена вертикальными линиями прямо посередине страницы) протекает параллельно Новосильской дороге. Жданов утверждал, что Новосильская дорога и Княжий березняк (пять фигур, похожих на стебли кукурузы, на краю справа) образуют одну границу между его землей (слева от дороги) и землей монастыря (справа). Он заявлял, что его владения простираются от реки Холохольни, изображенной в виде прямой линии вдоль нижнего края страницы, до Гостижского овражка, имеющего вид горизонтально вытянутого пальца, указывающего влево от середины страницы. Деревня Дряплого видна на правом краю в виде креста на возвышении и десять кружков, обозначающих дома. Надпись вверху слева гласит, что карта подписана Степаном собственноручно.

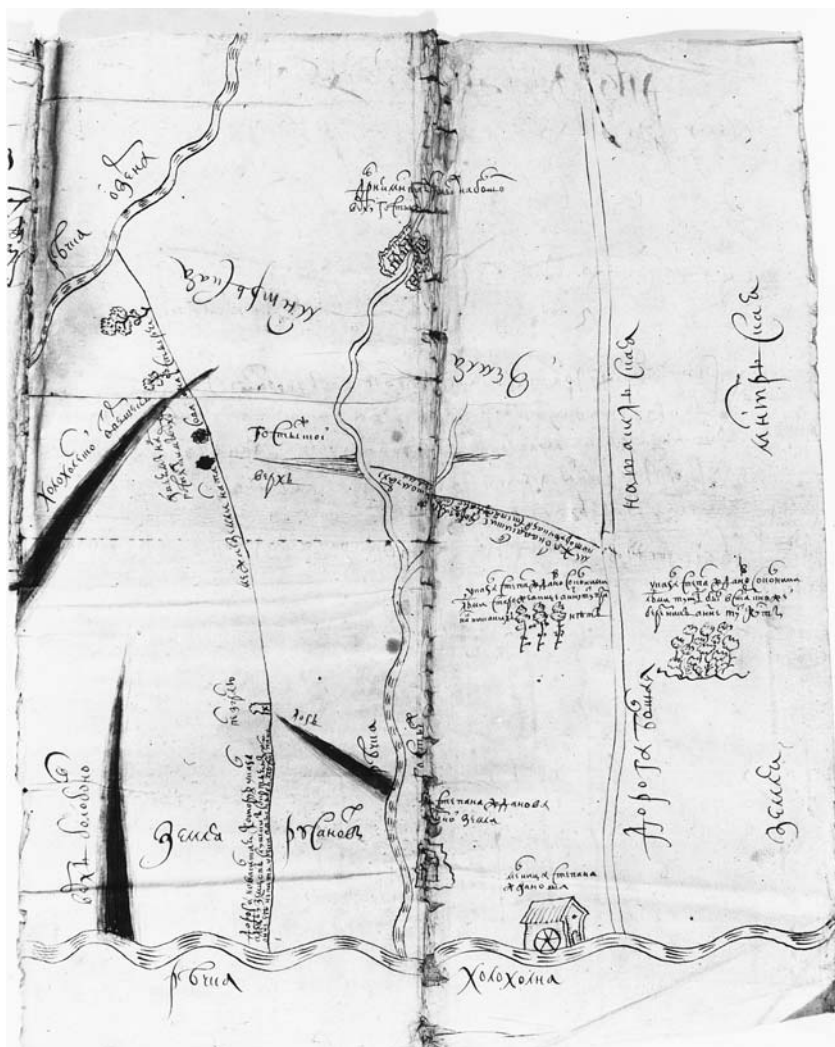

Рис. 2.4. РГАДА. Ф. 1209. Чернь. Стб. 24533. Ч. 2. Л. 225. Эту окончательную карту земель вдоль реки Холохольни было велено «у него взять к судному делу» в декабре 7187 (1678) г. Составленный подьячим из Москвы, этот чертеж подтверждает географию Жданова. Новосильская дорога параллельна реке Гостиж. Над березовой рошей, теперь больше похожей на клумбу, чем на кукурузное поле, подьячий написал: «Указал Степан Жданов с окольными людьми: тут де был встарь княжей березник, а ныне тут куст». Мельница помечена как «мельница Степана Жданова», но земля над ней названа «Степана Жданова спорная земля».

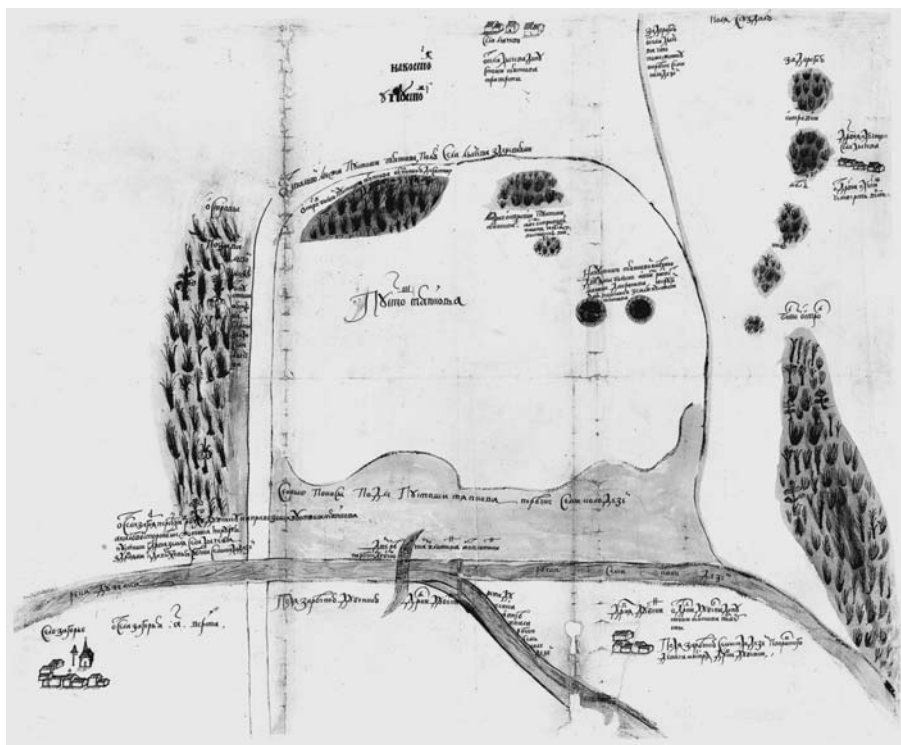

Рис. 2.5. РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34253. Ч. 1. Л. 132. Копия 1672 г. Карта земель вдоль реки Семь Колодезей. Составителем карты был местный землевладелец Андрей Селезнев, отставной дворянин, и его труд свидетельствует о знании местности. Помимо искусно вычерченных деревень, включая церковь с остроконечным куполом и необычную, тщательно исполненную, отдельно стоящую колокольню в городке Загорье, в нижнем левом углу разъясняется, что в «двух ямах великих» (темные круги справа от центра) растет малина и крапива, а вокруг ям находятся пашни Тяпковой пустоши. Карта ориентирована на восток, и вверху, слева от небольшого села Лычево, каллиграфическими буквами написано: «на восток у пустоши».

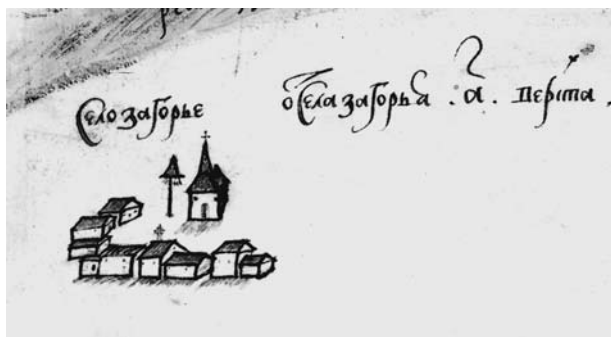

Рис. 2.6. РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34253. Ч. 1. Л. 132. Фрагмент с изображением церкви и колокольни в городке Загорье.

вершенно не имеют отношения к делу³³. Составители карт часто не жалеют усилий, чтобы передать декоративные орнаменты на дворянских особняках или на церквях и монастырях, и даже на крестьянских домах, изображая резные решетки вдоль галерей, украшения, венчающие башни, и нарядные оконные рамы (рис. 2.8—2.11)³⁴.

В уездную судебную тяжбу были вовлечены многочисленные интересы и власти различного уровня. Об этом говорит тот факт, что местные просители начинали процесс с требования изготовить карты, затем дьяки в московских приказах отдавали распоряжение удовлетворить их требование, а рисовальщики, в действительности составлявшие карты, назначались из разношерстной, ничем не примечательной группы низших чинов и местных жителей. Иногда карта с гордостью демонстрирует имя своего автора, как карта 1684 года из Юрьев-Польского уезда с надписью наверху: «Чертеж Михаила Усакова», но чаще приходится выискивать имена картографов или художников в сопроводительных судебных протоколах. Из 191 составителя карт, чьи имена мне удалось идентифицировать с определенной долей уверенности, 72 были городскими воеводами или московскими писцами, направленными на места одним из центральных ведомств, но оставшиеся 119 были уездными жителями разного рода, и все довольно скромного чина. Любого умеющего читать и писать человека, который оказался поблизости, могли завербовать в качестве составителя карт. Наряду с более или менее профессиональными межевщиками и писцами в составлении карт пробовали себя местные подьячие, отставные дворяне и дети боярские, пушкари, площадные писцы, выборные посадские старосты, один городской священник, один иконописец и шесть монастырских служек³⁵. Время от времени московские подьячие, имеющие опыт топографической съемки, выезжали в уезды для составления карт

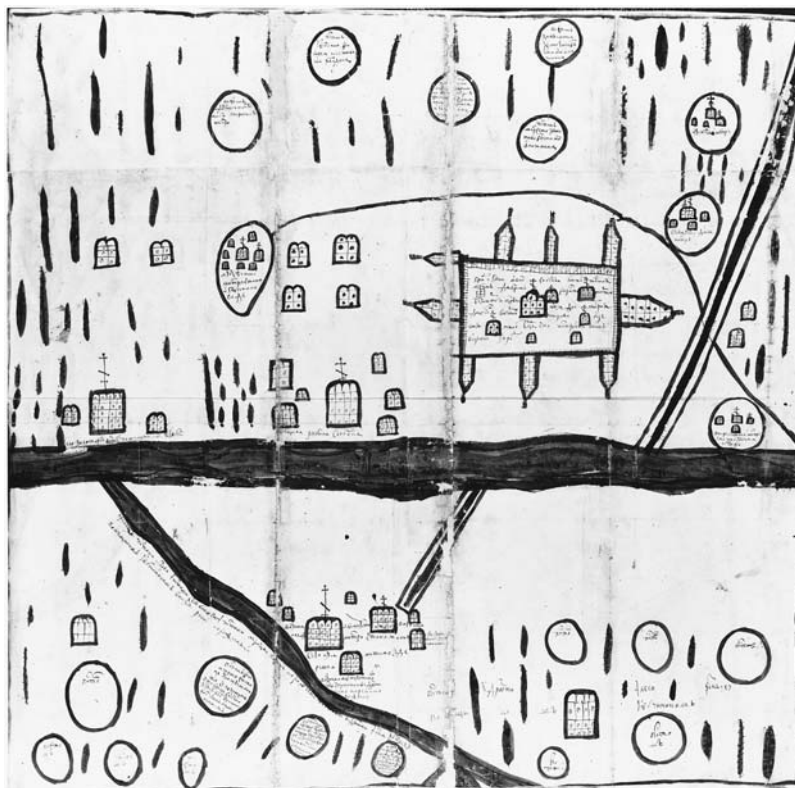

Рис. 2.7. РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35837. Ч. 1. Л. 151. 1691. Первое из двух изображений города Углича и соседнего Николо-Улейминского монастыря, представленное в ходе юридической баталии. Две карты передают на удивление различные зрительные образы, но обе довольно точно изображают значимые местные сооружения. На этой карте, представленной горожанами, показаны стены и башни Угличского кремля в развернутой перспективе. Кремль окружают скопления домов и многочисленные монастырские анклавы, каждый из которых заключен в черный круг. Улейминский монастырский комплекс находится сверху справа, с двумя маленькими церквями и двумя маленькими домиками.

спорных земель, как, например, Федор Домашнев и Дмитрий Ушаков, писцы Поместного приказа, которые были опытными землемерами и межевиками³⁶. Однако чаще это были скромные местные жители, вроде «от твоей великого государя службы отставного дворянина или съезжей избы подьячего от места добра», такие как писец городского воеводы из Суздаля Андрей Быковской или Осип Офросимов, отставной дворянин из Нов-

Рис. 2.8. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27838. Ч. 1. Л. 322. Фрагмент архитектурного комплекса Богоявленского поселения в окрестностях Суздаля .

город-Северского, который взял на себя обязанность составить местную карту. Писец съезжей избы Новоторжской Петр Постников вместе со стрельцом из этого же города составили карту спорных земель в Торжке в 1688 году; против путивльца Микиты Шекина и подьячего путивльской приказной избы Гаврилы Мосалитинова было выдвинуто обвинение в искажении сведений на карте в 1685 году. Елецкий площадной подьячий Федька Васильев изготовил одну из двух карт в вызвавшем горячие споры деле 1690 года, тогда как вторая была сделана местным сыном боярским по имени Кирилл Цельковский. В Кашинском уезде в 1694 году площадной подьячий при составлении карты оспариваемых земель работал совместно с мелким служащим воеводской избы — рассыльщиком³⁷.

Независимо от своего происхождения составители карт полагались на местных осведомителей в получении необходимых сведений. Повеления о составлении карт неизменно содержали особые указания о том, чтобы собрать большие группы местных жителей, особенно «старожилов», и использовать их свидетельства. Указы, изданные от имени великого государя, повелевали городовому воеводе Владимирского уезда отправить отставного дворянина или подьячего съезжей избы «и взять ему с собою тутошних и сторонных людей старост и целовальников, и крестьян, сколько человек пригож, да в том стану велено сыскать накрепко большим повальным обыском многими людьми дворяны и детьми боярскими, и их прикащики, и старосты, и целовальники и крестьяны по евангельской заповеди... и тех обыскных людей имена и речи велено написать на список»³⁸. К повелениям опросить большое количество местных людей подходили серьезно: в одном довольно обыкновенном деле были получены показания 362 человек³⁹.

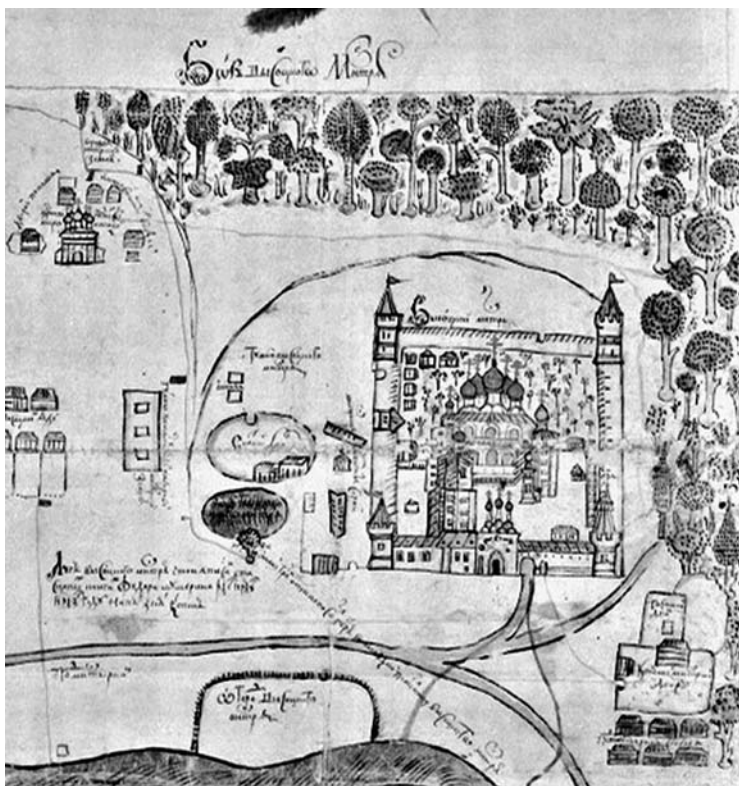

Рис. 2.9. РГАДА. Ф. 1209. Алексин. Стб. 30972. Ч. 1. Л. 174а. Фрагмент изображения Высоцкого монастыря в окрестностях Серпухова.

МЕСТНЫЕ КАРТЫ И ЮРИДИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ

Как отмечалось выше, тяжбы, для которых требовались карты, обычно были особенно продолжительными и сложными. Они длились годами, а иногда и десятилетиями⁴⁰, отражая достигшую апогея приверженность московской бюрократии букве закона. Эти тяжбы поглощали тысячи страниц драгоценной бумаги — товара, который постоянно был в дефиците в уездах Московии, не говоря уже о бесконечных часах, потраченных административными работниками на расследование и протоколирование дел, составление и переделку карт. Когда одна из сторон подавала жалобу, расследование необходимо было провести в соответствии с буквой закона. Особенно после опубликования нового, дополненного судебника 1649 года за-

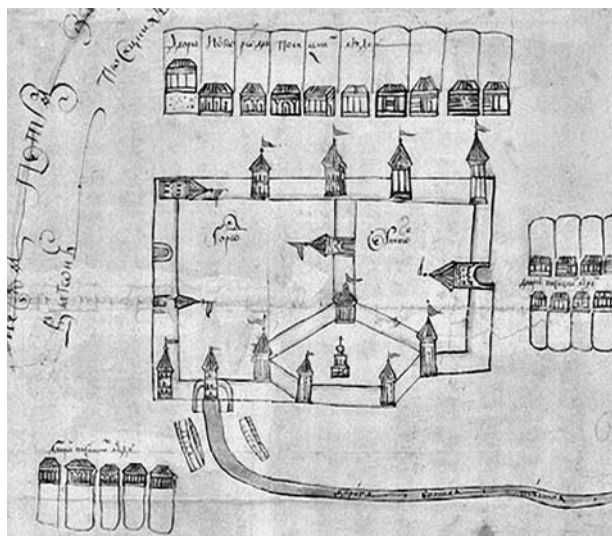

Рис. 2.10. РГАДА. Ф. 1209. Алексин. Стб. 30972. Ч. 1. Л. 174а. Фрагмент изображения города Серпухова.

кон стал многословен до крайности, а обязательные процедуры — громоздкими и длительными. Осторожные противники постоянно ссылались на требования закона, подвергая сомнению то, каким образом местные чиновники проводили расследование. В делах по спорным имущественным правам закон требовал, чтобы власти провели «большой повальной обыск», что де ту рощу Тетюрку знают, сторонние и окольные люди и старожилы», и опросили жителей ближних и дальних от спорных земель деревень, принадлежащих разным землевладельцам. Их следовало допросить вместе и по отдельности, по правде, после клятвы на святом Евангелии. Их показания, подписанные получившим их писцом и свидетелями или доверенным лицом, которому было дано специальное указание поставить свою подпись вместо них, должны были направляться прямо в Москву, в центральные приказы. Часто повторяемые увещания к приказным людям расследовать «в правду» «другу не друга, а недругу не мстя ни которыми делы» показывают, что целью такой серьезной процедуры в значительной мере были беспристрастность и истина⁴¹.

Из самих дел становится совершенно ясно, что никакие клятвы на святом Евангелии не могли обеспечить правдивость всех и каждого. Снова и снова дела показывают, что святая правда одного была оскорбительной ложью и забывчивостью для другого. После надлежащего разбирательства, в ходе которого приказные люди проверяли старые акты и

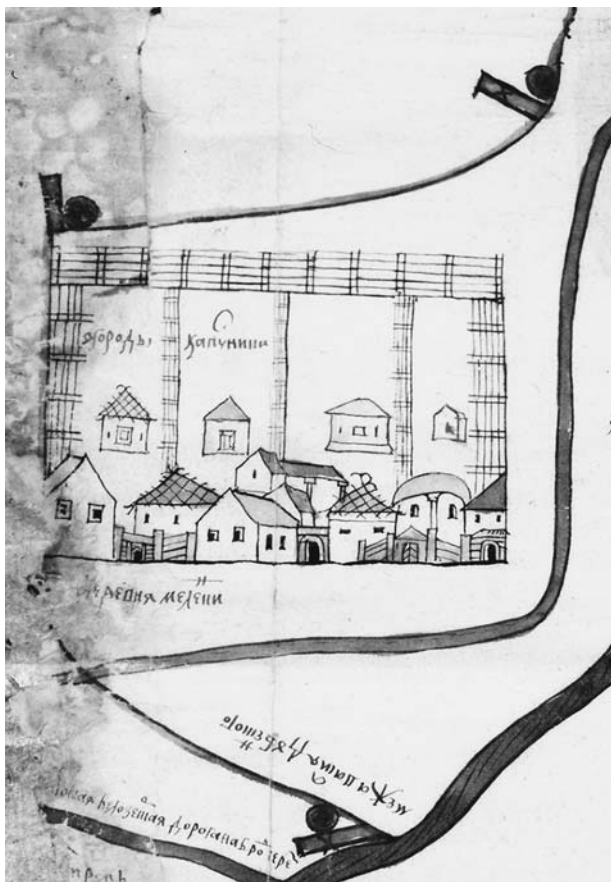

Рис. 2.11. РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36717. Л. 37. Фрагмент изображения огороженной деревни Меленки. Дома с огородами и капустными грядами

документы, собирали сотни свидетелей, получали их показания и вместе с ними обходили границы от реки к ручью, от родника к болоту, от осины к дубу, ситуация развивалась стандартным образом. Проигравшая сторона, услышав приговор, с негодованием протестовала против коррупции и неправильного ведения расследования. Стороны жаловались, что следователи в своих опросах ограничились «ближними и не дальними людьми» или, наоборот, «дальними людьми и не ближними дальних станом и деревен»; что они опрашивали свидетелей избирательно, а не поголовно; что они опросили слишком мало людей или что они составили карты и запи-

сали результаты опросов, ни разу не сходяв на сами земли. Просители обвиняли следователей в том, что они указывали в качестве свидетелей людей, которые никогда не принимали участия в расследовании, что они действовали в пользу противоположной стороны «безделною корыстью своею» или «для своих многих взятков... сказали неправду» и вели следствие и составляли карты «ложно», «не в правду» и «воровски»⁴². Например, в 1679 году Данило Ошанин обратился к царю Федору Алексеевичу по поводу своего поля Сидоровка в Суздальском уезде, на которое незаконно претендовал его соперник-землевладелец Василий Алексеев:

умысля своим затейным умыслом, [Василий Алексеев] по стачке с свойственниками своими бил челом великому Государю ложно об той ево помесной пустоше Сидоровке на него, назвав ево помесную пустошь Сидоровку своею пустошью Прокудинскою... а по ложному челобитию Васильева Алексеева и по неправой выписке подьячего Осипа Тарагинова послана в Суздаль великого государева отказная грамота стольнику воеводе Прокофию Ларионову, и ему велено было сыскивать... не выбором... и для того сыску посылан из Суздаля приказной избы подьячий Митка Матвеев. И он, Митка Матвеев, забыв страх Божей и великого государя указ, взяв с него, Василья, посул, не езда на те пустоши и в тот стан, сыскивали дальних, а не ближних людей, выбором, и они ж ложно сказали: Василий владеет тою пустошью... И он, Митка, составил воровски чертеж и досмотр, не быв на тех пустошах.

Проблема, как и следовало ожидать, состояла в том, что, когда московские власти распорядились провести следствие заново, Василий Алексеев предсказуемо подал встречный иск, в котором он настаивал, что его дело правое, и некто другой, как Ошанин, подрывает систему своей ложью и взятками. Поместному приказу в Москве, который был не в состоянии установить, кто прав, а кто виноват в этом деле, не оставалось ничего другого, кроме как направить другой указ, больше похожий на мольбу, чем на властное повеление, с требованием к городовому воеводе, к тому моменту уже другому лицу, провести еще одно расследование и составить еще одну карту⁴³. Государство Романовых, печально известное своим абсолютистским режимом и пользующееся дурной славой у европейских комментаторов из-за нежелания нести ответственность по своим же законам, на самом деле совершенно запуталось в собственных правилах и процедурах.

Эта неспособность разрешать споры в свете абсолютной непримиримости представленных доказательств обременяла большую часть судебных тяжб, связанных с картами землевладений. В деле из Алексина вдова Авдотья Недоброва обратилась с просьбой вернуть ее небольшую вдвою

долю, отобранную у нее бессовестным соседом, Агеем Арцыбышевым. Поместный приказ, видимо тронутый ходатайством и считавший необходимым предоставлять вдовам достойные участки земли, повелел расследовать это дело, и если утверждения вдовы окажутся верными, то закрепить за ней землю. К несчастью для вдовы и московских властей, ни одно дело не оставалось без встречного иска. Ее противник Агей убедительно доказывал свое право на землю, изображая вдову интриганкой, осуществлявшей свои замыслы с помощью взяток и связей. По его словам, ей действительно принадлежала пустошь под названием Варваринка, так же как и ему, потому что в этой местности было два разных поля под таким названием. Приказу ничего не оставалось, как повелеть провести еще одно расследование и составить карту, которые, разумеется, были опротестованы вдовой, потребовавшей очередного тура расследования, на что власти вынуждены были согласиться⁴⁴. В вышеупомянутом споре между Степаном Ждановым и Анастасовым монастырем дело вращалось вокруг существования двух дубов, которые, по утверждению представителя монастыря Алексея Земцова, обозначали дорогу, отделявшую монастырские владения от земли Жданова. Земцов опротестовал три разных варианта карты, представленных Ждановым в течение нескольких лет юридических пререканий, ни на одном из которых не были изображены два дуба. Жданов неизменно заявлял, что два дуба давно сгнили, и никто не может указать их местоположения, поэтому они не могут присутствовать на карте. Разрядный приказ, разбиравшийся с этим конкретным делом, менял свои решения с одного на другое, сначала однозначно передав землю Жданову, а затем аннулировав свое постановление и вернув землю монастырю⁴⁵.

В споре с Никитским монастырем Юрий Скрыпицын заявил права на участок земли на основании того, что эта земля была официально подарена ему царским указом из фонда «порозжей земли». Он утверждал, что церковь, которая ранее стояла на этой земле, и прилегающее к ней кладбище были построены давным-давно крестьянами бывшего землевладельца, и поэтому участок, на котором стоит церковь, и земля вокруг нее по праву переходили к нему, как нынешнему землевладельцу. В первом раунде опросов свидетели-крестьяне единодушно подтвердили его слова. Монастырь согласился, что церковь построил прежний владелец, но затем, как утверждали монахи, он завещал территорию церкви и землю монастырю. Монастырь давал также и другие, противоречащие предшествующим показания: якобы церковь построили монастырские крестьяне, и поэтому она принадлежала монастырю с самого начала. Крестьяне, которых призвали подтвердить новую историю, сделали это не моргнув глазом. Представитель монастыря далее добавлял, что Скрыпицын действовал безответственно по отношению к священному имуществу: он затопил землю,

построив новую мельницу, и неуважительно обращался с кладбищем: «...церковного села бревна в земле, знать, згнили, и по...* того окладу человеческие кости и кладбища, и цка, а на той цке подписано: преставися Антонида Данилова дочь Дубровина, и на иных могилах камня многие есть, и около того погосту обрано, и камень многое выломано». Как и следовало ожидать, когда местные власти снова пришли проводить расследование, монастырь смог найти свидетелей, которые подтвердили последнюю версию истории⁴⁶.

Некоторые дела превращались в такое болото противоречий, что невозможно было установить даже базовые истины. Перед лицом сложных и противоречивых свидетельств московские власти могли пойти двумя путями: начать очередной круг расследования и отложить разрешение дела, что они обычно и делали, или поверить в самую последнюю, в самую жалостливую или в самую выгодную для них историю, что они делали иногда. В кашинском деле, загрузившем суды работой на пять лет, с 1665 по 1670 год, собственность переходила из рук в руки по меньшей мере дважды, и обе стороны постоянно требовали новых расследований и новых карт. Суд выносил решения в пользу то одной, то другой стороны, по мере того как каждая из них представляла документы и свидетелей. Указания, направленные в Кашин в 1670 году, подчеркивают, что воевода должен провести третье полное расследование тех же оспариваемых земель. Не только суд кардинально менял свои собственные решения по этому делу, отбирая землю сначала у одного, а потом у другого владельца, но и ряд подьячих съезжей избы понесли физические наказания из-за нерешительности суда. Сергушка Филатов, называемый «человек Ивана Шашкова», вероятно, был крепостным. Его осудили за подделку списка свидетелей и приговорили бить кнутом — любимым русским орудием наказания. Позднее, когда выяснилось, что Сергушку самого оклеветали в судебном протоколе, суд заговорил по-другому. Он приговорил площадного подьячего, которого теперь считали истинным злоумышленником, за то, «что он писал крестьян заочно в обыск и руку прикладывал, учинить наказание — бить нещадно кнутом и о том послать», и освободил Сергушку под залог. С точки зрения Сергушки, карательное государство никак не выглядело неэффективным: он уже пострадал от первоначального приговора, и неважно, был тот отменен или нет⁴⁷. И действительно, государство показало свою силу в этих делах: оно отбирало земли, передавало их другим владельцам, выносило суровые приговоры и на многие годы блокировало в судах права на владение землей. И при всем этом оно было неспособно

* Далее несколько слов не удалось разобрать (В. К.).

разрешить дела, которые слушались в его собственных судах в соответствии с его собственными законами и процедурами.

Разноцветные чертежи-карты, представленные в судебной тяжбе XVII века по поводу недвижимого имущества, показывают московское самодержавие во всем его могуществе и неумелости. Они позволяют перевернуть сложившиеся у нас представления о взаимоотношениях между картографическими проектами центра и местными интересами. В огромной неуправляемой стране, где централизация никогда не смогла бы прижиться без участия и поддержки местных сообществ, карты предоставили местные знания на службу центру. Как пишет Тимоти Митчелл, «эффективность дисциплинарных методов... заключается не в их силе или охвате, а в локализованной способности проникать, переустраивать и колонизировать»⁴⁸. Не все дисциплинарные методы оказались полностью эффективны. Как показывают судебные протоколы, карты не только предоставили государству способ отслеживать свое население и ресурсы и держать все под контролем. Они также вооружили местных спорщиков новыми и оригинальными способами, для того чтобы лгать и исказить очертания местности и использовать нормы самого государства в своих собственных интересах⁴⁹. Государство не имело непосредственного доступа к местной «правде», но из-за своих же правил не могло ничего решить без этой правды. Даже получив достаточно полную информацию об отдаленной местности, государство часто страдало от недостатка ресурсов, чтобы отстаивать свою волю. Огромная карта оборонительных сооружений в Пскове, важном приграничном городе на северо-западе, изображает внушительную крепость, но текст открыто признает ограничения государственной власти. В подписи обращается внимание на не подлежащее ремонту состояние крепости, обещавшей настолько, что государство уже не в состоянии ее восстановить. «Старая отводная стена починить немочно»⁵⁰ (см. рис. 2.12).

Московское государство, заключенное в громоздкой системе, созданной своими же собственными законами и процедурами, снова и снова сталкивалось с запутанным клубком юридических проблем. Замкнутый круг исков и встречных исков, апелляций и встречных апелляций, лжи и новой лжи крутился, подчиняясь своей внутренней логике: сам закон требовал честного, всеобъемлющего расследования. Тяжущиеся стороны всегда имели право подать жалобу по процедурным основаниям. С помощью торжественной клятвы на Библии и пугающих наказаний, начиная от «опалы» и штрафов и заканчивая битьем кнутом, суды пытались выполнить свое обязательство держаться «правды», но даже там, где не было открытой фальсификации и лжи, местное родство и покровительственные связи могли свести на нет любое абстрактное стремление к беспристрастности. Царский режим мог утверждать свою власть с помощью жестокой силы, правового принуждения и угрозы проклятия, но страх наказания в

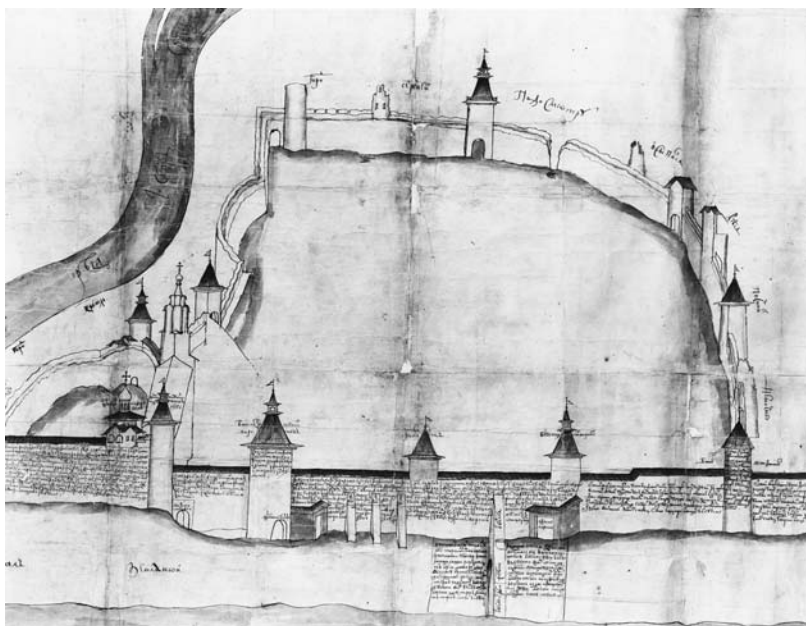

Рис. 2.12. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Псковская губерния. № 3. На этой карте изображена внушительная крепость в Пскове и видна разрушенная часть стены позади справа, а также пара башен, которые выглядят так, будто они знавали лучшие дни.

этом или в следующем мире не мог эффективно препятствовать манипулированию системой. Сама приверженность государства юридическим процедурам втянула его в паутину нерешительности.

ЗАКОННОСТЬ И ДЕСПОТИЗМ

Можно удивляться свидетельствам такой всеобъемлющей и дорогостоящей законности в контексте Московской Руси. «Государство и форма его правления, — часто говорили нам, — были чисто тираническими», или, другими словами, царь-деспот подавил подневольный народ своим произволом⁵¹. Западные путешественники, побывавшие в Московии, неизменно сообщали, что видели общество без законов, подчиненное капризам государя. Эти трюизмы перекочевали в московские источники, так что те же домыслы повторяются в русских работах. В «Космографии 1670 г.» — русском переводе и адаптации атласа Герхарда Меркатора, который, в свою очередь, цитирует длинные отрывки из более раннего описания России

Сигизмунда фон Герберштейна, утверждает: «Все одного его [государя] послушают, и повинуются ему без всякого прекословия, уделных князей ни графов в том государстве нет. Полный государь един самодержавствует. Над всеми имеет волность. От великаго и до меншаго чина казнит и щадит, а подданные его почитают его, аки Бога, с великим страхом и трепетом»⁵². Трудно примирить это красноречивое настоятельное утверждение об отсутствии закона в царской Московии с ревностным, хотя и запутанным, следованием букве закона, которое мы наблюдали, но примирять непримиримое или, по крайней мере, быть терпимым к противоречиям — это работа историка. Законотворчество действительно приняло угрожающие размеры в Московской Руси. Более девятисот статей Уложения 1649 года уже своим количеством свидетельствуют об этом. Десятки тысяч сохранившихся судебных протоколов подтверждают, что на практике закон превращался в живую реальность, когда люди обращались в суды и настаивали на своих правах на должную процедуру и беспристрастный приговор. Закон действовал во всех областях московской жизни. Люди всех чинов были достаточно погружены в культуру закона, чтобы тащить своих оппонентов в суд, полностью включаться в правовой спор и уверенно оспаривать ненадлежащую процедуру⁵³. Уже в московские времена в России сформировалась культура высокой законности, в которой сила закона была осязаемой, вездесущей и широко признавалась как полезный инструмент и обществом, и властью⁵⁴.

Возможно, скептики будут указывать на то, что закон может выполнять менее привлекательную функцию в обществе. Он может принимать вид беспристрастного и справедливого судьи, а на самом деле служить деспотическим интересам правящего класса или режима. Участие в правовом процессе может быть вынужденным и укреплять уже очевидное неравенство сил, а не демонстрировать добровольное участие противников скромного чина. Гади Альгази красноречиво демонстрирует это, блестяще развенчивая миф о добровольном или представительном участии в западных средневековых деревенских ассамблеях. Стивен Франк выступает с подобной критикой в отношении крестьянского участия в судебных процессах имперской России⁵⁵. Вынужденные играть свою роль в созданном для них театре закона, будут утверждать такие скептики, крестьяне и другие маленькие люди знали исход до начала представления. Они прекрасно понимали, что перевес на другой стороне. Едкая московская сатира «Повесть о Шемякином суде», на первый взгляд, подтверждает такое осуждение судебной системы. В рассказе описывается насквозь коррумпированный суд, в котором маленький человек может выиграть только благодаря уловкам, взяткам или угрозам расправы⁵⁶. Свидетельства реальных судебных дел все же показывают, что эти суды предоставляли реальную

трибуну для жалоб людей всех чинов. Законные суды не только обеспечивали прикрытые разбои сильных мира сего. Несмотря на неизбежную коррупцию, большинство судей, по-видимому, пытались справедливо решать дела в соответствии с законом, и суды предоставляли площадку, где враждующие стороны могли искать разрешения местных споров. Иски часто возбуждали люди невысокого статуса, которые питали реалистичные надежды получить удовлетворение с помощью закона. Соотношение исходов подтверждает это: обычно вердикт выносился в пользу истца, независимо от его социального положения относительно ответчика⁵⁷. Такая модель неизбежно сталкивается с проблемой того, что в случае встречного иска роли истца и ответчика менялись. И действительно, решения по встречным искам в московских делах обычно отменяли первоначальное решение. Там, где запутанные факты не позволяли понять, кто прав, а кто виноват, московское правосудие часто склонялось в пользу настойчивости, а не высокого чина⁵⁸.

Некоторые ученые, особенно советские, пошли дальше, утверждая, что на самом деле царские суды отдавали преимущество средним и низшим классам перед богатыми и влиятельными боярами и монастырями. В исследовании крестьянских исков против монашеских организаций А.Д. Горский находит, что суды обычно поддерживали законные жалобы крестьян, а не жалобы влиятельных священников. Такая точка зрения аккуратно соответствует марксистской схеме — на этой фазе строительства государства монарх вступает в союз с развивающейся буржуазией, либо, при отсутствии идентифицируемого класса буржуазии, с мелким дворянством и низшими классами, чтобы потеснить аристократию⁵⁹. Эта оценка предлагает слишком оптимистичный взгляд на справедливость московских судов, где чин, несомненно, играл роль при определении исхода, но богатые и влиятельные имели в суде меньшее преимущество, чем можно было бы ожидать.

Одна из причин, по которой чин судящегося лица значил так мало при определении исхода московских дел, состояла в том, что мало кто из участников процесса представлял в суде только себя и свои собственные интересы. Когда крестьяне обращались в суд, они часто делали это от лица всей деревни или общины, которая, в свою очередь, обычно принадлежала землевладельцу определенного класса — боярину, уездному дворянину или монастырю. Низкий статус истцов или ответчиков как крестьян компенсировался и усложнялся их статусом законных представителей коллективов и своих хозяев. Когда нарушались их границы, нарушались и границы их хозяев. Подобным образом горожане и государственные крестьяне, над которыми не было землевладельцев, подавали иски на соседние поселения как коллективные единицы; и поскольку их непосредственным хо-

зяином был сам царь, государственные власти были непосредственно заинтересованы в их экономической жизнеспособности. Казаки, стрельцы, трактирщики и почтовые служащие — все состязались в суде как члены коллектива и слуги царя. Сам по себе чин состоял из многих уровней, поэтому будет трудно выявить в судебных решениях уклон какого-либо рода — в пользу правящей элиты или против нее, в пользу средних и низших классов или против них. Если царь считается конечным правообладателем всей собственности, тогда его интересы также должны учитываться при оценке чина и влияния в имущественных спорах. Его интересы предположительно должны заключаться в том, чтобы усиливать требования тех, кому он даровал землю, таким образом укрепляя право собственности его подданных. Следствия такого наложения интересов мы рассмотрим в последующих главах.

Если романовскую судебную систему оценивать с точки зрения эффективности и непосредственного результата, то ее придется назвать катастрофической, воплощающей слабость и нерешительность. Непредсказуемые наказания и меняющиеся вердикты несомненно подпитывали образ жестокой и основанной на произволе административной судебной системы, еще больше дискредитируя судебную власть, уже известную своей неэффективностью и продажностью. Царская администрация заявляла о своем стремлении вести дела «в правде» и «не замочав... без волокиты». Отдельные законы и постановления приказов осуждали медлительность и нечестность в поведении чиновников, но такие злоупотребления процветали. Просители всех чинов, разделяя представление государства о том, что такое надлежащее управление, жаловались в коллективных и личных петициях на бюрократию, задержки, недостаточное рвение со стороны судебных чиновников и понесенные в судебном процессе «убытки большие»⁶⁰. В 1648 году челобитье, поданное от имени «всяких чинов людей» содержало «справедливую жалобу» на административную коррупцию, «волокиту» и надменное отношение царского судебного аппарата: «...стараяются те вышеупомянутые приказные, власть имущие и канцеляристы с величайшей хитростью и лукавством нас подавлять, притеснять и погубить»⁶¹. Продажные чиновники брали взятки и отдавали предпочтение «сильным людям». «Ты [государь. — *В.К.*] должен, напротив, повелеть всех неправедных судей искоренить, неразумных сместить и на их место выбрать справедливых людей, которые бы за суд и за службу пред Богом и пред твоим царским величеством отвечать могли»⁶². Тысячи страниц ценной бумаги и океаны чернил, бесконечные часы административной и бумажной работы, посвященной записыванию затяжных, безрезультатных процессов и составлению карт, которые тут же будут опротестованы, с одной стороны, только раздражали участников процесса. Государственный

аппарат явно не мог поддерживать стандарты честности и эффективности, которые он для себя установил. Такая неэффективная законность, на первый взгляд, не могла работать на чьи-либо непосредственные цели и интересы. И все же, несмотря на жалобы в отношении системы, люди продолжали обращаться в царские суды, настойчиво излагая свои споры и ища решения в тех же судах, чью эффективность и честность они с такой готовностью отрицали.

Царские подданные возвращались в суды, потому что система также работала на некотором важном уровне. Неуклюжая и недейственная приказная система со своим всеобщим, вселенским обещанием вершить правосудие со справедливостью и милосердием вовлекла беспокойные провинции в единый спор без конца и без выхода. Центральные власти, их представители и делопроизводство были участниками этого диалога, а не одностороннего монолога. Карты как часть московского неэффективного судебно-административного механизма вовлекли удаленное население в единую хрупкую паутину. Сама неэффективность судов в решении имущественных споров нечаянно позволила государству водить за нос многочисленные конфликтующие группы интересов, не превращаясь в заклятого врага ни одной из них. Если судить с точки зрения цели царского государства, занятого централизацией и стандартизацией, стремящегося просочиться во все уголки и щели, подчинить население своему аппарату и заставить участвовать в своих планах, то карты и сопровождающие их судебные протоколы представляют образец успеха абсолютизма. Законные суды предоставляли людям всех чинов место, где они могли сразиться друг с другом, и государство в лице местных властей обращало на них внимание.

Реальная правовая культура и практика никоим образом не подрывают утверждения о том, что московский режим действительно был самодержавным. Великий князь, а позднее царь правил как неоспоримый властелин своей страны. Его власть широко понималась как власть, предписанная и данная Богом, и его почетная обязанность состояла в том, чтобы править как наместник Бога на земле. Вовсе не освобождая царя от каких-либо ограничений и пределов, это божественное назначение обременяло его серьезным обязательством исполнять свою работу хорошо и с надлежащей мерой милосердия, справедливости и благочестия. В противном случае он разочарует не только своих подданных, которые понимали условия сделки, но также и своего небесного работодателя, чей гнев страшно себе представить⁶³. Выполняя условия этого обязательства, царь должен был постараться открыть свои суды для всех и сделать их местом справедливости и милосердия. Как отмечает Нэнси Шилдс Коллманн, строя законность и поощряя соблюдение законов, режим главным образом опирался на «стратегии интеграции». В своем исследовании чести и бесчестия в Московии

Коллманн показывает, что судебные разбирательства из-за оскорбительного и неуважительного отношения к статусу давали каждому подданному малую толику чести, соответствующую его положению в обществе. Обязуясь сохранять различия и отличительные привилегии, присущие четко стратифицированному, иерархическому обществу, закон обещал защищать точно отмеренную долю чести каждого лица и группы с помощью надлежащего и справедливого судебного производства. Защищая эту драгоценную каплю чести, москвиты могли «преследовать свои интересы в рамках поддерживающих государство институтов». «Судебные процессы по делам чести предоставляли обществу арену, на которой выигрывали и люди, и правительство»⁶⁴.

Судебные процессы по делам о недвижимом имуществе функционировали таким же образом. Признавая серьезность каждого мелкого местного имущественного спора, должным образом рассматривая и пересматривая расположение каждого оспариваемого куста малины, государство фактически подтверждало значимость каждого участника процесса и каждого свидетеля. Гарантируя право на надлежащее слушание дела в суде, режим спланировал своих разнообразных подданных как активных членов обширного государства, объединенного системой закона и правосудия. Даже когда закон был неповоротлив, несовершенен и переменчив, его медленные и скрипящие колеса продвигали участников в едином направлении, к чувству принадлежности и участия в функционирующем государстве-общине. Тяжбы, даже бесконечные и безрезультатные, обеспечивали, по словам Коллманн, «источник стабильности для широко раскинувшейся многонациональной московской империи. Они символичны с точки зрения гибкости, которая сделала самодержавие в Московии жизнеспособным: самодержавие действовало, не изолируя правителя и его людей во власти, но вовлекая общество в осуществление этой власти»⁶⁵.

Неотделимое присутствие партикуляристских личных или местных интересов и управленческой повестки дня государства характерно для судебных карт как продуктов этого особо раннего явления Нового времени — авторитарного государства, одна из наивысших точек развития которого приходится на романовский абсолютизм XVII века. Хотя эти карты беззащитно сосредоточены на местных интересах и никак не соотносятся с внешним миром или более широким взглядом на вещи, они представляют власть центра в провинции. Они демонстрируют искусность центрального государственного аппарата в распространении своего влияния и внедрении стандартных практик и языка на местах. Интересы центра и периферии пересекаются в использовании карт. Эти два аспекта — успешное проникновение государства в уездную жизнь и полное энтузиазма использование государственных процедур местными действующими лица-

ми — проявляются в картах вместе, так же как они проявлялись в создании монархий раннего Нового времени. Как современная честолюбивая абсолютистская монархия, царский режим стремился дотянуться своими щупальцами до самых дальних уголков общества, распространить свою контролируемую сеть таким образом, чтобы под его эгидой оказался каждый член общества. Готовность, с которой враждующие землевладельцы, будь то мелкие дворяне, влиятельные монастыри или бояре, городские общины и даже крепостные крестьяне, обращались в царский суд со своими мелкими жалобами, показывает, насколько эффективны были Романовы в этом начинании. Как бы то ни было, это успешное государство раннего Нового времени.

Весь процесс централизации Московского государства основывался на участии, поддержке и одобрении на местах, так же как и подобные процессы в западных европейских монархиях того времени. В то же время категории государства и общества, центрального и местного, расплывались в лице местных представителей центральной власти⁶⁶. Крайне локализованные карты, возникшие в местных земельных спорах, оказываются смесью местных и уездных интересов, вопросов и практики. Члены местных общин инициировали процесс составления карт из-за своих частных интересов: защищая свою собственность от расхищения соседями или, наоборот, легализуя то, что удалось захватить, убеждая или обманом заставляя суд встать на свою сторону. Преследуя такие частные интересы, они обращались в учреждения центрального государственного аппарата и к его представителям, которые, в свою очередь, направляли чиновников, обученных стандартизированным административным практикам и терминологии центра, или, что случалось чаще, хватали первого попавшегося грамотного человека, которого удавалось найти в этой местности, и приказывали ему начертить карту наилучшим образом. Неся в деревню такой набор практик и символических репрезентаций, подьячие и писцы — из центральных приказов или с городской площади — должны были собрать местных информантов, получить у них сведения о данной местности и зафиксировать объекты, значимые только на чисто местном уровне. Раздвоенная сосна или обрубленная осина, пустое место, на котором когда-то стояла церковь, заросли малины и чертополоха не имели большого значения, а то были и вовсе не важны для более широкой программы национальной политики, и с точки зрения более общей логики строительства государства не должны были появляться на карте, составленной чиновниками центрального аппарата. И тем не менее они там появлялись — на картах, составленных только для данной местности и отражающих вопросы исключительно местного значения — и становились частью более общего государственного лексикона, символической абстракции и управленческих механизмов.

Составители карт предложили местным сообществам новый способ оформления своих местных интересов, личного соперничества и собственной гордости. Используя картографические услуги, предлагаемые центральными приказами или через их посредство, землевладельцы Московского царства, владеющие собственностью на основании условного дара государства, закрепляли свои права на частные, имеющие границы владения, теперь надлежащим образом отображенные на официальных картах-чертежах. С помощью тех же карт городские общины боролись с захватом земель более влиятельными соседями, монастырями или светскими «сильными мира сего», а крепостные защищали свои поля и леса от расхищения посторонними. Призывая государственных или местных представителей для составления чертежа своих земель, члены местных сообществ укрепляли связи с царским режимом в уездах, настаивая при этом на своем праве участвовать в происходящих процессах и получать защиту как подданные царства, усиливая таким образом легитимность царя. Смешанные стили карт передают взаимозависимость и переплетение местного и частного с центральным и общим. Процесс составления карт и порождающий его лабиринт судебного разбирательства хорошо служили государственным интересам, вовлекая население в свою паутину, подчиняя его единой административной системе и включая в единую, хотя и стратифицированную, концепцию справедливости, всеобщего участия и законности с государством в центре и во главе.

ЗНАКИ В ПРОСТРАНСТВЕ: КРЕСТЬЯНЕ И СОБСТВЕННОСТЬ В КРЕПОСТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Так гласит знаменитая запись 862 года в Повести временных лет. Хотя эта фраза была написана совершенно в другом контексте, она могла бы выразить суть проблемы, с которой московские собственники столкнулись через восемь веков. Земля, даже в густонаселенном центре, имелась в большом количестве, а кому принадлежало право на нее — неясно. Противоречивые указы властей, запутанное делопроизводство и непримиримые требования приводили к тому, что «порядка в ней не было». В Московии XVII века поместья меняли хозяев с огромной быстротой, поскольку владельцы продавали и закладывали недвижимость, нарушали обязательства, теряли право выкупа, оставляли свою собственность, сдавали ее в аренду, передавали по наследству или в дар. Этот быстрый оборот земли сопровождался огромным количеством споров, неопределенностью и даже насилием. Как мы видели, когда вмешивался закон, судебные дела растягивались на годы, образуя спираль нарастающих обвинений и встречных обвинений, исков и встречных исков, которые государственные служащие были не в состоянии разрешить.

Беспорядок и неопределенность были характерны не только для имущественных исков, но и для важных вопросов, касающихся самой земли. Определения собственности, местоположение владений и границы между собственностью и дикой природой были не ясны и не установлены. Дать название отдельным участкам земли и установить их границы — это была чрезвычайно важная и пугающе трудная задача в хаотических условиях русской природы, где человеческий беспорядок вместе с естественным отсутствием границ противостояли усилиям по организации и наведению

порядка. Некоторые карты из уездов, расположенных вдоль юго-восточной границы Московской империи, иллюстрируют этот беспорядок особенно ярко. Крошечные поселения едва видны среди буйно растущих окрестных лесов на великолепной карте 1671 года из Малоярославского уезда (вклейка 3)¹. Природа постоянно посягала на человеческие границы, и границы смещались. Требовалось чрезвычайно много сил для того, чтобы проводить их на вечно меняющемся и смещающемся природном ландшафте. Необходимы были активный надзор и контроль, чтобы обеспечить сохранность хрупких человеческих отметок среди бескрайней природы.

В XVII веке неопределенность имущественных и природных границ была постоянным источником недовольства для московитов всех социальных слоев: от крупных землевладельцев до мелких собственников, от представителей государственной власти до крепостных крестьян. Московиты искали имеющиеся участки земли, отстаивали право собственности в суде, регулировали владение и имущественные права. Они захватывали друг у друга поля и ставили, уничтожали и заменяли межевые знаки. Они взывали к силам святых для освящения своих границ и боролись с наступлением лесов и болот для сохранения полей и пастбищ. Судебные протоколы и грамоты, которых сохранились многие тысячи, живо иллюстрируют интенсивность, с которой права на пользование и владение землей предьявлялись, оспаривались, узаконивались, описывались и применялись. Сотни цветных карт из дел о недвижимом имуществе дополняют протоколы и наглядно изображают понятия «человеческой географии» той эпохи. Карты устанавливали границы собственности четко и просто. Беспорядок уступал место упорядоченности и ясности. Карты изображают земельные владения как ограниченные объекты без размытых, сливающихся или перекрывающихся границ, бесконечной неопределенности или вопросительных знаков. Из путаницы противоречивых исков составители карт извлекали аккуратное изображение четко очерченных владений. В то же время и в рамках того же процесса отчетливые чернильные линии отделяли земельную собственность, т.е. землю, которая имела хозяина и обрабатывалась, от огромных пространств прилегающих лесов и степей, из которых состояла Русская земля. Резительный контраст между опрятным, ясным, дифференцированным миром карт и явным беспорядком, царившим в московской землевладельческой практике, является отправным пунктом данной главы.

СМЕЩАЮЩИЕСЯ ГРАНИЦЫ

Плодотворный подход к понятиям московитов о пространстве можно почерпнуть из постмодернистской теоретической литературы по «челове-

ческой географии» (human geography) и пространственности. За последнее время теория пространства предложила две концепции, которые оказались полезными для интерпретации свидетельств об отношении москвитов к среде своего обитания. Первая концепция — это дуализм противопоставленных друг другу «пространства» и «места», то есть различие между абстрактной, недифференцированной территорией и определенным, ограниченным местоположением. Вторая концепция, основанная на первой, это стремление постмодернистских географов к «социальному построению эмоциональных географий, конкретизации социальных отношений, запечатленных в пространственности»². Географическое пространство, как они утверждают, не является ни нейтральным, ни данным. Они изучают формирование пространства человеческими обществами, т.е. «наполненное властью и проблематичное становление географий, всеобъемлющее и инструментальное опространствление общества»³. Понятные упрощения сложных пространственных отношений на московских картах ясно показывают релевантность первой концепции. Вторая действует на менее очевидном уровне, и мы обратимся к ней чуть позже.

Согласно И-Фу Туану, одному из ранних теоретиков в этой области, пространство — это абстрактное понятие, тогда как место — более привычное. «В открытом пространстве нет протоптанных путей и указателей. В нем нет застывшего рисунка человеческих смыслов; оно похоже на чистый лист, на который можно наложить смыслы. «граниченное и очеловеченное пространство — это место»⁴. С одной стороны, это различие может показаться довольно банальным, но если применить его к конкретной исторической ситуации, то понятия пространства и места помогают понять способы использования и подход к окружающей среде, характерные именно для данного общества. Когда перед калифорнийскими застройщиками встала задача создать порядок на плоских сухих просторах пустыни Мохаве, они безжалостно расчертили ее правильной сеткой дорог. Стоя на пересечении 112-й стрит и Ист-авеню, когда сухой ветер пустыни проносится по пустой, до сих пор не освоенной земле, человек отчаянно чувствует тщетность всех попыток XX века обуздать бесконечность. Москвиты по-другому подошли к проблеме приручения ландшафта и деления его на контролируемые участки. Живые наглядные изображения на чертежах-картах рассказывают очень многое об особенностях московских попыток очеловечить пространство внутри необъятной природы. Карты и сопровождавшая их насыщенная законная и незаконная деятельность не только служили непосредственным практическим целям, но также помогали москвитам создавать ощущение ограниченного «места» в расплывчатом «пространстве».

Проблема выделения определяемых участков территории в огромном, недифференцированном ландшафте центральной Московии оказалась

трудноразрешимой. Когда центральные приказы повелевали провести расследования, они наказывали своим посланникам проверять старинные книги и грамоты и «сыскивать многих людей и велено те земли описать имянно по урочищам и учинить тем землям чертеж и за руками послать в розряд»⁵. Это было непросто. Как проводили точные границы во времена, когда глобальной системы позиционирования еще не существовало, не использовались долгота и широта, и даже стороны света использовались нечасто? Это был сложный процесс, подверженный ошибкам. Подтверждение существования таких трудностей мы видим в точных до мельчайших деталей указаниях по установлению границ земель. Когда Никифор Грибоедов и Сновицкий монастырь поспорили из-за сенокосных полей в 1677 году, из Москвы пришло распоряжение, чтобы местный воевода отправил отставного дворянина или подьячего съезжей избы, хорошего человека, опросить местное население, чтобы выяснить:

что было пустоши Теплое деревни Тетериной полевая земля и в них ли межах гранях, или те пустоши особые и за их межами и гранями, и чьи земли меж ими розошли. И будет те пустоши особые, что данны в поместьях Никифору Грибоедову, на каких урочищах, на речках или на ручьях, или на врагах, или на суходолах, и с чьими они землями смежны⁶.

Подобным образом в чрезвычайно запутанном деле 1687 года из Курского уезда местному подьячему было поручено выяснить, по какому официальному указу Василий Гринев владел полями и пастбищами. Ему было велено раскрыть, какими дополнительными источниками дохода владел Гринев, какие урочища ограничивают его поместье и сколько земли относится к каждому виду собственности. Подьячему приказали сверить свои находки с поземельными описями в Курске и скопировать записи об этих землях из официальных межевых книг. «При старонных людех описать имянно, в каторых урочищах и на каторых реках или на колодезях или на суходолах та ево дача и с кем смежно. А описав, измереть в десятины и положить...» в описные и в мерные книги с межами и з гранми по урочищам подлинно, и против тех книг на чертежу начертить с розмером потому ж со всякою подлинною ведомостью⁷.

Для установления границ подьячие собирали огромную толпу, часто числом триста-четырееста человек, и опрашивали их группами, по деревням. Затем всей толпой со старожилками во главе они шли вдоль известных им границ поместья, по дороге указывая значимые объекты местности — «урочища и всякие признаки»⁸. В более древние века границы обходили

* Далее одно слово попало под переплет и не поддается прочтению (В.К.).

весьма торжественно: с иконой, которая освящала событие, при этом свидетель нес над головой или удерживал на голове ком земли⁹. В XVII веке процесс межевания сопровождался более светскими, бюрократическими процедурами, однако неизменная клятва «в Божию правду по Святе Христове непорочно ивангилской заповед Господни» свидетельствовала о сохранении элемента христианского освящения в стремлении получить правдивые показания.

Какого рода значимые объекты местности или знаки и признаки считались важными и надежными для различения участков земли? Само собой разумеется, в качестве ориентиров перечислялись реки, ручьи, низины и овраги. Но реки имели неприятное обыкновение менять свои русла, что видно на карте из Суздаля, где изображена новая река Тумка и отмечены ее отличия от старой реки Тумки. Свидетельства крестьян из окрестных деревень показывают, к какой путанице могут привести такие изменчивые границы (рис. 3.1):

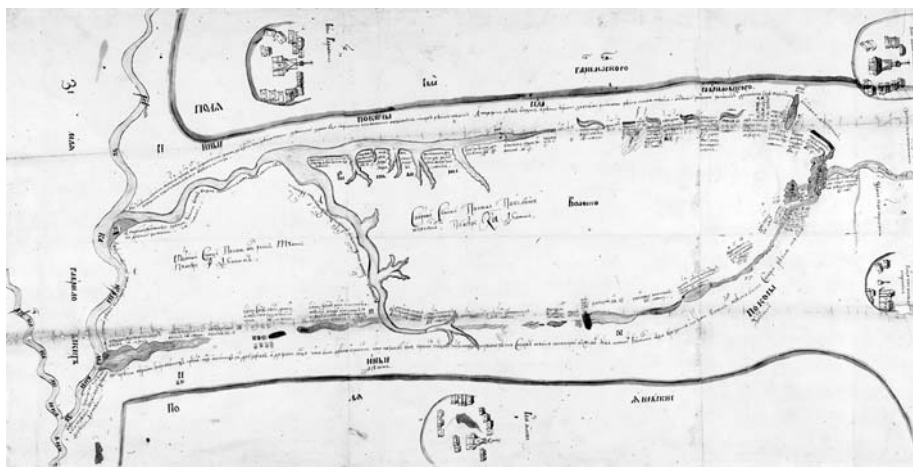

Рис. 3.1. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27955. Ч. 2. Л. 184а (окрашен). Этот чертеж 1688 или 1689 года отражает спор между архиепископом Суздальским и Покровским монастырем в Суздале о разделе сенокосного луга, расположенного среди трех разветвляющихся рек — старой и новой Тумки и Уршмы. Один из оспариваемых сенокосов расположен в центре карты. С другой стороны от среднего рукава реки темными буквами отмечено место «спорных сенокосов по болоту». Местные варианты официальных названий и показания крестьян приведены вдоль всех границ и урочищ.

В сыску 1 человек староста, 1 человек пятидесятской, 20 человек крестьян сказали: то де им ведомо, слышали де они слуху, что села Гавриловского крестьяня владеют санными покосы исстари по старую реку Тумку, а где речка Тумка впала, того де они не знают. А спор де в тех [сенных] покосех не слышали, что ис старой речки Тумки новая речка Тумка прошла и впала в речку Уршму... а не знают, чьи санные покосы меж речки¹⁰.

Не только русла рек, но и линии дорог могли становиться предметом спора. В рассмотренном ранее деле из Одоева (Жданов против Анастасова монастыря) противники защищали кардинально противоположные представления о том, как Новосильская Большая дорога идет от реки Холохольни до деревеньки Филатовской. Предметом спора была земля вдоль Холохольни с мельницей, которая, должно быть, приносила хороший доход и, несомненно, была истинным объектом желаний. Представитель Анастасова монастыря утверждал, что дорога шла по прямой, отделяя монастырские владения от поместья Степана Жданова, и, таким образом, деревенька и мельница оказывались аккуратно внутри границ землевладений монастыря. С другой стороны, в представлении помещика Жданова путь реки был более извилист и делал плавный изгиб как раз у деревни Гостиж, оставляя Жданову мельницу и землю вдоль реки (см. рис. 2.2 —2.5)¹¹.

Даже если реки и ручьи любезно оставались на месте, а люди воздерживались от намеренного искажения их изображений, одних рек было недостаточно, чтобы показать границы большинства землевладений, которые нужно было отделить от ничем от них не отличающихся соседних полей и ничейных земель. Когда перворассказчик Итало Кальвино описывает трудности отделения чего-либо от всего остального в недифференцированном космосе, это как нельзя лучше подходит к невозделанным, лесистым просторам Русской равнины: «Это трудно объяснить, потому что, если я скажу “знак”, ты немедленно подумаешь о чем-то, что можно отличить от чего-то другого, но там ничто нельзя отличить от ничего». На плоских, лесистых просторах России необходимо было идентифицировать или создать уникальные объекты местности. Первыми на ум приходили деревья, но возникал вопрос, как отличить одно дерево от другого. В 1699 году Артемий из Иверского монастыря нарисовал весьма предвзятый (и немедленно оспоренный) рисунок некоей земли, на которую претендовали три соперничающих монастыря в Старорусском уезде. На своем чертеже Артемий усилил значимость двойного дуба, когда добавил к природному ориентиру надпись о том, что земли до этого места были «по указу великого государя отданы в Иверской монастырь» (рис. 3.2)¹². Подобным образом на чертеже из дела по иску Ивана Блудова против Андрея Корсакова 1677 года автор аккуратно нарисовал и подписал срублен-

ную осину с новыми ростками, появившимися из пня, и сосну вдоль короткой черной диагональной дороги (рис. 3.3). Как видно на увеличенном фрагменте того же чертежа (рис. 3.4), ни на что другое не похожая раздвоенная сосна на изгибе главной дороги, изображенная на том же чертеже, служит важным местным ориентиром.

И все же одно дерево можно было перепутать с другим, поэтому, чтобы компенсировать недостатки природных обозначений человеческих границ, вдоль границ поместий ходили специальные подьячие — межевщики, которые выкапывали ямы, устанавливали столбы и выжигали на деревьях идентифицирующие клейма. Два маленьких знака X с каждой стороны раздвоенной сосны — это отметки, выжженные на самом дереве, которые делают его официальным межевым знаком, таким же, как и столбы (тонкие, черные прямоугольники, вырастающие из дорог), тоже от-

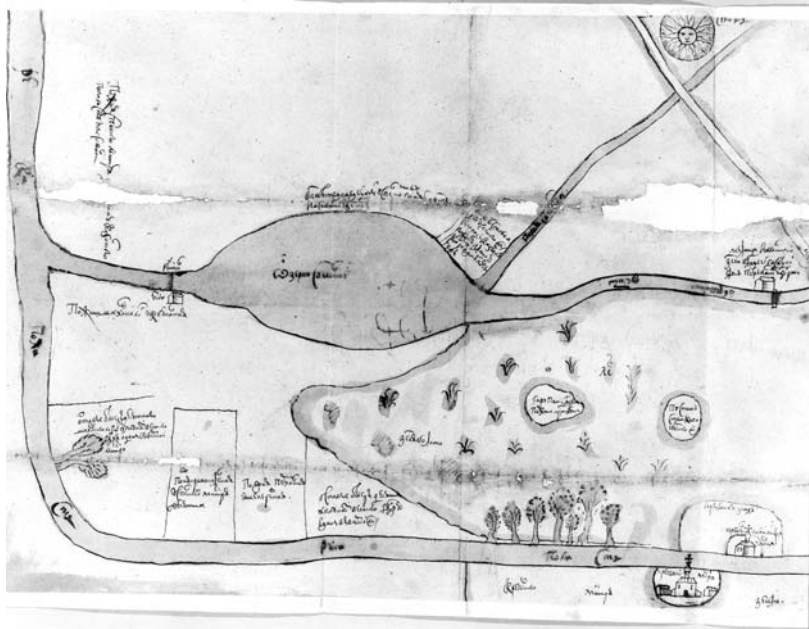

Рис. 3.2. РГАДА. Ф. 1209. Новгород. Стб. 23667. Ч. 1. Л. 303 (1699). Огромный овал в середине этой половины большой, состоящей из двух частей, карты — это озеро Осьминское. Большая часть земли вдоль берега реки отмечена как «пожня», а большая территория с травянистыми растениями — это болото. Тем не менее эта заболоченная местность стоила жестоких споров, разгоревшихся между местными монастырями, и автор увенчал свое творение лучистым солнцем. Дерево с раздвоенным стволом (внизу слева) служит официальным межевым знаком.

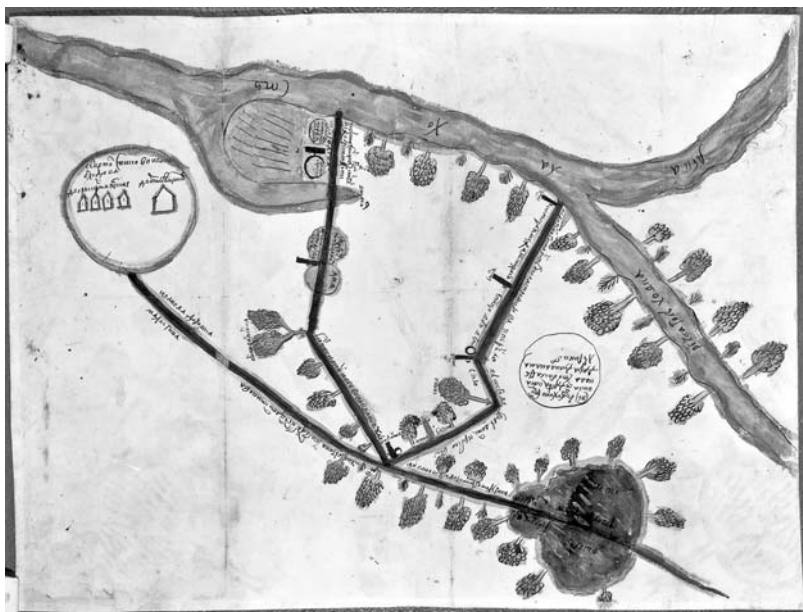

Рис. 3.3. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 28043. Ч. 1. Л. 142. На этом чертеже из дела Ивана Блудова против Андрея Корсакова 1677 года дом Блудова с другими строениями изображены в одном круге. Другой круг обозначен как «пустошь Духихино столника Андрея Корсакова, что была Федора да Ивана Малыгиных». Текстовые надписи вдоль всех дорог отсылают к официальным поземельным описям, а наглядные указатели показывают ямы (круги) и столбы (короткие черные линии), возведенные межевиками.

3.4. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 28043. Ч. 1. Л. 142. Фрагмент. Раздвоенное во и обрубленная осина с гранью.

меченные знаками X. Помеченные деревья использовались в качестве официальных ориентиров, а текст вдоль одной из дорог гласит: «От сосны на сосна лево по Иванову дубу, а Ивановою дорошкою Малыгина»¹³. На других картах специально вырытые межевые ямы и оберегаемые деревья и столбы отчетливо изображены в виде синкопированного рисунка и обозначены (рис. 3.5). Подьячий, которому было поручено установить границы в юрьев-польском деле 1674 года, в поиске ориентиров полагался на свидетельства старосты из монастыря. Староста утверждал:

де межи Троице-Сергиева монастыря слуга Леонтей Трифонов и крестьяне от речки от Любана и вверх к дороге. За дорогою яма, а в ней береста, а от ямы на сосну, на ней грань и от сосны старою межею к Ермакову врагу. У врага на берегу яма в угле, а яма на меже в Даниловской стороне, а от ямы направо вверх Ермаковым врагом до верховья Ермакова врага, а на верховье четыре дуба. На одном дубу грань. А подле дубов яма, а в ней береста¹⁴.

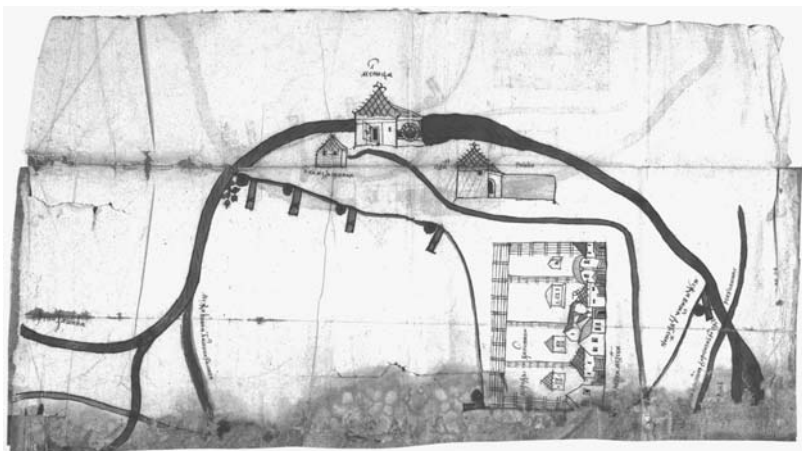

Рис. 3.5. РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стлб. 36717. Л. 37. Этот чертеж, нарисованный местным воеводой или по его приказу, отражает спор между городом Кашиным и соседним Дмитровым монастырем. На чертеже показаны межевые ямы и столбы. На каждом столбе — грань (знак X)

На двух чертежах, представленных с этим делом, отмечены все описанные в показаниях столбы и ямы, и в подписях указывается, какой подьячий в каком сборнике описных книг устанавливал каждую границу (вклейка 4). На втором чертеже из юрьев-польского дела показаны ямы и

столбы вдоль каждой разделительной линии между поместьями и указано, что они были установлены как «писцовая межа князя Григория Шеховского»¹⁵ (рис. 3.6).

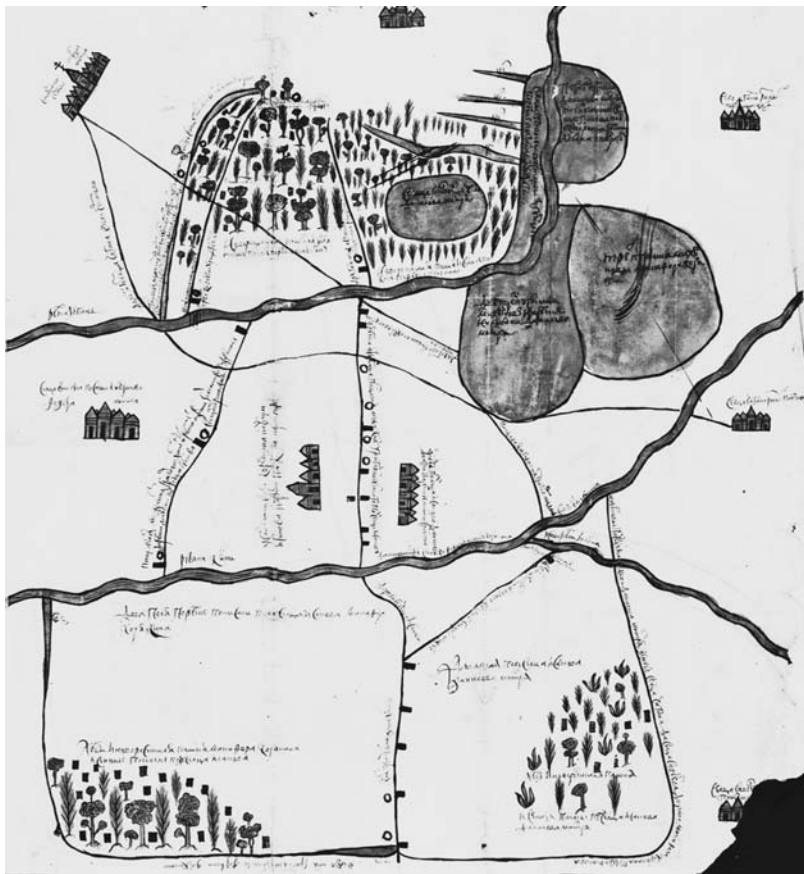

Рис. 3.6. РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стлб. 34226. Ч. 3. Л. 429 (1685). Вторая карта того же места. На этом чертеже Федора Домашнева показаны ямы и столбы и указано, что они были установлены как «писцовая межа князя Григория Шеховского». Скромное имение Корякина стоит слева от граничной линии; земли, принадлежащие монастырю, находятся справа от нее. Река Кисть проходит горизонтально чуть ниже середины карты; выше на странице вьется и уходит вверх река Любань. Участки пустоши Михайково изображены в виде темных кругов в верхней правой части, все еще приписываемые соответственно монастырю и Корякину

Как бы тщательно люди ни создавали и ни описывали границы, они часто искажались, оспаривались и портились. В Московском уезде в 1678 году идентификация межевых знаков в основном проходила гладко до того момента, когда природа стерла с лица земли все следы важнейшего объекта местности. Идя по периметру поместья с осведомленными жителями, межевщик выяснил, что в принципе граница должна была проходить:

а от березы к трем березам и от березы на осину 3 гранью, а от осины от корня выросл дуб, а грань заросла, а от той осины и от дуба, которая выросла из одного корня, на березу, на ней грань, и та береза и грань целы, а от той березы на тройную березу 3 гранью, и по осмотру два березы [срубленных? — В.К.], а третья цела, а от березы к межнику вотчины Спаса Нового монастыря села Костянтиновского, а подле межника береза да дуб, на них грани, подле их яма, и по осмотру сторонних людей то место — дуб стоит, и грань на нем есть, и яма у дуба знать ж, а береза гнила¹⁶.

Проблема сгнивших или ушедших в небытие межевых знаков возникала постоянно. Холохольнинское дело с двумя конкурирующими версиями карты в итоге зависело от того, сохранились ли два ключевых, отмеченных клеймами дуба, обозначающие границу между поместьем Степана Жданова и соседними землями Анастасова монастыря. В других делах крестьяне, присоединившиеся к одной или другой враждующей стороне, обвиняли друг друга в намеренной порче и уничтожении межевых указателей. Истцы жаловались, что межевые ямы были засыпаны или запаханы, столбы выкорчеваны и клейма намеренно стерты¹⁷. Подьячий, которого отправили в Ефремов в 1688 году для установления границ спорного поместья, обнаружил, что «межи попорчены и грани посечены, столбы все повыветаны»¹⁸.

Чем больше человеческое общество пыталось внести порядок в ландшафт и разделить его на поддающиеся управлению единицы, тем больше был хаос. В Юрьеве-Польском в 1674 году разразился спор среди нескольких претендентов на рощу Тетюрку. По словам местного землевладельца Никифора Корякина, архимандрит Антоний и братья Данилова монастыря нечестно претендовали на единоличное владение рощей, которая на самом деле находилась в совместной собственности. Дело еще более усложнялось тем, что две стороны дали противоречащие друг другу показания о местоположении спорной рощи. Корякин утверждал, что она прилегает к деревне Исаково, за рекой Любань, тогда как монастырская братия заявляла, что она расположена совершенно в другом месте на берегу реки

Кисти¹⁹. Названия и описания участков земли были предметом как случайной путаницы, так и намеренного манипулирования. Повторение названий возникает как обычная хитрость или честная ошибка во многих делах. Совершенно разные названия могли относиться к одному участку земли. Надлежащим образом проверив описные книги и записи, государственные следователи устанавливали, что право собственности на деревню под определенным названием никому не принадлежало, только чтобы затем выяснить, что кто-то на самом деле уже владеет той же самой частью деревни, описанной в тех же самых границах, но названной другим именем. Дело такого рода имело место в Суздале в 1679 году, когда Василий Алексеев заявил, что Данило Ошанин обманом лишил его Прокудинского поля, назвав его Сидоровским. Сторонники Ошанина защищали его со словами: «А та ево пустошь Прокудинская, и которою владели изстари прежние помещики, особая: словет одним именем. И с тою ево пустошью Сидоровскою не сошлась. Владел тою пустошью Прокудинское Василей Столыпин по писцовым книгам»²⁰. Проще говоря, Ошанин возражал, что он претендует не на *то* Прокудинское; он заявляет свои права на *другое* Прокудинское. Подобным образом застопорилось дело во Владимире по двум конфликтующим претензиям в отношении одного или, возможно, двух полей, предположительно под названием то ли Кузьмино, то ли Кузьминское. Власти должны были определить, действительно ли существовали два отдельных («особых») участка под одним и тем же названием, т.е. спросить у местных людей, были ли эти пустоши «одна ли или разные»²¹.

Физическое расположение земли играло решающую роль при определении права собственности. Здесь термин «особый» имел специфически пространственные коннотации. Когда Юрий Скрыпицын опротестовал присвоение Никитским монастырем пустоши Никола, которую он считал своей, то один из центральных вопросов дела состоял в том, относилась ли эта пустошь к селу Толпыгину, которое было частью монастырской вотчины, или была отдельной. Свидетели со стороны Скрыпицына заявляли:

Та пустошь Никола будет с полверсты и болши, а пришла та пустошь Николы земля к монастырской земле к селцу Толпыгину с одну сторону углом, и розшел ту землю пустоши Николы с Толпыгинскою землею большой лес, а круг той пустоши Николы земли обошли розных помещиков и вотчинников, а не их монастырские земли²².

В других местах Скрыпицын и его сторонники утверждали, что две другие спорные пустоши — это отдельные («особые») *пустоши*, и они не принадлежат Переяславль-Залесскому Никитскому монастырю. Дело усложнялось до комизма, потому что у каждой пустоши было по несколь-

ко прозвищ: «Батоги пустоши, что была деревня Карпово, а Бокотово тож, а пустошь Заболотье, пустоши Павлова Страшково тож, а пустошь Страшково есть особая». Павлова пустошь также была известна под названием Острошково²³. Установить раздельность или смежность земельных владений было важно для решения вопроса о праве собственности на территории и об управлении ими. Следствие всегда стремилось выявить, «в их ли межах и гранях или те пустоши особые и за их межами и гранями»²⁴.

ПУСТЫЕ ЗЕМЛИ

Путаница с названиями и местоположениями земельных владений указывает на некоторые трудности, с которыми сталкивались московиты при определении и разграничении частей этой обширной, плоской, однородной земли. Конфликты из-за видов спорных земель, категорий, к которым их следовало отнести, указывают на еще более серьезную проблему, перед которой стояли землевладельцы и власти, и это была подавляющая, постоянная проблема пустоты. При рассмотрении конфликтов из-за населенных сел и деревень у властей был легкий путь к решению: они могли спросить жителей, которые собирали ренту и пошлины. В населенных местностях создавалось бессчетное количество разнообразных официальных бумаг, в которых фиксировалось количество жителей, суммы причитающихся налогов, имя помещика или землевладельца. Когда речь шла о необитаемых или ничейных землях, дело обстояло совсем по-другому. Кто знал?

В XVII веке подавляющее большинство земель были пустошами — незаселенными, но обрабатываемыми участками, или участками, которые обрабатывались и были заселены в прошлом. Слово «пустошь» напоминает о вечном недостатке рабочей силы, с которым сталкивались московские помещики и вотчинники, пытаясь прокормиться со своих скудных имений, и о все ужесточающихся попытках государства привязать непоседливых налогоплательщиков к известным местам. «Вселачныя (так! — В.К.) места дворовыя, старыя пустоты пустоши, что было сельцо Савеловское, Булгакова тож»²⁵. В других обстоятельствах, на других картах, колонизаторские власти намеренно изображали пустые земли, лишённые человеческих поселений. В Северной Америке изображение пустующей земли могло помочь оправдать европейское завоевание девственной территории — завоевание, которое было бы труднее обосновать, если бы коренное население было признано более явно²⁶. Однако в русском контексте пустота была проблемой, а не решением. Эта дилемма очевидна на карте из Углича, на которой «земля и лес непашенной пу(стоши) Николы сошелся з землею и с лесом Никитцкого м(о)н(а)ст(ы)ря селца Толпыгина, а лесом, сенные

покосы и болотами сошлись селца Толпыгина с покосами, а лес пустоши Николы и селца Толпыгина обчей, а меж пустошью Николы и селцом Толпыгином протока, и вражку и признака никаких нет»²⁷. Эта незаселенная, неразмеченная территория создавала неопределенность, вызывала беспокойство и требовала судебного процесса. Пустая земля создавала хаос.

Не все пустые земли квалифицировались как пустоши. Пустоши признавались по определенным признакам, известным членам этого аграрного общества. Настоящая пустошь, как пустошь, описанная на чертеже из Калужского уезда, ранее была местом поселения: «пустошь Троица-Сергиева монастыря, что была деревня»²⁸. Аккуратно различая пустошь и пустую землю, которая не была пустошью, крестьяне-свидетели в Московском уезде заявляли, что «пустошь Шадра на речке на Шадре по конец поля селца Ждановского, а вторых мест и селидебных признаков на ней нет»²⁹. На чертеже из Юрьева-Польского указано, что «пустошь Михалиха против челобитья Григорья Плещеева, опричь Володимеровы древни Новосилцова Михалихи». Пустошь изображена в виде неровного круга, вырезанного из окружающего леса, с прудом, колодцем и двумя печами, показывающими, что она действительно была в прошлом заселена (рис. 3.7)³⁰.

В другом деле это различие становится еще более отчетливо. Один из противников опротестовал нечестную и неточную карту его владений, начерченную местным подьячим. Опросив только предвзятых свидетелей, владимирский подьячий «по их скаске написал в чертеж, будто с той пустоши животинной выпуск на реку на Ялму; а на той пустоши и доньне селидбы нет никакой, и ничьих деревень по Ялме реке блиско той пустоши нет, и животину с пуста гонять некому, и то их обыскных людей и подьячева воровство стало явно»³¹. Требование, предъявленное на карте, было явно абсурдным. Пустошь — это поле, которое когда-то было заселено и обрабатывалось, но теперь было заброшено. Место без каких-либо признаков поселения было чем-то совершенно другим: лугом, полем или болотом.

Составители карт использовали наглядные символы, чтобы отличать заброшенные земли от активно заселяемых. На картах населенные деревни отличаются от поселений-призраков в пустошах тем, что в них изображаются дома и церкви. Территория пустоши, которая когда-то была освящена церковью, отмечена зловещим изображением пустого креста с надписью: «Место церковное, что была церковь в имья Николы Чюдотворца». На этой карте церковь, столь величественно обозначенная в своем отсутствии, окружена полуразрушенным кладбищем «и камнем многим», что усиливает впечатление от чередования отсутствия и присутствия (вклейка 5)³².

Словарный состав XVII века изобилует обозначениями пустоты. Поразительно большое число слов, обозначающих это понятие, дает пред-

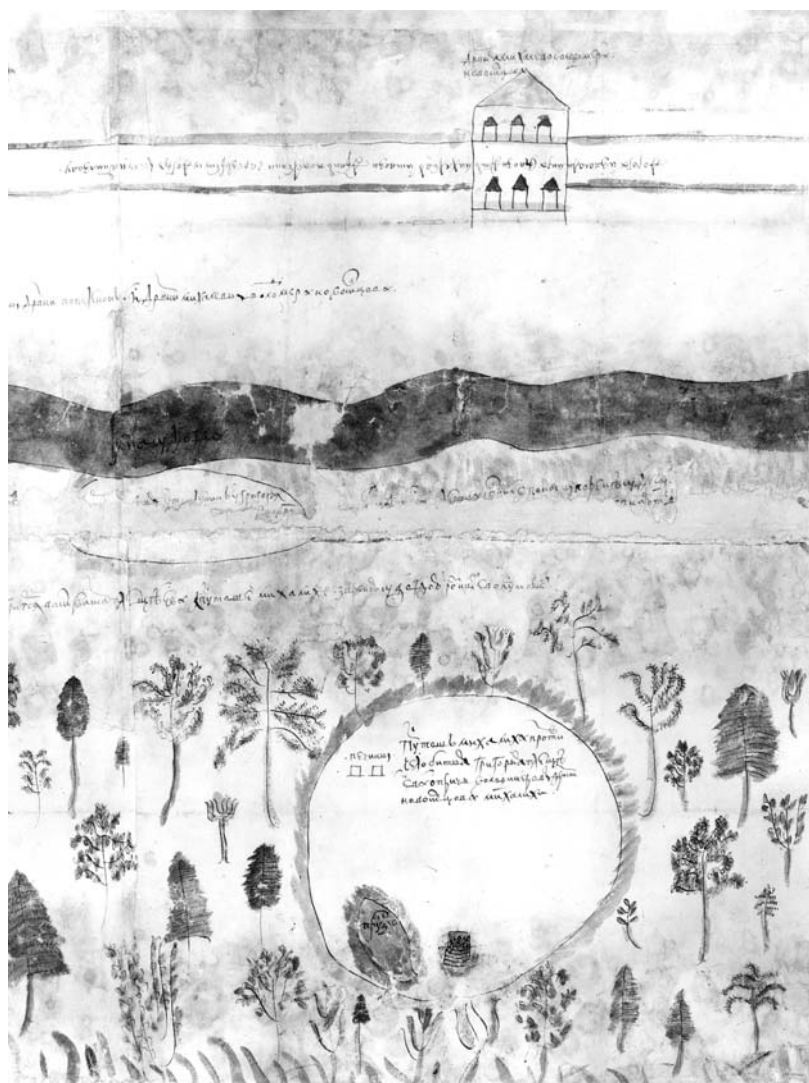

Рис. 3.7. РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34252. Ч. 1. Л. 15 (карта на 2 листах. Л. 2). Эта прекрасная работа, раскрашенная бледно-серо-зеленым и желтым, была сделана подьячим из канцелярии владимирского воеводы, Андреем Васильевым, в 1677 г. Текст внутри большого круга внизу страницы гласит: «пустынь Михалиха против Володимирова Григорья Плещеева, oprичь Володимеровы деревни Новосилцова Михалихи». Деревня Владимира Новосильцова Михалево показана вверху карты в виде дома с двумя рядами домов внутри

ставление о степени опустошения и передает ощущение многократно повторяющейся пустоты и открытости даже в центральной Московии. Пустоши граничили с порозжими, или ничейными, землями. Земля поместья выделялась из «диких полей». Примерные земли — удаленные поля, относимые к тому или иному поселению, усиливают ощущение протяженности. Пожня была сырým, низким полем, подходящим для использования только в качестве сенокоса или пастбища. Она приносила минимальную пользу, но тем не менее права на нее страстно оспаривались.

Еще одно семейство обозначений относится к полям и пастбищам, недавно отвоеванным у леса или открытой степи, осушенным болотам, расчищенным участкам леса и заболоченным территориям. Эта лексика выразительно передает компромисс между возделанной и невозделанной, принадлежащей кому-то и ничейной землей. Изобилие слов относится к болотам, топям, трясинам, канавам и оврагам, которые тоже были предметом жесточайших требований и споров. То, в какой степени эти жалкие, едва ли пригодные для использования кусочки земли являлись объектом желания в имущественных спорах, подчеркивает, насколько безнадежным и трудным предприятием в Московии являлось сельское хозяйство. Но это также показывает изобретательность, с которой московские земледельцы выжимали все возможное из среды своего обитания. Болотистая местность позволяла крестьянам добавлять к сельскохозяйственной продукции камыш, тростник, водоплавающую дичь, яйца, угрей и целый набор ценных продуктов болота, на которые сегодняшняя, более богатая экономика не обращает внимания, но которые были столь же важны для выживания в западном средневековом мире, как и в России³³.

Используя соответствующие наглядные образы, карты подтверждают представление о том, что при осмысленном разделении земель необходимо было различать не только разных владельцев, но и различные виды земель. Составители карт четко очерчивали земельные владения. Они отчетливо подписывали каждый участок и выделяли его из окружающего ландшафта. Составители карт часто использовали полностью замкнутые круги для обозначения разных видов пространств. При этом пространства, освященные человеческим трудом или поселением, обозначались иначе, чем неотмеченные пространства окружающих территорий (вклейки 6 и 7, рис. 3.8).

Не все земельные владения так четко очерчены на картах. На некоторых просто изображены деревни на неразделенном ландшафте, как на чертеже из Вяземского уезда, где показана дворцовая деревня Арменево с двумя рядами домов абрикосового цвета, по шесть в каждом ряду. Пустоши, показанные на чертеже, отмечены на открытом пространстве между двумя извилистыми дорогами. На чертеже из Дмитрова изображена дерев-

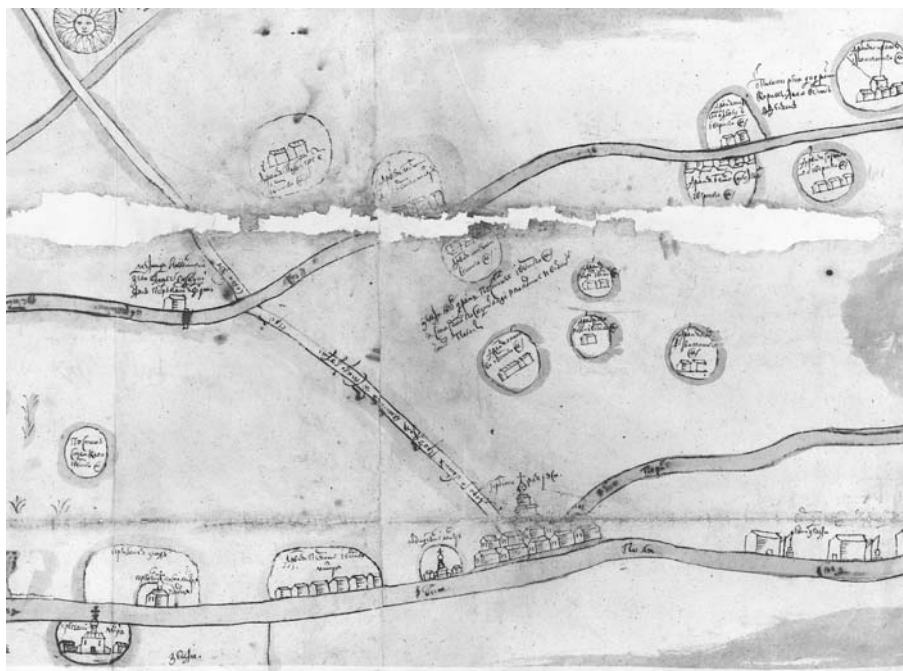

Рис. 3.8. РГАДА. Ф. 1209. Новгород. Стб. 23667. Ч. 2. Л. 303. На этом чертеже представлен город Старая Русса на реке Полисть с соседними селами и пустошами, различающимися наличием или отсутствием жилищ. На схематичной, в основном нецветной карте составитель потратил время на рисование кругов бледно-зеленой акварелью. Кусов датирует чертеж 1699 годом.

ня Андреяново, возвышающаяся вдоль похожих волнистых линий и в этом случае раскрашенная ярким лимонно-желтым цветом (вклейка 8)³⁴. Но за несколькими подобными исключениями, пустошь имеет четкую границу в виде круга или подчас более эксцентричной формы. На поэтической карте из Муром, потертой, но до сих пор великолепной, показано четыре поля, разместившихся в очаровательном густом лесу. Лист заполнен большими деревьями с многослойной листвой, окрашенной в оливково-серый, бордовый и сине-зеленый цвет, со стволами оливкового и бордового цвета. Дороги окрашены оранжевым. Четыре поля обведены толстыми рыжими линиями в круги и овалы, надежно отделяющие их от ничейного и дикого леса. Ясные, однозначные надписи описывают их как места человеческого обитания и труда за счет их категориального обозначения (пустоши) и приписывания имен владельцев этим уголкам, вырванным из всепоглощающего пространства (вклейка 9)³⁵.

Московская космография 1670 года, основанная главным образом на западном оригинале, отчасти отражает благоговение, внушаемое обширными русскими лесами: «А леса великие, страшные, дикие, непроходимые. Во всем свете таких лесов мало»³⁶. Выражает ли этот отрывок гордость или страх, и передает ли он русское впечатление или является непосредственным переводом с западного источника — остается неясным. Несомненно, русскую реакцию на ландшафт, но гораздо более позднего времени мы находим у писателя революционной эпохи Максима Горького. Горький, который всегда пессимистично описывал жизнь бедных и обездоленных в России, дает такую мрачную оценку отношения русских крестьян к природной среде, в которой они находились:

Безграничная плоскость, на которой тесно сгрудились деревянные, крытые соломой деревни, имеет ядовитое свойство опустошать человека, высасывать его желания. Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества... Вокруг — бескрайняя равнина, а в центре ее — ничтожный, маленький человек, брошенный на эту скучную землю для кааторжного труда. И человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи!³⁷

Комментаторы много говорят об этом отрывке как об отражении истинного русского национального характера, но очаровательная муромская карта заставляет нас пересмотреть горьковскую формулировку или, по крайней мере, поставить под сомнение ее применимость к XVII веку. Московских сельских тружеников окружает не скучная земля; скорее они наблюдают со всех сторон величие лесов. Бесконечные пустоши напоминают о пустоте, которую описывает Горький, но пустоши представляют собой места человеческого труда и поселения; они говорят не о незначительности человека в безлюдной равнине, но о способности человеческих рук создавать защищенные гавани в прекрасном, но неприрученном лесу. Пустые участки подтверждают, что люди когда-то населяли эту территорию и могут сделать это снова, что человеческий труд может создать безопасные убежища в лесу. Лес на этих картах — не враждебное и не опасное место; его лучшая красота делает невозможным такое толкование. Это земельная категория, которой необходимо дать определение и границы, находящаяся за пределами пахотной земли поля, крестьянского хозяйства и пастбища. Толстые линии, отделяющие пустоши от леса, не могли быть воспроизведены в жизни, где разделительные линии находились в

гораздо большем беспорядке и сохранялись с большим трудом, но они представляют попытку защитить и определить место в пространстве. Сохранение границ между категориями земли приобретает огромную важность в этой плодородной, но постоянно надвигающейся дикой природе.

Когда земельные категории смешивались, возникали проблемы. Когда поле или пастбище зарастало кустарником или вода затопляла луга, необходимо было заново определять их использование и значение. Более того, если менялось их категориальное определение, то вопрос права собственности еще более усложнялся. В судебных протоколах тяжущиеся стороны отчасти используют двусмысленность терминологии и туманность географических знаний, чтобы заявить свои права на собственность. В 1698 году группа «детишек боярских» из Козлова обратилась к царю и в Разрядный приказ с протестом против ложных притязаний на их коллективное землевладение со стороны другой группы служилых людей и казаков из Козлова. Они «назвали тое нашу помесную землю диким полем, порозжею землею, а тою, господине, помесною землею меж речак Сурены и Сосновки пожалованы деды и отцы наши, и братья, и всякие свойственники, и ныне та помесная земля наша, влодеем мы, холопы твои, по крепостям и по писцовым межевым книгам, а не дикоя земля и запорозжея»³⁸. Пустующие земли давали право каждому попытаться завладеть частью незанятого места. Те, чьи права нарушались такими новоприбывшими, вынуждены были доказывать, что их права являются законными и существовали до появления нарушителей границ. В другом деле, рассмотрев чертеж, на котором участок земли был представлен как ничейное пастбище, власти отдали его в коллективное владение трех двоюродных братьев — Василия, Андрея и Данилы Коноплеевых. На что возмущенный Панька Воейков возражал: «...в сих местех, где назвали розчисными сенными покосы, всякие селидебные и пустошные признаки есть». Признаки прошлых поселений означали, что земля является пустошью, и, таким образом, попытки классифицировать ее как луговое угодье лишались силы. Воейков обвинял городского подьячего в коррупции, потому что тот действовал в интересах представителей другой стороны, опросив только их родственников и знакомых: «...в сыску обыскные люди сказали неправду, дружа ему, Василью, будто тех местех дворовых нет, и на речке на Сетке и Суходоле теми имены пустошей не знают, а будто в тех местех, где по сыску мне, холопу вашему, пустоши отказаны, оне то знают»³⁹.

Карты, сопровождавшие судебные расследования, как будто пытались навести порядок в расплывающемся, непокорном, постоянно перемещающемся ландшафте. Непростое дело из Калуги, в котором Тихоновский монастырь обвинил местного воеводу в пристрастии к противоположной стороне, демонстрирует эту изобразительную тенденцию приручать нео-

бузданность человека и природы и создавать сцены пасторального порядка. В этом деле чертеж составлял сам воевода Тимофей Муромцев. Монастырь обвинил его в сообщничестве с истцами — группой местных землевладельцев, которые претендовали на землю, обрабатываемую монастырскими крестьянами, и поставил под сомнение правдивость его чертежа. И все же чертеж передает ощущение достоверности своими уверенными, отчетливыми, прямыми линиями и ясными, привлекательными образами (рис. 3.9). Этот большой, искусно выполненный чертеж демонстрирует такое внимание к деталям, которое нечасто встречается на картах. Надписи исполнены тщательно, в необычной каллиграфической манере. Красиво изображена растительность, а верхняя граница обозначена плотинами вдоль реки Вепрейки. Сам монастырь предстает сказочным желто-оранжевым видением, а принадлежащая ему деревня — живописными домиками. Серо-зеленая река Угра плавным изгибом поднимается снизу вверх, соединяясь наверху с Вепрейкой и окаймляя всю картину. Густая сосновая роща и озеро, окруженное то ли цветами, то ли деревьями, делают чертеж еще более красивым, а слегка изгибающаяся линия, проходящая сверху вниз по центру карты, создает впечатление порядка.

Однако надпись вдоль границы дает первый намек на то, что это первое впечатление может быть обманчивым. Эта надпись сообщает, что прямая вертикальная линия, идущая от Угры к древнему кургану — большому черному кругу внизу карты, обозначает границу между Калужским и Малоярославским уездами, «и тот градской рубеж от реки Угры и от кургана весь роспахон. А роспахали тот градской рубеж и испортили Тихоновой пустыни крестьяня»⁴⁰. Карта Муромцева, таким образом, говорит о том, что местоположение граничной линии не оспаривается, но монастырь и его крестьяне сговорились уничтожить все ее следы. Представитель монастыря, напротив, показал, что воевода, изобразив таким образом границу между уездами, искажил существующую реальность и подыграл своим друзьям, местным помещикам, в чьих домах он был частым гостем. Монастырь утверждал, что заявление, «будто градскому рубежу первой признак курган», не соответствует истине, и настаивал, чтобы непредвзятые подьячие проверили, описан ли тот знак в писцовых и межевых книгах: «...их допросить: в писцовых и в межевых книгах тот признак писан»⁴¹. В гармоничном, упорядоченном мире карты никому бы и в голову не пришло заподозрить, что границы могут быть не прямыми, и еще в меньшей степени — что крестьяне могут намеренно уничтожать законные межевые знаки, что граничные линии можно оспаривать, и что воеводы могут быть подкуплены и откровенно действовать в интересах своих друзей. Текстовые и наглядные свидетельства противоречат друг другу, представляя радикально отличные образы.

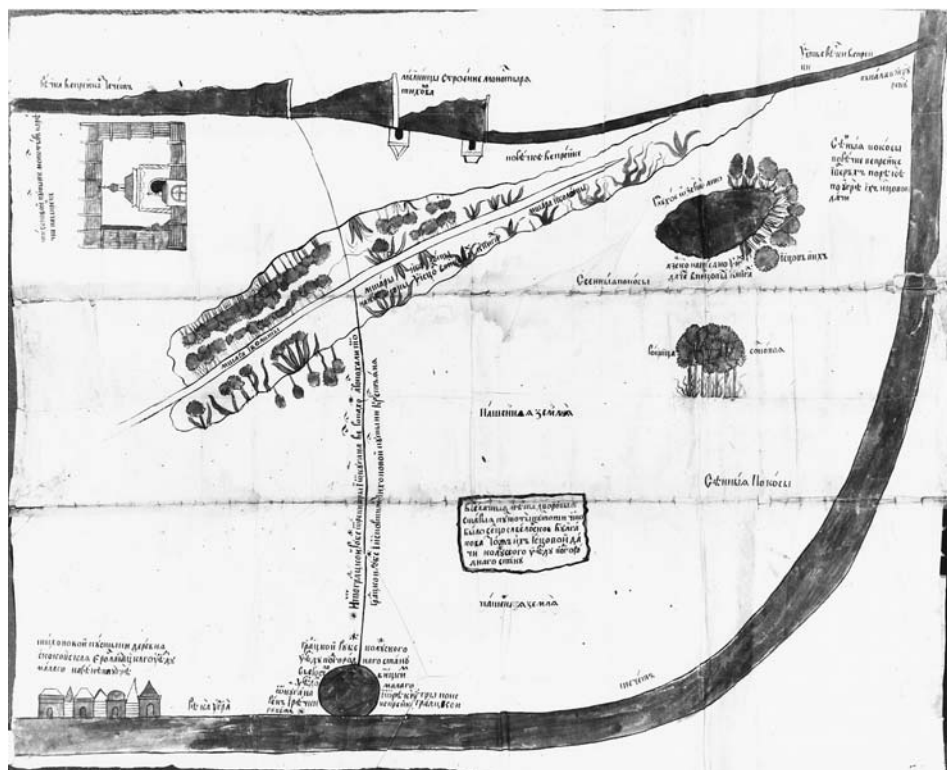

Рис. 3.9. РГАДА. Ф. 1209. Калуга. Стб. 26646. Ч. 2. Л. 131—132. Этот аккуратный и нарядный чертеж, нарисованный и ярко раскрашенный Тимофеем Муромцевым в 1692 году, резко контрастирует с обстановкой хаоса и беспорядка, в которой он был создан.

На чертеже 1689 года из Каширы еще одна душераздирающая история предстает в цветущем, мирном облике. В этом деле город Кашира и, в частности, городская церковь Святых Космы и Демьяна выступили против нескольких предприимчивых помещиков, посягнувших на принадлежащее церкви пастбище. Горожане, чьи отцы и деды умерли от чумы, оставив бедных детей своих, объясняли сложную предысторию своей тяжбы, в которой земля переходила из рук в руки многочисленных претендентов. Несмотря на трагическую окраску дела, священник Полуэкт, представитель бедных и угнетенных горожан, нарисовал живописный и, очевидно, упорядоченный ландшафт. Сохранились две версии его чертежа — предварительный набросок чернилами и подробный, ярко окрашенный окон-

чательный вариант. Город Кашира с его приземистым собором, надежно окруженным стенами с защитными башнями (в перевернутом виде, в нижнем левом углу), смотрит на Свято-Троицкий Белопесоцкий монастырь, заключенный в похожие стены на другом берегу реки. Пахотные земли изображены в виде полос с надписями; вокруг них — деревья и красно-коричневые поля. Весь ландшафт раскрашен яркими, радостными красками — желтыми, зелеными и красными. Наиболее интересно замысловатое и упорядоченное расположение земельных участков и домов с аккуратно подписанными различными категориями жителей и крошечными буквами, отмечающими, какие люди вспахивали четко очерченные полосы сельскохозяйственной земли (рис. 3.10)⁴².

Причины, побуждающие создавать такую идиллию сельского порядка перед лицом противоречивой реальности, различались от случая к случаю. У воеводы Муромцева, если он действительно не стесняясь действовал в интересах своих друзей-помещиков, было достаточно причин, чтобы изобразить границу уезда четко, однозначно и авторитетно, придавая своему чертежу вид неоспоримой истины. Но объяснить, почему отец Полуэкт захотел изобразить свой шаткий мир в таких же радужных тонах, можно только гипотетически. Возможно, порядок было легко рисовать, чем хаос. Возможно, он и другие люди в его положении просто изображали ландшафт так, как они его видели, честно показывая внешний вид территории, не затронутой ведущимися на ней человеческими интригами. Возможно, действовала примитивная бюрократическая ментальность, которая предпочитала четкие, прямые линии и законченные окружности менее аккуратным вариантам⁴³. Но некоторые карты говорят о почти одержимых попытках приручить дикую природу, оградить пространства для людей и защитить их от надвигающихся лесов, степей, болот или интриг. В прекрасном примере с военизированной и постоянно готовой к войне южной границей противопоставляются крошечные постройки и бесконечная степь. На этой большой карте, 94 x 108 см, показан миниатюрный город-крепость Волуйка, в котором есть и церковь, и рынок, и амбары, и административные здания — и все они кажутся карликами по сравнению с огромным простором степи и величественным течением рек. Дело касалось банальной и неприятной ссоры между боярами и чиновниками из-за права на землю в степи⁴⁴.

Самый впечатляющий пример несоответствия между неприятными и запутанными людскими делами и аккуратностью изображения — это упомянутое выше дело Паньки Воейкова и двоюродных братьев Коноплеевых. В этом иске противники спорили не только из-за права на землю, но также из-за ее статуса: была ли она свободной, ничейной землей или на ней были следы прошлых поселений и, следовательно, она попадала в катего-

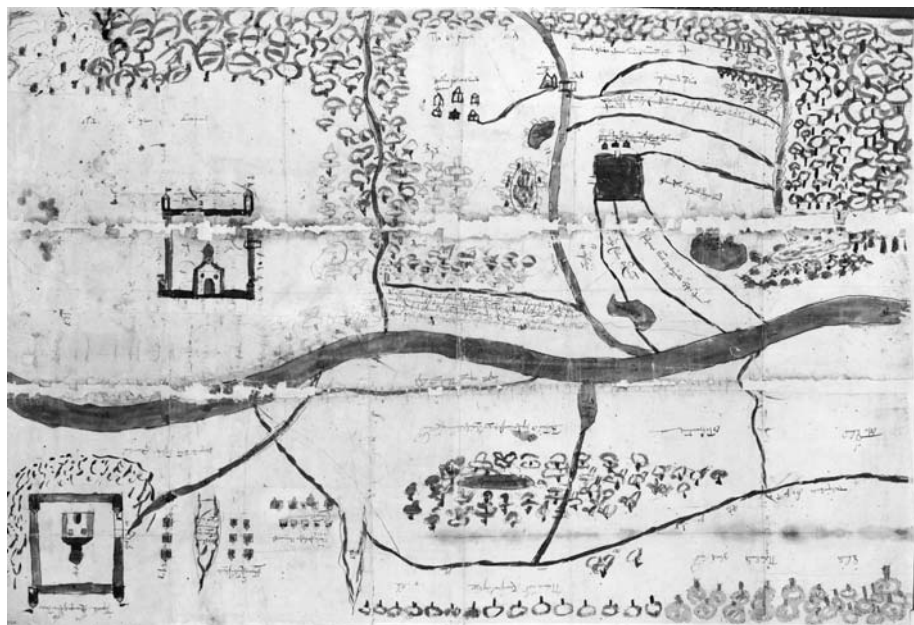

Рис. 3.10. РГАДА. Ф. 1209. Кашира. Стб. 25720. Ч. 2. Л. 245—246 (1689). В деле «Кашира против Свято-Троицкого Белопесоцкого монастыря» Полуэкт, священник городской церкви Косьмы и Демьяна, подал иск от имени горожан, а также составил и подписал чертеж.

рию «пустошь». Как и многие другие, это — грязное и неприятное дело, в котором каждая сторона обвиняет другую в нечестности, продажности и злом умысле. Показания одной стороны кардинально противоположны показаниям другой. В деле неясно ничего, но на чертеже оно изображено с геометрической точностью. Составитель карты Андрей Смолянин, дьяк центрального Поместного приказа, должно быть пользовался линейкой и циркулем либо обладал невероятно твердой рукой. Каждый угол — это идеальный прямой угол, каждая окружность имеет идеальную круглую форму, а ее концы ни на миллиметр не расходятся и не перекрывают друг друга. Даже речка, которая аккуратно проходит через рисунок, не слишком нарушает совершенство круглого поля, которое она пересекает пополам. Деревья, напоминающие узкие конусы с вырастающими из них слегка изогнутыми щетинками, располагаются правильными рядами вдоль рек и ручьев. Уклоняясь от досадной необходимости участвовать в споре, составитель карты оставляет вопросы владения нерешенными, обозначая четыре проблемных круга просто «Спорная земля»⁴⁵. Прямые линии на карте, по-ви-

димому, играют ту же роль, что и американский белый забор, символизирующий порядок и надлежащее разделение несмешиваемых категорий (рис. 3.11).

В Московии границы уездов и поместий создавали и проводили в жизнь в высшей степени опространственную человеческую топографию. Отдельные люди и категории людей были вписаны в ландшафт принадлежности. Составители карт показывали, кому какая земля принадлежит. Они тщательно разделяли, особенно на картах городских территорий, земли, принадлежащие различным общностям: пушкарям, стрельцам, ямщикам, казакам, посадским людям, монастырским служкам и детям боярским. Воронежский чертеж показывает границы владений девичьих полковых казаков с поместьем Гордея Никонова и с землей других воронежских стрельцов⁴⁶. Священник Полуэкт на своем чертеже Каширы отделил владения, которые он пытался защитить, т.е. общую собственность горожан, от собственности различного рода служилых людей: ямщиков, стрельцов и пушкарей⁴⁷. Городская карта Серпухова отделяет жилища и огороды членов двух различных категорий горожан (посадских и городских) от принадлежащих служилым людям, работающим на городскую власть, от владений купцов и от тех, которые принадлежали местным помещикам и Высоцкому монастырю (вклейка 10)⁴⁸. Распределение владений в виде перемежающихся полос, иногда с указаниями на смешанное владение, дает занимательную характеристику того, как социальное и служебное положение пространственно отражалось в городском ландшафте.

Люди как собственность

Поскольку в XVII веке Москва представляла собой крепостническое и рабовладельческое общество, люди также могли считаться собственностью, и карты использовались для того, чтобы указать, кто, где и кому принадлежал. Если вернуться к аналогии с забором и немного ее продолжить, то аккуратный белый штакетник вызывает приятный образ правильности и порядка, но его колья также могут отбрасывать менее привлекательные тени. Заборы и границы, разделяя свое и чужое, допустимые и недопустимые категории, настолько же исключают и ограничивают, насколько и упорядочивают⁴⁹. Ограничивая поместья и деревни четкими контурами, московские составители карт на самом деле отражали общее стремление общества ограничить передвижение людей и привязать их к земле. И государство, и общество направляли значительные усилия на то, чтобы человек оставался в своем чине и на своем месте. XVII век был свидетелем ужесточения крепостничества, а также привязывания посадского населе-

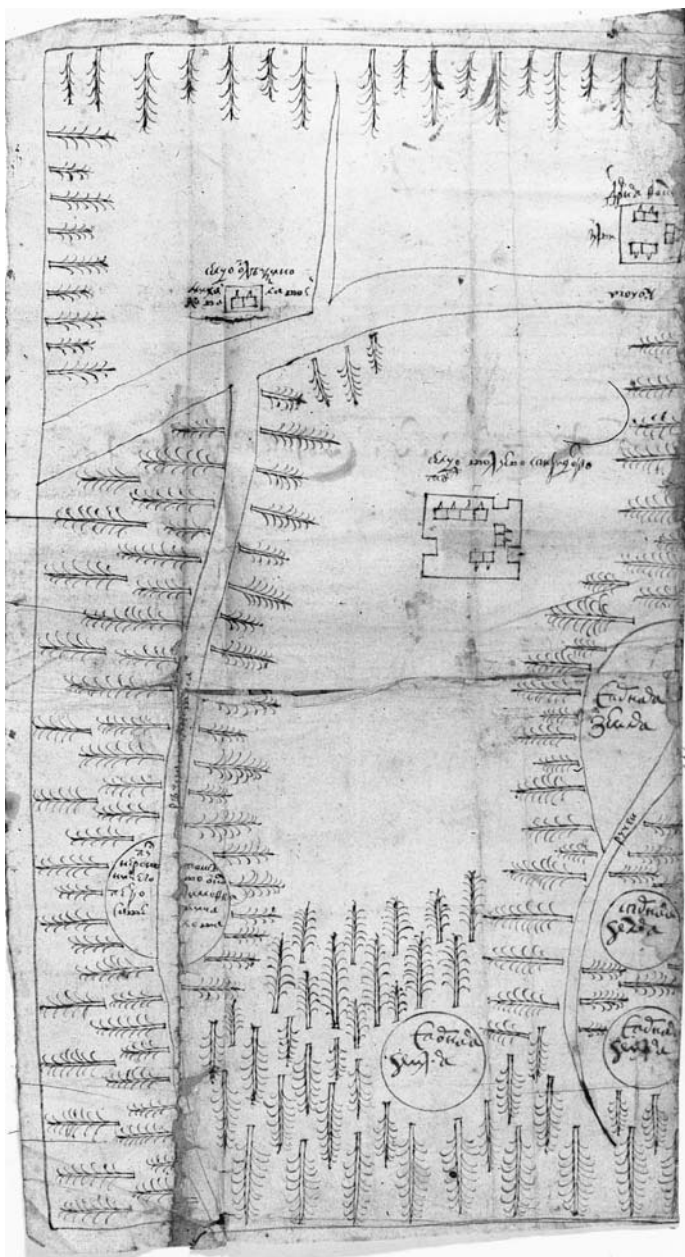

Рис. 3.11. РГАДА. Ф. 1209. Вязма и Можайск. Стб. 29609. Л. 162 (1691/92). Этот рисунок чернилами из Можайского уезда не особенно красив, но он гораздо приятнее, чем стоящее за ним ужасное судебное дело.

ния к городам. Карты внесли свой вклад в этот процесс, буквально вписывая человека в пространство и лишая общество мобильности, поэтому карты легко можно записать в соучастники становления и усиления жесткой системы крепостничества.

В то время как пространство является составляющей частью социального порядка и порождается им, оно также идеально подходит для сокрытия внутреннего механизма власти за искусственной нейтральностью. Сдержанные географические или картографические демаркационные линии минимизируют подразумеваемые отношения исключения и доминирования, присущие любому обществу. В своем программном призыве к новому осознанию пространства Эдвард Соия пишет: «Мы должны постоянно осознать, как можно заставить пространство прятать от нас последствия, как отношения власти и дисциплины вписаны в невинную на первый взгляд пространственность социальной жизни, как человеческая география наполняется политикой и идеологией»⁵⁰. Призыв Соии рассеивает приятные грезы, внушенные пасторальными сценами московских чертежей, и подталкивает нас к размышлению о том, каким образом замкнутые окружности на картах способствовали закреплению крестьян и лишению их мобильности. Карты помогли растущему своду правил и судам определять, где крестьяне могли находиться, а где нет, какие линии они могли переходить, а какие нет. Чернильные контуры деревень и пустошей служили для исключения чужих, охраняли человеческие поселения от вторжения и не допускали других претендентов на территорию собственности. В то же время их жесткие линии символически замуровывали крестьян внутри своих границ⁵¹. В приятном пейзаже карт строгие окружности, внутри которых находятся деревни и пустоши, вновь черным по белому (или с помощью разных цветов) подтверждали границы земли и людей, власти и владения.

При этом крестьяне не предстают на этих картах как рабы или имущество. На самом деле, благодаря такому нахождению в определенном месте, они получали подчиненную, но стабильную гражданскую идентичность, а вместе с ней некоторую степень экономической защищенности и местных прав. Они активно участвовали в судебных делах, и их показания служили фундаментом, на котором создавались карты. Хотя споры из-за недвижимого имущества по определению происходили среди людей, относящихся к землевладельческим классам — служилых людей и посадских общин, бояр, князей и монастырей, но тем не менее крестьяне играют важную роль в судебных протоколах и на чертежах. Крестьянские голоса оживляют ландшафт. Их показания влияют на очертания ландшафта, отражаемого составителями карт. Их подписи втискиваются в любое свободное место, скапливаясь по краям, появляясь на листочках бумаги, прикле-

енных к нижнему краю, заполняя обороты и перетекая на дополнительные листы бумаги (рис. 3.12—3.14). На небольшом, выполненном чернилами чертеже спорных владений в Муроме внизу написано: «А у сего чертежу понятые были Ивановы крестьяне Дурова Алимпейко Иванов, Гришка Обросимов, вотчины Вознесенского девича монастыря деревни Вишенской крестьяне Степка с Елфкою Борисовы»⁵². Крестьянские свидетельства не только отсылают нас к официальным документам, но и выступают в виде надписей вдоль рек и границ, объясняющих разницу между местными названиями рек и ручьев и их официальными названиями, записанными в писцовых книгах⁵³. Еще на одной суздальской карте указано, что все сведения для ее составления были получены от местных крестьян, которых обязали дать показания⁵⁴. В нижней части карты из Можайска не только перечислены имена крестьян-свидетелей, но и отмечен их вклад в каждую запись. История одного надела земли была описана всеми людьми, которых допросили в ходе расследования; другой надел был указан «боярскими людьми», то есть крестьянами боярина князя Андрея Прозоровского. В другом же месте на карте говорится: «...земли и леса владенья Колоцкого монастыря крестьян, а которых пустошей — про то они имянно не сказали»⁵⁵ (рис. 3.15).

На местах крестьяне могли кардинальным образом поменять судьбу земельного владения, по крайней мере временно. Спор в Дмитровском уезде между Большим Успенским собором и Троицким монастырем разгорелся из-за отнесения отдельных участков земли к той или иной уездной волости. Был составлен разноцветный чертеж с яркими лимонно-желтыми оттенками, на котором явно отдавалось предпочтение Троицкому монастырю (см. вклейку 8). Карта гласит, что пустошь Силнища «по старым писцовым книгам не написана, а владеют тою пустошью в порозжилых [так! — В.К.] землях Успенскаго большаго собору деревни Андреяновы вотчины» крестьяне, «а по старым писцовым книгам той пустоши... [за] собором не написано, и крепостей нихто [далее, видимо, пропущено: «не положил» — В.К.]... и та пустошь написана ложно». Согласно тексту на чертеже, деревня Андреяново по старым писцовым книгам относилась к Инобожской волости, но теперь из-за набегов и воровства, совершаемых старожилыми, ее передали Повельскому стану. Кроме того, «по старым же писцовым книгам написано в ней пашни и сена и лесу дватцать две десятины, а ныне в ней по мере пятьдесят две десятины, мерено тридцать десятинь»⁵⁶. Таким образом, старожилы и местные крестьяне смогли увеличить площадь своей собственности и осуществить ее передачу от одного церковного института другому без официальной санкции.

На обратной стороне чертежей местные священники подписывались вместо своих прихожан, «детей своих духовных», или писцы и местные

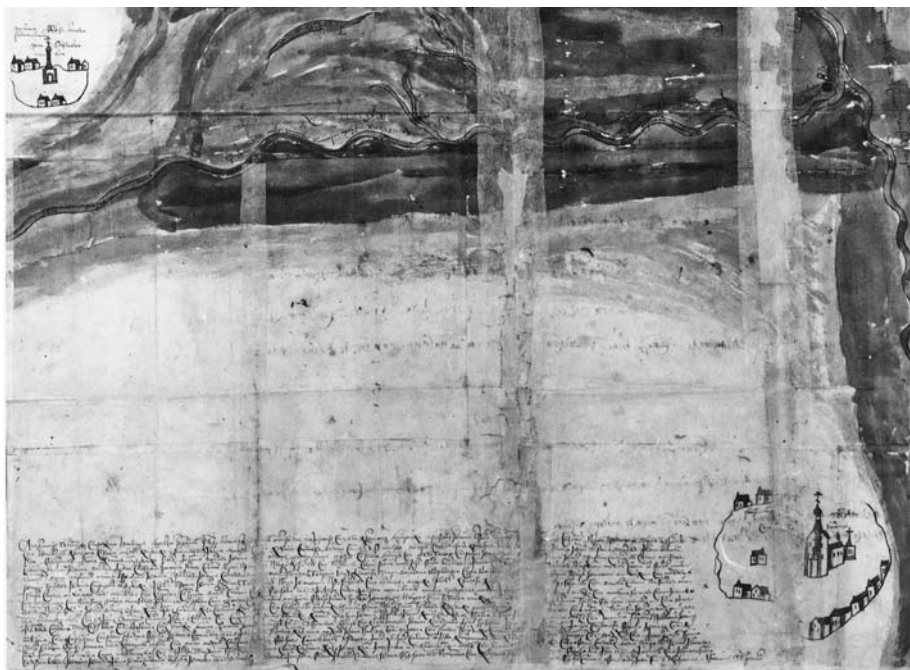

Рис. 3.12. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27955. Ч. 1. Л. 736 (окрашен). Подписи крестьян-свидетелей и их грамотных доверенных лиц заполняют нижний край этого чертежа, отображающего спор из-за сенокосных угодий между архиепископом Суздаля и Покровским монастырем.

дьяки — вместо неграмотных крестьян⁵⁷. Даже когда имена и мнения крестьян не отражены явно на самих картах, можно увидеть, что они активно создают официальные версии очертаний земли на многих страницах судебных показаний, сопровождающих карты. Например, когда дьяку съезжей избы из Переславля-Залесского по имени Афанасий Ведерничын приказали расследовать спор о недвижимом имуществе, он обошел границы спорных владений в сопровождении «сторонных людей старость и целовальников, и крестьян да в том и около того стану сыскивал повальным обыском старосты и целовальники, и крестьяны в Божию правду по святе Христове непорочной ивангилской заповеди Господни». В судебном протоколе дословно записаны показания сотен крестьян⁵⁸. В новгородском деле 1695 года Афанасий Малгин и Пронька Оксианов, мирские служки Софийского собора в Новгороде, приложили к своим картам небольшую тетрадь, посвященную исключительно показаниям крестьян. В тетради двадцать рукописных страниц⁵⁹.

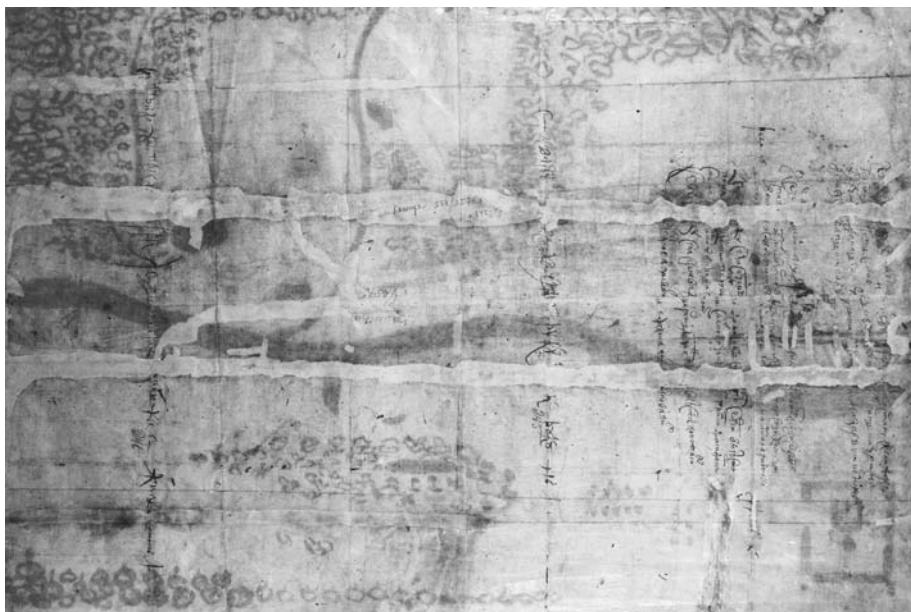

Рис. 3.13. РГАДА. Ф. 1209. Кашира. Стб. 25720. Ч. 2. Л. 245—246 об. Эта страница, представляющая собой горизонтальное изображение оборотной стороны рис. 3.10, типична для многих оригиналов карт.

Составители карт были обязаны вести подробные записи показаний, которые давали местные свидетели. Они также отмечали любые противоречия в показаниях свидетелей:

Всего сыскных людей в сыску в ведомость сказали: 1 человек староста, 1 человек соцкой, 50 человек крестьян; да сыскных же людей сказали от слухи: 1 человек староста, 1 человек пятидесяцкой, 36 человек крестьян; сыскных же людей глухие речи сказали: 1 человек староста, 1 человек пятидесяцкой, 50 человек крестьян*.

И всего сказали в ведомость и от слуху: 90 человек. Да в глухие речи сказали 52 человек. Всего сыскных людей 142 человека⁶⁰.

* Различались три вида показаний: «в ведомость», т.е. конкретная информация, сообщенная для сведения; «от слуха» — информация, приведенная по слухам; «глухие речи» (?) — точное значение этого выражения не удалось установить, но, судя по контексту, имелись в виду неясные, невнятные показания (*Прим. ред.*).

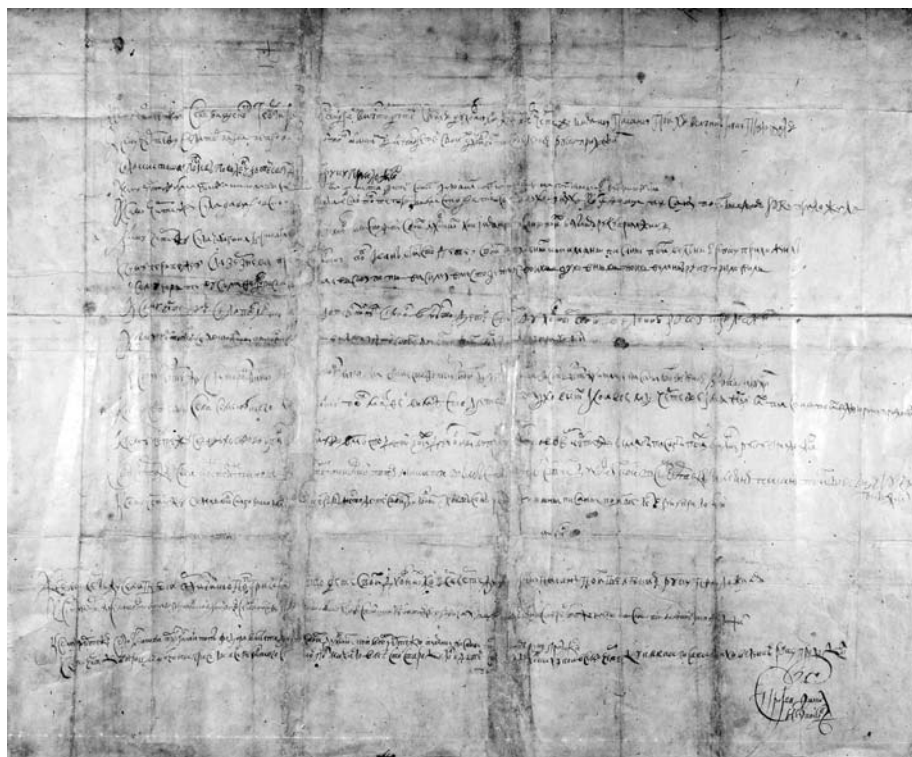

Рис. 3.14. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27955. Ч. 2. Л. 736. Обратная сторона чертежа на рис. 3.12, заполненная подписями.

Независимо от честности и точности, вклад широкого круга местных жителей был необходим для составления карт, и местные жители требовали создания этих карт. Местные помещики и крестьяне в равной степени, каждый по своим причинам, стремились зафиксировать свои драгоценные кусты малины и раздвоенные дубы и сделать их видимыми для далекой власти в Москве.

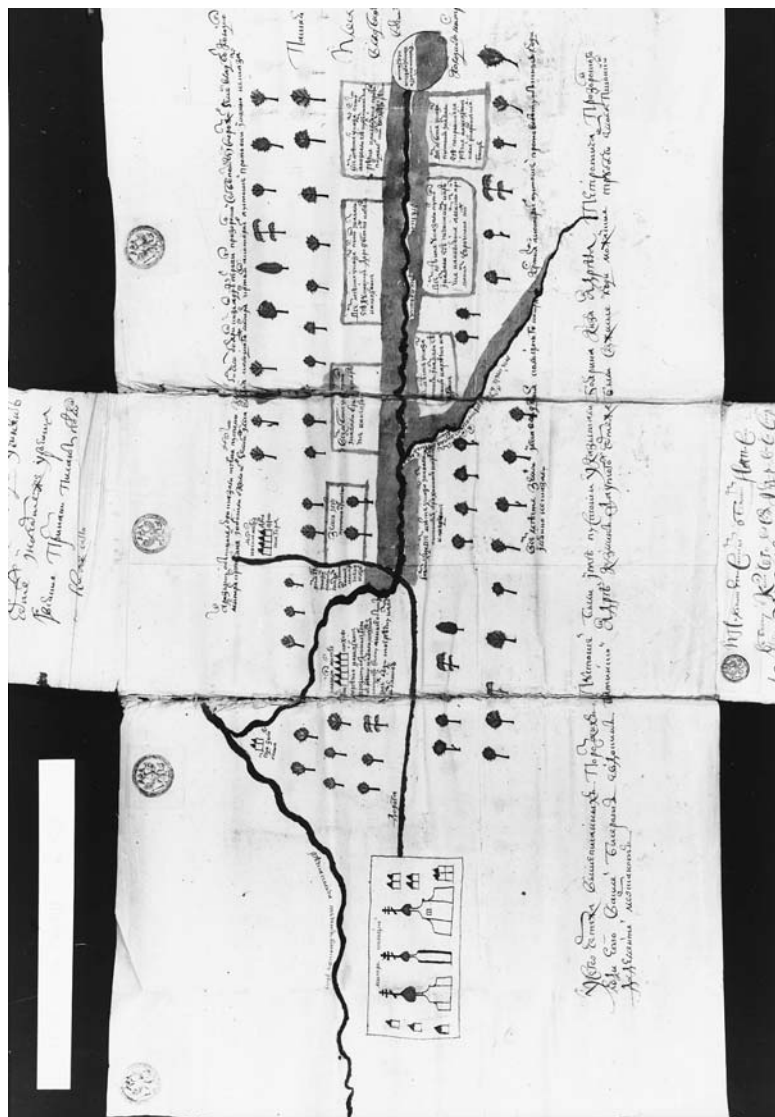

Рис. 3.15. РГАДА. Ф. 1209. Вязьма и Можайск. Стб. 29680. Л. 180. Этот чертеж 1703 года был изготовлен дячком Поместного приказа Леонтием Антипиным и отставным дворянином из Можайского уезда. Он выполнен чернилами, кое-где добавлен цвет. Архитектурный ансамбль Колоцкого монастыря изображен в прямоугольнике слева. Чертежи соединялись в длинные полосы, склеенные из отдельных кусков бумаги. С обратной стороны на каждом шве ставились заверительные подписи. Слишком большие чертежи складывались до размеров свитка или «гармошкой».

КРЕСТЬЯНЕ И ЗЕМЛЯ

Крестьяне были кровно заинтересованы в разрешении имущественных споров своих владельцев. Как земледельцы, они непосредственно были заинтересованы в том, чтобы занимать и защищать землю, которая давала им средства к существованию. Когда соседние крестьяне захватывали их поля, топтали растущие злаки и сенокосные луга или крали собранное зерно и сено, это касалось их не в меньшей, а то и в большей степени, чем их хозяев. В целом крестьяне-свидетели, «близкие и соседние люди, старосты, целовальники, прикащики и крестьяне», демонстрировали отличную осведомленность об имущественных правах тех, кто обрабатывал землю. Хотя в делах о недвижимом имуществе голоса крестьян слышны только в поддержку требования того или иного помещика, крестьяне были глубоко заинтересованы в исходе. Например, претензия помещика Лукиана Новокшенова на определенный участок земли в Юрьеве-Польском утратила силу, когда большое количество крестьян дали показания против него. Новокшенов жаловался, что они дали ложные показания из-за «сосецкой недружбы» — одно из замечательнейших понятий московского правового словаря. По его словам, они нечестно показали, что спорное поле расположено совсем не в том стане, в котором оно находилось⁶¹. Таким образом, крестьяне могли — или считалось, что они могут, — давать такие показания, которые были им выгодны. Они могли негодовать по поводу пошлин, которыми облагал их помещик, но они все же были, очевидно, заинтересованы в сохранении или даже расширении границ его владений. Чем больше земли было ему подконтрольно, тем больше земли они могли возделывать. Их права на собственность существовали одновременно и усиливали друг друга. Поэтому крестьяне, проживающие на определенном участке земли, и их соседи имели большие основания строить свои показания тем или иным образом.

Вероятно, крестьяне твердо придерживались версии своих хозяев не только потому, что боялись возмездия. Они были совместно заинтересованы в том, чтобы занимать и защищать ту землю, в которую они вкладывали свой труд. Их труд лежал в основе как законного, так и незаконного владения землей. Когда другие люди, чужаки, захватывали их землю и незаконно ее возделывали, крестьяне протестовали. В 1681 году, например, крестьяне одного помещика проявили инициативу и подали челобитную против крестьянского старосты и всех крестьян соседнего имения, жалуюсь, что «завладели у нас, у сирот государя нашего, пустошь Ямкино насилством... Пашут тое пустошь они насилством своим третей год, а нам, сиротам, пахать и владеть не дадут»⁶². Крестьяне боярина Игнатия Семеновича Ковригина обратились непосредственно к нему, потому что другая

группа крестьян «Колычевы крестьяна землю отняли, а Шумило Поливкин землю отгородил и грани посек, огород поставил не по межнику, и хвалитца он, что де я вашего государя не блюдуся, что де ваш помещик выпиши с книг окружные не сяжет, и я де стану и полосы ваши жать, траву косити»⁶³. Они негодовали так же, как и их хозяева, если не больше, когда соседние крестьяне совершали набеги на их поля, уничтожали посевы и сенокосные луга, крали зерно и сено или, что еще хуже, присваивали саму землю и право работать на ней.

Московские помещики редко занимались непосредственным управлением своими имениями. Обычно их интересовала чистая прибыль, подати и налоги, а не детали землепользования и управления, которые они оставляли своим управляющим и самим крестьянам⁶⁴. С учетом такого пассивного стиля управления многих помещиков в XVII веке крестьяне с легкостью могли считать землю в большей или меньшей степени своей, признавая тем не менее права собственности своих помещиков. Право собственности на землю не воспринималось как единое, однозначное, необремененное, индивидуальное право. В своих показаниях крестьяне выражают свое понимание множественных, пересекающихся и параллельных уровней собственности, и суды серьезно выслушивали их толкования. Очень часто крестьяне-свидетели называли и «законных», и «фактических» владельцев земли. Например, крестьяне дворцовых земель смешивают «нашу пашенную землю» и землю государя в челобитях к царю — так же, как владельцы поместий без смущения и противоречия называют «своею одною» землю и «те наши дачи, твои государевы жалованные помесные земли». Крестьяне, негативно повлиявшие на дело Лукиана Новокшенова в Юрьеве-Польском, свидетельствовали: «Та пустошь Тяпкова есть, а владеют де тою пустошью вотчины Покровского девичья монастыря деревни Дубенки крестьяне»⁶⁵. Собственностью владел монастырь, но в умах свидетелей-крестьян ею также владели монастырские крестьяне, или она принадлежала им в практическом, понятном смысле.

Прикрепленные к земле законом и своим трудом, монастырские крестьяне подали иск, который свел на нет усилия соседа-дворянина по ее присвоению. Имущественные права крестьян не были формально юридически закреплены, как это было в западном законодательстве. Помещичьи или монастырские крепостные крестьяне не владели своей землей на правах узуфрукта*, аренды или издольщины, хотя иногда условия владения землей были очень похожи на то или иное устройство⁶⁶. Как бы то ни было, они были крепостными. Но их статус крепостных крестьян давал им твер-

* Узуфрукт (лат. *usus* — использование, лат. *fructus* — доход) — вещное право пользования чужим имуществом с правом присвоения доходов от него (*Прим. ред.*)

дые права на землю. Будучи прикреплены к земле, они могли на законном основании утверждать, что земля была так же прикреплена к ним. Их явное присутствие на земле служило в суде решающим доказательством непоколебимости их исков против вторжения хищных чужаков, подобных Новокшенову. «Личные» имущественные права влекли за собой коллективные, многоуровневые права собственников различного рода, которые не допускали других помещиков и их крестьян на ограниченный участок земли.

Права крестьян на собственность вряд ли могли иметь такую же силу против прав их хозяев-помещиков, как и против притязаний чужаков. Помещикам в принципе запрещалось сгонять поместных крестьян с выделенных для них участков земли, и как церковь, так и государство убеждали землевладельцев предоставлять тем, кто материально от них зависел, необходимые средства к существованию и достаточное количество пахотной земли. До нас не дошли сведения о тяжбах между крепостными и их хозяевами, которые показали бы, как разрешались такие споры. Если такие случаи возникали, то они должны были рассматриваться внутри поместья самим хозяином или его управляющими и неизбежно служить интересам хозяев. Несомненно, между хозяевами и крепостными существовала враждебность, о чем свидетельствуют бесчисленные случаи крестьянских бунтов, побегов, актов насилия и отказов платить налоги и пошрины. Однако кажется маловероятным, чтобы хозяева часто оспаривали права на землю своих собственных крепостных крестьян, поскольку первейшей необходимостью помещика было обеспечить наличие на своей земле жизнеспособной рабочей силы. В целом и хозяева, и крепостные должны были быть одинаково заинтересованы в земле и в первую очередь содействовать укреплению связи между крестьянином и землей. Их права на поля, леса и пастбища должны были скорее существовать одновременно и дополнять друг друга, чем быть несовместимыми или противопоставленными друг другу.

В спорах с участием дворян или монастырей, владеющих землей, все стороны, несомненно, были осведомлены о том, что настоящими землевладельцами были помещики и вотчинники⁶⁷. Несмотря на эту осведомленность, соседние крестьяне небрежно заявляли, что крестьяне неких деревень «владеют» полями и пастбищами, употребляя тот же глагол, обозначающий право собственности и контроль, который они использовали для описания отношения землевладельцев к земле. На чертеже 1703 года из Можайска, изображенном на рис. 3.15, написано: «А в розыску обыскные люди сказали: теми де пустошми, о которых бил челом боярин князь Андрей Петрович Прозоровский себе в поместье ис порозжих земель, вла-

деют Колоцкого монастыря крестьяня, и обошли около их земли и леса владенья Колоцкого монастыря крестьян»⁶⁸. У них была такая логика: земля принадлежит крестьянам, крестьяне принадлежат монастырю, следовательно, земля принадлежит монастырю. Крестьяне как владельцы и работники земли служили связующим звеном и обоснованием притязаний на право собственности, хотя и всегда в узких рамках своего крепостного статуса. Выдвигая такой же аргумент, основанный не на праве собственности землевладельца, а на том, что крестьяне владели землей и работали на ней, собравшиеся крестьяне в ходе расследования в Бежецке в середине 1680-х годов свидетельствовали: «...а теми пустоши владеют Троицы-Сергеева монастыря вотчины крестьяня села Присеко»⁶⁹. Используя подобную формулировку, свидетели-крестьяне в Новоторжском уезде заявляли: «...а исстари тою пожнею Смолихою владели деревни Билшына крестьяне к той своей деревни»⁷⁰. Когда земля принадлежала или относилась к селу или деревне, крестьяне этого поселения пользовались правом обрабатывать эту землю и получать часть урожая. Другие уровни притязаний, будь то землевладельца или царя, действовали в другой плоскости, но эти многослойные интересы пересекались и подкрепляли друг друга.

Описные книги также устанавливали непрерываемое, бесспорно подтвержденное документом право на землю, право, выгодное как крестьянам, которые платили налоги, так и хозяевам, которые их собирали. В 1698 году монахи Тихонова монастыря утверждали, что они «владеют [землей] монастырским их крестьяном» и могут представить в качестве доказательства книги, в которых записаны собранные за многие годы оброк и деньги⁷¹. Заявления монахов иллюстрируют сложность понятий о собственности в Московии. Они утверждают свое право на землю и в то же время доказывают свои притязания, ссылаясь на крестьян, которые живут на ней, обрабатывают ее и платят им с нее оброк. Права крестьян на землю подтверждают собственное право монахов на «исключительное» владение. Совершая показательный акт уплаты оброка определенному землевладельцу, крепостные признавали господство этого человека или монастыря и в более широком смысле удостоверяли подлинность и придавали вес и смысл его притязаниям на участок земли.

Местные дьяки записывали не только то, сколько земли принадлежало каждому собственнику в уезде, но и сколько крестьян платило оброк и подати с этой земли. В первой половине века налоги взимались с единиц земли, а во второй половине века — с крестьянского хозяйства или двора. Они были обременительны для крестьянства, и это бремя стало еще более тяжелым в конце века, когда феодальная собственность была освобождена от налоговых обязательств⁷². Никто не любит платить налоги, но для

русских крестьян, как для граждан государства Нового времени, это также означало принадлежность к функционирующему государственному строю. Плательщики налогов обретали материальное, документально подтвержденное, общественное присутствие в качестве владельцев, обитателей и работников земли, чью связь с определенными полями и пастбищами можно было доказать. Подобно гоголевскому безземельному Чичикову, который построил свою репутацию на количестве принадлежащих ему (мертвых) душ, землевладельцы XVII века обосновывали свои притязания на частную собственность общеизвестной связью со своими крестьянами и общеизвестным финансовым отношением к земле и к государству своих крестьян.

Тот факт, что прошлые записи податей, собранных с крестьян, могли подтвердить права землевладения, показывает, в какой степени социальные отношения были вписаны в ландшафт и определялись им. Права собственности на землю обеспечивались свидетельствами господства над людьми, которые ее обрабатывали. Собственность, в отличие от «диких полей», «заросших лугов» или «порозжей земли», определялась историей ее заселения и использования, будь то в настоящем или прошлом. Если непосредственные интересы крестьян были закреплены в границах их «собственных» полей или полей их помещиков, то сами они также были закреплены в самой земле, с которой они были все крепче связаны и с которой их было все труднее вытеснить.

Закон признавал сложные взаимоотношения между правом собственности на землю дворян и бояр и трудом их крестьян на этой земле. В попытке разобраться с трудностями передачи права на участок земли, в которое входили не только почва и леса, но также и проживающие там крестьяне и плоды их труда, закону приходилось пускаться в замысловатые подробности:

А будет у кого по государеву указу взято будет поместье и отдано в роздачу, а в тех поместьях сеяна будет рожь на старых помещиков крестьянские пахоты, и с тое ржи новым помещиком дати семена на живущую пашню крестьянские пахоты тоже, что сеяно было на старого помещика, а приполон [урожай свыше необходимости в зерне] отдавать старым помещиком, а жать тот хлеб тем же крестьяном, которые тот хлеб сеяли⁷³.

Закон проводил четкие различия между землями, которые возделывали крестьяне (крепостные), и землями, которые обрабатывали «деловые или наемные люди». Деловые или наемные люди обрабатывали землю, но не получали никакой доли в ней в результате своего труда. Они воспринимались просто как орудия или наемные работники, и потому их труд был

атрибутом их владельца или нанимателя: «А которой хлеб на старых помещиков сеяли деловые или наемные люди и тот хлеб жати старым помещиком самим, а крестьян того хлеба пахоты деловых и наемных людей жати не заставляй»⁷⁴. Крепостные, наоборот, передавали своим хозяевам действительное право на свой труд и урожай, которое до некоторой степени отменяло право нового владельца на «владение» землей и ее продуктами. Своим присутствием на земле крестьяне подтверждали юридические права — как свои собственные, так и своих хозяев.

Различие между крепостными, имеющими закрепленное и долговременное право на землю и ее продукцию, и «деловыми и наемными людьми», которые никак не были связаны с землей и никак не влияли на права своих хозяев, помогает прояснить значение того, как на картах отображаются собственность, как земельная, так и человеческая, и владение. На московских чертежах-картах крестьянские дома неизменно доминируют в изобразительном поле. Вместе с деревьями и церквями крестьянские дома преувеличенных размеров привлекают внимание как наиболее заметные и значительные образы на картах. На чертеже 1678 года из Углича, например, представлен замечательно упрощенный, схематичный рисунок, на котором несколько массивных строений придают присутствию проживающих там крестьян основательный, неизменный и устоявшийся характер (вклейка 11)⁷⁵. Мы видим четыре круглые пустоши, окруженные лесом из равномерно распределенных деревьев. Серо-голубая река Пукша плавно прокладывает свой извилистый путь. Церковь и дом священника в деревне Шершавино и две другие деревни изображены со спокойным величием и простотой, обозначенные рядами из трех смежных строений. Их многоуровневые основания усиливают зрительное впечатление того, что *эти преувеличенных размеров строения твердо стоят на земле. Крестьянские жилища, будь то в виде грубых набросков из рядов соединенных квадратов, увенчанных треугольными крышами, похожие на ряд зубов, или очаровательные, изображенные в трех измерениях со всеми архитектурными деталями, сложенные из бревен, украшенные декоративными окнами и дверями, оживляют карты (рис. 3.16—3.22). На чертежах изображен ландшафт, в котором помещичьи дома встречаются редко или вообще отсутствуют, в то время как крестьянские дома обозначают зоны человеческого обитания и сельскохозяйственного труда.

Эти неправдоподобные жилища не просто художественный каприз; они выполняют несколько важных функций. Если точнее, то после 1679 года, когда система прямого налогообложения, при которой налоги взимались с каждого крестьянского двора, заменила предшествующую систему, когда налоги взимались с единиц земли, наличие крестьянских домов на земле приобрело практическое значение. Налоговые поступления от крестьян,

Рис. 3.16. РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35837. Л. 44. Фрагмент.

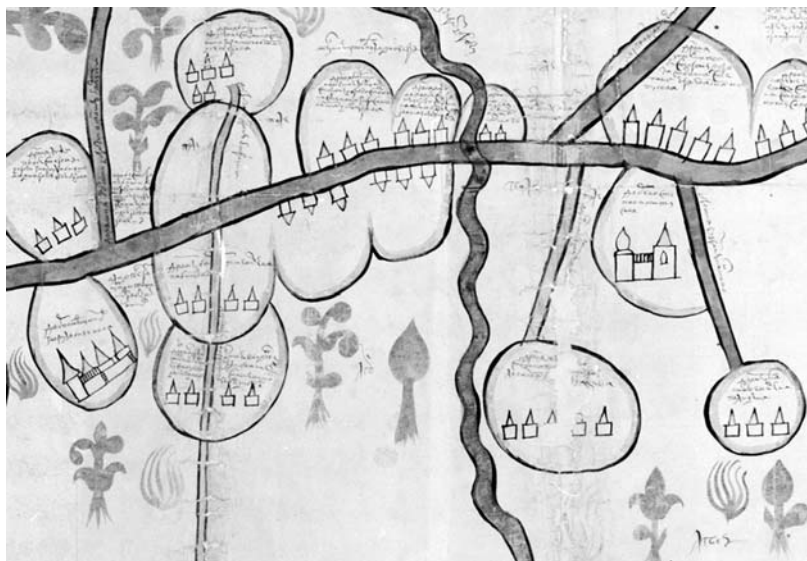

Рис. 3.17. РГАДА. Ф. 1209. Владимир. Стб. 33646. Ч. 1. Л. 110. Фрагмент.

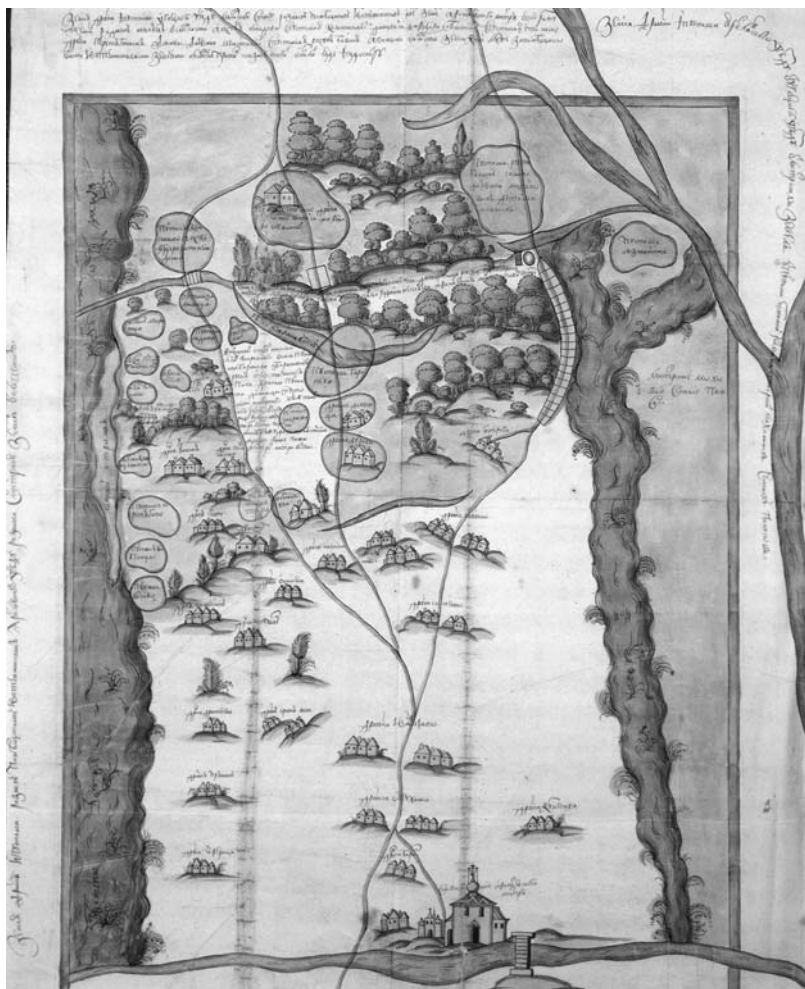

Рис. 3.18. РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35626. Ч. 1. Л. 76.

их показания и особенно их дома непосредственно служили укреплению прав землевладельцев как уважаемых собственников налогооблагаемых, заселенных владений⁷⁶.

Если рассуждать с менее административной точки зрения, то замкнутые круги на чертежах из судебных тяжб по делам о недвижимом имуществе заключают как людские, так и природные ресурсы в тесные границы.

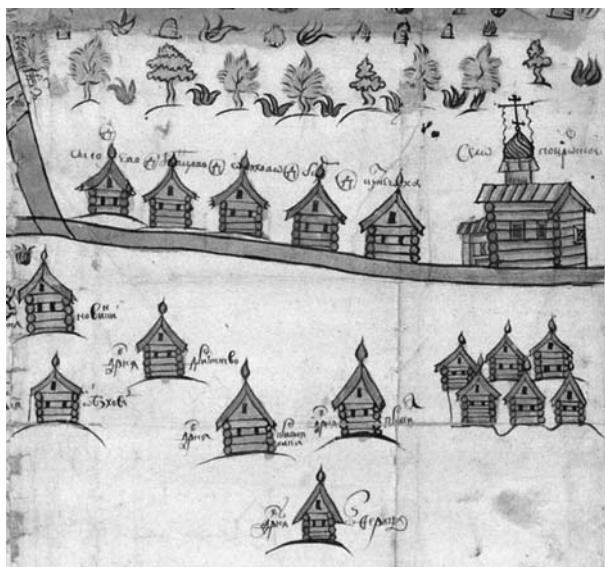

Рис. 3.19. РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35626. Ч. 1. Л. 77. Фрагмент.

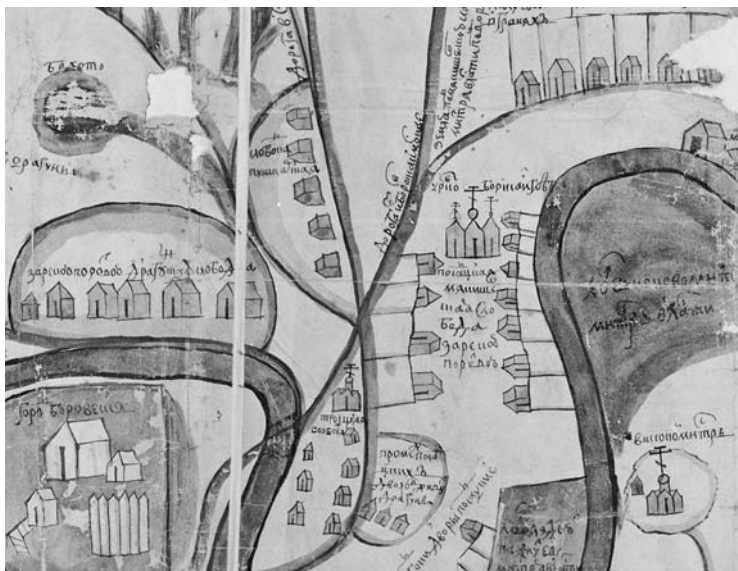

Рис. 3.20. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Калужская губерния. № 1. Фрагмент.

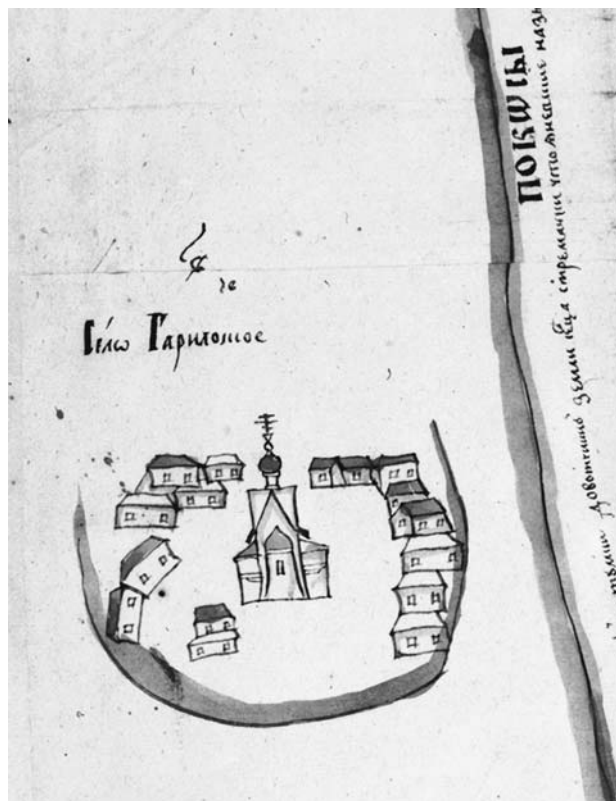

Рис. 3.21. РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27955. Ч. 1. Л. 184а. Фрагмент.

Когда круги заполнены рядами домов, они символизируют жилые бастионы и передают ощущение защищенности и контроля. Но карты также демонстрируют зависимость землевладельцев от свидетельских показаний крестьян и от их способности подтвердить притязания на имущество.

Крестьянские жилища занимают важное место в описании судебной тяжбы, а также в ее наглядном представлении. В жестокой борьбе между Высоцким монастырем и городской общиной Серпухова две группы претендовали на жизни и труд нескольких людей. Вопрос свелся к спору по поводу физического присутствия крестьянских домов, которое в итоге определило бы, какая из сторон справедливо контролирует какие аспекты земли. Город настаивал на том, что он обладает законным правом на деревню Заборье, включая ее землю, три крестьянских двора, а также подати и труд населявших ее крестьян. Также в деле рассматривалась часть пастбища, лежащего между монастырем и городом. Обе стороны в деле

Рис. 3.22. РГАДА. Ф. 1209. Елец—Ефремов. Стб. 24155. Ч. 2. Л. 327. Эта очаровательная картина из Ельца была одной из двух конкурирующих версий, представленных в деле, в котором древние могильные холмы — курганы (изображенные здесь в виде темных кругов) отмечали границы между владениями. Их местоположение было предметом спора. Гигантские цветущие растения с зеленовато-голубыми и темно-розовыми бутонами заполняют пейзаж. Выделяются ряды домов, принадлежащих землевладельцам и крестьянам — незаменимым свидетелям по делу.

претендовали на право собственности, и каждая могла представить официальные документы, подтверждающие ее правоту. Монастырь признавал, что земля была передана городу властью межевого писца, но утверждал, что дома и огороды на земле по-прежнему принадлежали монастырю, и, следовательно, люди и их труд должны находиться под контролем мона-

хов. Город понимал коварную силу архитектурного аргумента и поэтому потребовал, чтобы монастырские дома были снесены, и таким образом земля и труженики были освобождены от остаточных монастырских прав.

Среди судебных протоколов этого ожесточенного спора сохранилось два чертежа, один из которых — очень живописный — составили воевода Серпухова Иван Вельяминов и его подьячий Дементий Матвеев (вклейка 10). Это прекрасный пример того, как карта улучшает некрасивую ситуацию и создает аккуратный порядок на месте уродливого беспорядка. Сказочная картина Вельяминова, по-видимому, подкрепляет позицию монастыря. Посадские люди с негодованием выдвинули обвинение, в котором жаловались, что воевода при составлении карты не опросил представителей посада и взял показания только у местных землевладельцев. На карте спорный луг изображен как монастырское владение без какого-либо упоминания его неоднозначного статуса. Надпись справа от центра карты, чуть ниже маленького голубого озера за пределами монастырского комплекса, гласит: «луг Высоцкого монастыря что написан в писцовых книгах Федора Шушерина 135 и 136 и 137 (1626/7, 1627/8, 1628/9) году на пятьдесят копен». На карте нет ни одного из спорных крестьянских домов или амбаров. Единственный намек на то, что ситуация может быть не так проста, появляется в схематичном изображении небольших строений над лугом. На небольшом вертикальном прямоугольнике, в который заключены три крошечных строения, написано: «Гумны посадских людей на боровой монастырской земле». Карта, отображающая точку зрения города, вероятно, была изготовлена посадским старостой Стенькой Зайкиным для опротестования этой ложной картины и представляет собой резкий контраст во всех отношениях. На грубо исполненной и эстетически непривлекательной карте просто сообщаются факты и выделена часть земли, обозначенная как «спорные луги с Высоцким монастырем». Несмотря на очевидный дисбаланс власти и лживую картографию монастыря, в этом деле посад одержал верх над своим влиятельным соседом⁷⁷.

В деле, с которым мы встретились ранее, значение архитектурно обоснованных претензий снова выходит на передний план. Мирской землевладелец выступил против Никитского монастыря из-за участка земли, на котором находились руины церкви и ее служебных построек. Спор снова вращался вокруг строений: кто их построил? Были ли это мирские строения, созданные крестьянами предыдущего землевладельца, или их воздвиг монастырь?⁷⁸ Таким образом, здания олицетворяли притязания не обязательно тех, кто их строил или в них жил, но тех, чьи работники это делали. Землевладельцы зависели от видимого присутствия на земле своих работников.

Ощутимое присутствие крестьянских домов на московских чертежах заметно контрастирует с отсутствием жилищ рабов или законтрактованных

работников на немногочисленных картах имений, составленных в XVII веке в англо-американских рабовладельческих обществах Нового Света. Хотя трудно найти большое количество кадастровых карт, которые позволили бы провести последовательное сравнение, те немногие, которые я нашла, говорят о том, что дома рабов изображались редко. Поразительно различие между ролью крепостных в Московии, активно участвующих в уплате налогов и формировании прав собственности, и ролью рабов в Америке, которых представляли просто как часть имущества. В колониальной Америке и в начале существования Соединенных Штатов рабы считались движимым имуществом и поэтому не могли активно участвовать в поддержке притязаний хозяина на недвижимое имущество. Инвестор мог купить участок земли с рабами, которые будут ее обрабатывать, или без них. Большое количество рабов могло повысить статус плантатора и улучшить имидж и продуктивность его имения, но оно бы никоим образом не повлияло на действительность его права на земли плантации. Оно бы также не повлияло на цену продажи плантации, если переговоры не включали цену собственности на людей. Поэтому на картах первых американских плантаций так же маловероятно будет отмечено присутствие рабов, живущих на земле, как и показаны их коровы и лошади (которые иногда все же изображаются в декоративных целях). Вместо того чтобы демонстрировать, сколько домов рабов у них на плантациях, владельцы американских имений в XVII веке скорее следовали английской традиции хвастливого изображения своих имений на картах, украшая их нарядными фамильными гербами и рисунками господских домов или яркими орнаментами и великолепными каллиграфическими картушами, но без единого жилища работников (рис. 3.23)⁷⁹.

В своем исследовании американского рабства Питер Колчин отмечает, что в XVII веке рабов и законтрагованных работников часто буквально оставляли без домов, и они были вынуждены искать крышу над головой где придется. Это усложняет вопрос о том, почему их дома не изображены на картах того времени. К концу XVIII века, к которому относится большое количество карт плантаций, там, несомненно, существовали жилища рабов, которые могли бы быть изображены⁸⁰. Время от времени на картах рабовладельческих плантаций XVIII века появляется надпись мелкими буквами: «жилища негров», наряду со «скотным двором» или «рисовыми полями», но, насколько мне удалось установить, на ранних американских картах поместий дома рабов если и присутствуют, то очень редко. Отчасти это можно объяснить другой эпохой создания американских карт: большинство относятся к концу XVIII или началу XIX века, когда научное топографическое картографирование в значительной мере заменило изобразительное картографирование эпохи раннего Нового времени.

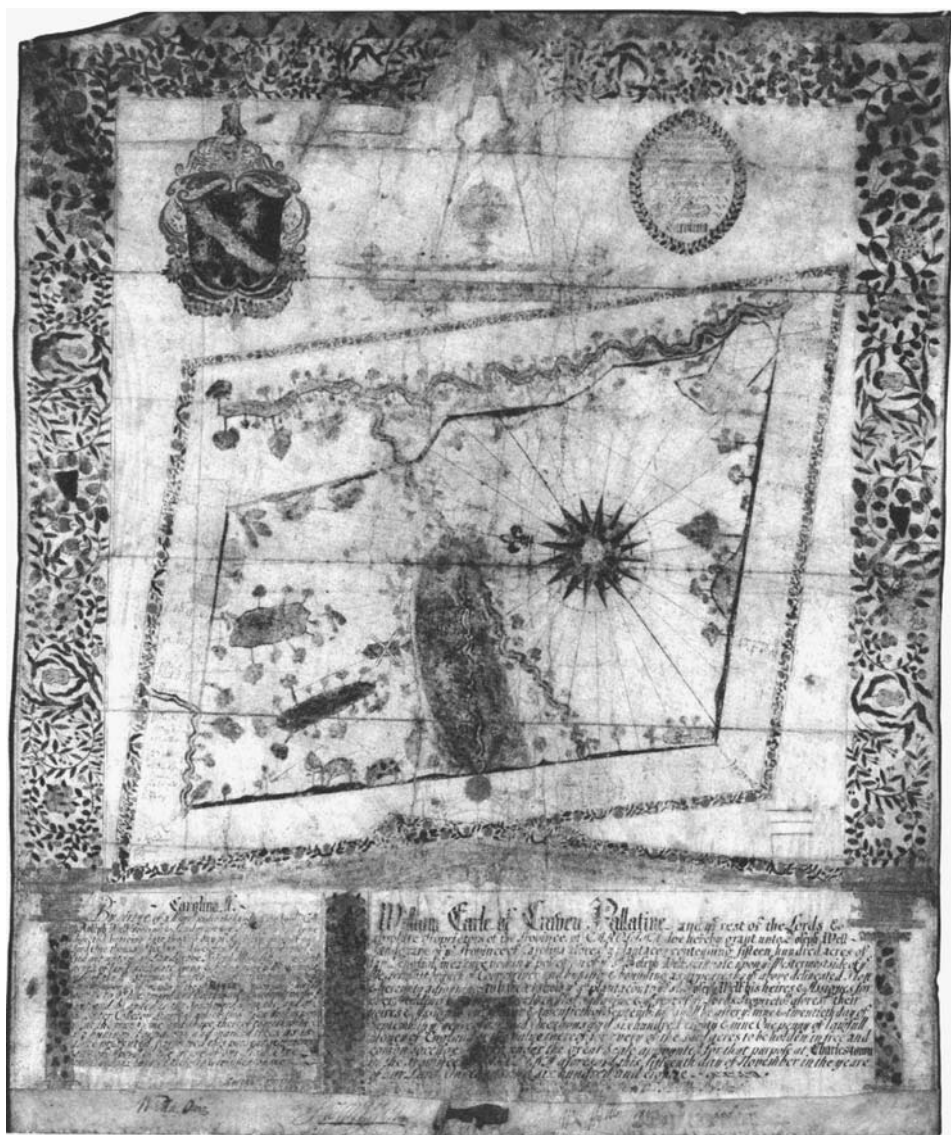

Рис. 3.23. «Анонимный план земли, принадлежащей губернатору Джозефу Весту. 1680 г. Южная Каролина». С разрешения Исторического общества Южной Каролины. На карте плантации нет ни малейших признаков живущих там рабов или других работников и обитателей этой земли. Вместо этого герб, декоративные поля и научное изображение — все это призвано свидетельствовать о принадлежности мли Весту.

Все же традиция изобразительного картографирования сохранялась и после раннего Нового времени, и элегантные небольшие изображения великолепных плантаторских домов часто украшают американские карты, тогда как отсутствие хижин рабов бросается в глаза.

На кадастровых картах обширных рабовладельческих плантаций в Британской Вест-Индии с XVII и до начала XIX века жилища рабов тоже отсутствуют или сведены к минимуму⁸¹. Там рабы подчинялись несколько другому в концептуальном отношении режиму, который внешне походил на русское крепостное право: вест-индские рабы были привязаны к земле. На Ямайке и в некоторых других британских колониях в Вест-Индии ряд актов провозгласил, «что рабы-негры являются не просто неземельной собственностью, но должны рассматриваться для юридических целей как *недвижимое имущество*. Это объяснялось тем, что если поместье могло передаваться в наследство и сохраняться по определенной линии наследников посредством обычного акта завешания, то на рабов, как на движимое имущество, не распространялись ограничения права распоряжения собственностью, и их легко можно было продать отдельно от поместья, для которого они являлись необходимой рабочей силой, например, в случае отсутствия завешания, наследования по женской линии или опекуна. Следствием актов было прикрепление рабов к земле, которая от них зависела, за исключением случаев, когда плантаторы отдельно оговаривали иное»⁸². Как и русские крепостные, вест-индские рабы были привязаны к земле, и сами они, и их труд определялись как ее часть. Но, в отличие от московских чертежей, ямайские кадастровые карты снова сводят к минимуму или полностью исключают жилища рабов. Так как рабы были частью самой земли, их не нужно было наглядно или картографически отображать.

На английских кадастровых картах XVII века, составленных в совершенно ином социально-экономическом контексте, часто изображались дома фермеров-арендаторов, которые обрабатывали землю, платили ренту и пошлины, а также вносили свой вклад в доход землевладельца и государства. На этих картах мы видим ровные наделы, аккуратно огороженные и разделенные на отдельные поля и пастбища. Дома на них не так заметны и велики, как избы русских крестьян на картах-чертежах, но все же они там присутствуют. В изображении главного дома поместья часто имеются изысканные и роскошные детали. Обведенные поля с солидными жилищами арендаторов и элегантным господским домом в центре отражают право владельца на землю, которая должным образом огорожена и обрабатывается. В легендах перечисляются имена всех налогоплательщиков, а также арендная плата и налоги, которые с них причитаются, и это напоминает нам списки крестьян-свидетелей и налогоплательщиков на московских чертежах (рис. 3.24 и 3.25)⁸³. Русские составители карт рисо-

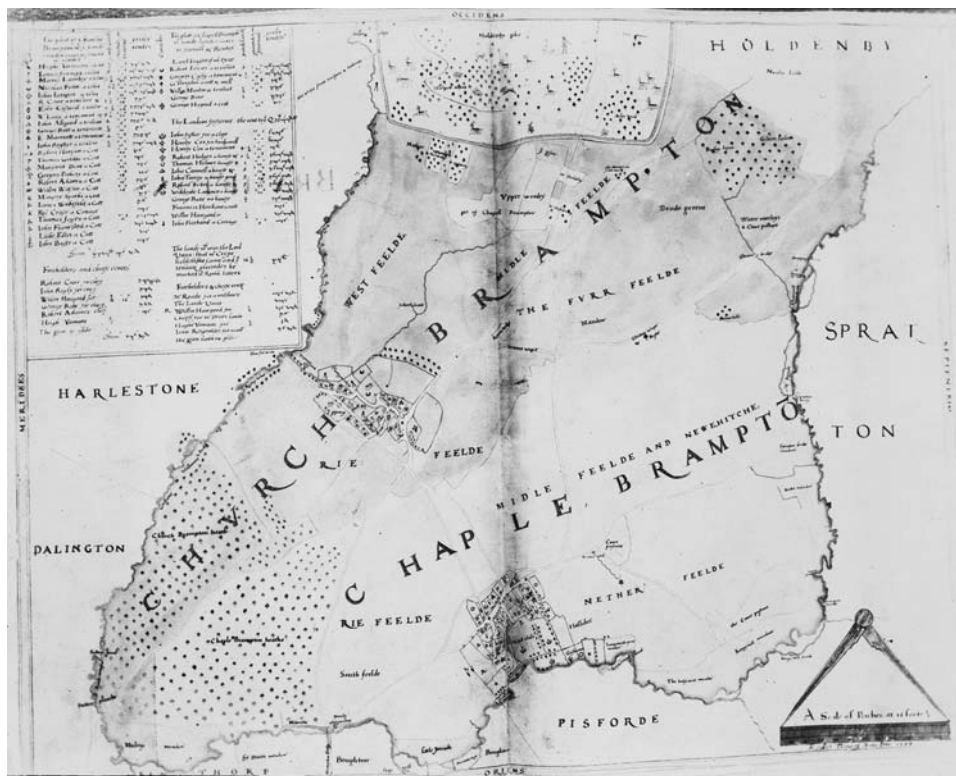

Рис. 3.24. Деревни Черч Брэмpton и Чепл Брэмpton. Harvard Map Collection. Mt 180.1929 pf. 1. Нортгемптоншир, 1580—1797. Английские общие поля. Фоторепродукции. Со списками арендаторов и их долгов.

вали мир, в котором крестьяне являлись частью социального порядка как налогоплательщики, свидетели и активные участники судебных тяжб. Если допустить сопоставление разных культур, то придется прийти к выводу, что крепостные на чертежах имеют больше общего с английскими арендаторами, чем с рабами Нового Света. Хотя они были ограничены в географических передвижениях и жили в неоправданно репрессивной системе, все же существовала ограниченная сфера, в которой они могли участвовать в жизни более широкого общества, независимо выражать свое мнение и проявлять инициативу. Крестьянские дома и деревни доминируют на чертежах, а крестьянские голоса заполняют пустые места и круги, громко звучат по краям и на оборотах карт.

ных бродяг, которые, как говорилось в многочисленных челобитьях того времени, «скитались меж двор и помирали голодной смертью». Именно их статус крепостных со всеми обязательствами, налогами и трудовыми обязанностями давал им право владеть и управлять землей, контролировать и обрабатывать ее. Их положение крепостных позволяло им сохранять свои поля и пастбища, несмотря на притязания посторонних, и без вмешательства своих хозяев (хотя и с многочисленными требованиями и изъятиями со стороны последних). «На самом деле, — пишет Стивен Хок, — прикрепление к земле весьма недооценивается; в России, начиная с середины XVII века, если ты крестьянин, то это подразумевало право на землю, что не так уж плохо, если вы занимаетесь натуральным хозяйством»⁸⁵. Негласное соглашение крепостных и хозяев создавало общее стремление утверждать, защищать и использовать в полной мере коллективную частную собственность на основе их общего, но исключительного права на определенные участки земли.

Как осуждающе заметил Ричард Хелли, русские уникальны тем, что порабощали свой собственный народ, и даже низшие сословия с огромным энтузиазмом порабощались сами и порабощали друг друга⁸⁶. Наши чертежи и данное исследование коллективных прав собственности хозяев и крепостных ведут к существенной реинтерпретации этого явления. Действительно, русские хозяева закрепощали и порабощали свой собственный народ, но они также осознавали пределы, в которых крепостные были «их собственностью» и тому подобное. Подневольность имела совершенно другой смысл в московском контексте. Крепостные и даже рабы в Московии не были отделены от остального общества, как это было в рабовладельческих системах Нового Света. Невольа не приводила к «социальной смерти», с которой неразрывно ассоциируется рабство в Новом Свете⁸⁷. Скорее, крепостные составляли самый низший слой в континууме иерархически расслоенного общества.

Воображаемые круги, в которых находились пустоши, было трудно или вовсе невозможно защитить; границы собственности легко могли зарости диким лесом или быть захвачены соседями. Живущие, дышащие, дающие показания крестьяне, наоборот, могли подтвердить или пошатнуть право землевладельца собирать с них подати и пошлины. Упорно и наглядно отмечая крестьянские дома и деревни, чертежи подтверждали свойство повального обыска закреплять права самих крестьян на землю, на которой они жили и работали. Играя важнейшую роль в притязаниях землевладельцев на собственность и будучи крайне необходимыми государству, озабоченному установлением границ и имущественных прав, крестьяне получали определенную уверенность благодаря своей значимости в качестве свидетелей местной топографии. Как единственные возможные источни-

ки «местных знаний», даже несмотря на усиление крепостнического гнета, крестьяне углубляли свои права на поля и пастбища.

Географы теперь «признают пространственность как одновременно... социальный продукт (или результат) и формирующую силу (или среду) общественной жизни». «Пространственный порядок человеческого существования возникает из (социального) производства пространства, построения человеческих географий, которые и отражают, и формируют бытие в мире⁸⁸. Головная боль, которую причиняли Московскому государству столкновения с природной средой и человеческой географией, отражает эту двойственную роль земли, которая, с одной стороны, вносит свой вклад в социальные практики, а с другой — является их продуктом. Карты одновременно служили для отображения физического расположения человеческих притязаний и структур и для определения параметров использования, разделения и будущего самой земли.

Как инструменты социального контроля, московские чертежи были совершенно неэффективны. В конце концов, это были листы бумаги, разлинованные чернилами и раскрашенные красками. Поскольку чертежи не печатались, они даже не распространялись, а скорее существовали в одном или двух экземплярах, хранившихся в официальных органах и, возможно, у заинтересованных сторон. Символическое прочтение — это одно; живой опыт — это другое. В свете постоянной мобильности русского крестьянства чертежи оказались так же неэффективны для того, чтобы удержать крестьян на земле, как и для того, чтобы не допустить на нее других претендентов. Юридические прения и неопределенность неуклонно продолжались, как и крестьянские побегі. На практике сплошные линии на картах представляли собой гораздо более проницаемые барьеры. В конце XVII века крестьяне совершали побегі в огромных количествах, о чем свидетельствовала унылая пустота заброшенных пустошей в сердце России. Желание нанести на карту ускользающий, изменяющийся ландшафт России, возможно, происходило из насущного стремления не только отделить один надел от другого или отметить границы между поселениями и дикой природой, но и заключить нестабильное крестьянское население в границы и ограничить его передвижение, однако ни одна из этих целей не была осуществлена. Если, как утверждает Со́йя, «дисциплинарная власть осуществляется главным образом через организацию, ограничение и контролирование людей в пространстве», то Московии предстоял еще долгий путь, прежде чем она смогла бы воспользоваться такой дисциплинарной властью в полной мере.

Не будучи непосредственно действенными, чертежи тем не менее, постепенно способствовали росту и укреплению крепостничества как за счет создания наглядной формы для его пространственного порядка, так

и — что еще более интересно — благодаря наглядному и юридическому выражению взаимных и общих отношений к земле, которых требовало крепостничество. Карты отражали идеализированный сценарий, в котором границы были четкими, а социальные отношения были полностью вписаны в рельеф местности. Такая точка зрения предоставила крестьянам возможность играть активную роль в утверждении прав землевладельцев на собственность и веское право самостоятельно владеть землей. Закрепляя понятие крестьянских прав на собственность в пространственных терминах, карты отражали глубинную социальную логику, которая придавала легитимность развивающейся системе крепостничества и в целом подготавливала крестьян к принятию отсутствия у них географической мобильности.

Способствуя легитимизации форм крепостного труда, карты землевладений в то же время обнажали опасный логический изъян в пространственной концепции крепостничества, с точки зрения землевладельцев и государственных чиновников. Когда социальные отношения неразрывно связаны с характеристиками местности, эти отношения можно перевернуть с ног на голову путем изменения физического местоположения. Размышляя о точках сопротивления геополитическим «отношениям между властью и подчиненными в государстве в исторически сложившемся обществе», Мануэль Кастеллс предсказывает, что опространствленные формы власти могут быть использованы «социальными движениями, которые возникнут, чтобы оспорить значение пространственной структуры, и вследствие этого попытаются внедрить новые функции и новые формы»⁸⁹. В Московии не социальное движение, а географическое бросало серьезный вызов картографии власти. Крестьяне постоянно перемещались, покидая свои запертые и ограничивающие круги и отправляясь к немаркированным пространствам приграничных областей. Пока крестьяне оставались на землях помещиков, что, по-видимому, большая их часть делала большую часть времени, они выступали на стороне своих хозяев и составителей карт в постоянной борьбе против двусмысленности, против недифференцированного ландшафта, против конкурирующих землевладельцев. Все вместе заинтересованные стороны работали над тем, чтобы ограничить и определить свои собственные отличительные «места», создавая узнаваемые и долговечные знаки в пространстве. Но когда скрытые последствия опространствленных взаимоотношений власти оказывались слишком обременительными, бегство могло целиком подорвать базовую предпосылку власти, встроенную в определенные места в пространстве.

«ДУШИ ПРАВЕДНЫХ
В СВЕТЛОМ МЕСТЕ»:
ЛАНДШАФТ
И ПРАВОСЛАВИЕ
НА РУССКИХ КАРТАХ XVII ВЕКА

С точки зрения христианства, формировавшего представления московских сочинителей, земной мир был не просто объектом, за который стоило бороться и добиваться его признания в суде. Это был еще и шедевр, созданный всеведущим Богом, с загадками и смыслами, спрятанными в его горах и долинах. Немногочисленные труды по натурфилософии, созданные московскими авторами, главным образом в виде шестодневов, или описаний шести дней творения, в основном основывались на библейских и святоотеческих моделях. Как объяснял в последней четверти XVII века Афанасий, архиепископ Холмогорский, всеведущий и всемогущий Творец создал мир продуманно, наполнил его светом солнца и других небесных тел и украсил прекрасными животными и растениями, прежде чем создал человека. «Понеже бо народи, егда царя учинити хотят, то прежде дом и престол, и венец, и багряницу уготовляют», прежде чем возводить на престол царя, так и Бог подготовил и украсил землю как подобающее место для жизни человечества, созданного по Его образу. Растения и животные на земле были созданы, чтобы служить человеку, этому великолепному созданию, которое Бог наделил разумом и свободной волей. Далее Афанасий утверждал, что бесконечная красота и разнообразие природы несет важные смыслы, скрытые уроки, которые люди должны изучать и расшифровывать. «Что же есть во знамение?» — риторически спрашивает он. Его последующий ответ в интерпретации Т. В. Панич звучит так: растительный и животный мир был «создан не только для того, чтобы показать величайшую премудрость и всемогущество Творца, но и

для того, чтобы человек, как в зеркале, видел себя в этом мире и, постигая его, учился жить по «заповедом Божиим», совершенствуясь нравственно¹. Природа показывала человеку его самого, но улучшенного и просвещенного скрытыми посланиями Бога.

«Ландшафт — это средство не только выражения идеала, но и выражения смысла, коммуникации между людьми и, по самой своей сути, коммуникации между Человеческим и Нечеловеческим»². Замечание В. Дж. Т. Митчелла об использовании ландшафта соответствует взглядам, высказываемым священнослужителями Московии, такими как Афанасий, когда они размышляли о значении физического мира. Но одно дело видеть ландшафт как связь между людским и божественным в контексте христианского размышления и библейской экзегезы, и совсем другое — пытаться разглядеть такую связь в грубом наброске, приведенном в качестве доказательства в запутанной земельной тяжбе. Переход от высокой церковной культуры к народной светской культуре делает такую экстраполяцию достаточно сложной, а использование бюрократических и юридических источников в качестве отправной точки, кажется, усложнит ее еще больше. Тем не менее именно эту связь между чертежами землевладений из судебных дел и популярными представлениями о связи человека с Богом я пытаюсь установить в этой главе³.

Какими бы малообещающими источниками для рассмотрения православной духовности ни казались чертежи, они открывают немалые перспективы как точка доступа к народному благочестию. Созданные служилыми людьми и чиновниками среднего или низшего звена, они являются одним из немногих сохранившихся жанров, в которых запечатлелось мировоззрение, свойственное нецерковным и неэлитным кругам. В своем естественном отражении общей структуры понимания мира они дают возможность увидеть по меньшей мере квазинародное верование. Выбирая, как изобразить живущий, физический мир в двух измерениях на бумаге, отставные солдаты и подьячие, чертившие и раскрашивавшие карты, непреднамеренно сохранили важнейшее свидетельство о характере народного православия. Для набора источников, не имеющих ничего общего с религиозной историей, это отнюдь не мало.

ЦЕРКВИ И ВИЗУАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАРТОГРАФОВ

Картографы главным образом были мирскими людьми среднего социального статуса, проживавшими в уездных городах. Они определенно не были выходцами из крестьянства, но тем не менее были представителями и, предположительно, выражали взгляды группы, далекой от московской

элиты как по чину, так и по мировоззрению. Их письмо отражало скорее бюрократические, а не церковные влияния, о чем свидетельствуют язык и шрифт, которые они использовали, хотя, несомненно, они учились читать по религиозным текстам⁴. Нам мало известно об их религиозной культуре, помимо того, что мы можем извлечь из чертежей. В общем и целом они происходили из тех социальных слоев, которые принимали наиболее активное участие в местных культах чудес, хотя такое общее заключение не позволяет нам предполагать, что составители карт действительно участвовали в таких культах или вообще в религиозной жизни⁵.

На первый взгляд? чертежи землевладений обладают только самым прозаическим тематическим содержанием. Их цель — доказать, что граница собственности Ивана Ивановича проходит до осины с двойным стволом, мимо срубленной осины и до самого болота. В них втиснуто столько документальных сведений, сколько могло поместиться на заполненных деревьями, домами, имущественными границами, реками и дорогами картах. Их составители ссылаются на главы и строки официальных документов, писцовых книг и недавние межевые знаки тем же быстрым, канцелярским почерком без прикрас, характерным для других административных документов. Они изобилуют самыми ужасными канцеляризмами из официального языка московской бюрократии. «Дуб, что написан в межевых книгах Володимера Зюзина, 150 (1641/42) году у ливенской дороги... а грани на том дубу по осмотру выжжены: столб и яма писца Ивана Золотарева 193 (1684/85) и 194 (1685/86) году»⁶. «Земля полевая деревни Теплой, что прозванием пустошью Теренихою, в прошлом в 185 (1676/77) году отдана была в поли Никифору Грибоедову»⁷.

Несмотря на шаблонный язык и юридическое назначение, зрительное воздействие чертежей не соответствует их прозаическому происхождению. Как мы видели, их тщательно продумывали, изготавливали в нескольких черновых вариантах, которые до сих пор сохранились во многих судебных делах, и затем, в окончательном варианте, красиво вычерчивали черными чернилами или сепией и богато разрисовывали или подкрашивали акварелью. При том, что эти карты, бесспорно, служили чисто практической цели в имущественной судебной тяжбе, старательные изображения архитектурных деталей и листвы кажутся странными и неуместными. В других документах дяки московских приказов редко уделяли внимание эстетике представления. Приказные документы обычно написаны наспех, разборчиво, но без каких-либо изысков, беглым почерком, без цветового разнообразия, иллюстраций или каллиграфических украшений. Почему только начавший развиваться жанр карт земельных владений заставлял московских подьячих и писцов столь обильно украшать свои труды? Как с долей замешательства пишет историк Борис Морозов в своей работе о

чертеже конца XVII века, «по нашему мнению, на нем показано гораздо больше, чем требовалось для наглядной иллюстрации затопления мельниц и лугов»⁸. И действительно, было показано гораздо больше, гораздо более подробно и цветисто, чем строго необходимо. Поскольку это был новый жанр, перед художниками стояла творческая задача придумать, как изображать мир в двух измерениях. Когда составители карт отдавали предпочтение изображению русского ландшафта в виде яркого ковра зеленых и охристых оттенков, они сознательно или бессознательно принимали активные решения о том, что показывать на картах и как это делать (вклейки 12 и 13). Чтобы нарисовать так много деревьев, даже на черновых чернильных набросках, требовалась огромная концентрация внимания, но это прибавляло мало сведений, имеющих отношение к решению пограничных вопросов. Расточительность усилий и красота образов еще больше поражают, если вспомнить, что художники легко могли выбрать совершенно другие способы изображения ландшафта. Чертежи могли сообщить столько же практических сведений с помощью схематичных контуров или словесного описания. «Лес», — лаконично написал один оригинальный картограф на пустом пространстве своего чертежа, избегая утомительного рисования обычного множества деревьев, но его подход был исключением⁹. Художники могли передать и настроение, изображая деревья без листвы в серых тонах. В конце концов, это Россия, где в течение значительной части года панораму уместнее описывать как серую, холодную и пустынную, а не зеленую и пышную¹⁰.

Такие аномалии позволяют нам и даже заставляют нас подходить к этим административным документам нестандартным образом — так, чтобы найти скрытые подтексты. При таком подходе эти разнородные документы позволяют увидеть по меньшей мере одну грань трудноуловимого простонародного понимания религии и места человека в мире. Скромное социальное окружение составителей карт уводит нас от книжной теологической и политической элиты, позволяя посмотреть на более народную форму веры. Тот факт, что эти источники касались исключительно светских, административных тем, гарантирует, что какое бы духовное содержание в них ни просочилось, оно появится более или менее неотфильтрованным или, по крайней мере, отфильтрованным не так, как в источниках, которые обычно исследуют при изучении духовности, источниках, созданных исключительно для религиозных или церковных целей.

Достаточно быстрого взгляда на карты-чертежи, чтобы увидеть, что для их пестрых ландшафтов характерны два основных набора образов: архитектурные ансамбли — главным образом церкви — и деревья. Церкви и монастыри с крестами на куполах доминируют на чертежах, как они, должно быть, и доминировали на видимой линии горизонта в России XVII

века¹¹. Даже там, где очевидная цель карты состояла в том, чтобы показать относительное расположение собственности различных землевладельцев и местонахождение оспариваемого участка земли, церковь нередко является смысловым центром изображения. Церковь в центре часто вообще не имела отношения к спору и даже не была расположена близко к оспариваемой земле. В упомянутой выше статье Морозов отмечает, что церковь в имении князя Воротынского является «композиционным центром» карты; она нарисована для того, чтобы показать затопленные поля и водяные мельницы, несмотря на то что церковь не имеет прямого отношения к делу и расположена на значительном расстоянии от оспариваемых мельниц¹². Подобным образом на всех трех чертежах из одного дела в городе Кашине центральной точкой является заброшенное место, которое ранее занимала церковь, хотя спорные земли лежат от него в стороне. Все три версии были нарисованы разными художниками, о чем свидетельствуют различные стили. Все три чертежа имеют довольно мистический характер, а природа преломляется через весьма творческое воображение. На одном чертеже заброшенное место церкви изображено в виде рощицы мерцающих плакучих ив. На втором чертеже место церкви подписано строгим шрифтом, выделяющимся среди изысканных, похожих на цветы деревьев, обозначающих более прозаичные поля. Зеленая и серая акварельная краска мягко подчеркивает цветы и границы полей. На третьем чертеже место церкви предстает как скалистый выступ с острыми углами, на котором стоит лиственное дерево с кустистой кроной и два кипариса. Этот выступ идентичен скалистым выступам, обозначающим природный ландшафт на иконах. Выступ стоит один на пустом месте, хотя тщательно вычерченные деревья нескольких видов заполняют большую часть остального пространства карты. На первом чертеже написано: «преж сего бывала церковь», на втором: «церковная места, что преж сево бывала церковь Петра и Павла». На третьем просто сообщается: «место церковное»¹³ (см. рис. 4.1—4.3). Непропорциональный масштаб и заметное положение религиозных зданий и мест, где располагались церкви, служили на картах практической цели: они помогали сориентировать зрителя, указывая, где находится спорная собственность по отношению к известным объектам местности. Однако визуальный эффект превосходит утилитарный, говоря о том, какое выдающееся положение занимали православные постройки в ментальных представлениях русских людей о своей стране (вклейка 14).

Православная геометрия предоставила готовые инструменты любителям-картографам, ищущим формы и образы для символического изображения объектов той среды, в которой они жили. Когда Степан Жданов, с которым мы встречались в предыдущих главах, рисовал свое представление о местности, он изобразил деревню Дряплово в виде трехступенчато-

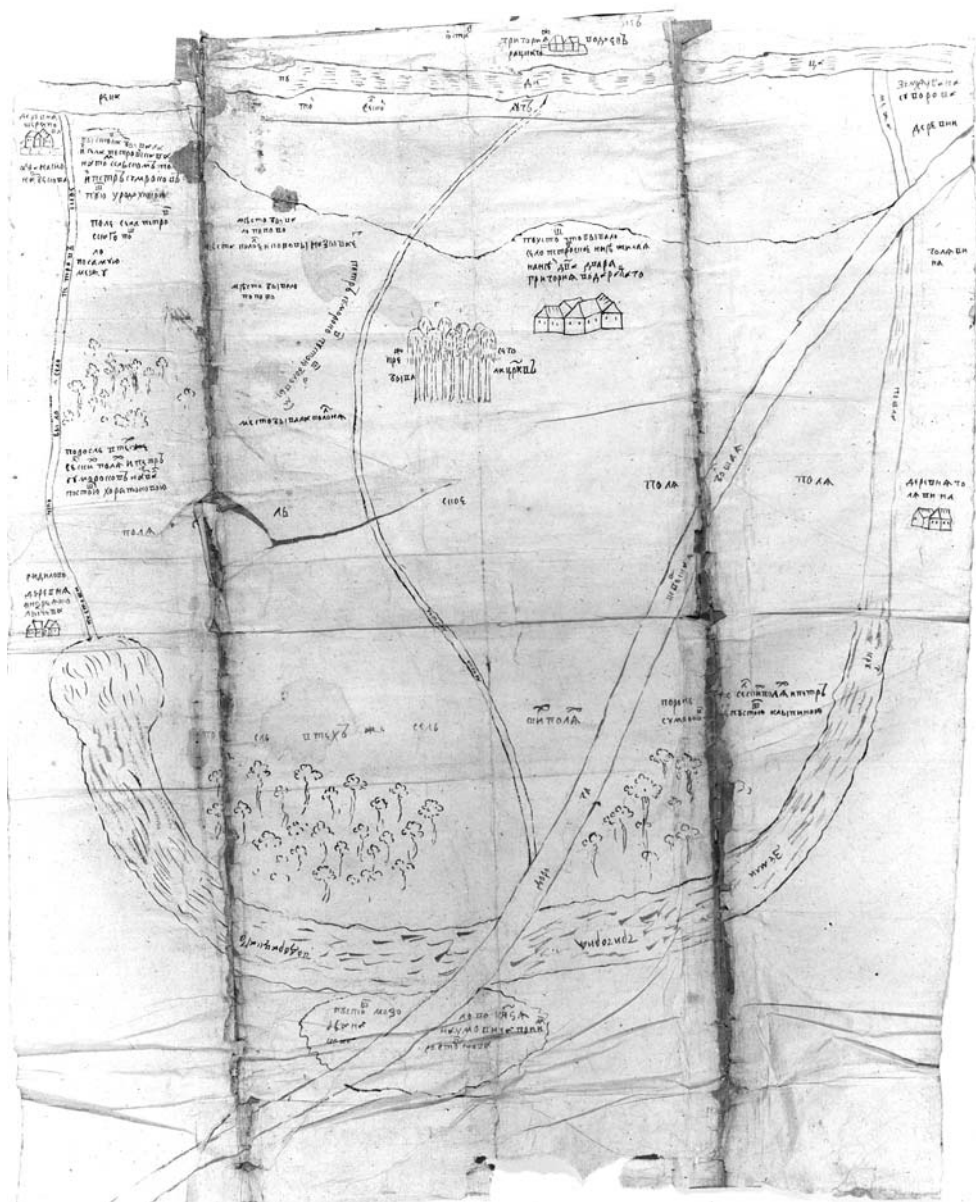

Рис. 4.1. РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36032. Л. 182. Место церкви представлено ивовой рощей, наверху в середине.

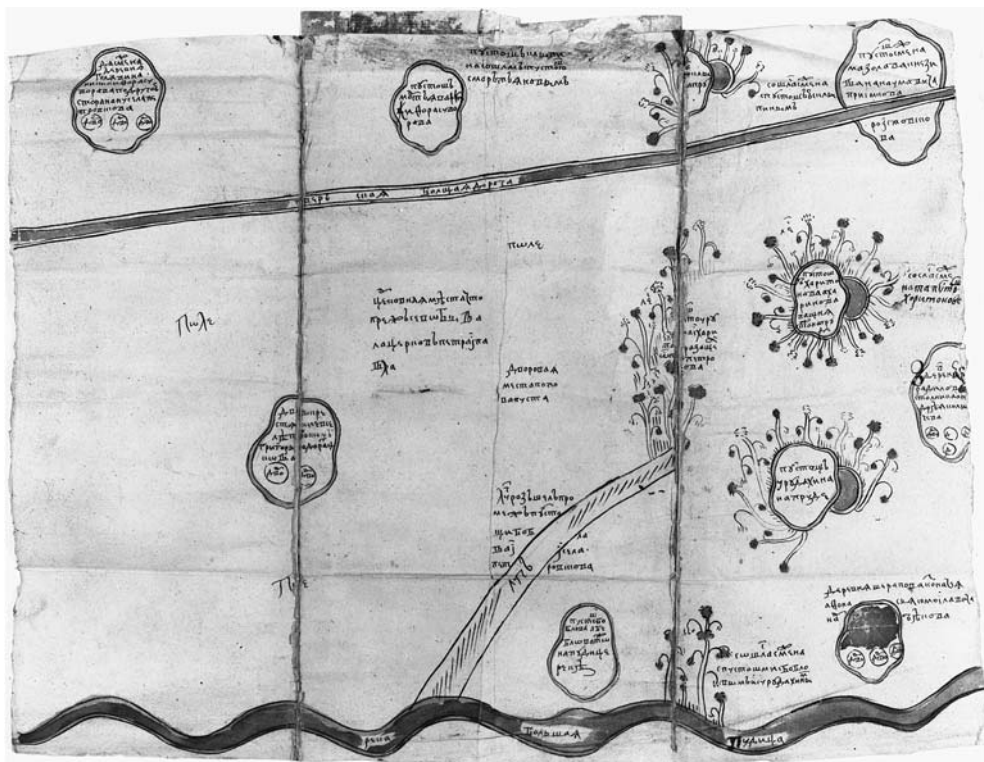

Рис. 4.2. РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36032. Л. 183. Место церкви обозначено словами, в середине слева.

го сооружения, похожего на зиккурат и увенчанного православным крестом (см. рис. 2.2). Этот символ, вызывающий в памяти сцену распятия или православный алтарь, устанавливает визуальное равенство между русским поселением и традиционной православной формой¹⁴. Подобным образом на предварительном наброске для чертежа из Ельца Любим Шаковитый и подьячий Савин Постников использовали ментальный репертуар знакомых форм, когда чертили грубые геометрические контуры, сильно напоминающие православные кресты, превратившиеся затем в пышные зеленые деревья на сохранившейся полноцветной окончательной версии (рис. 4.4 и вклейка 15). Если такие наглядные артефакты нельзя воспринимать как очевидные индикаторы невыраженных допущений и верований, их, по крайней мере, можно считать свидетельством того, что христианские образы — с теологическим содержанием или без него — легко приходили на

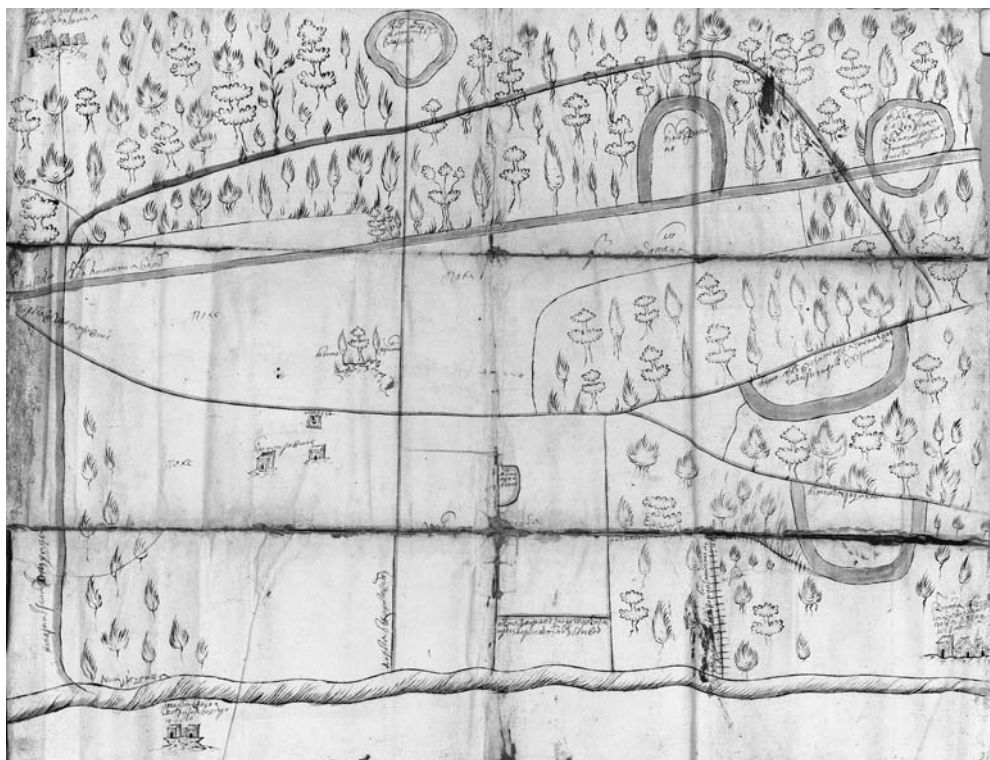

Рис. 4.3. РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36032. Л. 84. Каменный выступ на месте церкви в центре слева.

ум представителям этой группы москвитов XVII века довольно незнатного происхождения. Как утверждает историк искусства Майкл Баксендолл в своей влиятельной работе о взаимосвязи искусства и опыта, художник и зритель одинаково привносят «в картину множество сведений и допущений, полученных из общего опыта»¹⁵. В случае карт православные образы вполне буквально формировали у картографов видение окружающего мира. Использование картографами православных образов для символического изображения деревьев или деревень не доказывает, что они осознавали конфигурацию физического и социального ландшафта как очевидно православную. Скорее эти формы и контуры составляли внешний фон, существующую совокупность форм, из которой московские картографы отбирали свои образы.

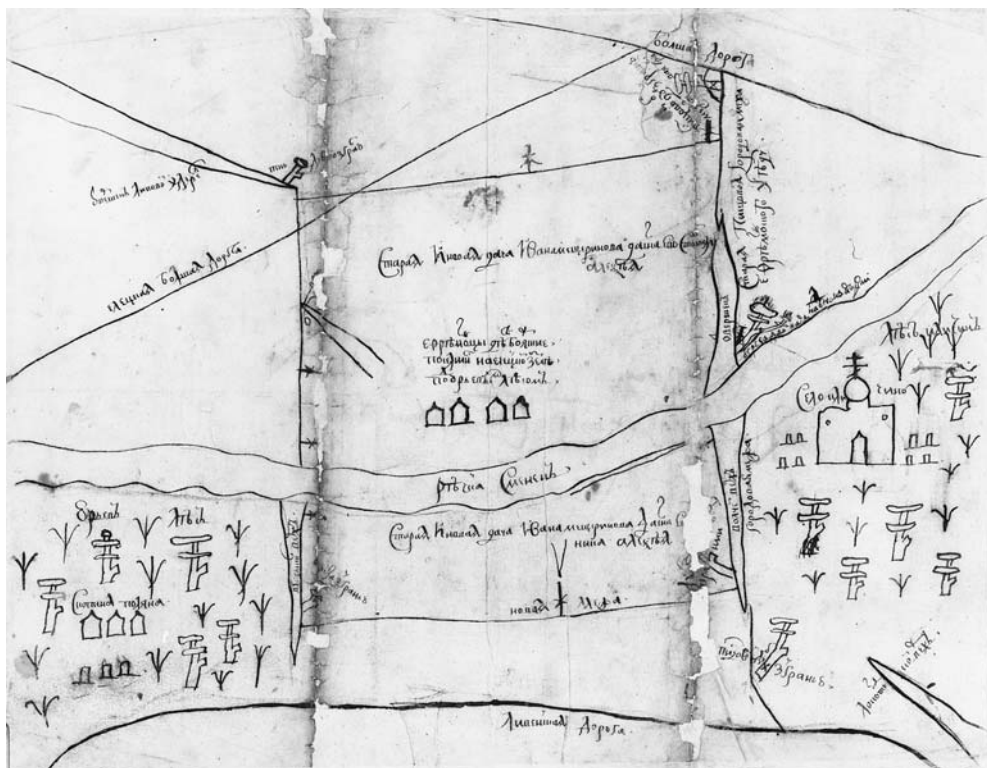

Рис. 4.4. РГАДА. Ф. 1209. Елец—Ефремов. Стб. 23829. Ч. 7. Л. 2 (1688). Этот грубый набросок отражает дело о спорном земельном владении, которое в итоге было объединено с расследованием нападения и убийства. Дело касалось поселения, указанного в центре чертежей — группы домов над рекой, столь различно нарисованных на двух вариантах карты. На черном наброске особенно поражающе похоже на православные кресты контуры, обозначающие деревья. На окончательном варианте (вклейка 15) мы видим, что они превратились в деревья.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ МОСКОВИТОВ: БОРЬБА ЭСХАТОЛОГИЙ

Если ландшафт Московии, отраженный подъячими, горожанами и служилыми людьми, имел христианский подтекст, то, возможно, чертежи могут помочь нам разгадать, какого рода христианство они отражают. Научные труды по русскому православью дают несколько моделей, которые мы можем рассмотреть и сравнить со свидетельствами карт. В самом общем смысле эти модели предлагают нам полярные точки зрения. Одна из

них состоит в том, что религия московитов была мрачной, фаталистичной и даже безысходной, сосредоточенной на тяготах этого мира и испытаниях Божьего суда в следующем мире. Другая представляет собой полную противоположность: православие — это яркий праздник благодарности за красоту этого мира и ожидание прихода вечной радости.

Согласно первому, очень распространенному направлению мысли, религиозность московитов, особенно в XVII веке, характеризовалась мрачным пессимизмом по поводу земного существования человека и неминуемости апокалипсиса. Русское православие отдалось «трагическому экстремизму» или даже «эсхатологическому психозу», проникнутому «мрачным и отчаянным историческим сознанием», усиленным ожиданием «ужасов апокалипсиса, если [Московия] не выполнит свою миссию»¹⁶. Миссия Московии в этом понимании состояла в том, чтобы сохранять чистоту православной веры. Эта миссия была доверена ей как «Третьему Риму», наследнице власти Рима и Византии. Когда во второй половине XVII века официальная церковь начала проводить программу реформ, критики усмотрели в этом отклонение от истинной веры и объявили, что Московия не выполняет свою миссию. Все буквально летело в тартарары. Палал последний оплот православия. «Этот психоз возник непосредственно в результате усиленного внимания к конкретному и историческому в идеологии московитов». «В народном воображении, как и в монастырских хрониках, вся история пронизана Божественным присутствием. Молчание Бога и его отсутствие в современной истории могут поэтому означать только то, что история близка к своему концу. Тем, кто отчаянно искал последний, реальный способ выполнить Его волю в этой беспрецедентной ситуации, оставалось лишь одно: предать себя очистительному пламени, которое, согласно традиции, должно предшествовать Страшному суду»¹⁷. Независимо от того, был ли этот апокалиптический аспект настолько сильным и распространенным, как представляют его сторонники, он омрачил образы русской православной культуры. Согласно этой точке зрения, если русские верующие и не бросались в погребальный костер, чтобы сгореть там в преддверии апокалипсиса, то на мир они смотрели как на печальную юдоль слез, трудный путь, который необходимо пройти, без надежды на что-либо хорошее в конце.

Такое апокалиптическое отчаяние можно обнаружить в источниках XVII века, и оно вызвало к жизни немало сектантских движений и пророков конца света. Однако рассмотрение этого крайнего элемента и исключение других религиозных тенденций заслоняет значительную часть картины и создает искаженный образ. Согласно последним исследованиям, хотя московиты действительно были погружены в эсхатологические мысли, официальные придворные и церковные круги очень оптимистично

относились к грядущему концу света. Москва — блистательный и царствующий город — была избрана Богом, находится под защитой Бога и идет к славной вечной жизни. Как объясняет Майкл Флайер, с начала XVI века московские источники настойчиво передавали миллениаристское послание, «сосредоточенное вокруг правителя Московии и его двора и настроенное на выражение позитивной и оптимистичной идеи нового века, века, в который правящая элита посвящала себя идее Москвы как Нового Иерусалима, со всеми сотериологическими подтекстами, которые могла нести эта ассоциация». Флайер отмечает: «Это был принцип, который сохранил свою идеологическую ценность среди московской элиты еще и в XVII веке»¹⁸. Такое радостное видение конца света придавало особое значение обещанию спасения, в отличие от более мрачных обещаний адских мук тех «премиллениаристов», чье внимание было сосредоточено на грядущих ужасах и разрушениях Армагеддона¹⁹. Не уделяя особого внимания ужасам, назначенным на промежуточный период согласно Откровению св. Иоанна Богослова, придворные круги поддерживали космический нарратив, очень далекий от угрюмого апокалиптицизма, принятого в более ранних исследованиях.

Православная элита не только ожидала блаженства вечности, но и допускала позитивную оценку жизни в этом мире. Литературные произведения того времени подтверждают представление о том, что религиозная элита Московии рассматривала окружающий мир как дар Бога, сокровище, которое надо ценить и прославлять. Возвращаясь к Шестодневу Афанасия Холмогорского, мы находим длинные отрывки, восхваляющие «таинственное и непостижимое величие мироздания». «Писатель подчеркивает невозможность для человека до конца осознать и выразить все разнообразие, великолепие и величие окружающего мира». «Кто домыслится или кто паки видимаго сего света насладиться может... Многообразие поистинне тварь содела Владыка и многолюдно и неведомо!» Т.В. Панич в своем исследовании Шестоднева описывает последнюю часть этого произведения, в которой Афанасий «изображает картину мироздания, восхищаясь его красотой, гармоничным единством и разнообразием вечно обновляющейся природы»²⁰. Он восторженно перечисляет удивительные элементы мироздания: солнце, луна и звезды, деревья и трава, «во вся лета растущих и украшающихся, и от небытия в бытие раждающихся», звери, птицы и рыбы, реки и ручьи, которые орошают землю, постоянно меняющееся море с его твердыми берегами и «человек, еже есть самых себе Божиим промыслом от небытия в бытие приводящихся»²¹. Шестоднев с его недвусмысленным посланием иллюстрирует направление, которое сохранялось в элитной православной мысли на протяжении всей эпохи Московского государства и проповедовало обязанность человека наслаждаться материальными дарами Бога и плодами Творения.

И все же вопросы о народном православии остаются без ответа. Работы, в которых рассматриваются придворные ритуалы, официальные изображения и церковные писания, имеют ограниченное применение за пределами кремлевской элиты. Известно, что проникать в народное сознание и делать обобщения о народной ментальности, особенно о народной религии, — трудное и опасное занятие, и, по мнению некоторых историков, наибольшее мужество требуется для того, чтобы вообще этого не делать. Наиболее четко выражая проблему, Эдвард Кинан предупреждает, что эта тема является и будет оставаться неясной из-за отсутствия «откровенного, надежного, конфессионального, народного текста», «который открыл бы нам реальный мир этих людей на пороге Нового времени»²². Такие предостережения оправданны. Тот факт, что церковная элита в Москве изображала общество, погруженное в глубокую православную религиозность, недостаточен для того, чтобы мы имели право предположить, что приверженность православию выходила за стены одного или двух монастырей и епископских палат. Несколько церковников, строчивших заумные труды, возможно, делали это для себя, для Бога и для нас, но у огромного большинства их современников (в основном безграмотных) они вызывали только замешательство и равнодушие. В последнее время историки начали проникать в религиозный мир обычных москвитов, анализируя их каждодневные практики, жизненные ритуалы и взаимодействия с монашескими организациями и святыми реликвиями²³. Эти важные исследования проливают свет на практики верующих, но до сих пор немного смогли рассказать о стоящей за ними философии религии. Остается открытым вопрос о том, до какой степени оптимизм официального православия распространялся на религиозные взгляды широких масс. И, возможно, наши скромные картографы и «народные» картины, которые они создавали, могут дать нам некоторые ответы.

ЛАНДШАФТ НАРОДНОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Выражают ли карты темный фатализм мрачной, подавляющей религии или показывают более радостную картину жизни в этом мире? Этот вопрос заслуживает большего, чем упрощенный, бинарный ответ. Православие, как и все религии, давало возможность для многочисленных толкований разными людьми в разные моменты их жизни. Как мы видели, разные группы и слои выражали кардинально различное понимание своего места в божественной истории. С точки зрения демографии, составители карт находились непосредственно между двумя группами мыслителей, чьи религиозные взгляды зафиксированы историками. С одной

стороны, раскольнические движения обычно набирали сторонников из низших классов общества, хотя, разумеется, не все люди низкого статуса разделяли раскольнические убеждения. Горожане, купцы, крестьяне, самопровозглашенные монахи и безработные священники населяют протоколы официальных допросов этих религиозных инакомыслящих, в то время как составителями карт были скорее выходцы из низших служилых чинов и никогда — из крестьянства²⁴. С другой стороны, треть идентифицируемых картографов направлялась из Москвы для составления карт уездных имений, и они могли быть знакомы с кремлевскими церквями и судебными ритуалами. Они могли вносить более официальную религиозность в свои чертежи. Таким образом, демография не может нам здесь помочь, поскольку ее предположения неоднозначны.

Сами чертежи дают более ясные ответы. Трудно увидеть пессимизм в этих пестрых рисунках и искусных чертежах или примирить их милые пейзажи с культурной одержимостью апокалиптическим страхом и смертным грехом. Будучи изображениями окружающего мира, карты показывают светлую картину, скорее наполненную радостью, чем ужасом и фатализмом. На чертежах, с их замысловатым изображением красоты природы, Московия предстает роскошным садом. Раскрашенные насыщенными цветами осени — главным образом зеленым, серым, оранжевым, бордовым и сепией с оттенками желтого, розового и бирюзового — чертежи представляют нам удивительные образы природного изобилия. Если видение их авторов берет начало в религиозном мировоззрении, то оно отражает религию радостного утверждения красоты этого мира, прославление божественного творения на земле и благодарность за дары Бога человечеству.

Не только сама природа, но и человек своим трудом способствует процветанию мира, изображенного на чертежах. Вера в способности и достижения православных людей пронизывает каждый аспект картографического представления человеческих усилий и человеческой природы. Церкви, построенные людьми, дополняют окружающую природу, как и в жизни, где русские церкви традиционно стояли в живописных местах: на холмах, у рек, отражались в прудах²⁵. Светская архитектура тоже изображается с декоративными элементами. Чертежи, на которых показано взаимодействие между рукотворной и природной средой, иллюстрируют уверенное представление о человеке и его месте в Божьем мире.

Некоторые образы несут смысл, довольно легко поддающийся расшифровке — кресты, алтари, — в то время как другие передают не настолько четко выраженные ассоциации. Рисуя карты, картографы использовали визуальный язык знаков и образов²⁶. Проблема интерпретации карт состоит в том, чтобы понять, что означали образы для тех людей, которые наносили их на бумагу. Баксендолл пишет: «Изображение чувствительно

к видам интерпретативных навыков — таких как модели, категории, умозаключения, аналогии, — которые разум применяет к нему. Способность человека выделить определенный вид формы или связи форм скажется на том, как он видит изображение»²⁷. Каковы были лексикон и синтаксис визуального языка, который московские картографы использовали в своей работе? Так же, как мы ищем определение слова в историческом словаре, мы можем обратиться к визуальным изображениям того времени, чтобы увидеть, как образ использовался в других текстах, установить значения и послания, присущие определенным образам. Для картографов XVII века наиболее очевидным визуальным источником служили образы икон. Визуальный стиль чертежей содержит большое количество цитат из образного ряда икон — материальных артефактов, которые были легко доступны и в некоторой степени понятны уездным картографам. Несомненно сходство коврового рисунка лесов на картах с лесами на иконах. Похожие на цветы, многоярусные деревья, столь знакомые по иконографическим ландшафтам, несли на иконах определенный смысл. Если мы обратимся к иконографии как словарю визуальных символов, определение зеленого ландшафта будет очевидным: деревья обозначают рай — либо на земле, либо на небе.

Сам по себе ландшафт был относительно недавним нововведением в русской иконографии, где он появился лишь немного раньше, чем начала развиваться картография. Достаточно краткого хронологического анализа русских икон, чтобы подтвердить то, что детально обсуждали историки искусства, а именно удивительное отсутствие природного ландшафта до конца XV — начала XVI века²⁸. Святые и священные фигуры традиционно изображались на гладком золотом фоне, что преднамеренно уничтожало указания на земной мир. Материальная реальность не передала бы ни место действия (предположительно небеса, где знакомые земные ландшафты не имеют смысла), ни назначение икон (помогать установить контакт с божественным). На ранних иконах, даже в сценах житий святых по краям, не видно ни одного дерева, если только оно не требуется для действия или богословского послания, как, например, в истории об изгнании святым Николаем демона из дерева. Тогда в сцене будет представлено одиночное, функциональное дерево²⁹. Чаще для изображения земного места действия достаточно малейшего намека на скалистый выступ или стебелька травы. Унылая опустошенность природного ландшафта не случайна: с ее помощью намеренно изображается оскудение мира после грехопадения. «Грехопадение» и «Изгнание из рая» — обычные темы на дверях, ведущих в боковую алтарь, начиная с XVI века и далее — иллюстрируют эту теологическую теорию отсутствия растительной жизни. Адам и Ева жили в прекрасном саду, в котором росли те самые деревья с наших карт, пока боже-

Рис. 4.5. «Грехопадение и изгнание из рая». С разрешения Государственного музея-заповедника Коломенское.

ственный ангел мщения не указал им бесцеремонно на дверь. За воротами рая на многих иконах место действия пустует, и только скалистые выступы придают структуру земной поверхности (рис. 4.5)³⁰.

Первые появления ландшафта на иконах в конце XV и на протяжении XVI века ограничивались определенными иконографическими контекстами. Пейзаж ассоциировался исключительно со сценами рая. В сценах творения иногда был изображен сад первоначального райского мира. Сцены сада либо обозначали Эдемский сад Адама и Евы, либо служили окружением и обозначением Богоматери. С конца XV века на иконах «О тебе радуется» Богоматерь находится в кругу рая, окруженная пышной листвой — символом рая³¹. В сценах Страшного суда, в самом нижнем ряду, могут быть изображены в непосредственном соседстве друг с другом геенна огненная и Богоматерь, возведенная на трон ангелами, «находящаяся в [заполненном деревьями] кругу Рая»³². На знаменитой иконе середины XVI века «Благословенно воинство небесного царя» повторяется ассоциация деревьев и садов с Богоматерью и явно выражена ее роль как заступницы Земли Русской³³. В первой половине XVII века деревья стали чаще встречаться в иконографии, но по-прежнему в ограниченном ряду иконографических контекстов, сохраняя ту же тесную связь с раем и Богоматерью. На иконе начала XVII века «Что Ты наречем, о благодатная?» изображен Христос в заполненном деревьями кругу рая вместе с Адамом и Евой, Благоразумным

Рис. 4.6. Икона под названием «Двоесловие живота и смерти». С разрешения Музея искусств Республики Карелия (Петрозаводск).

разбойником и Иоанном Крестителем. Они поддерживают образ заступницы Марии с двумя архангелами по бокам³⁴. На иконе «Благодарный разбойник в раю», написанной в середине XVII века, рай тоже обозначен фоном из богатой растительности³⁵. Что касается более поздних произведений, Симон Ушаков наиболее отчетливо показал тройную ассоциацию, связывающую Богоматерь, Русскую землю и райскую флору, на иконе 1668 года «Владимирская богоматерь (Древо государства Московского)». На этой иконе основатели Москвы князь Иван Калита и митрополит Петр сажают и поливают древо Российского государства с виноградными лозами и розами без шипов, которое опоясывает образы Владимирской Богоматери и различных князей и святых из русского прошлого, в то время как царь Алексей Михайлович и его жена с сыновьями одобрительно наблюдают³⁶. На иконе конца XVII века под названием «Двоесловие живота и смерти» мы видим спасенных — королей, мудрецов и красивую даму, любезно беседующих среди деревьев в раю, и отчетливую надпись: «Душа праведных во светле месте» (рис. 4.6)³⁷. Светлое место — это место, в котором есть деревья, а место, в котором есть деревья, — это рай.

Во второй половине века, и особенно в последние два десятилетия века, ландшафт на иконах приобрел более реалистичные, репрезентативные формы. Никита Павловец продолжил тему сада как рая в своей ико-

не Богоматери «Вертоград заключенный». На иконе изображена Богоматерь с ребенком на руках, стоящая в вертограде — саде с крошечными деревьями и цветами, огороженном золотой балюстрадой, в то время как ангелы спускаются с неба, чтобы короновать ее. Сад в регулярном стиле отличается от более естественного пейзажа за его стенами, но непосредственно соседствует с ним, из чего можно предположить, что сад находится на земле. На иконе Павловца ландшафт изображен гораздо реалистичнее, чем на рассмотренных выше более ранних работах. Художник явно внес в свою работу новые, заимствованные традиции, но использование природы как символа остается тем же³⁸. Появление на иконах реалистичного природного и архитектурного фона и возникновение картографии в России хотя и основывались на более ранних нововведениях, происходили примерно в одно и то же время — во второй половине XVII века. Два события, связанных с репрезентацией пространства и ландшафта, почти совпали по времени, так что историки картографии описывают подражание иконописным техникам в картографии, в то время как историки искусства говорят о заимствовании картографических условностей иконописцами³⁹.

Во второй половине века расширился и диапазон контекстов, в которых встречается ландшафт. Деревья и леса больше не обозначали только рай в узком смысле, но сохранили тесную связь с проявлениями святости на земле. Несколько региональных школ, в частности, ярославские живописцы, подняли ландшафтную живопись на уровень высокого искусства, но даже светящиеся леса ярославских художников оставались местами, где действовали святые⁴⁰. Когда ярославская школа и другие художники конца XVII века прославляли живую природу, они представляли природный мир не как нейтральное место действия человеческой истории, но как творение Господа, неотъемлемым свойством которого является божественное присутствие. Их изображения природы иллюстрируют тему, которая отчетливо представлена на одной из фресок в церкви Ильи Пророка в Ярославле, созданных в 1680-х годах, под названием «Всякое дыхание да хвалит Господа». В.Г. Брюсова удачно описывает эту фреску как «гимн многообразию земного мира, воспеваемый толпой, в которой присутствуют библейские цари и отроки, похожие на юных ярославских горожан, девы и преподобные»⁴¹. На фресках обычные, мирские люди празднуют божественный дар Творения.

Главный вывод из этого краткого обзора состоит в том, что до самого конца XVII века иконографическая ассоциация между деревьями любого рода, деревьями как таковыми и царством рая прочна и неоспорима. Каждый раз, когда деревья появляются на иконах, мы находим там либо Эдемский сад, либо небесный рай. Самый необразованный москвит, едва знакомый с библейскими образами, мог уловить эту ассоциацию. Чтобы

зритель случайно не перепутал небесные сады с обычными, рай четко отделялся от обыкновенной земли мандалами, которые окружали и ограждали сады рая, или воротами, обозначавшими границы Эдема⁴².

Но что означают все эти деревья, вызывающие непреодолимую ассоциацию с раем, на чертежах-картах, составленных для судебных тяжб? Или, другими словами, каким образом человечество вернулось обратно в рай? Может быть, уездные подьячие показывали утонченное понимание официальной триумфалистской эсхатологии, происходившее из наблюдения тонкостей придворного ритуала и анализа закодированных посланий в планировке московских церквей? Это кажется по меньшей мере крайне маловероятным, учитывая их скромное, уездное происхождение. Или это видение земного рая являлось ретроспективным ответом на ужасы разрушительной опричнины Ивана Грозного и Смуты? Пережив эти страшные времена, любой думающий человек мог допустить, что Армагеддон со всеми его чудовищами и войнами, голодом и разорением уже в прошлом и что Московия благополучно прошла сквозь тяготы правления Антихриста и находилась на финишной прямой на пути к Небесному Иерусалиму. Хотя это объяснение в некоторой степени понятно и удовлетворительно с исторической точки зрения, оно тоже кажется немного натянутым, не говоря о том, что его невозможно проверить.

Наиболее убедительным ответом мне кажется тот, что, скорее, райские деревья и сады спустились на землю, а не человек вернулся в рай. Чтобы объяснить это довольно загадочное явление, позвольте мне вернуться к подробно изученной иконе «Благословенно воинство небесного царя», где такое сошествие или переход от небесного прототипа к земной модели представлены наиболее ясно и ярко. Эта великолепная икона привлекала и привлекает много внимания, но, насколько мне известно, никто никак не комментировал деревья на ней. Активное действие происходит на переднем плане и в центре, где триумфально шествуют войска, и в верхнем левом углу, где Богородица и младенец Иисус, сидящие перед Градом Небесным (Москва/Новый Иерусалим), раздадут короны ангелам-посланникам для награждения мучеников победившей армии под предводительством Ивана Грозного и Архангела Михаила, возвращающейся из необозначенного города в пламени пожара (Казань/Содом и Гоморра). Хотя разногласия по поводу загадок этой иконы не исчерпаны, И.А. Кочетков и Дэниел Роулэнд убедительно продемонстрировали неоднозначность расположения этих войск, в которых смешались ангелы, земные правители, павшие мученики и уцелевшие герои. Они одновременно обозначены как земные воплощения библейских сражений, действующие лица истории того времени и предвестники самого воинства небесного⁴³. В этом неопределенном месте действия, являющемся одновременно земным отражени-

Рис. 4.7. Фрагмент иконы «Благословенно воинство небесного царя (Церковь воинствующая)», 1550-е гг. С разрешения Третьяковской галереи.

ем и образом самой небесной цели, одна деталь иконы представляет особый интерес в связи с картами. Круг, в который заключено пространство Богородицы, разомкнут. Он открывается на земную равнину, а деревья, подобные тем, которые столетием позже появятся на картах, спускаются на небесную/земную твердь, отмечая ее и как образ, и как сущность рая Земли Обетованной (рис. 4.7). Незавершенный круг — странный и удивительный образ, необычный в русской иконографии. Закрытые круги обычно обозначают одновременное присутствие или взаимопроникновение различных сфер, явление божественного смертному или проявление божественного в земной сфере. Самый яркий пример — использование мандал на иконах преображения для различения божественного пространства и места обитания смертных. Мандалы также появляются на многих других иконах с той же целью⁴⁴. Круги на картах отличают и отделяют различные виды пространства, хотя и с несколько другим смыслом, чем мандалы, говорящие о метафизических различиях. Картографы рисовали черными чернилами круг, чтобы очертить определенные земельные владения, четко отделяя их от окружающей ничейной или необрабатываемой терри-

тории⁴⁵. Но круг, в котором на иконе находится Богоматерь, разомкнут, что указывает на взаимодействие, а не на резкое различие между двумя сферами. Место, где разрывается круг, — это упоминаемое в Откровении место встречи, «великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога»⁴⁶. Тщательное различение плодоносящих деревьев в небесном саду и бесплодных деревьев на поверхности земли говорит о том, что еще сохранялось тонкое различие, что «рай на земле» пока что был метафорой, пророчеством, хотя и весьма значимым⁴⁷. В материальном мире, где Бог постоянно присутствует в своем творении, можно было представить себе существование рая на земле.

Православная теология дает несколько интересных оснований для такой интерпретации, которые были легко доступны верующим благодаря песнопениям ежедневных и еженедельных церковных служб. Православие не развивало доктрину первородного греха, как это делала западная церковь под влиянием Августина. Как объясняет современный теолог Иоанн Мейендорф, «бунт Адама и Евы против Бога мог быть понят только как их личный грех; и тогда в такой антропологии не было места для понятия наследственной вины»⁴⁸. Хотя сцены изгнания из Эдема показывают безрадостный пейзаж за стенами сада, идея надежды на спасение иногда проникает и туда. Православие не скупится на вторые шансы. То, что блага рая будут сопровождать Адама и Еву даже за стенами Эдема, подразумевается в иконографии русских сцен Творения. Некоторые иконы «Изгнания» не показывают резкий разрыв между Эдемским садом и внешним миром, а изображают пейзаж с однородными лесами, простирающийся за воротами, намекая на то, что Адам и Ева продолжают жить в щедром мире Божественного творения⁴⁹. Более того, особенно на изображениях XVII века, часто именно воплощенный в человеческий облик Христос создает Адама и Еву. Появляясь в своем человеческом облике, Иисус несет человечеству обещание спасения и, следовательно, возвращения в рай, с самого первого момента Творения, до грехопадения⁵⁰. Вдвойне обеспечивая очищение Адама и Евы от виновного наследия, Богородица Дева Мария, Новая Ева, спасает мир от грехопадения Адама. Как гласит одно из многих популярных песнопений, «...радуйся Ты, чрез Которую клятва исчезает; радуйся, восстановление павшего Адама»⁵¹. Спасая человечество, Богородица дала теологическое обоснование для того, чтобы вновь заполнить деревьями православные земли, для возвращения Эдема.

Богоматерь, часто называемая покровительницей и заступницей Русской земли, является важным звеном на иконе «Благословенно воинство небесного царя» и на других иконах, делая постижимым переход небесного рая (пусть и в уменьшенном виде) на землю. «Древо государства Московского» Ушакова делает явной ассоциацию между райским садом и Москов-

ским государством (основательно представленным красными кирпичными стенами Кремля). Сказание и иконы о «Явлении Богоматери и Святителя Николая пономарю Юрьшу» раскрывают лесную тему. Богоматерь дарует свое благословение Русской земле через чудесное дерево. Согласно легенде, Дева Мария велела Юрьшу сделать крест из дерева в память о страданиях ее сына, а когда монахи монастыря попытались вместо этого сделать крест из железа, небесный ветер поднял их и невредимыми опустил в лесу. На иконе изображен Юрьш, скромный провидец, на коленях перед Девой Марией, которая сидит на упавшей, полностью зеленой сосне. На иконе начала XVII века она опирается ногами на второе небольшое дерево перед ней. Деревья и лес становятся центральным элементом, связывающим Богоматерь и русский народ в поклонении ее страдающему сыну⁵².

Изображая русские уезды и наполняя их образами природы, непосредственно взятыми из недавно появившихся пейзажей на иконах, русские картографы использовали ясные и несомненные маркеры рая для украшения своих чертежей земельных владений и спорных границ. Через доступный передаточный механизм широко распространенных иконографических традиций религиозные художники доносили свои идеи об имманентности природы и связях между пейзажем и божественным раем на земле. Понимание природы как великого Божьего дара, очевидно, было во многом созвучно убеждениям и представлениям широких слоев населения. Чертежи, как спланированные рекламные кампании придворных публицистов Кремля, демонстрируют чрезвычайно позитивное понимание переплетающихся библейских и светских тем. Подобно иконам и фрескам московской элиты, чертежи выражают радостное видение своего места в Божьем мире и проецируют этот оптимизм на земное настоящее. Символы, используемые картографами, уже были нагружены смыслами, которые сформировались в церковных контекстах. Намеренно или нет, но, используя символизм икон, картографы изображали природу Московии одновременно как далекий отголосок потерянного Эдема — место, где живет, трудится и поклоняется Богу человек, — и как прообраз грядущего рая. Дома и пастбища, заброшенные участки и высохшие русла рек, помещенные в пейзаж, на котором красуются церкви с куполами, деревья в форме креста и прославляется творение, говорят о подразумеваемой связи между земными и небесными делами.

Я не хочу переоценивать источники. Подъязычие из уездных и центральных канцелярий не были «типичным» срезом общества. Несомненно, было бы рискованно предполагать, что их картографические формулы отражают широко разделяемую точку зрения. Религиозные взгляды и духовность русских людей в целом по-прежнему остаются не затронутыми в этом источнике. И все же, уводя нас от князей, бояр и высшего ду-

ховенства к уездным средним чинам, чертежи на один шаг приближают нас к народной вере.

По существу, будет натяжкой утверждать здесь наличие на этих утилитарных картах явного выражения или хотя бы сознательного формулирования теологически осознанного видения природы. Скорее, я бы предположила, что христианская идея, которая пронизывает чертежи, является результатом усвоенных предположений о божественном порядке мира, усиленных и сформированных постоянным контактом с иконами, ритуалами и литургическими практиками. Более того, поскольку ландшафт на иконах и чертежах стал частью общей административной практики в течение немногим более столетия, эти два события могли возникнуть из единого стремления отображать, наносить на карты и славить сотворенный мир — результат совместного труда Бога и человека.

Народную веру достаточно трудно выявить, а определить источники и происхождение такой веры — выходит за рамки возможного. Данное исследование говорит о том, что народная вера в необыкновенной степени отражала веру представителей высокой культуры, и одной точкой соприкосновения между ними, общим для них языком, был визуальный словарь икон. Это утверждение не отвергает многие другие возможные источники народной веры или народных образов⁵³. Высокая теология не должна была быть и не была единственным источником почитания природы. В культах чудес и житиях святых часто изображаются священные рощи или деревья на священных могилах, что говорит о народных ассоциациях между святыми местами и деревьями⁵⁴. Иконы не были единственным наглядным средством в Московской Руси. На народных вышивках и в резьбе по дереву можно увидеть декоративную растительность, которая могла служить образцом для картографов⁵⁵. Картографы и иконописцы, работая над созданием визуального способа представления окружавшего их природного и созданного человеком ландшафта, использовали общий набор знаков и символов, почерпнутых из разнообразных источников. Собранные и изображенные повсеместно на иконах как означающие рай, эти символы сами обросли многими значениями, читавшимися на административных картах XVII века.

Для средневековых русских авторов, воспитанных на православных традициях, использование Священного Писания было «неотъемлемой частью создания образа исторической реальности»⁵⁶. Это было верно как для образованных церковных деятелей, так и, по-видимому, для скромных межеевиков, составлявших местные карты. Им тоже приходилось искать способ понимания места человека в природе и в космосе. И они нашли этот способ в православии, а манера, в которой они его выразили, происходила, по крайней мере частично, из иконописных традиций того време-

ни. Физический мир, который они решили изображать, всеял надежду. В нем реальные москвиты — реальные люди, живущие в реальном мире судебных тяжб и права собственности, утверждали славу Бога и прославляли процветающий и прекрасный мир вокруг себя. Представление о России как о земном образе небес отражается в их зелено-желтых лесах. Это не совпадает с нашим обычным видением тяжелых условий жизни в России XVII века. И все же, несмотря ни на что, московские картографы изображали русские уезды как светлое место для душ праведников.

ПОСЛАНИЯ ЗЕМЛИ: КАРТЫ СИБИРИ И ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ

Если считалось, что рука Создателя сотворила леса и луга Европейской России, то что это означало с философской или теологической точки зрения для понимания ландшафта в других частях растущей Российской империи? До сих пор наше исследование главным образом сводилось к крупномасштабным картам, составленным для местных имущественных споров в Европейской России. Но в течение XVII века развивался второй жанр карт, и этот жанр позволяет нам расширить наше исследование и включить в него представления москвитов о своем месте в более обширном мире. После составления Большого чертежа правительство регулярно заказывало карты своих земель. Эти общие территориальные карты изготавливались с другой целью и в несколько другой манере, чем чертежи местных земельных владений. Они представляют собой совершенно другую категорию карт. Одна подгруппа этих более общих карт, а именно карты Сибири и Дальнего Востока, демонстрирует отношения москвитов к природе в гораздо более суровой среде и в военизированном контексте колониального завоевания и захвата.

Карты Сибири не только иллюстрируют взгляды русских на имперские владения царя, но также проясняют вопросы, оставшиеся после изучения документов из центральных уездов. В центре России карты земельных владений сохранялись вместе с материалами тяжб, для которых они создавались, но документальные свидетельства были составлены в совершенно прозаическом тоне. В Сибири, сталкиваясь с новым и опасным миром тайги и тундры, москвиты были более склонны отмечать свои реакции на земли вокруг себя. Поскольку сохранился большой и богатый корпус материалов, связанных с картами, а также с исследованием и за-

воеванием Сибири, мы можем узнать, что сами москвиты думали о земле и ландшафте в колониальном контексте. Эти материалы являются межкультурным Розеттским камнем — замечательным собранием географических впечатлений, дающих нам явное и долгожданное связующее звено между образованными, сведущими в религии православными литературными кругами и более простым миром подьячих, администраторов низшего звена и ратных людей Российского государства.

Сами сибирские картографы оставили многочисленные тексты, в которых отразили существующие в их представлении связи между ландшафтом и религией. Нам больше не нужно угадывать смыслы или биться над расшифровкой многозначных символов, поскольку у нас есть удачная возможность прочесть их собственные географические и топографические экзегезы. Карты Сибири и доклады о ней составляли работники фронта — казаки, подьячие и дипломаты — те, кто находился на передовой имперского завоевания и объединения и чьи свидетельства поэтому особенно ценны. На просторах сибирской степи эти завоеватели и колонизаторы видели ландшафт, наполненный несколько иным христианским нарративом, чем тот, который озарял леса и поля Центральной России, но его сакральные свойства и глубина его православного предназначения были выражены в наглядных и текстовых свидетельствах так же ярко.

То, что Сибирь для русских наблюдателей была наполнена христианским смыслом, не является открытием. Признавая глубоко сакральные и совершенно противоположные значения Сибири в русской культуре, Гая Димент и Юрий Слэзкин удачно назвали свою работу, посвященную этой теме, «Между раем и адом». Эти метафоры появляются уже в самых ранних описаниях Сибири москвитами и продолжают формировать представления русских о Сибири даже сегодня, хотя на протяжении веков изменилось соотношение религиозного и метафорического содержания в этих образах. Однако москвитов больше всего поражало в Сибири не то, что она похожа на рай или ад, а скорее то, что в ее горах и равнинах сохранились отчетливые послания свыше. Что ново в последующем прочтении — это в какой мере русские не только видели физических предвестниковрая и ада, когда смотрели на суровые сибирские просторы, но и читали данные им в контурах ландшафта прямые указания и благую христианскую цель. Исследователи и картографы, подьячие и изгнанники читали в сибирском богатстве и изобилии божественные послания. Таким образом, мое рассуждение строится на предыдущих работах, при этом я использую и модифицирую антитезу «рай/ад» и пытаюсь продвинуться дальше, чтобы понять, почему в понимании москвитов Бог создал для них этот райский или адский мир и какая божественная цель вписана в его пустыни и горы.

В этой главе автор не претендует на полное изложение истории исследования или завоевания Сибири, что прекрасно сделано в других работах¹. Скорее здесь рассматривается то, каким образом на картах и в связанных с ними текстах отображалась природная среда и как московские исследователи и завоеватели интерпретировали мир, который они наносили на карту. Краткая история колонизации Сибири приводится ниже для базового ознакомления, а упомянутые здесь персонажи играют важную роль в последующем изложении. Далее в главе рассматриваются толкования москвитями Сибирской земли как текста, созданного для них Богом, а затем рассказывается об одном отдельном картографе и летописце сибирского ландшафта Семене Ремезове, который создал самый богатый и полезный комментарий к московской теологии окружающего мира.

ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ

В результате знакомства с восточными землями москвиты начали живо интересоваться и разбираться в пространственной политике. Принято считать, что история русского вторжения в Сибирь начинается в 1558 году, когда Пермские земли к западу от Уральских гор были пожалованы предпринимателю Григорию Аникеевичу Строганову. В постоянном, настойчивом поиске прибыли семья Строгановых продвигалась все дальше на восток, на нерусские территории. Их продвижение неизбежно сталкивалось с местными интересами, и их инвестиции оказались под угрозой, в частности из-за конфликтов с западносибирским правителем, ханом Кучумом. Самый влиятельный лидер в регионе, Кучум был потомком Чингисхана и правил одним из отколовшихся государств-преемников, образовавшихся после падения Золотой Орды. Поэтому в 1581 году Строгановы оказали поддержку отряду казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича, с тем чтобы он перешел через Урал и выступил против Кучума. Ермак и его отряд, скрываясь от преследования закона за свои грабежи на Волге, завоевали Западную Сибирь от имени царя, который ничего об этом не знал и своего одобрения не давал, и быстро стали легендой. На протяжении последующего века густой мех сибирских соболей, горностаев и бобров, называемый «мягким золотом», манил на восток русских охотников и поселенцев, и государственные власти разделяли этот энтузиазм. Особенно в XVII веке, когда охота на пушных зверей Русского Севера привела к почти полному их исчезновению, а постоянные военные действия истощили государственную казну, московские власти увидели в сибирских мехах весьма необходимый источник дохода. Продвижение на восток было совместным усилием, в котором равное участие принимали и власти, и предприниматели.

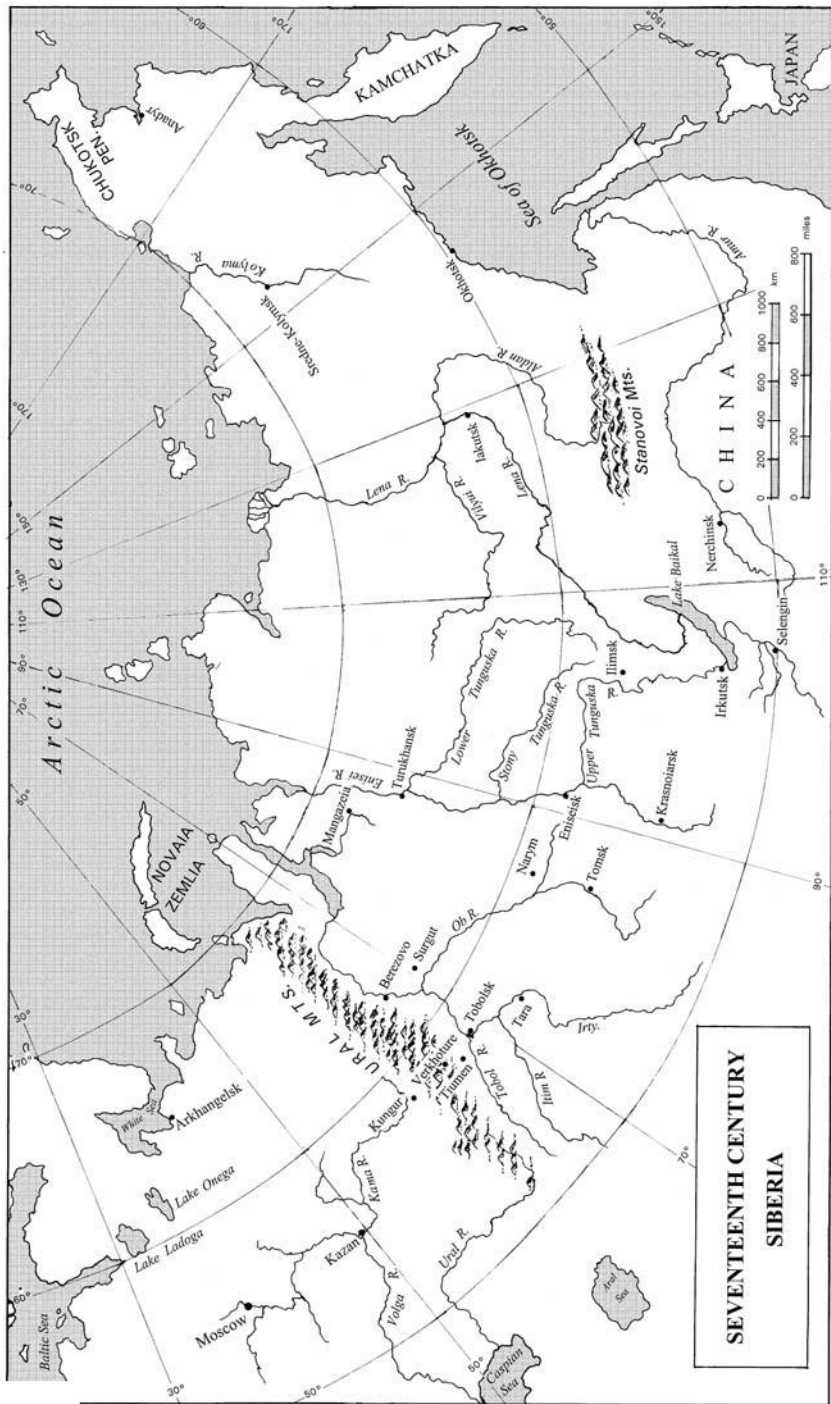

Рис. 5.1. Карта Сибири

После первого похода Ермака русские быстро продвигались по континенту. Еще до конца XVI века они основали главные города-крепости Западной Сибири: Тюмень (1586), Тобольск (1587) и Верхотурье (1598)². Продвигаясь по системам великих рек, московские первопроходцы исследовали низовья Оби и Иртыша к 1605 году, Енисея — к 1628 году, Амура и Анадыря — к 1640 году. К концу 1650-х они составили карты земель вокруг Байкала. Город Якутск был основан на реке Лене в 1632 году; а Нерчинск — на Амуре в 1659 году (рис. 5.1). После того как города были построены и укреплены, в них появлялся обычный контингент подьячих, служилых людей и казаков, охотников на пушного зверя, торговцев, крестьян и священников. Рост немногочисленного русского населения Сибири происходил за счет ссыльных. Относительно удачливые арестанты по приговору русских судов оказывались сосланными в дальние уголки Сибири, где они поступали на службу того уровня, который считался соответствующим их предыдущему статусу в обществе. Большая часть зачислялась на военную службу в невысоком чине и получала от государства оружие и землю, с которой они могли кормиться. Более высокопоставленные изгнанники плавно переходили на государственную службу в более благородных должностях — таких как уездные воеводы³. Формально относясь к юрисдикции одного из центральных московских приказов (Посольского приказа или одного из областных приказов, включая Сибирский приказ с 1637 по 1763 год), Сибирские земли находились под повседневным управлением назначенных Москвой воевод. Эти воеводы обладали чрезвычайной властью в своих уездах, по крайней мере до тех пор, пока они могли определить местонахождение своих постоянно перемещающихся подданных. Если их реальная власть была ограничена способностью отслеживать свое население, то их автономия вместе с тем усиливалась за счет расстояния и затрудненности коммуникаций с Москвой.

Из основанных в Сибири центров во все стороны направлялись экспедиции для составления карт новых земель и поиска новых источников пушнины. Отряды казаков следовали инструкциям, согласно которым они должны были приглашать встретившиеся им племена под покровительство государя в обмен на уплату меховой дани. Если вежливое приглашение отклонялось, то они должны были применить такую силу, которая бы убедил «немирных иноземцев» выложить меха и хотя бы номинально подчиниться царю. Дань пушниной называлась «ясак», и народы Сибири стали называться «ясачные», или «мирные», и «неясачные», или «немирные». С точки зрения русских, уплата дани означала полное подчинение господству царя, а подчинение неизбежно влекло за собой уплату ясака. С точки зрения коренных жителей, такая интерпретация была сомнительной, и она вызывала огромное недовольство и сопротивление. Историк Майкл

Ходарковский подчеркивает фундаментальное несоответствие между представлениями русских и степных народностей:

Очевидно, вещи выглядели по-разному с берегов сибирских рек и из Москвы. То, что местные вожди считали мирным договором, заключенным с прибывшими чужаками, Москва рассматривала как принесенную вождями клятву верности великому князю, их подчинение Москве. Русское завоевание Сибири началось и продолжалось на основе взаимных недоразумений. С самого начала Москва воспринимала местных жителей как подданных царя, в то время как местные жители видели в русских всего лишь еще одного военного и торгового партнера⁴.

Уже к 1640-м годам русские землепроходцы преодолели реки по всему континенту до Тихого океана. Иван Московитин достиг Охотского моря в 1643 году, Василий Поярков и Ерофей Хабаров исследовали Амур и его устье в 1640-х и 1650-х годах, Семен Дежнев обогнул Чукотский полуостров и вышел к Тихому океану в 1648 году, установив — хотя никто тогда этого и не заметил, — что Северная Америка отделена проливом. В 1697 году Владимир Атласов открыл, что Камчатка является полуостровом⁵. Это впечатляющее повествование о землепроходцах и их успехах не следует отделять от идущих за ними болезней, жестокости и экспроприации, которые здесь, рассматривая проблему с точки зрения русских, мы оставляем в стороне, но на которых мы остановимся в главе 8.

Проникая на север Азии и в Тихоокеанский регион, русские в то же время стремились установить контакты с Китаем⁶. Привлеченные заманчивой «торговлей с Китаем», русские посланники пробирались по суше, постоянно разочаровываясь в своих попытках найти удобный и простой путь по воде. При этом они накопили множество ценных политических, географических и культурных знаний о землях и народах между Москвой и Пекином. По пути они встретились с киргизами, казахами, калмыками, монголами, маньчжурами и, наконец, с китайцами. Экспедиция Ивана Петлина в 1618—1619 годах, как пишет Василий Дмитришин, «была самым первым русским отрядом, добравшимся до Пекина; они были первыми, кого приняли китайцы; первыми и единственными, кто получил официальное письменное приглашение вести торговлю с Китаем (для перевода запутанной формулировки которого русским из-за языкового барьера понадобилось пятьдесят шесть лет); и первыми, кто составил описание путешествия в Пекин, остающееся увлекательным до сих пор»⁷. К этому можно добавить, что Петлин был первым, кто составил карту своего пути, и эта карта сохранилась в виде копии, сделанной гораздо позже в том же веке подьячим Сибирского приказа⁸. После длительного перерыва за

Петлиным последовал Федор Байков (1653—1657), а затем уроженец Молдавии Николай Гаврилович Милеску, известный как Спафарий, в 1675—1679 годах. Ни одна из этих экспедиций не привела к успешному установлению торговых отношений между государствами, но, к счастью для нас, они оставили богатый документальный и картографический след, который служит целям нашего исследования. Знаменитый Нерчинский договор 1689 года установил первую дипломатическую границу между Россией и Китаем и придал политическим и коммерческим отношениям между ними более упорядоченную форму.

Описание и нанесение на карту открытых земель с самого начала стало неотъемлемой частью продвижения москвитов в Сибирь. Приказы царя предписывали агентам «итти города ставить вверх Иртыша, на Тару реку... и городские места, и город, и острог на чертеж начертить» или захватить город, местность и нанести их на карту и «всякие крепости выписать», или построить укрепления в стратегических местах и «отписать ко государю». Составление карт стало рутинной и ожидаемой частью любой дипломатической миссии или стратегического продвижения в Сибирь, так же как оно постепенно становилось частью административной практики в центре Московии⁹. Картографы быстро добавляли новые географические сведения на свои карты. Последующие карты заметно более точны и полны и часто содержат упоминания землепроходца или картографа, предоставившего новые сведения.

С XVII века сохранилось несколько десятков общих карт Сибири и Великой Татарии, начинавшейся где-то на востоке от Москвы и довольно бесформенно протянувшейся до Тихого океана и Китая, и еще несколько сотен карт отдельных районов Сибири, Камчатки, Чукотки, реки Шилки и т. д.¹⁰. Эти карты создавались на основе непосредственных исследований и наблюдений русских землепроходцев, подьячих и служилых людей и подкреплялись сведениями, по крупицам добытыми у местных информантов, путешественников, купцов и любых других потенциально осведомленных источников. Наряду с ними сохранилось огромное количество документов, главным образом в виде приказов, отправленных из Москвы или воеводами основных сибирских городов, а также в виде докладов, присылавшихся из экспедиций. Москвиты накопили гораздо более точные, практические сведения о Сибири, Тихоокеанском побережье и возможных водных или сухопутных путях в Китай, чем западноевропейцы того времени, на что с гордостью указывают русские ученые. Западные картографы, весьма заинтересованные вопросом о том, как наилучшим образом добраться до легендарных шелков и сокровищ Китая, крайне нуждались в московских информаторах, чтобы заполнить пробелы и заменить чудовищные фантазии своих чисто воображаемых картографий Дальнего Во-

стока на топографические сведения. Поэтому некоторые русские карты сохранились в виде копий, сделанных на Западе, на которых русские источники либо упоминаются, либо явствуют из русского шрифта и русских топонимов, обозначающих различные места на картах¹¹.

Карты и словесные описания маршрутов, узнаваемых объектов местности, природных ресурсов и народностей были важным инструментом московского завоевания Сибири и установления там господства. Они способствовали присоединению Сибири не только практически, но также в более абстрактном смысле. Благодаря вычерчиванию путей и превращению открытых пространств в идентифицируемые маршруты, обозначенные заметными ориентирами и защищенные сетью укреплений, крепостей и зимовок, карты и описания способствовали трансформации неизвестного в знакомое. Картография не только делала дикую природу более доступной, но «завоевывала пространство, превращая его в знакомый мир маршрутов и мест» и «заменяя аморфное пространство четко очерченной географией»¹². К началу XVII века москвиты научились хорошо разбираться в тонкостях политики во Внутренней Азии. С помощью карт и разведывательных экспедиций они далеко ушли от своих предков в Киевской Руси, растерявшихся перед лицом первых монгольских набегов 1223 года. Как говорилось в летописи: «их же никто же добре ясно не весть, кто суть, и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их. И зовуть я татары, а инии глаголють таумены, а друзии печенежи... Бог же един весть их, кто суть и отколе изидоша...»¹³

СИБИРЬ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ МОСКОВИТОВ

По прямому указу царя или по собственной инициативе московские землепроходцы устремились в неизведанное, мечтая о прибыли. Заинтересованные в том, чтобы обогатиться самим и обогатить своего государя, найти новых торговых партнеров, привезти домой ценные сокровища или убедить встретившиеся им племена платить царю дань, люди, отправлявшиеся в эти экспедиции, желали богатства и возвышения для себя и для страны. Осуществляя свои прагматические планы, они также описывали и наносили на карты мир, с которым они знакомились. Как и их коллегам в центральных московских землях, которым пришлось искать способы описания русского ландшафта, сибирским поселенцам также надо было изобретать визуальный и вербальный словари для описания новых, открывшихся им видов. Если любой ландшафт несет в себе внутреннюю силу, то ею обладают и возвышающиеся горы, могучие реки, отвесные пропасти, арктические снега, голые пустыни Сибири, Крайнего Севера и

Дальнего Востока. Но даже самые впечатляющие ландшафты не содержат в себе ключей для расшифровки своего смысла. Так как же москвиты понимали Сибирь?¹⁴

В типичной молчаливой московской манере большинство из них ничего не могли сказать на эту тему. В их докладах нет ни слова о необычности ландшафта. Вместо этого там описываются более или менее сложные пути, сообщаются практические сведения о торговых или сельскохозяйственных возможностях и перечисляются успехи, сформулированные как «я пришел; я увидел; я разбил, убил и разрушил; я собрал большой ясак». Это равнодушие к великолепию окружающей природы как будто поддерживает представление Исаака Массы о москвитях как о нелюбопытных и ненаблюдательных людях, реагирующих только тогда, когда на карту поставлен их непосредственный, материальный интерес. Масса, голландский купец, который побывал в Москве в Смутное время и оставил подробный и пронизательный отчет, пренебрежительно пишет: «Сами москвиты — нелюбопытный народ. Их не волнуют такие вещи [как необычные растения, цветы, плоды, редкие деревья, животные и странные птицы]. Они везде ищут только прибыль, ибо они грубые и нерадивые люди»¹⁵. Но те, кто все же останавливался, чтобы посмотреть вокруг и вдохнуть запах тайги, часто выражали свое удивление иногда очень эмоциональными словесными описаниями или яркими иллюстрациями.

Гиперболические описания удивительных, впечатляющих и невероятных характеристик сибирского ландшафта окрашивали даже самые утилитарные доклады, посылаемые землепроходцами и дипломатами в Москву или сибирские города после путешествия по новым и неизведанным землям. Например, Владимир Атласов в своем докладе об экспедиции на Камчатку и Курильские земли 1700 года подчеркивал, что он расширил свои исследования по просьбе служилых людей и промышленников из своего отряда, которые подали ему челобитную, «чтоб ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут?» Оказавшись там, он и его люди интересовались природой местности не меньше, чем ее налогооблагаемым населением. Он отмечает удивительные природные явления: обжигающее солнце, оглушительный гром, твердая земля, исчезающая в море:

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек — много, а по ржавцам лебедей много ж, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а оаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди, и громы большие, и молния бывает почасту. И чаает он, что та земля гораздо подалась на полдень¹⁶.

Атласов был заинтригован свойствами льда и интересным поведением людей и животных в этой зоне Крайнего Севера. «А меж Колымы и Анандыря реки необходимой нос, который впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло...»¹⁷ Даже солнце на Камчатке вело себя по-особенному: «А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы, и тени против солнца от человека не бывает»¹⁸. Московские колонисты оказались сведущими и наблюдательными натуралистами.

Стивен Гринблатт отмечает, что в ранних европейских отчетах о Новом Свете «главным качеством, необходимым для создания этих репрезентаций, является не разум, а воображение»¹⁹. Сибирский ландшафт тоже требовал от московских наблюдателей использовать свое воображение, чтобы переработать знакомые образы природы для совершенно другого контекста. Сначала, подобно ранним поселенцам в Новом Свете, которые встречали сельдь-сероспинку «в таких огромных, почти неправдоподобных количествах, двигающуюся вверх по такому мелководью, что она едва могла плыть», и «миллионы и миллионы» странствующих голубей в стаях, «которые, по-моему, не имели ни начала, ни конца, ни длины, ни ширины, и были настолько плотны, что я не видел солнца», русские также должны были привыкнуть к изобилию этой нетронутой земли²⁰. Такое богатство могло быть истолковано многими способами. Как отмечает Димент, некоторые самые ранние описания Сибири, составленные москвитами, изображают ее как «экологический рай», «богатую землю мифологических пропорций». Савва Есипов, который писал в Тобольске, в Западной Сибири, в начале XVII века, основывался на ранних новгородских легендах о Сибири как экзотической стране, подкрепляя эти сказания своим авторитетом очевидца. В своей летописи Есипов описывает Сибирь как землю, в которой в изобилии имеются «и слаткопеснивыя птицы и многоразличныя травныя цветы... Реки ж прекрасны, в них же воды слаткия, и рыбы различны множество, и лузи мнози, и места скотопитателна, пространна зело»²¹. По мнению Есипова, ничто из этого изобилия не случайно. Он объясняет чудеса сибирского ландшафта Божьим промыслом. Описывая Урал, «камень превысочайший зело, яко досяти инем холмом до облак небесных», отделяющий Россию от Сибири, он объясняет, что «тако бо Божиими судьбами устроишь, яко стена граду утвержена». Богу также принадлежит заслуга создания удивительных рек, орошающих землю: «Дивно убо есть, како Божиими судьбами реки тамо бысть: вода камень тверд разкопа, и бысть реки пространья и прекрасныя зело...»²²

Это непомерное, роскошное изобилие снова появляется в более поздних литературных трудах XVII века, особенно ярко в «Житии Аввакума».

Протопоп Аввакум был неистовым религиозным инакомыслящим, который порвал с реформирующейся официальной церковью в середине XVII века и в итоге стал считаться основателем первого крупного церковного раскола, потрясшего русское православие. Аввакум включил в автобиографическое мученическое жизнеописание незабываемые отрывки о своей ссылке в Сибири²³. По мнению Брюса Т. Холла, Аввакум, описывая свои непосредственные наблюдения, изображает богатства сибирской природы как воплощающие и рай и ад. Бродя в одиночестве по высоким горам Сибири, окруженный ужасающим, почти невероятным множеством зверей, Аввакум восклицает:

О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заламя голову! ... На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя!²⁴

Холл указывает, что в этом отрывке изобилие живой природы скорее подавляет, чем дает поддержку. Дикие животные повсюду, но «во очию нашу, а взять нельзя».

Однако в других местах Аввакум показывает не ужас, а щедрость и красоту сибирских лесов. В знаменитом и часто цитируемом отрывке он вдохновенно пишет:

Лук на них растет и чеснок, — больши романовскаго лукавицы, и слаток зело ... а во дворах травы красныя — и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окианеморе большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет²⁵.

Пишет ли он с благодарностью или трепетом, Аввакум не сомневается в том, чью работу он видит: пугающие утесы, бесконечные горы, прекрасные цветы и разнообразные птицы, звери и рыбы — все они являются частью творения Божия. «Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно». «Там же растут и конопли богорасленныя». Более того, Бог создал все это изобилие ради своего итогового творения — человека. «А все то у Христа тово, света, наделано для человек, чтоб, успокояся, хвалу Богу воздавал»²⁶. Как и архиепископ Афанасий Холмогорский, который описывал созданный Богом

мир как зеркало, данное смертным для того, чтобы они могли изучать и совершенствовать себя, Аввакум видит в природе великий учебник, нравоучительную повесть, ясно выраженную в ландшафте²⁷.

Немногословные, неприкрашенные отчеты об экспедициях, написанные простыми людьми в трудных условиях, когда они прокладывали свой путь через Евразийский континент, дают довольно неожиданное подтверждение распространенности такого нагруженного смыслом понимания природной среды. Как и карты земельных владений в центре России, основная часть сохранившихся карт и описаний Сибири были сделаны исключительно для мирских, утилитарных целей людьми совершенно светского происхождения и, по видимому, не слишком образованными. Сдержанно выражая эмоции, скупно используя прилагательные, исследователи и посланники, шедшие по Сибири, были равнодушны к роли руки Божьей в создании враждебной, наполненной препятствиями местности. Однако чтение докладов исследователей в свете произведений Аввакума и Есипова позволяет увидеть незаметные с первого взгляда детали. Помня эти более явно религиозные источники, мы видим, что московские землепроходцы и подьячие наполняли ландшафт очень похожим космическим напряжением. Обнаружение следов провиденциального толкования в дипломатическом отчете или на карте землепроходца не так удивительно, как может показаться сначала. Понимание пространства человеком «никогда не ограничивается исключительно прагматическим уровнем действия и опыта восприятия»²⁸. В такой, казалось бы, конкретной задаче, как сориентироваться и найти дорогу, всегда существует мифический уровень. Мы уже видели, как православная теология могла невольно всплывать на чертежах уездных бюрократов. Подобным образом сибирские переселенцы пропускали свои впечатления от территории через теологические ожидания.

Хотя землепроходцы и завоеватели не обладали замечательным талантом Аввакума передавать способность сибирского ландшафта внушать благоговение, они видели силу природы в ее сибирском обличье и страшились этой силы. Например, за полвека до ссылки Аввакума посланник в Китай Иван Петлин предвосхитил реакцию Аввакума на чрезвычайно высокие горы. В духе аввакумовского «о, горе стало!» Петлин рассказывает о том, как добраться до Монголии: «...итти щелью промеж камени: страсти изымут!»²⁹ Тот же ужас чувствуется и на в остальном невыразительной карте, которую Петлин составил в дополнение к своему докладу. «От Якуцка до сей Уди-реки недель по осьми и по десяти, тож будет камни вершными». Чтобы его наверняка поняли, он многозначительно повторяет: проход идет «чрез хрепты, сиречь чрез каменные высокие горы и чрез речками»³⁰. В том же духе выразительно озаглавлена карта 1654 года: «Карта реки Анадырь и реки Днюя и от Гор до Верховьев Анадыря... и до Моря и

Корги, где воют звери»³¹. Владимир Атласов после своего изучения Камчатки рисует еще более зловещий образ:

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю, есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь её ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из неё днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди восходили — назад не вышли, а что тем людем на горе учинилось — не ведают³².

Как следует из маленькой заметки на карте Петлина, не только письменные отчеты, но также и карты передавали впечатления от Сибири, подобные аввакумовским. Скромный пример такого уважения к силе земли находится в тексте недатированной карты XVII века Илимского уезда Сибири. На карте изображены деревни, сторожевые заставы и укрепления, разбросанные вдоль реки Тунгуски, и указано число домохозяйств и вероисповедание жителей. На ней отмечены расстояния или дни пути между поселениями, при этом время измеряется в соответствии с используемым способом передвижения. Если путешествие из одного пункта в другой невозможно из-за природных препятствий, то это тоже отмечено на карте. «От [енисейской стороны] Шаманского порогу до Брацкого уезду легким судном итти 8 дней, а конного пути не бывает». «От [илимской стороны] Шаманского порогу до Брацкого острогу итти в легком судне 10 дней, а конного пути тем местом Тунгускою рекою и горою не бывает потому, что на Тунгуской реке в порогах стоят не гладко, а подле реку горы каменные»³³. Не повезло тому, кто хотел пройти по этому пути, — природа была против этого.

Общие карты всей Сибири часто изображают несокрушимую силу земли по-другому, но столь же красноречиво. Спафарий — посланник, отправленный из Москвы в Китай с одной из нескольких провалившихся дипломатических миссий, составил важную карту, на которой отражен его путь в Пекин в 1682 году. На карте Спафария, дополненной пространным отчетом о его путешествиях и лишениях, показаны препятствия, с которыми столкнулся путешественник, стремящийся пересечь континент. Как и большинство допетровских карт этой местности, карта Спафария ориентирована с юга на север, при этом юг находится наверху. На карте показана вся Евразия от реки Днепр и «царствующего великого града Москвы» на западе до Моря-Океана (Тихого океана) на востоке и от Индийского океана на юге до Северного Ледовитого океана. Спафарий, который в своем отчете непомерно (но обоснованно) жаловался на трудности пути че-

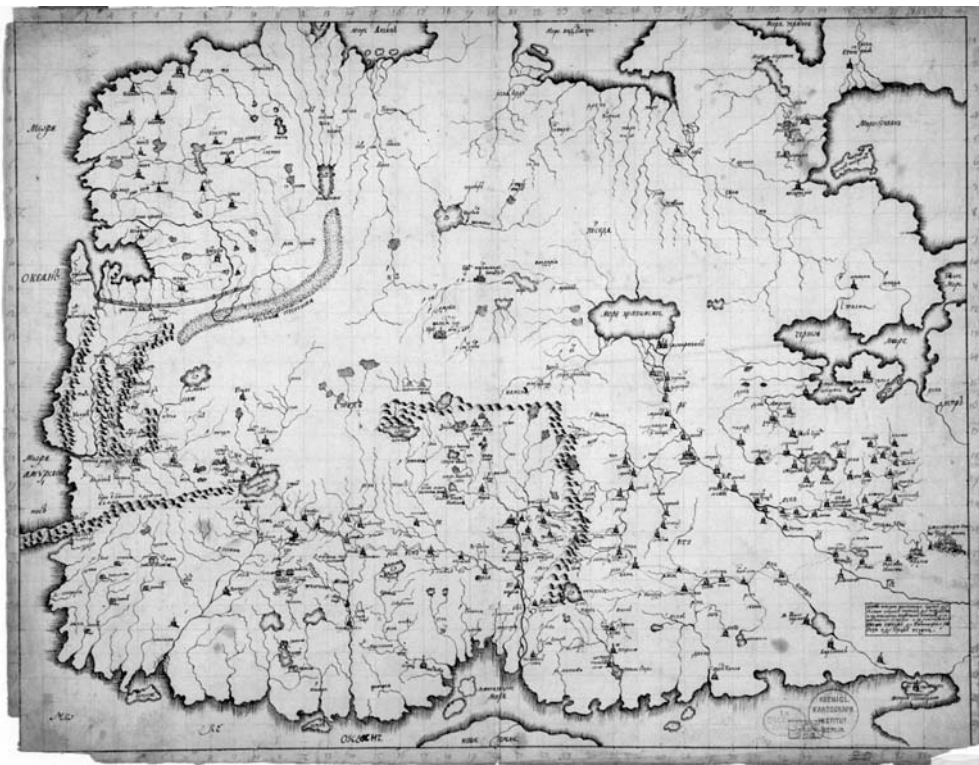

Рис. 5.2. Houghton Library, Bagrow Collection. Карта Спафария. MS Russ 72 (2). 1682. С разрешения Библиотеки Хоутона, Гарвардский университет.

рез враждебную землю, позаботился о том, чтобы начертить ряды и группы гор, а также отметить пунктиром «пустыню песочную» (Гоби) сразу за Великой Китайской стеной. Он обозначил горные гряды: «Горы у Байкала и до моря и в море». Эти темы развиваются в словесном отчете Спафария. В нем подробно описывается необъятность горной гряды, которая уходит в море как стена, и никто не знает, где она заканчивается. Узнать это невозможно: не позволят люди и силы природы. Много раз люди отправлялись с Лены на разведку, но их суда терпели крушение, и они говорили, что эта скала идет до Западной Индии, до Нового Света (рис. 5.2)³⁴. Эти темы повторяются на чертежах тобольского картографа Семена Ремезова. На карте верховьев реки Тобол изображена скалистая Уральская гряда, проходящая через «степь голую», где нет «ни лесу, ни воды». Скалистые образования причудливой формы, бугры, вырастают из дикого пустынного ландшафта (вклейка 17)³⁵.

Федор Байков, предшественник Спафария, представлявший царя при китайском дворе, тоже рассказывал о трудностях, присущих топографии маршрута. Он писал в своем кратком отчете 1654 года: «А от ламы степью до Иртыша на правую сторону до камня ходу шесть дней; а ити все степь пустая: лесу и воды нет, и улусов калмыцких нет же»³⁶. Он подчеркивает суровость природы. Даже для коренного населения жизнь в пустыне была изнурительной: «...степь голая; ни воды, ни корму нет; а прошел то место, где живут мунгальцы, людишка добре худы; а житье их самое нужное»³⁷. «Кормом и водою добре скудно, и скота мрет много»³⁸. Михаил Стадухин и Второй Гаврилов сообщали из своей экспедиции на реку Оймякон в 1641—1642 годах: «А на Емоконе не осталось единого человека, а жить служивым людям не у чего и кормица нечим». Они писали, что их собственное выживание было под сомнением³⁹. Иван Максимов, землепроходец под началом Петра Бекетова, описывал окружающую природу как чрезвычайно холодную, враждебную и беспощадную. Когда командир потребовал от него объяснений, почему он прибыл на назначенное место встречи несколькими неделями позже, Максимов сообщил: «Пришли де мы на Иргень озеро, и Иргень де озеро стоит, и иные озера, и исток, который пал из Иргеня озера в Килку реку, да и Килка де река стоит давно, лед уже де выше колена. А ныне де я с служилыми людьми для того рано не поплыл к тебе на встречу и к служилым людям, что Иргень озеро долго стояло, исток и Килка река... А се де нас всех голод взял, насилиу де мы и суды сделали. А по Килке реке плыли мешкотливо же, ровно три недели; а все без хлеба, грести де голодные люди не могли»⁴⁰. Ясачный сборщик на Дальнем Востоке выражает подобное настроение: река Пенжина «голодная, корму на реке нет, и мы холопы великого государя на службе на Пенжине реке голодом помираем, и впред нам служилым людям жить не у чего, и промышленные люди и торговые с Пенжина реки разошлись, потому что на Пенжине реке соболей не стало и корму нет»⁴¹. Первая карта Камчатки, заказанная губернатором Якутска Д. Траурнихтом и доставленная бесстрашным Атласовым, представляет собой довольно приблизительное изображение полуострова. Сохранившаяся в нескольких копиях, сделанных вскоре с оригинала сибирского картографа Семена Ремезова, Камчатка предстает как грубо высеченный выступ, выдающийся в холодный серый океан, с хребтом гор, подкрашенных сепией, идущих через весь полуостров сверху вниз. Маленькие речки бегут с горной гряды в океан в обоих направлениях, но нет никакого указания на то, как можно преодолеть горную стену посередине. Лишь несколько крошечных символов обозначают человеческие аванпосты — несколько незначительных вкраплений в холодном, недружелюбном пространстве (рис. 5.3)⁴².

Рис. 5.3. Камчатка. РНБ. Эрм. собр. № 237. «Служебная чертежная книга». Л. 102 об. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.

Восторженное настроение сибирской оды Аввакума многократно повторяется также на картах и в отчетах той эпохи. Например, Атласов составил каталог деревьев и ягод, как известных, так и необычных, и в его перечне читается то же восхищение, которое мы находим у Аввакума:

А в Камчатской и Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость — величиною меньше изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж растут на траве от земли в четвер[т]ь, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созревая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие, что в малине⁴³.

Изобилие имело как теологическое, так и практическое значение. Администраторы и землепроходцы подчеркивали в своих отчетах, что государь получит огромные доходы от удивительных богатств этой земли, предназначенных служить нуждам и желаниям России. Мангазейский воевода Андрей Палицын писал в 1632 году о Ленском крае: «А соболей де и лисиц и бобров и горностаев в тех землях много ж, а те де люди в соболях и во всякой дорогой мяхкой рухледи цены не знают.. А мочно де в таковых далных многих и пространных землях учинити государю многая болшая прибыль»⁴⁴.

Хотя эти крайние, противоположные образы неоднократно повторяются, они не охватывают полного диапазона семиотических возможностей, приписываемых москвитами сибирскому ландшафту⁴⁵. Третья возможность, более спокойный вариант метафорического рая, состояла в изображении Сибири как тихой, счастливой отчизны, приглашающей русских на свои просторные равнины. Укрощая степь родными визуальными и вербальными образами, это третье направление переконфигурировало неисследованную бескрайность в удобное продолжение самой России. На первой известной карте Сибири, названной чертежом Годунова по имени заказавшего ее тобольского воеводы, огромный кусок земли, простирающийся от Москвы до Тихого океана, изображен как безмятежное, безопасное пространство. Этот чертеж дошел до нас в нескольких копиях с оригинала 1667 года, и на всех этих копиях преуменьшаются естественные преграды, препятствующие переходу через Евразийскую равнину. Прославленные горы и каменные ущелья, лирически описанные Аввакумом, со страхом — Петлиным и с жалобами — Спафарием, почти не удостоились заметного упоминания в этой серии чертежей (рис. 5.4 и вклейка 18). Уральские горы едва видны на некоторых версиях карты, иногда в виде плавной, невыразительной, неопасной кривой, идущей с юга на север и обозначенной двойной линией, иногда со слабыми намеками на небольшие возвышения. На других версиях Урал вообще исчезает, а внушительные скалистые утесы или бесконечные горные цепи дальше на востоке появляются неотчетливо только на одной копии, сделанной шведским посланником Эриком Палмквистом⁴⁶. Вместо того чтобы преувеличивать препятствия, карты показывают земли между Москвой и Востоком как систему рек, ответвляющихся одна от другой и объединяющих точки на

пользуются на местных, крупномасштабных чертежах. Распределение рек, озер и крупных, созданных человеком сооружений вызывает в памяти картографические представления о «доме». Сибирь становится пространственным и природным эквивалентом Калуги, Каширы, Ельца, Суздаля, Владимира или Воронежа (вклейка 19)⁴⁷. Рисуя непропорционально большие города и крепости вдоль разветвленных, изображенных жирными линиями извилистых рек, картографы представляют Сибирь как знакомый, доступный ландшафт. Вместо внушительных расстояний и бесплодных степей художник показывает нам кажущиеся легкими для навигации реки, вдоль которых расположились хорошо спланированные города и поселения, где путешественник может найти пищу, кров и радушный прием. Заполняя карту постройками, созданными человеком, картограф заставляет зрителя поверить, что путешествие через Сибирь так же неопасно, как и короткий переход из одной деревни в другую под улыбающимися солнцами на калужском чертеже. Разветвленная система рек, которая создает организующую структуру карты, вместе с укрепленными аванпостами, возвышающимися на речных берегах, придают ландшафту ощущение успокоительного русского присутствия.

Эти безмятежные карты лишены как изобилия и восторга, которых можно было бы ожидать при встрече с раем, так и ужаса от видения ада. То, что они передают, это образ Сибири как продолжения самой России, а у России, как отмечалось ранее, была необыкновенно благополучная провиденциальная судьба. Агенты империи прекрасно осознавали различие между самой Россией и Сибирью, которое решительно проводилось в административных источниках, касающихся взаимодействий между этими территориями, но при этом Сибирь для них была частью владений царя, и как таковая она имела право разделить благословенный статус России. На картах земной рай узнается по следам сельского хозяйства и удобных поселений, а не по роскоши и сверхизобилию.

Московиты реагировали на то, что происходило с ними в Сибири, очень разными способами, но всегда в рамках культурной модели, основанной на религиозных убеждениях. Более того, сопоставляя отчеты землепроходцев и подьячих, работавших на пограничных территориях, с христианскими комментариями Аввакума и Саввы Есипова, мы получаем ретроспективное подтверждение райского символизма, выраженного в картах землевладений центральных уездов. Но является ли это легитимным методом анализа источников, или наши результаты оказываются предвзятыми, когда мы читаем один источник после другого? Не следуют ли наши рассуждения по порочному кругу (мы полагаем, что центральные земли представляют собой рай, поэтому, когда сибирские карты выглядят как

карты центральных земель, они тоже должны символизировать рай) и не выдаем ли мы желаемое за действительное (мы хотим найти семиотику спасения в ландшафте, и мы ее находим)? В конце концов, мы не видели никого, кроме ссыльного протопопа Аввакума и церковного летописца Есипова, кто бы пользовался религиозным языком, и даже они упоминают рай и ад лишь в аллегорическом смысле. Не следует ли нам остановиться и задуматься, когда огненная гора является всего лишь вулканом, а когда — метафорой ада? Когда колоссальных размеров луковица всего лишь огромный овощ, а когда — предвестник рая? Другими словами, как мы можем ответить на вопросы, с которых мы начинали: каков философский и теологический подтекст понимания ландшафта русской Сибири? Как москвиты понимали сибирскую природу и почему они реагировали так, как реагировали? И здесь мы натолкнулись бы на ряд серьезных методологических трудностей, столь же непреодолимых, сколь и горные хребты Восточной Сибири, если бы, на наше счастье, не существовало исключительной личности, голоса в сибирской глуши, нашего обещанного Розеттского камня, долгожданного переводчика и гида. И какой же это красноречивый, выдающийся гид!

СИБИРЬ, «МИРНЫЙ АНГЕЛ»: КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ СЕМЕНА УЛЬЯНОВИЧА РЕМЕЗОВА

Три главные столицы доминировали на евразийских равнинах в конце XVII века, три блистательные метрополии: Москва на западе, Китай на востоке, а в середине, особо избранный и охраняемый Богом, ослепительно красивый, славный, «богом спасенный» город Тобольск⁴⁸. Как бы там ни было, именно такое видение мира передает нам замечательный сибирский самоучка, эрудит и патриот Семен Ульянович Ремезов. В текстах и на картах он увековечил жизнь, посвященную прославлению своего родного города и сибирской родины. Тобольск, столица Западной Сибири, находится в центре всех его трудов, освещая все вокруг как священный, горящий маяк (вклейки 18 и 20).

У сегодняшней образованной публики название Тобольск вызывает вежливую неопределенную реакцию; реакция образованных европейцев времен Ремезова была бы примерно такой же, возможно, менее вежливой. Ремезовский список Большой евразийской тройки выдает трогательный недостаток объективности, но при аналитическом рассмотрении позволяет увидеть его способ видения мира. Его тобольскоцентризм почти напоминает сатирический замысел знаменитой карты Сола Стейнберга «Вид на мир с 9-й авеню» на обложке журнала «Нью-Йоркер»⁴⁹. Но, как мы уви-

дим, он передает сложную и последовательную теологию окружающего мира, в котором Тобольск играет центральную роль.

Ремезов был потрясающей личностью. Если прав его новейший биограф Л.А. Гольденберг, Ремезов родился в 1642 году и умер после 1720 года⁵⁰. Он оставил после себя внушительное собрание трудов, включая три атласа Сибири, откуда происходят эти образы: «Хорографическая книга» (1697—1711), хранящаяся теперь в Библиотеке Хоутона, «Чертежная книга» (1699—1701), находящаяся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, и самый впечатляющий атлас из всех, известный как «Служебная чертежная книга» (1702—1730), из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Он также написал иллюстрированную историю завоевания Сибири Ермаком, составил архитектурные планы реконструкции города Тобольска и оставил нам свои этнографические наблюдения о народах Сибири, сведения о местной промышленности, описания флоры, фауны и топографии местности, а также заметки об археологических находках⁵¹. Он вырос в Тобольске и получил там образование как сын не имеющего высокого чина, но обладающего хорошими связями сына боярского⁵². Прежде чем создать свое самое первое известное художественное произведение, он служил у тобольского воеводы на разнообразных обычных должностях: разыскивал неплательщиков налогов, раздавал зерно жертвам наводнения, распределял землю между служилыми людьми, регистрировал новобранцев, поступающих на службу, перевозил заключенных, убеждал соседних кочевников платить дань в царскую казну и т.д. Ремезов до конца своей жизни, когда не составлял карты и не описывал историю походов Ермака, продолжал свою рутинную службу как сын боярский, а затем в несколько более высоком чине дворянина.

Свое первое задание как художник он выполнял вместе с иконописцами, когда работал над иконами и знаменами для церемонии освящения воды на праздник Крещения Господня в 1694 году. С того момента его таланты художника, архитектора, градостроителя и картографа получали все большее признание. Вскоре он получил первое поручение из Москвы — создать комплект чертежей всей Сибири. В автобиографических заметках в «Служебной чертежной книге» несколько нескромно написано, что ему дано «от Бога таланта душевного». По его мнению, картографические успехи способствовали нравственности и давались тем, «у кого сияют в сердце божественные лучи». Он утешал себя тем, что любые его недостатки (в которых он с довольно формальным смирением признается: «по моему убогому разуму» и «вся моя недоумения») по большому счету не будут иметь значения, ибо просвещение служило великой и прекрасной цели и всегда было благословенным и полезным делом. «Точию ничто ж разума честнейши, ибо разум свет есть души словесныя, посему и неразумие тьма есть»⁵³.

Ремезов смог получить современное образование в далеком Тобольске задолго до того, как Петр Великий только предложил, чтобы государственные служащие осваивали полезные науки. На своей сибирской родине, за полвека до «Письма о пользе стекла» Ломоносова, Ремезов писал похвалу учению и «всяким хитрым наукам» и с одобрением отзывался о возможностях, которые европейское образование одинаково предлагало и знати, и людям простого происхождения⁵⁴. С неуемной энергией, характерной также и для его царя, Петра Алексеевича (еще не прозванного Великим), Ремезов предавался своему страстному и разностороннему увлечению Сибирью и картографией в свободное от исполнения своих постоянных, более прозаических служебных обязанностей время. Он дополнил свое картографическое образование, полученное на рабочем месте, полугодовым пребыванием в читальном зале Сибирского приказа в Москве в 1698 году, где он изучал западные картографические руководства и атласы, включая атласы Ортелиуса, Меркатора и Блау⁵⁵. Он также читал многочисленные научные и технические трактаты, начиная от математических пособий и заканчивая введениями в технологии горного дела и изготовления кирпича⁵⁶. Он с явным удовольствием описывал различные современные научные картографические инструменты, с которыми он сталкивался, и использовал страницы своего атласа для рассуждений о преимуществах научных измерений. Он рисовал изображения магнитных компасов и измерительных циркулей, которые снабжал подробными разъяснениями (рис. 5.5). Он привел несколько шкал расстояний с объяснениями и показал своим читателям, как пользоваться алфавитным указателем символов и сокращений. Он дал определения терминам «хорография», «гранография», «картография», «чертеж земли», «таблицы земли», «образ», «картина» и заверил непосвященных, что это термины, используемые в философии и науке⁵⁷. Его кульминационная работа «Служебная чертежная книга» включает не только его собственные карты и копии других русских карт Сибири, но и несколько потрясающих копий западных карт территории «меж Европою, Азией, Америкой»⁵⁸. Он включил в свой атлас копию карты Блау 1635 года «*Tataria sive magni Chamii imperium*»^{*}, на которой обозначены долгота и широта, в картушах изображены верблюды и мусульмане в тюрбанах, а «Пустыня Лоп» прямо за Великой Китайской стеной населена чертями и драконами (рис. 5.6)⁵⁹.

Он ценил свой гений и достижения, но не чувствовал угрызений совести, когда напрямую заимствовал слова из других атласов, главным образом из Атласа Герхарда Меркатора, впервые опубликованного по частям между 1578 и 1595 годами. В английском переводе 1636 года в «Предисло-

* «Татария, или Империя великого хана» (лат.) (Примеч. пер.).

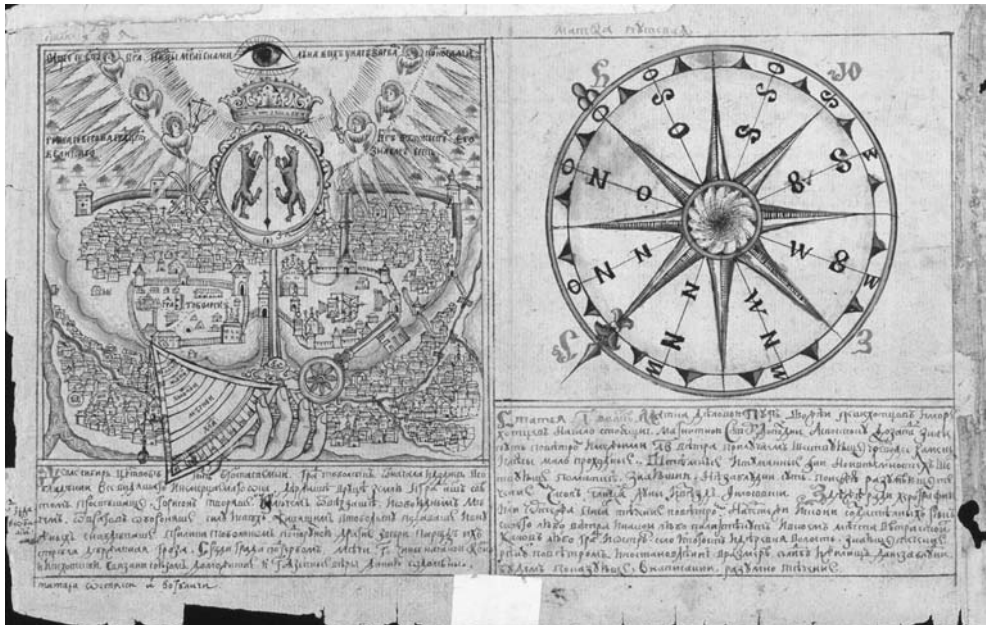

Рис. 5.5. «Хорографическая книга». MS Russ (6). Л. 8 об. С разрешения Библиотеки Хутона, Гарвардский университет. Почти в самом начале своей «Хорографической книги» Ремезов разместил слева эту изобразительную и словесную оду великолепию Сибири и Тобольска, а справа — хвалебную песнь чудесам компаса с объяснением, что это такое и как его использовать.

вии к Атласу» Меркатор говорит, что в этом труде как в зеркале «перед вашими глазами предстанет весь мир, и, используя некоторые начальные знания, вы сможете обнаружить причины вещей, и таким образом достигнув мудрости и понимания, с их помощью Читатель придет к высоким размышлениям»⁶⁰. Ремезов использует идею зеркала. Он начинает так же, но затем развивает свою собственную мысль. В адресованном «ласковому читателю» предисловии к «Чертежной книге» с удовлетворением отмечается, что «сия чертежная книга совершился, яко зеркало зрящим показующие удивление вещей, тако к сибиряком велико разумение — повсюду мера»⁶¹. Он радовался тому, с каким изумлением русские смотрели на первую карту Сибири. «В великое удивление яко много лет прижитии их придоша и неведомы орды сосед жилища и орочища бежа». Они приветствовали карту «и о сем древле неверием слуха одержими беша еже или мало проходно быша еже нынешнее урочище»⁶².

Несмотря на его энтузиазм в отношении западного образования и науки, Ремезов разработал и сохранял свой собственный узнаваемый картографический стиль, вдохновленный уже установившимися московски-

Рис. 5.6. «Татария, или Царство великого хана». «Служебная чертежная книга». Л. 107 об. — 108. Скопированная с одного из голландских источников, использованных им во время исследовательской поездки в Москву, эта карта иллюстрирует увлеченность Ремезова новой, заграничной наукой и техникой и его стремление просветить своих русских читателей. В то же время он допускает, чтобы на его копии было видно невежество западных картографов в отношении сибирских земель, столь хорошо представленных им самим, изобразив фантастических демонов прямо за Великой стеной.

ми традициями. Практика картографирования Сибири возникла по меньшей мере, за тридцать лет до того, как Ремезов стал этим заниматься, и он основывался на традиции, созданной его предшественниками, включая его отца, который, по-видимому, составил несколько чертежей с указанием возможных мест для русских поселений и ведения сельского хозяйства⁶³.

На его картах сохранялась традиционная для Московии южная ориентация; символы и цвета, которые он использовал, происходили непосредственно из московской традиции, а системы рек вместо долготы и широты оставались основными организующими элементами карт. Даже на картах, которые он украсил изображениями научных приборов, нет ни следа точных измерений или тщательной топографической съемки. Еще один пример такого гибридного творчества — его «Таблица или описание княжества Московского и государств, до него належавших, и с великими его окрестностями», где он избирательно включил западные декоративные элементы в довольно традиционную московскую карту. Он не только перевел русское название на польский язык, но и добавил рисунок «Златой бабы» — популярной фигуры в западной мифологии о русском Севере. Его «Золотая баба» меньше похожа на римскую статую, чем европейские версии, а ее малопонятный ритуал, состоящий из купания или крещения детей, включает местных пушных зверей — соболей и лисиц, которых подносят коленопреклоненные верующие. Европейского вида герб с императорским двуглавым орлом и другими мифическими созданиями свидетельствует о владычестве Московского государства над территорией карты. Хотя он и использовал западные орнаментальные мотивы, он тем не менее решил сохранить организующие элементы в традициях чертежа Годунова, оставив юг наверху и используя свои собственные условные символы, цвета и компоновку (вклейка 22)⁶⁴. Историки картографии приписывают Ремезову создание «лебединой песни» исконной русской картографии, и это, по-видимому, является достаточно справедливой характеристикой его труда⁶⁵.

В какой мере труды Ремезова следует считать типичными для московской картографии и географического мышления — это сложный вопрос. Он, несомненно, был экстраординарной личностью, но все же близко следовал общей модели своих коллег-картографов и комментаторов. Многие из уездных карт он напрямую скопировал с версий, составленных другими землепроходцами и топографами, не знакомыми с западной картографией. В предисловии к «Служебной чертежной книге» он поясняет, что начальник Сибирского приказа повелел ему и его сыновьям составить атлас «с привозных 23-х городовых сибирских картин, каковы привезены в 206-м и в 205-м годах к Москве (в Сибирский приказ) в разных числах». В «Хорографической книге» он говорит, что использовал «в коих летех каковы чертежи по указом великаго государя бывало писываны и посыла-

ны в коих летех к Москве и низовых многих городовых чертежей преводы к концу книги написаны, каковы посланы к Москве»⁶⁶. Таким образом, Ремезов работал не в изоляции, и созданные им атласы в такой же мере основаны на более ранних московских работах и вкладе его современников, в какой представляют и его собственные идеи⁶⁷. Не только в своих картографических работах, но и в письменных текстах он использует тропы и формы, уже упрочившиеся в начале XVII века. Иногда в своих нарративных историях он просто перефразирует или открыто копирует слова более ранних летописцев. Его работа была завершена до того, как петровские реформы действительно вступили в силу, и, несомненно, задолго до того, как их влияние стало серьезно ощутимо в далеком Тобольске. Его работы создавались в культурной среде позднего Московского царства и отражают течения той эпохи в большей степени, чем отвечают на культурные потрясения начала XVIII века. Хотя одна выдающаяся личность и не может исполнять роль «типичного» москвитя, но хронологически и стилистически труды Ремезова кажутся довольно чистым выражением допетровского картографического стиля и эстетики и, возможно, отношений москвитов к самым разнообразным вопросам. Более того, поскольку Ремезов создал подавляющее большинство сохранившихся карт и географических описаний Сибири, нам ничего не остается, кроме как серьезно отнестись к его идеям.

Как рядовой служащий фронта, Ремезов дает нам возможность изнутри взглянуть на механизмы московского имперского процесса и на идеологию в действии. Он не был приближен к власти и не находился в центре принятия решений, но он активно участвовал в строительстве Российской империи. Империи строятся и на границах, а не только из центра⁶⁸. Работы Ремезова, со всеми их индивидуальными особенностями, дают нам глубокое понимание того, как московские идеологии легитимности и экспансии действовали в отдаленных уголках царства в этот переходный момент перед петровскими реформами. Через его уникальное видение мы можем понять, как московская имперская, православная миссия формировалась на периферии, как местный агент на границе видел свою роль и свою цель. Ремезов, как и Аввакум, дает нам крайне индивидуальную точку зрения, но она, как и точка зрения Аввакума, отражает многие темы, выраженные более грубо другими передовыми агентами империи, чьи мнения мы уже рассмотрели.

В первую очередь труды Ремезова являются хвалебной песнью Сибири и особенно его родному Тобольску. Это беззастенчивая пропаганда родного города. В его личной коллекции, «Служебной чертежной книге», изображены воеводы Тобольска со времен Ермака в виде генеалогического дерева. Имена и даты указаны в листьях лозы вокруг центральной сце-

ны, где изображен Иван Грозный, узнающий о победе Ермака от делегации казаков. Богоматерь и младенец Иисус благословляют это предприятие. Взрослый Иисус смотрит вниз с небес, а ангелы трубят славу, льют воду и сыпят плоды на Сибирскую землю (рис. 5.7). За этим следует ряд карт города Тобольска, подробные архитектурные планы Тобольска (которые он разрабатывал сам) (рис. 5.8) и карты Тобольского уезда⁶⁹. Затем идет карта всей Сибири, на которой от Тобольска исходят алые лучи (см. вклейку 18). Вытеснив Европейскую Россию на поля чертежа и убрав Москву совсем, Ремезов наполнил географию политикой. С помощью картографической ловкости рук он создал центр в том месте, которое обычно воспринималось как периферия.

В этой книге Тобольску воздаются всяческие щедрые похвалы: Богом защищенный, Богом избранный, блистательный, величайший, царствующий. Сибирь вообще и Тобольск в частности фигурируют в представлении Ремезова как места мирового исторического значения. Он помещает Сибирь в географический контекст, который, с одной стороны, определяется Иерусалимом, а с другой — небесами:

Тобольский град и Сибирь отстоит от среды мира от града Иерусалима в полунощи хладной страны, философски в части ребра северова в степи... под небесною планидою солнцом счастливою и красноцветущею, под размером зодияка от лва воздушнаго пояса⁷⁰.

Ремезов видит Сибирь как «мирного ангела»:

Сердце и внутренняя во всем — Тобольско, Тюмень и Томско. Два рамена — два града в Тоболску — Златорозрядный и Софейской. Десная рука с персты — угодные слободы с есты. Шуица с персты — Березов с подрабцы.

Далее он сравнивает различные части Сибири с крыльями, шейей, теплой шубой, золотой одеждой («Златая одежда — Иркутской»), «опорной тростью» (Нерчинск) и «недреманным караулом» (Красный Яр и Кузнецк). Его растянутая (и натянутая) метафора заканчивается «булатным луком», который он торжественно уподобляет «сибирскому нраву»⁷¹. В других местах он развивает схожую аналогию с самим городом Тобольском, где «мирный ангел» довольно парадоксально состоит из различных административных и финансовых элементов города. Административные здания и город со всеми его запасами и торговлей составляют правую руку ангела, собор — левую, а его пальцы — это купеческие ряды и собравшиеся люди. Самим сибирякам «православно повсюду Россия жизненно сияет»⁷².

Рис. 5.7. Воеводы Тобольска. «Служебная чертежная книга». Л. 9.

Дары Сибири включают естественные границы, которые изолируют ее и защищают от враждебных соседей. Этот защитный круг отчетливо виден на картах (вклейка 23) и описан в его географическом очерке «О грани и межах всей Сибири»:

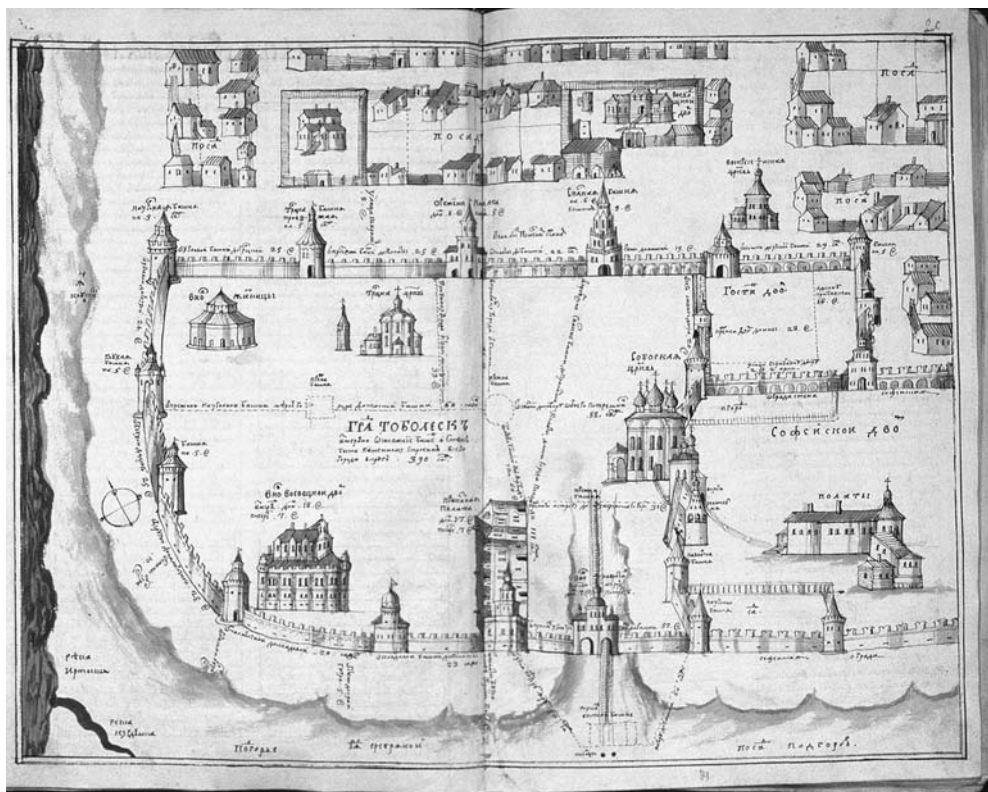

Рис. 5.8. План Тобольска Семена Ремезова. «Служебная чертежная книга». Л. 20 об. — 21. Вдобавок к своим многочисленным достижениям Ремезов также работал как архитектор и градостроитель и заново проектировал центр Тобольска после одного из многих пожаров.

границю жилья и земли околных сосед вечное основание превысокий камень вкруг всю Сибирскую землю судьбами Божиими устроися, яко стена или град тверд, верхи имуще, выше облак досягающе до небес, отделяюще Сибирь от орд высокою и широкою и малопроездом степи и моря и неведомыми и непроходными пути⁷³.

Говоря словами, вызывающими в памяти Аввакума и северных землепроходцев, и повторяя словесные формулы ранних сибирских летописцев, Ремезов описывает бесконечно высокие скалистые горы, но он изображает их как защитные стены, созданные Богом для укрепления своего избран-

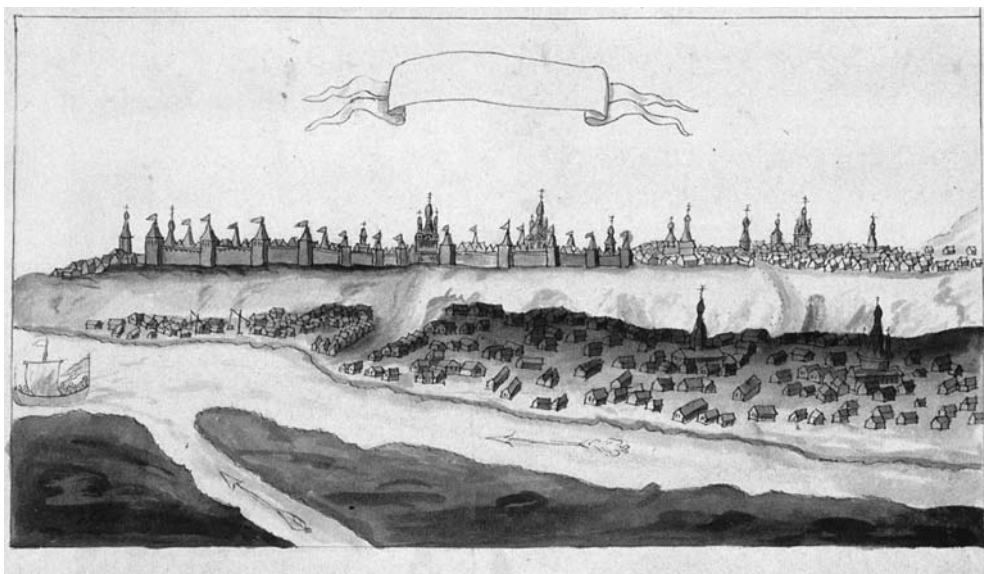

Рис. 5.9. Тобольск, возвышающийся на крутом холме над рекой. «Хорографическая книга». Л. 164. С разрешения Библиотеки Хоутона, Гарвардский университет.

ного города. Он также наглядно показывает эти возвышающиеся стены из камня на иллюстрациях и чертежах в атласах, чтобы зритель мог осознать работу Бога (рис. 5.9)⁷⁴.

В соответствии с возникавшим из-под пера других московских авторов представлением о преднамеренном замысле, воплощенном в мире природы, Ремезов объясняет, что дары России не просто являются результатом счастливой случайности. Своеобразный фронтиспис его «Служебной чертежной книги», представляющий собой смесь надписей и классических фигур без понятных референтов, довольно ясно иллюстрирует эту мысль. На фронтисписе изображен двуглавый орел Российской империи с короной, державой и скипетром в центральном медальоне, представляющем собой магнитный компас (рис. 5.10). Небольшой кусочек земли слева, на котором стоит ангел и держит русское знамя с двуглавым орлом, обозначен как «польской». Справа турок в характерной шапке (дуршлак) держит мухобойку из перьев, разлегшись на земле. Под ним разъяснение: «турецкой знает бусурманство». Над всем этим рука Бога, появляющаяся из облаков, держит чертежный циркуль, символизируя божественного картографа, создателя ландшафта. Улыбающееся солнце и знаки зодиака царят над несколькими крылатыми аллегорическими фигурами, несущими скрытые послания:

Солнцем меримо дняя жития час.
Исполнено убо суеты.
Хотя далеко и близко, летит крылат невредно.

Четырем направлениям соответствуют группы голов благосклонных ветров, обозначенные «дыхание, живность, тихость и милость / мерность времен жизни части / власти знак иметь». Что бы ни означали эти мирные, обычные фразы, ветры, несомненно, являются положительными фигурами: они дуют тихо и при этом улыбаются. Чуть дальше в своей книге Ремезов описывает климат Сибири: «Воздух над нами весел и в мерности здрав и человеческому житию потребен. Ни добре горяч, ни студен»⁷⁵. Ремезовская оценка погоды повторяет замечания Атласова о теплых камчатских зимах⁷⁶. Но Ремезов идет дальше, чем нейтральные описания. Он приписывает «веселым» арктическим ветрам благожелательность и доброту, делая их, как и защитные скалистые стены, друзьями русских людей. Веселые ветры, персонифицированные на рисунке фронтисписа, не несут ничего плохого.

Идея гармонии окружающей среды и интересов человека проходит через все труды Ремезова. В своей «Чертежной книге», на чертеже «всей безводной и малопроездной каменной степи», Ремезов смягчает пугающее впечатление от этого заголовка, замечая, что истинный Бог предусмотрительно создал все великие реки Сибири и обеспечил с помощью этих многих рек «путь до Китай и всю степь»⁷⁷. Реки не только облегчают торговлю и передвижение, но и разносят по земле христианское блаженство. В «Служебной чертежной книге» он торжественно заявляет: «...вся Сибирь Богом прославися и священством, и начальством утвердися, и святыми Божиими церкви украсися, и городами, и слободами, и всеями устроися, и людьми наполнися в славу пресвятаго имени Божия, и до конец земли и по днесь разпростирается во обилии рек по странам»⁷⁸. На аллегорическом фронтисписе той же книги в наглядной форме выражена та же идея о реках: великие водные пути Сибири, представленные в виде дельфинов со змееподобным туловищем, проходят через страну, разливая божественное изобилие из руки Бога (см. рис. 5.10). В «Хорографической книге» Ремезов с гордостью пишет, что Сибирь «преисполнена изобилна во здравии воздуха и ужиточных вод, богата рыбами и птицами, к питанию зверми и на одежду»⁷⁹. Он выражает словами ту же мысль, которую его трубящие ангелы изображают наглядно на столь многих его рисунках: ангелы «гласом, яки трубою, возглашаши и провозвешающи».

Сотворенный мир тоже участвует в прославлении московского правления: «И провозвешающим уготавлиати цря всечестнаго горными долним прославяти и селение жилищ въздухом землею огнем водою с четырьми

Рис. 5.11. Руны. «Службная чертежная книга». Л. 69.

илименты»⁸⁰. Его описания богатства и сверхизобилия напоминают впечатления, описываемые различными землепроходцами на протяжении века, но он помещает свою хвалебную песнь в божественный нарратив.

Даже археологические артефакты служат для подтверждения действия божественного чуда, благодаря которому Сибирь стала местом, получившим уникальное божественное благословение. Ремезов восхищался загадочными, высеченными на скалах рунами, которые он обнаружил вместе с сыном и скрупулезно скопировал в свои книги. В описании этой находки невозможно не заметить его любопытства и заинтересованности.

Лета 7211 году, а от рожества Христова 1703 году месяца июня в 19 день списано сие древних лет чюдское письмо с камени писанца посланным на Кунгур для описки чертежа блискость рек с Верхотурским уездом по

имянному великого государя указу тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым и сыном ево Леонтием с восточную сторону с плиты глаткой, подмостясь над рекою Ирбитью, незнатьем носемом слов с камени на бумагу, каковы писаны на местех гладких камени⁸¹ (рис. 5.11).

Поместив описание «чудского письма» в библейское летоисчисление, отсылающее и к Творению (которое, по расчетам православных богословов, произошло за 5508 лет до Рождества Христова), и к рождению Христа, он помещает его в категорию не просто исторического, но и космического памятника. Археологические артефакты становятся еще одним признаком удивительного присутствия Бога на земле, и вместе со своим сыном тобольский сын боярский Ремезов становится оракулом и пророком, представившим загадочные знаки на обозрение своих читателей.

Библейская и историческая хронология не только появляется при обсуждении рун, но на самом деле обрамляет весь сибирский трактат Ремезова. Он устанавливает временные границы в первых строках своих книг: «...лето от сотворения света 7208 год, а от воплощения Божия слова в лето 1701 генваря в 1 день в бытности на Москве по именному указу великаго государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержца»⁸². В своем исторически-этнографическом «Описании о сибирских народах и граней их земель» Ремезов добавляет еще один уровень к своей космологии: «по грамоте великого государя и по наказу сочинено... тобольским сыном боярским Семеном Ульяновым сыном Ремезовым в лето от Адама 7206, от Рождества Христа 1698, взятия Сибири 118»⁸³. Эти альтернативные летоисчисления с различными божественно-провиденциальными и исторически-политическими референциями показывают, что Ремезов, как Аввакум и как уездные картографы в Центральной России, видел физический мир вокруг себя как нагруженный смыслом текст священного и человеческого нарратива, ожидающего своего прочтения⁸⁴. Сибирь заняла отдельную строку в хронологии и получила свою собственную уникальную главу в этой священной истории.

Именно статус этой земли как избранной Богом определяет ее судьбу. Бог создал в Сибири идеальный мир и поместил его центр в Тобольск. На необычном цветном «Чертеже опасном града Тобольска» Ремезов изображает этот город как центр мира, состоящего из концентрических кругов (см. вклейку 23). В столбце текста слева описаны кольца опасных орд, окружающих город, а также естественные преграды, существующие для его защиты. Ремезов хвалит городской «осмотр и доезд опасной от приходу воровских воинских чучюмовских, калмытских и башкирских» и других племен. «Первое. Столной град Тоболеск со все четыре стороны вкруг в крепостях болших рек, и средних, и малых, и озер, и зыбучих непроход-

ных рямовых болот.. И приходу с полдни степи воинских и торговых на караул»⁸⁵. В заключении к «Служебной чертежной книге» Ремезов описывает свой труд как книгу о «вселенной внутренней Сибири, с царственнаго града Тоболска из розрядя ведомости, градов, слобод, острогов, и погостов, сел и деревень и всяких по именованым урочищ: моря в различии имены рек, озер и речек, гор и холмов и степи и протчих». Беззастенчиво помещая свой служебный каталог в возвышенный контекст, он восхваляет Бога за то, что тот помог ему завершить работу, и заканчивает на молитвенной ноте: «...а безсмертному непостижимому невидимому Богу — честь и слава, и великолепие, поклонение ныне и присно, и вовеки веком. Аминь»⁸⁶. Текст заключения написан внутри медальона, обрамленного декоративной зелено-желтой листвой. Подобно людям, составлявшим карты для имущественных споров, которые запросто объединяли свои прозаические задания с христианским видением сотворенного мира, Ремезов не брезговал смешением Бога, топографии и бюрократии в одном предложении. Возможно, Ремезов — это наша «неопровержимая улика», которая подтверждает методологию прочтения смысла картографических символов, используемую в этой книге. Своими замечательно отчетливыми текстами, сопровождающими большое количество иллюстративного и картографического материала, Ремезов иллюстрирует ментальные модели, с помощью которых остальные наши более сдержанные источники — администраторы, дипломаты, землепроходцы и служилые люди — формировали свое мировоззрение и организовывали свое представление об окружающей их среде. Он подтверждает открытие того факта, что московские светские служилые люди, как и их современники из церковной среды, могли интерпретировать ландшафт как провиденциальный, полностью погруженный в религиозный смысл.

ПОНИМАНИЕ ЛАНДШАФТА: ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ НА СИБИРСКОМ РУБЕЖЕ

Перед землепроходцами стояла сложная задача расшифровки смыслов, запечатленных в невозможно высоких скалистых горах, невообразимо сухих песках пустынь и каменистых степях, в возмутительно огромных фруктах и овощах, в странных животных и пугающих извергающихся вулканах Арктического Севера и Востока. Русская земля с ее лесами, полями, болотами и санными покосами, с разбросанными по ней основательными поселениями и церквями с крестами на куполах ассоциировалась с лучшим творением Бога — зеленеющим садом, где обитают праведники. В соответствии с официальной линией Москвы, уездные картографы вы-

ражали спокойную уверенность в своем положении на космической карте. В Сибири, где природа была в целом более щедрой, менее снисходительной, более мощной и неуправляемой, божественное присутствие в физическом мире было, пожалуй, более ощутимым, но его смысл труднее поддавался пониманию. Противоречия внутри самого ландшафта приводили к более спорному толкованию, чем то, которое мы обнаруживаем в более последовательных чертежах центральной части страны. Сибирь с ее совершенно другими топологическими, культурными и политическими контурами, по-видимому, передавала некоторые из тех же зашифрованных смыслов, что и сама Московия. И та и другая говорили о благосклонности и благословении Бога. Обе несли райское изобилие русскому царству. Если обе природные среды можно толковать как обладающие провиденциальным смыслом, все же послания, закодированные в этих разных физических и культурных средах, должны чем-то отличаться.

Большинство тех, кто картографировал и описывал Сибирь — Иван Петлин, Василий Поярков, Федор Байков, Семен Ремезов, — родились и выросли в Сибири, и поэтому они редко задумывались о сравнении того, что видели, с полями и лесами Центральной России⁸⁷. Тем не менее некоторое сравнение возможно путем параллельного прочтения двух наборов документов.

Значение пустоты — ключевой концепции обеих территорий — дает показательную точку противопоставления. Чертежи и тексты обеих территорий демонстрируют выразительный лексикон для обозначения пустоты и заброшенности. Карты, описания и судебные документы центральных уездов изображают печальный набор заброшенных земель, безлюдных земель и земель, которые раньше возделывались, а теперь заросли мелким кустарником, осокой и мхом, превратились в болота, трясины и топи. Хотя все эти слова означают обезлюдение, бегство или переселение людей и говорят о малопродуктивных видах земельных владений, использовавшихся в сельском хозяйстве Московии, они называют объекты собственности, которая, по мнению людей, стоила того, чтобы за нее бороться. Пустоши — пустые земли, заброшенные наделы — больше, чем какой-либо другой вид земель, становились причиной ожесточенной борьбы между противниками в суде за право владения. Мы можем слышать в этом слове отзвук навязчивой, гулкой, поэтической пустоты, но в глазах москвитов на этих пустых полях произрастали деньги и прибыли. Пустоши были положительными символами, горячо желаемой недвижимостью премиум-класса.

В Сибири огромные незаселенные пустые земли, несомненно, тоже могли быть привлекательны с точки зрения получения прибыли. Направляя доклад группы служилых людей из Нерчинска, губернатор Тобольска сообщал совместно царствующим Ивану и Петру в 1684 году, что «и в

Нерчинском де, господине, уезде пашенных земель гораздо много». После перечисления богатых доходов, которые принесли уже поселившиеся там двадцать три крестьянские семьи, он предлагал царю отдать приказ, чтобы не менее пятисот крестьянских семей «из которых сибирских городов перевести в Даур». Снова упоминая безграничные возможности этих незаселенных земель, он продолжал: «А по великой реке Шилке и по сторонным и по яланем пашенных земель много. А около Аргунского, господине, острогу, по сказке сына боярского Григория Лоншакова пашенных земель гораздо много»⁸⁸. Карты, составленные на местах, отражали то же стремление превратить в пашни эти обширные земли. Земельные участки и межи тщательно отображались на чертежах, часто упоминаемых в распоряжениях, которые отправлялись на места. Лишь немногие из этих чертежей дошли до наших дней⁸⁹. Некоторые карты Ремезова передают это ощущение потенциальных возможностей, присущих сибирским просторам. Одно из многих заданий, которые он выполнял, состояло в межевании сельскохозяйственных угодий для русских крестьян и ясачных людей рядом с Тобольском и другими сибирскими городами. На нескольких картах он потратил время на то, чтобы обозначить сельскохозяйственные участки, начертив небольшие геометрические фигуры пунктирными линиями, часто красными чернилами. Эти участки выглядят на страницах маленькими и незначительными (рис. 5.12)⁹⁰.

Однако более обычными и более впечатляющими являются другие изображения необжитых и непригодных для жилья сибирских пространств, горных хребтов головокружительной высоты и каменистой, почти непроходимой степи. Романтическая увлеченность бескрайностью России как определяющая черта русского характера или души, существовавшая в XIX веке, отсутствует в описаниях XVII века⁹¹. Вместо этого бескрайнее пространство символизирует либо страх, либо выгоду. В любом случае пустоту необходимо заполнить, пройти или покорить, чтобы превратить страх в выгоду. В этом ландшафте, являющемся предметом более ожесточенной борьбы, русские колонисты — подьячие, картографы и землепроходцы — вынуждены были брать на себя более активную роль, чем их соотечественники в центре. Колонисты должны были продвигать русское заселение и завоевание, чтобы перевесить чашу весов и превратить пустые, бесплодные земли в щедрые и плодородные. Бог создал эту землю для их пользы, и русские колонисты несли ответственность за высвобождение ее потенциала.

В центральной Московии был известен еще один вид пустых земель, занимавший важное место почти в самом сердце православной культуры: пустыня или пустынь⁹². Оба слова произошли от того же корня, что и «пустошь» и ассоциируются с пустотой, но в пустоте пустыни присутствова-

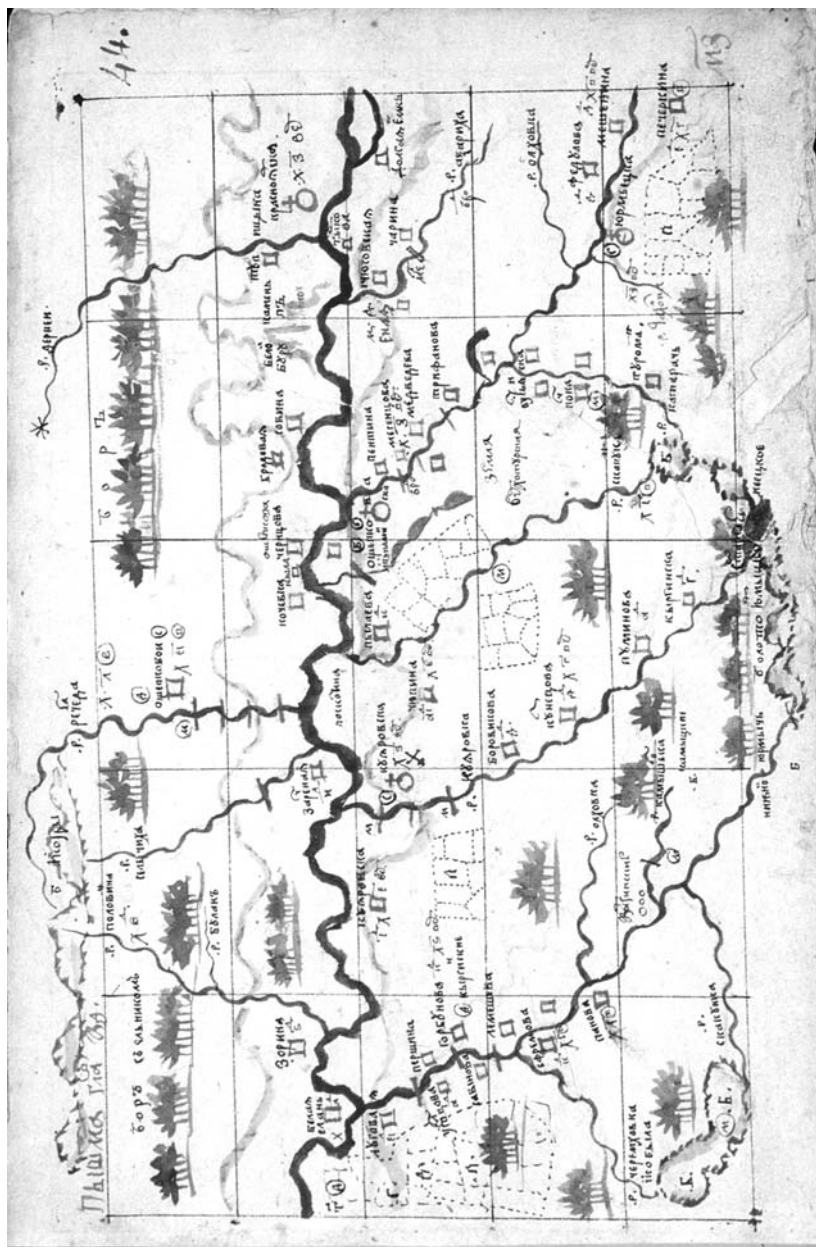

Рис. 5.12. Поля, отмеченные на карте Сибири. Хорографическая книга. Л. 44. С разрешения Библиотеки Хоугтона, Гарвардский университет. Одно из многих заданий Ремезова состояло в распределении и межаний сельскохозяйственных угодий для русских крестьян и ясачных людей рядом с Тобольском и другими сибирскими городами. На нескольких картах он обозначил сельскохозяйственные участки, начертив небольшие геометрические фигуры пунктирными линиями, часто красными чернилами.

ли одинокие отшельники, занимавшиеся духовными размышлениями в уединении лесов. С учетом реалий русского ландшафта отшельники и святые не могли найти уединенные места в пустыне, сравнимые с теми, куда удалялись их предшественники во времена раннего христианства, поэтому им пришлось уравнивать лес и пустыню на том основании, что и то и другое справедливо может считаться «дикой местностью». Святые места в дикой местности привлекали и создавали святых людей, а святые люди в свою очередь создавали святые места. Когда вести о духовных подвигах наиболее выдающихся из этих адептов распространялись, в их удаленные пристанища начинали стекаться последователи и ученики, которые вторгались в их уединение, и затем в этой глуши постепенно возникали духовные сообщества и даже большие монастыри. Пустыня (дикая местность) превращалась в пустынь (жилище отшельника, монастырь), укрепляя положительные, даже священные ассоциации с пустой землей. Вовсе не будучи пустыми, такие незаселенные пространства обретали святость своих новых обитателей. Иисус тоже странствовал в пустыне.

В контексте Сибири, где пустыни были реальностью, а не просто аллегорическим определением русских лесов, пустота приобретала совершенно другие значения. Сибирские картографы выражали ужас перед пустыней Гоби, которую они называли «пустыня песочная», или «пещаное море». Они не пытались скрыть свой страх перед необходимостью передвигаться по голой, пустой степи. Это были страшные места — пространства, которые надо было пересечь, завоевать, преодолеть. В пустыни отшельника его миссия была внутренней и духовной, а препятствия, которые нужно было преодолеть, представляли собой соблазны этого мира. В пустыне препятствия и враги были внешними и абсолютно материальными.

Хотя как Россия, так и Сибирь раскрывали московскому наблюдателю подтверждения чудес Божественного творения и обе содержали распознаваемые искры воплощенной святости, их смыслы для москвитов XVII века существенно отличались, поскольку различались предпосылки, из которых они исходили в своих интерпретациях. В центральной Московии — в благочестивой стране, которой правил православный государь, считалось, что и земля, и люди в равной степени пользовались особой Божьей благодатью, и этот статус подтверждался индикаторами рая, такими как характерные для иконописи деревья и церковные колокольни. Даже болота имели свою ценность, а пустыня подразумевала святость. В Сибири, где Божественный свет еще только должен был загореться, земля могла означать ужас и проклятие или могла быть освещена христианским светом. Бог громко говорил на просторах Сибирской земли, и Его требования были настойчивы. Именно русские должны были изменить ситуацию, заполнив пустоту поселенцами, отдав обширную плодородную степь под плуг, со-

брав богатую пушнину лесов и приведя странствующих кочевников тайги под могущественное владычество царя. Эта экономическая и политическая миссия шла рука об руку с задачей, возложенной на русских и запечатленной в ландшафте: москвиты несли ответственность за превращение мрачной пустыни в святую местность и распространение христианства в краю идолопоклонников. Строя свои огороженные частоколом заставы и возводя купола и кресты своих церквей, московские переселенцы следовали топографическим указаниям и пробуждали потенциал ландшафта. В следующей главе исследуется особая миссия, которую они прочитали в физическом мире Сибири.

«ВОЗВЫСИТЦА И ПРОСЛАВИТЦА В КОНЦЕХ ХРИСТИЯНСКИЙ РОГ»¹: ХРИСТИАНСТВО И КОЛОНИАЛИЗМ

Московские источники не оставляют места для сомнений в том, что ландшафт содержал скрытые письмена и провиденциальные указания, но прочесть их и отреагировать на веления земли должны были сами люди. Рядом с созданными божественной силой декорациями с их зашифрованными посланиями москвиты понимали, что именно люди отвечали на эти скрытые тексты. На своих чертежах, в этно-географических описаниях и дипломатических отчетах люди, шедшие во главе русской экспансионистской миссии в Сибири, выражали две основные программы. Целью одной было завоевание, усмирение и контроль, вторая воплощала задачу распространения христианства. Неудивительно, что обе переплетались — так же, как и в толкованиях ландшафта. Как лаконично сформулировал Петр Бекетов, его миссия состояла в том, чтобы «приводить немирных землиц людей под государеву царскую высокую руку, и привет к ним и ласку держать, и ясак с них на государя иметь с большим раденьем, как милосердый Бог помочи подаст»². Установление власти Бога и государя над землей и народом создавало общую форму для сибирского нарратива. Согласно стандартной формулировке, русские агенты должны были подчинить коренные народы, «что будет милостию божиею и государским счастьем»³. Как пишет историк Майкл Ходарковский, «в столкновениях с другими выкристаллизовался образ Московии как православного христианского государства» с миссией распространения славы Бога на земле⁴. Очевидно, успех имперского наступления Московии доставлял радость Богу. В продвижении России лежала возможность превращения казавшейся адом Сибири в Новый Иерусалим.

Этот двухсторонний имперский проект не удивит никого, кто знаком с испанской или французской колониальной историей или даже с менее яркими английскими, голландскими или португальскими колониальными завоеваниями. По-видимому, большинство имперских проектов заявляют о своей религиозной миссии, и западные христианские монархии в раннее Новое время, несомненно, предрасполагают к тому, чтобы считать кампанию по христианизации частью любого уважающего себя имперского проекта. Христианизирующий аспект московского колониализма, однако, оказывается несколько более противоречивым, чем можно было бы ожидать. В научной литературе существует два различных мнения, хотя редко кто прямо рассматривает точки противоречий между ними. Одни авторы утверждают, что имперская политика мотивировалась православной миссией, и москвиты настойчиво, хотя и неэффективно, проводили кампанию по религиозному обращению в своих восточных колониях. Другие ученые дают противоположную интерпретацию, утверждая, что москвиты проявляли примечательное равнодушие к религиозному статусу своих колониальных подданных и даже активно запрещали обращение, если эти подданные исправно платили ясак⁵.

Когда такие диаметрально противоположные точки зрения могут мирно сосуществовать в работах прекрасных ученых, такое противоречие и его скрытые смыслы заслуживают серьезного рассмотрения. Изучение московских летописей, космографий и географических описаний Сибири показывает, что правы и те и другие, хотя ни одна из этих точек зрения не отражает полностью специфически русскую особенность колониального отношения к христианизации и обращению. Православие действительно составляло саму суть представления москвитов о русской имперской миссии. Христианский аспект этой миссии, однако, приобретал своеобразную форму у московских имперских агентов: они придерживались программы *христианизации без обращения*. Согласно московским источникам, Бог искренне поддерживал русское дело, потому что оно обещало распространить Его имя и славу до края земли, но Ему было достаточно такой христианизации земли и ландшафта, которые необязательно основывались на обращении языческого населения. По крайней мере, сначала распространение Слова Божьего происходило в большей степени за счет расширения русских поселений, а не согласованной евангельской кампании. Без доли сомнения относительно духовного превосходства православного христианства москвиты систематически допускали и устанавливали иерархию вероисповеданий и низводили своих новых мусульманских, языческих и шаманистских подданных до самого низшего уровня этой религиозной лестницы. Но что касается обращения в свою веру, русские считали, что им предназначено нести знамя православия, и достаточно было их соб-

ственного продвижения по континенту, чтобы христианство шло за ними следом. С такими альтернативными способами распространения славы Божьей от моря и до моря москвиты могли создавать истории об имперском величии, которые скорее основывались на существовании людей другого вероисповедания, чем отрицали его.

В этой главе лишь косвенно используются географические и картографические источники и идеи, но, поскольку отношения к христианизации и религиозному обращению играли центральную роль в формировании политико-территориального воображения москвитов, это небольшое отклонение в сторону других текстов в итоге приведет нас к цели в следующей главе.

«БЛАГОЧЕСТИЕМ СИЯЯ»: ЕРМАК И ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ

Представление о том, что русское завоевание Сибири было предопределено Богом, и успех этого завоевания не только принес блага царю, но и радость на небеса, излагается в самых ранних нарративных описаниях похода Ермака в Западную Сибирь и его победы над ханом Кучумом. Летописи отражают и обосновывают понятия москвитов о значении их имперских завоеваний.

Савва Есипов, дьяк на службе у Тобольского архиепископа, написал Есиповскую летопись в 1636 году. Ее герой — смелый простой человек, выходец из народа, казак Ермак Тимофеевич, который отважно исполняет волю Бога.

Посла Бог очистити место и победити бусорманского царя Кучюма и разорити боги мерския и их нечестивая капища... Избра Бог не от славных муж, царска повеления воевод и вооружи славою и ратоборством атамана Ермака Тимофеева сына... не даша бо покоя скраниям своим, ни зеницам дремания, дондеже Божию помощью приаша одоление на окаянных бусорман⁶.

Есипов утверждает, что Сибирь «изволением Божиим взята бысть от рускаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною»⁷. Этот впечатляющий успех стал результатом объединенных усилий простого русского человека и Божьей воли.

В так называемой Строгановской летописи, составленной, вероятно, во второй четверти XVII века с целью обосновать сибирские притязания семьи Строгановых, история представлена в несколько ином свете. Стро-

гановы были богатой и влиятельной семьей, заинтересованной в разработке горных месторождений на западной стороне Уральских гор. Именно их столкновения с племенами из-за гор привели в первую очередь к русскому завоеванию. Отводя Ермаку роль всего лишь наемника, хотя и героя, Строгановская летопись представляет завоевание как официальное достижение царя и государства. Проницательная семья Строгановых принимает активное участие в царском начинании, а Ермак появляется в повествовании как наемный предводитель. Пространный заголовок летописи начинается так:

О взятии Сибирския земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии подарова Бог Сибирское государство обладати ему государю и победити Муртазелиева сына Кучюма...⁸

Как ясно из заголовка, хроника рассказывает о победе государя, но опять же победе, дарованной Богом.

Уникальная Ремезовская летопись, написанная и богато иллюстрированная Семеном Ремезовым с сыновьями, добавляет к этой истории еще один, странно фаталистический аспект, говоря, что победу православных москвитов «всегда-уже» прописал в мировой судьбе «искони всевидец, христианский наш Бог, творец всея твари, зижьдитель дому своего и снабдитель винограду и мысленных овец»⁹. Каждая страница его летописи снабжена рисунком. На странице, где мы видим этот текст, Ремезов сопровождает свое громкое заявление не менее впечатляющей иллюстрацией: всевидящий глаз Бога смотрит поверх раскрытой книги, где читается (из Иоанна 12:26 и Матвея 18:20): «...аще кто мне служит, мне да последствует: и идеже есмь аз, ту и слуга мой будет: и аще кто мне служит, почтит его отец мой. И паки идеже два или трие собрани во имя мое, и ту аз посреде их». От книги во все стороны исходят лучи света, касаясь кольца русских городов в Сибири: Тары, Березова, Сургута, Мангазеи и т.д. Прямо под глазом Бога, впереди и посередине, более крупный рисунок любимого Ремезовым Тобольска в великолепии церковных куполов и крестов. «Свет Христа да просвещает всех», — гласит еще одна надпись¹⁰. Эта иллюстрация, как и почти все остальные в летописи, поразительно картографична. Здесь Сибирь и все недавно построенные в ней русские города отобразены (в свободном порядке) под глазом Бога (рис. 6.1).

В различных летописных описаниях похода Ермака выдвигаются разные политические идеи и защищаются разные точки зрения. Однако все они сходятся в одном: это завоевание играет решающую роль в божественно предопределенном нарративе. Такое единодушие требует, чтобы мы

рассмотрели вопрос о том, как этот акцент на распространении христианства повлиял на позицию и практическую политику русских колонизаторов — человеческих агентов Бога — в отношении коренного населения Сибири и как именно русские представляли свою роль на новых территориях.

Неизменная характеристика каждого летописного описания — это большая доза православного врения. Ремезов пишет в своей летописи:

Оттоле даде Бог вышний власть, силу, храбрость и спех над всеми, наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию, и горы преставляти. И сицеваго ради повеления Господня един христианин гонит тысящу бусурман, а два двигнета тмы. И се быста деле благообразно Сибирианом пример¹¹.

Благодаря такому преимуществу, как христианство, победа Ермака над ханом Сибири Кучумом неизбежна. Почти каждая иллюстрация Ремезова имеет безошибочно определяемое местоположение в пространстве, и таким образом он помещает в пространство торжество христианства. Согласно летописи Ремезова, загадочное видение дерущихся зверей, за которыми наблюдают враги у хорошо узнаваемого слияния Тобола и Иртыша — места, где впоследствии будет основан Тобольск, — означает победу казаков¹². В решающие моменты видения становятся еще ярче. Видения «Царя великого и прекрасивого зело», обозначенного на рисунке как «И(су)с Х(ристо)с Г(о)с(по)дь Вседержитель», «во свете велице и мнози вооружении воины леташе на крылех» появляются вместо аллегорических сражений зверей (рис. 6.2 и 6.3).

Эти видения делают очевидным божественное вмешательство в историческую битву: «Людие жь видеша в толпе ужасное видение различное и битвы и звук; побегоша во град Кашлык вне ума, овии жь решишась ума и умроша»¹³. «Древле, — рассказывает нам Ремезов после завоевания, — Сибирь идоложертвием омраченна бе, ныне же Сибирская земля и страна, паче же богоспасаемыи начальнойшии град Тоболеск, наполнися божественныя святыя славы явлению»¹⁴. Радость Бога от распространения христианства проявляется почти на каждой странице всех летописей и смело изображается в атласах и иллюстрированных произведениях Ремезова. Богоматерь благословляет воевод Тобольска, в то время как ее сын благосклонно наблюдает с небес; рука Бога направляет чертежный циркуль, чтобы нанести русского двуглавого орла на сибирский ландшафт; глаз Бога и свет христианского просвещения озаряют русские города в Сибири¹⁵.

Литературные источники, несомненно, придают чрезмерное значение религиозным темам, но более земные документальные свидетельства источают ту же уверенность в святости имперского предприятия. Исследо-

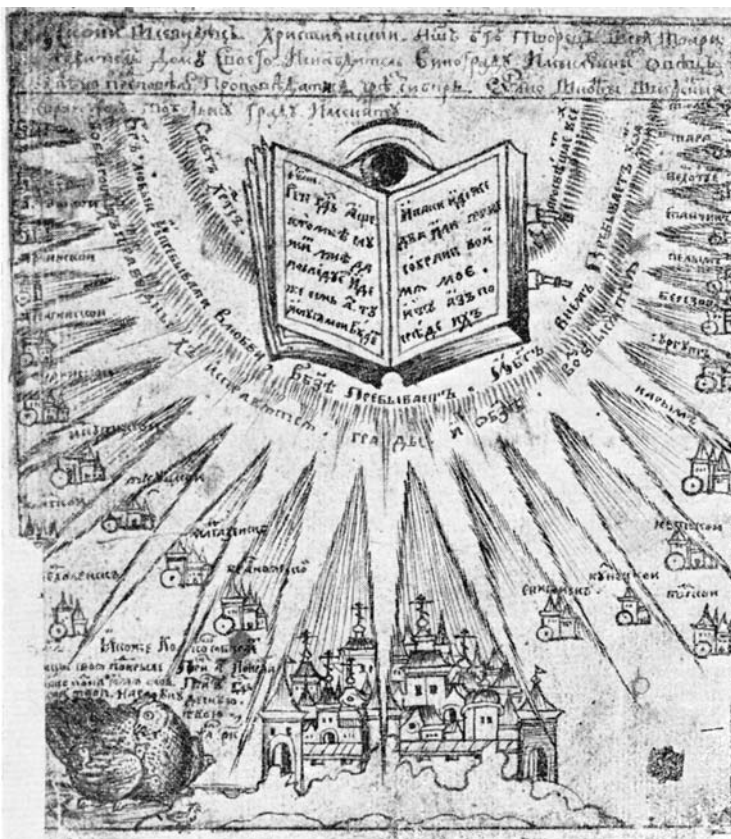

Рис. 6.1. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Ред. А. И. Зост. СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского, 1880. Ст. 1. В летописи Ремезова история покорения Сибири Ермаком открывается этим примером картографической теологии.

ватели и завоеватели новых земель разделяли убежденность в том, что, каким бы ни был смысл присутствия России в Сибири, оно несло с собой божественное благословение.

«ГОРОДА СЛАВНЫЯ И СЕЛЫ И ИЗРЯДНЫЯ, ВСЕ РУСКИЯ ЛЮДИ
НАСЕЛЕННЫ»

Юрий Слѣзкин отмечает, что, согласно летописям, «истинный смысл и неизбежный итог движения России на восток» состоял в том, что Бог «судебно предповеле проповедатися чрез Сибирь Евангелие в концы все-ленныя»¹⁶. Но как именно должно было происходить это распространение Евангелия? Ответ лежал в продвижении русских застав и поселений все дальше и дальше по континенту. Сибирь реализует свой божественно предопределенный потенциал через заселение Сибирской земли русскими православными людьми. Колонисты вносили активный вклад в миссию христианизации своим трудом, возводя сооружения, прославляющие Бога и завоевание. Летописцы восхваляли прозаические принадлежности колониального заселения как глубоко христианские по своей сути. Ремезов гордился тем, что «вся Сибирь... святыми Божиими церкви украсися, и городами, и слободами, и весями устроися, и людьми наполнися в славу пресвятаго имени Божия и до конец земли и по днесь разпространяется...»¹⁷ Земля Сибири могла быть посвящена Богу и стать христианским пространством, когда ее простор трансформируется в русское пространство, аналогичное заполненному церквями пространству чертежей-карт Центральной России. Триумф православия получил свое воплощение в форме утверждения царского правления и администрации и возведения городов и церковей русскими людьми.

В соответствии с особым значением, которое летописцы придавали человеческой деятельности, труд русских людей создавал основу для провозглашения слова Божьего на новых землях. «И от сих поставиша град и святыя Божия церкви воздвигошася»¹⁸. «Обилие рек» могло донести имя Божье «до конец земли» и «во все страны», но именно люди строили «города славныя и села изрядныя» и «церкви божия»¹⁹. И Есиповская, и Строгановская летописи привлекают внимание к вопросам «о поставлении городов в Сибирьстей земли и о создании церковей православных» — эти события помещены в заголовки²⁰. Ремезов предвещает торжество христианства в Сибири посредством архитектурного знамения. Там, где в итоге будет стоять город Тобольск «и соборная церковь до колоколни», «по вся зори и праздники» на протяжении лет «до приходу Ермакова», «видешася христианский со светом град в воздухе, и церкви и звон велий»²¹. Неудивительно, что «ими дивитися, и ужасно недоумея, что будете се», но смысл этого видения вполне ясен из текста Ремезова и сопутствующей иллюстрации, где изображен сияющий православный город с куполами и крестами, парящий на облаках рядом с безошибочно узнаваемым изображением слияния Иртыша и Тобола²². Этот воображаемый город предвещает

Рис. 6.2. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 27. Видение сражающихся зверей.

возникновение реального города, который закрепит русские победы и позволит победившему христианству обрести материальность и местоположение. Такие аллюзии на города и сооружения не являются редкими или изолированными. Они наполняют тексты летописей и настойчиво представляют русские строительные проекты как манифестации христианства.

Когда реальный город Тобольск строится на крутом уступе над реками, а за ним и другие города, Есипов радуется тому факту, что «и от сих поставишася град и святыя Божия церкви воздвигошася»²³. В воображении Ремезова появление Ермака в Сибири озарило землю «светом неизреченного веселия», «яко орел покры гнездо свое Сибирь со птенцы своими и

Рис. 6.3. Рemezov С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 46. Царь великий и прекрасный зело.

на всякий град даде перо славы своея». Эта весьма восторженная метафора придает форму ремезовскому видению «всесвятого и животворящего Духа», освещающего стены и башни русских городов²⁴. В сопутствующей иллюстрации орел выпускает оперенные стрелы, подобные языкам пламени, в виде которых, как считается, Святой Дух сошел на апостолов в день Пятидесятницы. Стрелы опускаются на схематически нарисованные русские города, изображенные так же, как и на ремезовских чертежах (рис. 6.5). Строительство церквей и городов даровало немедленное просвещение:

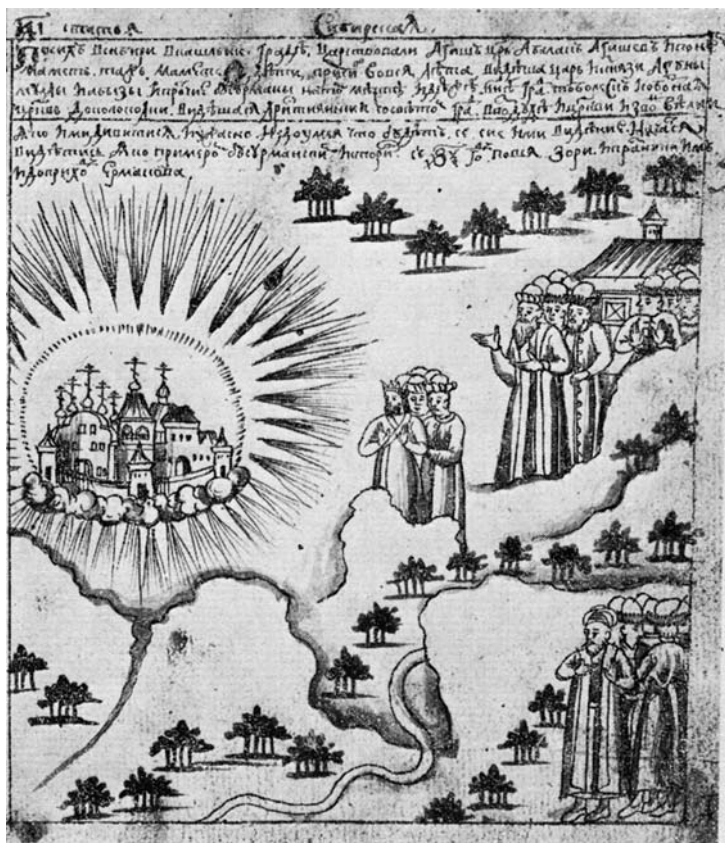

Рис. 6.4. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 18.
Архитектурное знамение.

По повелению государя царя и великаго князя... города и остроги поставлятися и распространяться в Сибирской стране. Крестьянская православная вера, и церкви Божия воздвигнушася, и проповедь евангельскаго учения обтече во вся концы Сибирския земли, и псаломский гром огласи²⁵.

В этом отрывке с одобрением упоминается распространение веры среди язычников, которое мы рассмотрим позже, но с еще большим воодушевлением говорится о русских городах, крепостях и церквях и исходящих от них громогласных звуках. Такое понимание, подчеркивающее сугубо

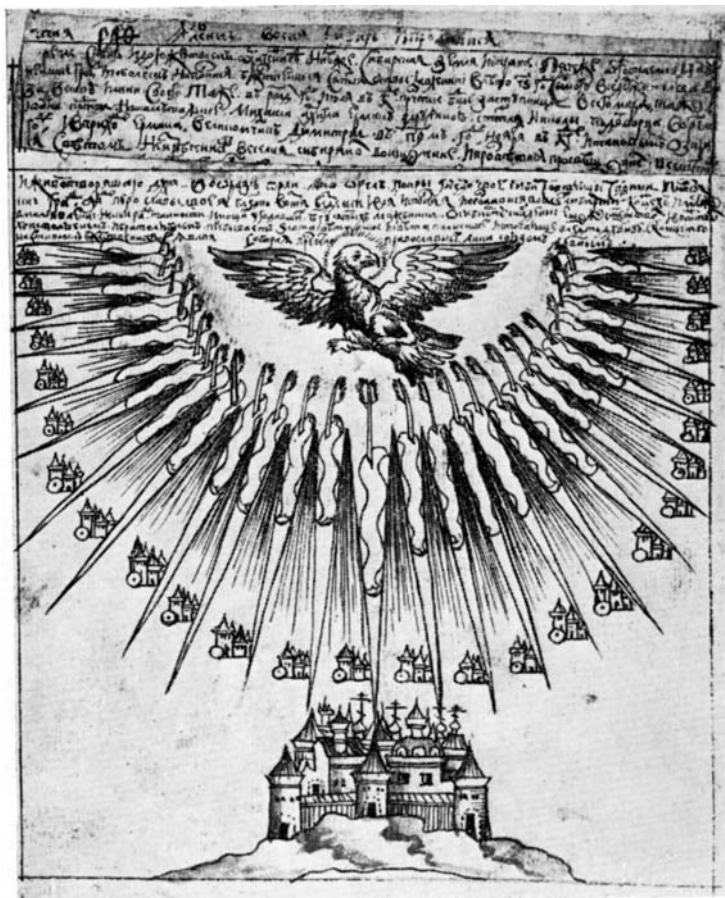

Рис. 6.5. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 139. Прибытие Ермака в Сибирь озарило землю «светом неизреченного веселья».

религиозную функцию русских строительных проектов, неожиданно делает рассматриваемые ранее рефрены Ремезова о Сибири и Тобольске как о «мирных ангелах» менее похожими на галлюцинацию и более вразумительными. Если посмотреть на его аналогии в таком свете, то они вполне имеют смысл: «сердце и внутренняя во всем Тоболско Тюмень и Томско» — это русские сторожевые посты и христианские редуты. Казавшиеся диссонансом бюрократические приказные палаты, являющиеся частью правой руки ангела, теперь согласуются с видением царской мощи и русского заселения, распространяющих православие по земле. С этой точки зрения адми-

нистративная работа московитов была работой ангелов. Сибирские нравы закономерно обозначают «булатный лук» «мирного ангела», который находится предположительно в левой руке «собрания людей»²⁶. Именно люди, будучи православными русскими, могут взять в руки лук веры и послать стрелы благочестия в дикую местность. Когда Ремезов цитирует слова Евангелия: «и паки идеже два или трие собрани во имя мое, и ту аз посреде их», в его понимании «два или трие» — это однозначно русские люди, которых можно представить себе только на фоне русских архитектурных ансамблей, — таким образом они несут Бога в центр Сибири²⁷.

Ремезов приписывает сакральные свойства самому Tobольску как оплоту русских христиан. Его страстная работа по перепланировке города становится сама по себе христианской миссионерской деятельностью. Его подробные чертежи города, и в частности церквей, его деревья с портретами почитаемых тобольских архиепископов и воевод, его карты монастырей за стенами — это все вместе составляет визуальное представление того, как «вся Сибирь... святыми Божиими церкви украсится, и городами, и слободами, и всеями устроится, и людьми наполнится в славу пресвятого имени Божия, и до конец земли и по днесь разпространяется...»²⁸. Положение Tobольска в центре мира, подобное самому Иерусалиму, точно отражает его роль в распространении славы Бога. Нерчинск, последний форпост Московии перед Китайской империей, обоснованно служит «опорной тростью» для русских амбиций²⁹. Заключительное высокопарное высказывание Ремезова также имеет смысл в этом контексте: теперь мы понимаем, почему «царственный град» Tobольск и длинный список зависимых от него «розряда ведомости градов, слобод, острогов и погост» он называет «вселенной внутренней Сибири»³⁰. Русское колониальное поселение и управление становятся делом поистине космического масштаба. Ремезов разрешает загадку того, как русские охотники и колонизаторы могли относиться к своему вторжению в Сибирь как к одной из составляющих миссии по распространению славы Бога на земле и в то же время не проявлять особого интереса к делу обращения.

В Строгановской летописи с гордостью сообщается: «На мнозех местех повелением их государей поставишася грады и остроги христианския, и в них церкви Божия воздвигнушася, и монастыри составишася в славо-словоие Отцу и Сыну и Святому Духу»³¹. Есиповская летопись вторит Строгановской. Возводя города, русские прославляли Бога и распространяли его слово: «Идеже в слух никому же прииде, тамо ныне грады и веси и в них внутренняя жития, множество православных разсеяшася по лицу всея Сибирския земли»³². На всех своих чертежах и картах городов и крепостей, блистающих красотой церквей, Ремезов развивает тему распространения христианской истины посредством русской архитектуры. Он переходит на

поэтический лад, рассказывая о том, как «Божием благоволением Сибирское царство поручися в богохранимую благочестиву державу... благочестивому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа России самодержцу» и как «молитвами и благословением боголюбиваго кир Макария, архиепископа Московскаго и всеа России митрополита, во управлении Московской монархии вся Сибирь святым крещением просветися, и церквами управися, и благочестием утвердися». Своей полезной деятельностью в Сибири «оба полевают корень древа из кубков златых»³³. Таким образом, способствуя строительству церквей, московиты культивируют христианство.

В другом жанре географических сочинений обнаруживается та же самая идея оправдания империи через строительство городов. Космографии — энциклопедические культурные географии мира, создававшиеся в Московии в XVII веке, — дают такую же оценку русского присутствия в Сибири. Основываясь в своих трудах на западных космографиях, московские авторы-переводчики перерабатывали отдельные части так, чтобы они соответствовали их собственным представлениям о месте их царства в мире, и добавляли местные сведения, в особенности к частям о Сибири, поскольку в западных образцах информации по этой теме было недостаточно. В «Космографии в семидесяти шести главах» практически повторяются слова сибирских хроник, когда о земле Сибирской говорится следующее: «[Земля] простирает же ся широко и долго и подданию державы московского царя. Ныне же Божиею милостию и царским призрением в той Сибирской стране городов славных и сел изрядных, все руския люди населены и многолюдно зело богаты»³⁴.

Сибирь приобретает признаки самой России, становясь частью благословенных владений православного самодержца. Русские города и поселения наполняют ее природным изобилием, которое просыпается или полностью проявляется благодаря присутствию русских строений и колонистов. Без русского заселения восточные земли лежали пустые и заброшенные, но как только их украсили русские строения, их богатство вышло на волю. Например, земля ногаев и калмыков «у них аще и странна, но пуста», в то время как сибирские земли вышли из этого плачевного состояния и засверкали богатством и благочестием: «...земля Сибири с прилежащими к ней странами ползнаго ничего, кроме зверей и рыб, не имела, ныне Сибирская земля благочестием сияет»³⁵. Еще одна космография того же периода связывает имперские владения и центр через присущие им красоту и природное изобилие. Располагая Московию прямо в центре ее имперской экспансии, космография напоминает читателю, что на западе и на юге «и Литовская земля с нею же вкупе, не в давних же временах Киев и Литовская земля отделилась и в то место Руской

области покорны учинишася, царство Казанское и царство Астроханское, иже наришашеся орда, к тому же и иные татарские языцы: черемиса, и мордва, самоеды и лопары, и царство Сибирское». Автор космографии с воодушевлением пишет о силе русского влияния, красоте физического присутствия Московии и богатстве земли. «По всей земли той и простирается та Московская страна от моря Хвалинского до моря Соловецкого, еже есть великого моря акияна... Монастыри ж и церкви во градах благолепием зело красятся и чюдным зданием доброшумными камбаны, еже есть колокола, и во всей Европии подобны тоя земли несть не постоятельны. ...Родит же ся хлеба и меду и скоту всякого, и всего родится множество, и птиц всяких на пищу человеком преизобилное множество, и рыб различных многое множество, понеж великия реки приходят»³⁶.

Присвоение колониальных пространств и владение ими осуществлялось путем их заселения русскими людьми и нанесения на них русских архитектурных контуров. Через распространение архитектурных форм христианская миссия Московии с триумфом привела ее от Московского Кремля к Тихому океану. Русские города, остроги и зимовья позволяли космографам и картографам истолковывать сибирский ландшафт как продолжение русских лесов, полей и деревень, как христианский рай, дом достойных и благочестивых русских людей. За подтверждением обратимся снова к наглядной сфере картографического представления. Замечательная карта Сибири 1673 года «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никаского» наиболее ярко иллюстрирует эту концепцию русского имперского завоевания (см. вклейку 19). Со своими огромными, увенчанными башенками строениями, смело раскрашенными красным и желтым цветом, заполняющими прочерченный сетью рек ландшафт, эта карта воплощает русскую версию колониализма посредством строительства³⁷. С того момента, как орда Кучума увидела призрачные башни сверкающего русского города, парящего над ландшафтом, русское господство стало неизбежно. Владение было определено присутствием людей и обозначено силуэтами строений.

Патрисия Сид пишет в своем сравнительном исследовании ритуалов владения в Новом Свете:

Каждый европейский свод законов по-разному определял значение (и историю) владения, господства, власти лорда и власти короля. Символические действия или практики по установлению власти в разных европейских странах различались, часто кардинальным образом. Это не должно удивлять, потому что не было двух европейских держав с совершенно одинаковым культурным опытом повседневной жизни, не говоря уже об одинаковом языке или законодательстве. Не было двух дер-

жав со схожими представлениями о том, как должна символически создаваться колониальная власть или над чем она должна быть установлена. Вопрос о том, должна ли или даже могла ли колониальная держава контролировать землю, воды, полезные ископаемые, диких животных или людей в Новом Свете, требовал разного ответа в зависимости от державы, проводящей колонизацию³⁸.

Для объяснения конкретных форм, которые использовались каждой европейской державой, чтобы застолбить свой участок в Новом Свете, Сид снова обращается к юридическим практикам и обычаям каждой из этих стран. Она убедительно доказывает, что национальные формы предъявления прав на территорию или собственность давали готовые модели для имперских притязаний. Например, в Англии такие действия, как строительство, огораживание и возделывание, служили обоснованием законного права на собственность. Эти действия в осуществление владения давали веское право требования, которое могло аннулировать даже подтвержденные документами права собственности отсутствующего или бездействующего собственника³⁹. Логичным продолжением было истолкование тех же практик англичанами как наиболее убедительных и действенных способов заявить права на колониальные земли, особенно когда коренные жители еще не огородили свои поля, не построили постоянных сооружений и не выработали идентифицируемых форм владения собственностью. Когда английские колонисты желали заявить право на территорию, они поспешно строили дом, огораживали какой-то участок земли и сеяли какие-нибудь семена, независимо от того, собирались ли они дожидаться, пока прорастут семена и созреет урожай.

Решающее значение, придававшееся строительству в России, несомненно, объясняется практиками, распространенными в центральных уездах. Как мы видели, русские особо подчеркивали строительство зданий, как составляющую права на землю, будь то в Ельце или в Сибири. Конечно, основным стимулом строительства были практические соображения: зимовья, которые землепроходцы возводили вдоль рек, являлись незаменимыми прибежищами для русских служилых людей и землепроходцев. Точно так же остроги и укрепления, которые они должны были возводить, служили стратегическим оборонительным и наступательным целям и часто становились центрами развивающихся городов. Но строительство исполняло не только прагматическую роль в распространении русской имперской мощи. Государство заботилось о том, чтобы церкви строились и освящались сразу после основания каждого русского поселения. На приграничные земли сыпались приказы из Москвы и крупных сибирских городов, в этих приказах были требования возвести церкви, посвященные

определенным святым. Государство оплачивало строительство церквей и обеспечивало все необходимое: иконы, покрывала для алтаря, свечи. В приказах предписывалось отправлять хорошо подготовленных священников, иногда на дальние расстояния, чтобы освятить новые церкви⁴⁰. Русские православные давно считали возведение церкви подходящим способом выразить благодарность милосердному Богу или умиловать недовольного Бога. Обетные церкви возводились за один день непрерывным трудом и объединенным усилием всей общины; в результате сами церкви обретали репутацию почти чудодейственных⁴¹. Как описано в сибирских источниках, новые церкви украшали ландшафт, и даже светское строительство радовало христианского Бога.

Колониальная теория и практика Московии выработали теологию ландшафта, которая наделила физический мир живым Божественным духом и видела действие того же духа в поселениях людей и в их отношении к земле. Отмечая свое присутствие в ландшафте, на картах и в жизни, русские сибиряки гордились тем, что они одновременно распространяли слово Божье и устанавливали права своего государства на все расширяющиеся имперские владения. В то же время они утверждали свою важность и полезность как достойных подданных царской православной державы. Имперские и православные территориальные притязания, так же как и уздные притязания на собственность, осуществлялись и подтверждались путем фиксации человеческого присутствия на земле.

«НЕВОЛЕЮ НИКАКИХ ИНОЗЕМЦОВ КРЕСТИТЬ НЕ ВЕЛЕТЬ»

Божественный свет, несомненно, лился на русское дело в Сибири, и верные слуги Бога золотили купола, чтобы их сиянием показать Ему свою преданность. Тем не менее, на переднем крае империи казакам, первопроходцам и чиновникам нужно было находить конкретные пути превращения христианской миссии в реальную политику, нацеленную на включение коренного населения и колонизацию земли. Один из вопросов, требующих решения, состоял в том, что делать с иноверием коренных жителей.

В нарративных источниках перечисляются многие славные успехи и благословенные победы над коренными жителями Сибири. В них прославляется казачье воинство, которое давит туземцев ногами, как скорпионов, внушая страх и благоговейный трепет, и одерживает победу над проклятыми язычниками, разбивая неверного хана. Сокрушив иноверцев, что должны были набожные казаки с ними сделать? Очевидным ответом было бы обратить их в свою веру, но, как оказалось, москвиты скорее стреми-

лись впечатлить их красотой и мощью своего христианского присутствия, чем проводить систематические кампании по обращению.

Московитам было хорошо известно, что можно распространять христианство, добиваясь обращения местных жителей. Они знали, что сама Россия была обращена в православную веру много веков назад, а популярный средневековый русский святой Стефан Пермский получил свой благословенный статус за просветительскую деятельность среди зырян на Урале. Действительно, летописи упоминают о том, что огромное количество неофитов было обращено в истинную веру и в Сибири. «Аще древле Сибирская земля идоложертвием помрачися, ныне же благочестием сияя отпаде бесовская служба и требища идолская сокрушишася, богоуведение всадися, Троица единосущная и не созданное Божество прославляется по глаголющему: во всю землю изыдоша вещения их и в концы вселенныя глаголы их». Русские фигурируют в этой истории как новые апостолы Христа, несущие его послание в земли, до которых не дошли первые апостолы. «Божественным бо апостолом аще и [не] благоволи Бог происходить страны сия, но проповеди их повсюду изыдоша»⁴². Всевидящий Бог Ремезова «искони» повелел, чтобы «проповедатися чрез Сибирь Евангелие в концы вселенныя на край гор Тобольску, граду именутому»⁴³. Ремезов и его коллеги-летописцы иногда упоминали обращение как оправдание или, по крайней мере, положительный результат завоевания. В Строгановской летописи говорится:

И видевше невернии таковую благодать в их стране просиявшу и государьскую высокую руку над собою возвысившуся, и под его государевую руку мнози покоришася и оставльше свою богомерзскую веру; мнози [не]вернии приходяще в крещение и крестяшеся, живуще в православной вере⁴⁴.

На практике, как и на проникнутых религиозным духом страницах летописей, обращение было частью истории русского имперского продвижения. Обращения происходили, и новокрещенные включались в жизнь русских поселений. Предположительно, русские переселенцы крестили пленников и рабов, ведомые как религиозным чувством, так и более приземленными, светскими мотивами. Посредством обращения они могли закрепить свою власть над рабами из коренных жителей, которые после крещения не могли вернуться к соблазнам своих языческих общин. Некоторых местных мужчин поощряли принять христианскую веру, чтобы заполнить малочисленные ряды русских караульных и гарнизонных полков в отдаленных землях. Кроме того, благодаря крещению, холостые мужчины могли превратить женщин-язычниц в невест, на которых можно было

жениться, — редкий ресурс в русских поселениях с подавляющим большинством мужчин.

Обращение действительно было частью истории русского имперского продвижения, но насколько важной — остается спорным. Ходарковский на достаточных основаниях утверждает, что обращение занимало приоритетное место в имперской повестке дня Московского государства, начиная по меньшей мере с 1590-х годов. Он отмечает, что в тот век, когда политика и религия различались лишь незначительно, обращение было ни в коем случае не отделимо от цели добиться преданности и послушания завоеванных народов. С конца XVI века «русское правительство осуществляло политику, которая поощряла обращение нехристиан в православное христианство как способ укрепления в обществе единой политической и религиозной идентичности с одним царем и одним Богом»⁴⁵. «Религиозное обращение стало бы самым важным политическим инструментом для приведения завоеванных народов в Русское государство. Нехристиане должны были отбросить свою прежнюю нехристианскую веру»⁴⁶. Вооруженное «новым миссионерским духом все более осознающей себя православной Московии», государство начало «заниматься проблемой новообращенных, предоставляя стимулы и льготы тем, кто выбирал обращение, и дискриминируя тех, кто отказывался. Таким образом, религиозное обращение в Московии меньше всего было религиозным и духовным и состояло лишь в номинальной смене религиозной идентичности. Для нехристиан обращение обещало ощутимые экономические выгоды и надежду на социальную и экономическую мобильность»⁴⁷. Если количество успешных обращений оставалось незначительным в XVII веке, добавляет он, то это происходило из-за труднопреодолимых логистических и тактических ограничений проекта. Русские завоеватели, которым хронически не хватало священников, не говоря уже о священниках, говоривших на местных языках, и которые имели лишь слабый контроль над многими приграничными областями, могли отложить свои планы по обращению, но никогда не позволяли этому стремлению угаснуть.

Все же, насколько можно установить, масштаб обращений в Сибири, в отличие от других областей империи, оставался поразительно малым на протяжении века. Цифры столь низки, что другие ученые, а именно И.И. Огрызко, пришли к выводу, что русская политика активно препятствовала обращению⁴⁸. Невозможно установить точные цифры, в частности потому, что новообращенные брали русские имена и быстро становились неотличимы от русских людей в документальных свидетельствах, а в официальной политике и практике провозглашалось постепенное и добровольное распространение христианства и активно порицались массовые или вынужденные обращения. В неослабевающем потоке поста-

новлений центральные приказы и уездные воеводы совершенно определенно повелевали своим людям избегать насильственного крещения из опасения, с одной стороны, восстановить против себя непрочно подчиненные местные племена, а с другой стороны, уменьшить количество плательщиков ясака при переводе их в категорию русских налогоплательщиков. В распоряжении Сибирского приказа в Москве, отправленном в 1655 году русским представителям среди усмиренных племен на Дальнем Востоке, крещение перечислялось среди нарушений, которые нельзя совершать в отношении племен, и таким образом признавались потенциальные риски для прибылей, связанные с обращением, и выгоды религиозного невмешательства. «А единолично б есте наших даурских, и дючерских, и гилятцких [людей], которые учинились под нашу царского величества высокою рукою в вечном холопстве и ясак с себя дают, войною не розоряли, и не грабили их и не побивали, жон и детей их в полон не имали и *не крестили*» (курсив мой. — В. К.). В указе разъясняется стоящая за этим политическая и финансовая логика: «...а наш ясак збирали с них ласкою и приветом, а не жесточью, чтоб, видя нашу царскую милость, и иных немирных земель люди нам, великому государю, учинились в вечном холопстве и ясак с себя давали»⁴⁹. Ни коммерческие амбиции государства, ни личные материальные интересы охотников, торговцев и промышленников, физически занимавшихся поисками, не выиграла бы от евангельских крестовых походов, и ни одна из сторон не видела особой пользы от ловли душ. Меха дань, гораздо более выгодная для царя, чем налог, уплаченный деньгами или службой, стоила большего, чем спасение душ нескольких коренных жителей.

В пространственном смысле различие между христианами и нехристианами, т.е. русскими и нерусскими, строго поддерживалось. Как только вокруг русского поселения возводили укрепления, оно становилось русским православным пространством. Его территория становилась христианизированной в буквальном смысле, и местным жителям по закону не разрешалось туда входить, что иллюстрируют огороженные стенами поселения на ремезовских чертежах. На одной особо интересной карте показано окруженное стеной русское пристанище Судат — это военное поселение, полное орудий и вооруженных солдат, — и соседний «острог калмыцкой», также защищенный ограждениями и заполненный палатками (вклейка 24). Хотя и калмыцкие, и православные полки находились на царской службе, их анклавы четко разграничены⁵⁰. Стоит подчеркнуть, что этих калмыков не изобразили как врагов — они сражаются на той же стороне, что и русские, но тем не менее отгорожены от христианской земли. Однако, если бы один из них смог принять новую веру, ему пришлось бы стать русским во всех отношениях, и он смог бы жить только внутри крепостных стен, среди других христиан⁵¹.

Когда челобитчики просили разрешить им обратиться в новую веру, власти требовали тщательного изучения каждого отдельного случая, чтобы удостовериться в том, что этот поступок добровольный. Типичный указ, отправленный митрополиту Павлу Сибирскому в 1685 году, повелевал: «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своею, и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцов крестить не велеть»⁵². Сибирские подьячие воспринимали этот наказ серьезно и внимательно расследовали каждую отдельную просьбу о крещении, чтобы убедиться в добровольности выбора, в отсутствии недовольства со стороны необращенных родственников и в наличии достаточной причины для положительного решения⁵³.

Сохранилось много челобитных, в которых русские мужчины просят разрешения на обращение сибиряков, особенно женщин и детей. Разрешение ни в коем случае не давалось ни автоматически, ни по умолчанию. Чтобы добиться успеха, просители должны были тщательно обосновать свои просьбы. Наиболее действенные запросы поступали от мужчин, которые желали обратить своих собственных отпрысков, чтобы растить их как русских, или обратить местную женщину, чтобы на ней жениться. В положительных решениях часто указывается: «Крестить потому что русской» или «Крестить потому что русской прижиток». После принятия положительного решения уездный воевода направлял приказ официально зарегистрированным «приказным попам», которые проводили церемонию крещения⁵⁴. Иногда русские получали разрешение на обращение женщин или детей, не связанных с ними родством и состоявших у них на службе, но эти дела были более туманны и вызывали подозрения в нечестной игре. В нескольких случаях якутские женщины жаловались, что хозяева обратили их в свою веру только для того, чтобы затащить их в постель, а в одном случае несколько женщин пожаловались, что жены хозяев их «на блуд предают»⁵⁵. В другом случае жена служилого человека из Якутского острога была жестоко побита за то, что, получив разрешение на обращение некоей якутской девушки, она затем заменила ее другой девушкой и крестила эту вторую девушку обманом⁵⁶. Реже сами местные жители обращались с прошениями об обращении, чтобы получить возможность жить среди русских и обеспечивать себе пропитание, либо работая, либо живя на подаяния христиан. В этих прошениях часто рассказываются трагические истории людей, потерявших связь со своим родом и племенем из-за насильственного похищения, продажи в рабство своими же родственниками или в результате смерти или исчезновения родни. Когда прошения об обращении получали одобрение, в резолюциях часто давалось четкое обоснование положительного решения. Коренные жители приносили больше пользы и выгоды и легче поддавались классификации, если они сохраняли свое нехристианское, нерусское положение и оставались за стенами поселения.

Оба этих объяснения: то, что обращение было логичным и необходимым приоритетом государства, и то, что государство активно возражало против потрясений, связанных с массовым обращением, — имеют основательные причины, несмотря на их очевидные противоречия. На практике и даже в риторике имперской апологетики распространение православия занимало центральное место, но представлялось естественным следствием колониального присутствия русских, заселявших тайгу, тундру и степь. Московиты развивали идеи о превосходстве православной культуры и ее географической распространенности, позволявшие им спокойно относиться к своему скудному урожаю душ. Их понимание религиозной географии и имперское мировоззрение давали им другие способы включить подчиненные народы в свою империю, не обязательно обращая их в свою веру, в то время как нежелание вызвать недовольство новых плательщиков ясака никогда не вытесняло более глубокую заинтересованность в воинственной христианской миссии. Их способы расширения господства православия и распространения славы Божьей отличались от обоих взглядов на московскую политику религиозного обращения, рассмотренных выше. На самом деле распространение христианства играло важнейшую роль в понимании московитами своих действий в степи, но обращение местных жителей, хотя и было приятным и даже желательным побочным результатом, вовсе не являлось необходимым.

«СИЯЕТ ПОДОБНО СОЛНЦУ СЛАВА ГОСУДАРЕВА ВО ИНОВЕРНЫХ СТРАНАХ И ЯЗЫЦЕХ»

Если религиозное обращение не являлось валютой, в которой измерялась успешная христианизация, тогда как можно было оценить успех? Поскольку интересы Бога и царя неразличимы, успех можно было легко измерить в политико-территориальных единицах. Не только присутствие русских колонистов, но и покорение коренных жителей могло служить доказательством и свидетельством главенства царя и Бога. Ремезов выразил теологию фронта, объясняющую отношения между русскими колонистами и другими имперскими подданными. Тот же Бог, который создал всех людей и всех тварей в саду Эдема, создал и ясачных людей, и создал их для того, чтобы они подчинились русским. Коренные сибиряки тоже могли познать от «древа жизни» и вкусить «от плода правды». Будучи просвещенными, они осознают правильный путь, и «яко Адаму в раи вся тварь покарялася, тако яве и всякому христианину... сеяй правду примут мзду верну»⁵⁷. На безыскусном изображении Эдема мы видим босого, но полностью одетого Адама, в жесте отчаяния протянувшего руки к хаотично-

Рис. 6.6. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 151.

«Яко Адаму в раи вся тваро покаралася».

му скоплению толпящихся повсюду животных. Там есть верблюды, олени, рогатый скот, птицы, горностаи, павлины, медведи и львы, маленький грузный слон, унылый носорог, взлетающий грифон и одинокий единорог. На дереве поселилась стая птиц, а странные звери высовывают головы из бурлящих вод пруда. Величественное дерево жизни заполняет середину страницы (рис. 6.6).

Подчинение, а не обращение выполняет программу имперского, христианского марша Московии по континенту. Следует отметить, что, со-

гласно этой метафоре, и русский Адам, и покоренные сибирские народы проживали в раю. После установления русского православного господства все они оказались в пространстве Эдема. Часть божественной воли, провиденциального плана для сотворенного мира, состоит в том, чтобы русские дали имена сибирским племенам и укротили их, заставив покориться московскому государю.

С далеких киевских времен русские жили на пересечении многих миров, а не в однородном христианском мире Европы, где внутренние бои и сражения могли вестись в едином религиозном ключе, а внешние — против единого и известного религиозного врага⁵⁸. Русские жили на беспокойном, конфликтном и многоязычном перекрестке, где многие культуры сосуществовали с разной степенью согласия и противоречий и где идея единой веры была бессмысленна, так как не была оправдана и не имела прецедента. Каждый из игроков на этом многокультурном поле был, несомненно, убежден в преимуществе собственной религии и без колебаний поднял бы ее до положения ритуального превосходства над другими. Однако такое неизбежное разнообразие означало, что амбициозные планы по массовому обращению не имели особого смысла в мире, населенном русскими людьми, где религиозные границы были слишком неоднородны, чтобы их можно было категоризировать, а борьба слишком многогранной, чтобы ее выиграть. Как по этому поводу пишет Юрий Слѣзкин, первые западные путешественники, такие как Вильгельм де Рубрук, посетивший двор монгольского хана в XIII веке, восторгались тем, что попали в «новый мир», когда впервые встретились с новой культурой. Шекспировская Миранда произносит известную фразу: «...как хорош тот новый мир, где есть такие люди».

Однако казаки никогда не попадали в новый мир, поскольку, в отличие от Вильгельма, их туда не посылали и поскольку у них не было «публики», которая ждала рассказов о новых мирах. Более того, собственный мир казаков не был так резко разделен на христианскую и нехристианскую сферы, как мир Вильгельма. Их мир состоял из бесконечного числа народов, каждый из которых имел свою веру и свой язык. Это не было временным отклонением от нормы, на смену которому должны были прийти обращение или откровение. Это было нормальным положением дел, при котором от иноземцев ожидалось, что они останутся иноземцами... никто не предполагал, что боги взаимно исключают друг друга и что русский бог вскоре восторжествует⁵⁹.

Это мир, который действительно отличается от бинарного мира христиан и мусульман, в котором европейцы в Средние века сражались за

самоопределение и выживание, или от мира христиан и язычников в колониях Нового Света.

Русские и казаки жили в мире, где как неравенство, так и несходство были ожидаемы. Самое большее, чего могли надеяться добиться московские переселенцы, даже религиозно настроенные, с их скудными людскими ресурсами и слабым контролем над местными жителями, это заставить последних подчиниться царю⁶⁰. Признавая такую реальность и желая сделать подчинение более прочным, русские обычно заставляли каждую группу людей давать клятву в соответствии со своими местными обычаями и перед своими собственными богами. В московском Посольском приказе по меньшей мере с XV века имелся наготове Коран, чтобы мусульманские подданные и соседи могли приносить клятвы надлежащим образом⁶¹. На приграничных территориях для обеспечения клятв коренного населения призывались анимистические духи, в то время как русские клялись на кресте. Причина такой религиозной широты взглядов состояла не в терпимости или отсутствии желания навязывать русское или православное господство, а в прагматическом понимании того, что гнев соответствующих божеств более эффективен в качестве средства обеспечения преданности. Например, в начале 1640-х годов «братских людей» (бурятов) заставили присягнуть на верность царю «по своей вере под солнцем и под землею и под огнем и под рускою саблею и под пищалью». Если бы они нарушили свой обет, то тогда «по моей вере солнце не освети, и земля не понеси, и хлеб подави, и руская сабля ссеки, и пищаль убей, и огонь на нашей земли все наши улусы пожги»⁶². Даже церковная Есиповская летопись одобряет то, как Ермак «с товарищи» покорили «иноземьцов тотар и остяков, и вогулич, и прочия языцы, и к шерти их по их вере привели многих, что быть под его царскою высокою рукою до веку»⁶³. С точки зрения русских, общепринятое и безусловное признание полезности и логичности того, что местные жители клянутся своими собственными богами, говорит о том, что подчинение необращенных языческих народов воспринималось как несомненное благо. С одной стороны, это утверждение очевидного: имперские власти стремятся к господству над новыми землями, народами и ресурсами, и поэтому подчинение на любых условиях будет засчитано в прибыль. С другой стороны, большое количество нехристианских подданных могло создать проблему для царского режима, идеологическая легитимность которого основывалась на божественном покровительстве, которым пользовался его благочестивый государь. Но, как оказалось, московские идеологические формулировки были достаточно емкими, чтобы включить неперестроившихся языческих подданных в имперский нарратив, который прекрасно сочетался с явно христианским предназначением.

Когда иноверцы приносили торжественные клятвы, которые внешне (неважно, как обстояло на самом деле) свидетельствовали об их восхищении великим государем, когда они как будто в полной покорности признавали господство православного царя, их почтительное поведение служило убедительным доказательством силы этого царя. Если даже язычники видели величие христианского правителя, то его величие действительно должно быть впечатляющим. Такая оценка нехристианских свидетельств имеет долгую историю. Эта логика была отчетливо сформулирована в 1493 году, когда московский посол и дьяк Мисюрь Мунехин, описывая свои впечатления в ходе официального посольства в Константинополь и Египет, объявил: «Имя его (русского государя. — В.К.) и слава и гроза в тамошних странах и во всех градах, что солнце на аере сияет, подобно солнцу слава государева во иноверных странах и языцех и происходит в род и род и до века»⁶⁴. Примечательно, что, хотя эти страны и народы сохраняли свои языческие верования, они тем не менее признавали «славу и грозу» великого князя. В последующие века, когда началось московское завоевание и колонизация, русские переселенцы обещали, что язычники и иноверцы так же будут прославлять имя царя и имя Бога до конца времен и земли и будут нести «через Сибирь Евангелие в концы Вселенная»⁶⁵. Православные летописцы радовались тому, что русские, продвигаясь по Сибири, внушали благоговение: «страшны бусурманом и протчим, не знающим Бога»⁶⁶. Русский эквивалент доктрины «явного предначертания», явного в predetermined всевидящим Богом проекте, состоял в физической демонстрации внушающего благоговение могущества Бога и царя, так чтобы их слава превозносилась от моря до моря и христианами, и язычниками.

Тексты и рисунки Ремезова подтверждают интерес к тому, чтобы заставить подчиненные народы свидетельствовать о славе царя и его правления. В пышном посвящении «Хорографической книги» Петру Великому Ремезов изображает несколько различных типов плательщиков дани, делающих «поклон на одежду» и приносящих «соболей драгих» и «протчих многоценных зверей» (рис. 6.7). Каждому дано свое название: обдаринец в шапке, доходящей до плеч; самоед с длинными, закручивающимися вверх усами, на котором только один характерный предмет одежды; татарин в шапке и камзоле и длинноротый русский с якорем в руке (что говорит о предпочтительном для него способе передвижения). Плательщики ясака преклоняют колени перед гербом Сибири: два оскалившихся соболя, соединенных под имперской короной луком и двумя стрелами. Согласно пояснительному тексту, соболи и коленапреклоненные плательщики ясака под ними «за се главы их короною славы в концы новоявляше державную славу до Китая». Над сибирским гербом находится тот, к кому обращены эти хвалебные песни, символ империи в целом — коро-

Рис. 6.7. Посвящение «Хорографической книги». Л. 8.
С разрешения Библиотеки Хоутона, Гарвардский университет.

нованный двуглавый орел. Народы Сибири, идентифицируемые по своим костюмам и обязанные платить дань, присоединяются к крылатым ангелам с «гласом аки трубою возгласани» в пении похвалы великому государю сибирских земель⁶⁷.

Для московитов было нормальным положением дел то, что Сибирь являлась домом неизмеримого числа народов, исповедующих многочисленные религии и говорящих на самых разнообразных языках. В лучшем случае лишь немногие из этих народов могли принять русскую веру. Православие при этом оставалось привилегированной государственной религией. Символическое и реальное царства имели строгий иерархический порядок, и русские представители власти и колонисты без угрызений совести обращались с последователями других религий как с отсталыми, низшими людьми. Но при конкретном рассмотрении имперских притязаний, формировавших продвижение московитов в Сибири, разнородность подчиненного населения повышала русский статус, а не угрожала ему. Если обращение могло абстрактно занимать воображение русских людей как долгосрочный идеал или цель, то в ближайшем будущем многообразии, а не однородности создавали сцену, на которой лучше всего могло воплотиться их христианское благочестие. Понимая, что богатые меха — это Эльдorado расширяющейся приграничной территории и что «ясачные люди» и «иноверные» поставляют эти меха, московиты выработали стратегическую идеологию империи, которая гармонично сочеталась с их собственным историческим опытом религиозного, этнического и политического многообразия. Вместо того чтобы пытаться гомогенизировать народы и сообщества в единой русской православной культурной системе, они подробнейшим образом описывали количество, размеры и разнообразие своих имперских владений. Эта модель империи давала эффективный механизм распространения традиционной христианской легитимирующей идеологии московского правления на многие нехристианские народы, оказавшиеся на русской орбите. Всегда сохраняя твердую убежденность в превосходстве православия, московские политические мыслители сформировали религиозную картографию, которая была такой же пестрой, как и население Сибири⁶⁸.

Поглощенные своим собственным герметичным пониманием христианской экспансии, переселенцы видели в сибирской земле часть своего благословенного предприятия и не сильно беспокоились о состоянии душ коренных народов. Тем не менее они были очень заинтересованы в многочисленности народов, населявших восточные пространства. И далее мы обратимся именно к этой, скорее геополитической, восприимчивости, к рассмотрению того, как служилые люди на приграничных территориях Московии относились к коренным народам и сообществам, с которыми они сталкивались в Сибири, и как эти нерусские народы, во всем их религиозном и политическом многообразии, включались в образ Московской империи.

«ИНОЗЕМЦЫ ЖЕ
ИНОЯЗЫЧНИКИ
БЕСЧИСЛЕННЫЕ
И НЕИЗЧЕТНЫЕ»:
«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФИЯ» СИБИРИ
И КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРИИ
В МОСКОВИИ

Когда западноевропейские конкистадоры и колонисты заявляли свои права на территории в огромном Новом Свете, открытом ими за великим океаном, они изо всех сил старались дать законное, нравственное и философское обоснование захвату новых земель и подчинению местных народов. Важнейшее место в этих европейских рассуждениях занимало отношение местных жителей к своим землям до европейского завоевания. Это отношение необходимо было каким-то образом обесценить или аннулировать, чтобы оправдать колониальное присвоение. В благочестивых трактатах и горячих дебатах, указах, законах и церемониях владения англичане, французы и, с наибольшей страстью, испанцы взвешивали конкурирующие интересы коренных народов и колонистов. В ряде споров, нашедших свое выражение в знаменитом диспуте между Хуаном Хинесом де Сепульведой и Бартоломе де Лас Касасом, испанцы исследовали моральные обязательства и подводные камни, связанные с захватом земли в Новом Свете, в то время как англичане, которые меньше переживали по этому поводу, спокойно сочиняли апологетические произведения под такими названиями, как «Законность отъезда из Англии в американские края»¹. Мучительная задача — оправдать господство над народами

Америки и лишение их имущества — вызвала резкую внутреннюю критику европейского колониализма. Эта критика была настолько сильной, что в XVI веке распространились слухи, будто Карл V хотел успокоить совесть, отказавшись от своих владений в Америке². В Испании определенно одержала верх точка зрения Лас Касаса. Папские уверения в том, что индейцы такие же люди и у них бессмертные души, которые можно спасти, действовали в тандеме с монархической заинтересованностью в сохранении жизни и труда колониальных подданных, что давало обитателям Нового Света малую толику признания и законной защиты от иберийских хозяев. Испанский колониальный режим, особенно при управлении организованными обществами Мексики и Перу, полагался на существующие административные подразделения и экономические структуры и был заинтересован в их сохранении³. Испанские мыслители и политики, как и колонизаторы из Португалии, Голландии и Франции, признавали, что индейцы могли на законном основании претендовать на землю в силу права первого владения, а также естественного закона, который давал им право на средства к существованию.

Однако дискурс раннего Нового времени предоставлял также обширный и убедительный набор аргументов для легитимизации имперских притязаний. Европейцы могли смело ссылаться на право завоевания или устриивать замысловатые церемонии, чтобы убедить себя и всех, кому это было интересно, в том, что земли были им добровольно переданы или проданы. Англичане и в меньшей степени испанцы требовали признания своего права на землю в силу труда, заявляя, что, поскольку индейцы не смогли надлежащим образом возделывать поля и пастбища и явным образом их огородить, они лишили себя любых возможных прав на эти владения. Из-за своего безразличия и небрежного отношения они уступили более веским и четким притязаниям честных европейских фермеров, которые будут вкладывать в землю труд и получать прибыль. В некоторых сегментах Нового Света, особенно испанском и французском, солидное обоснование имперского завоевания могло быть обеспечено согласованными миссионерскими кампаниями. При случае колонизаторы могли ссылаться на высшую христианскую мораль, которая не только обязывала их распространять веру среди невежественных народов, но также давала им право захватывать земли язычников в качестве компенсации за различные нарушения божественного и естественного закона. Опираясь на самые разнообразные источники, включая Аристотеля, Августина и Гоббса, основываясь на римском праве, английском обычном праве и даже, возможно, на мусульманском законе *аль-джамма*, европейцы беспокоились о том, чтобы оправдать свой явный захват земли и жестокое обращение с жителями «Индии»⁴.

Хотя московиты были менее склонны излагать абстрактные идеи на бумаге или заниматься теоретическими дискуссиями, они тоже выработали детальный комплекс идей о собственности и владельческих притязаниях прежних обитателей сибирских земель и об их постоянной роли в создании московского имперского пространства. Подобно англичанам, французам и испанцам, использовавшим сформированные в их культурах убеждения о том, как правильно заявлять и обосновывать права на землю в Новом Свете, московские землепроходцы и администраторы воспроизводили свое, исключительно русское понимание собственности и владения на сибирских просторах. Московские имперские обычаи демонстрируют глубокую и последовательную приверженность тем видам правовых и политических притязаний, которые были действенны в России того времени.

В XVI веке закон обязывал испанских конкистадоров зачитать вслух непонимающим, озадаченным индейцам официальный документ, *Requerimiento*^{*}, в котором объяснялось, что они должны немедленно подчиниться верховной власти Бога и короля или нести ответственность за последующие смерть и разрушение. Независимо от того, понимали туземцы содержание *Requerimiento* или нет, чтение выполняло легитимирующую функцию для испанцев. Французы для узаконивания своих завоеваний предпочитали вовлечь местное население в замысловатые церемонии принятия господства Короны и Бога. Одетых в яркие, красочные наряды туземцев каким-то образом упрасивали или вынуждали исполнить ритуалы якобы добровольного согласия и подчинения. Голландский и португальский способы заявления прав обычно были менее навязчивыми и интерактивными. Голландцы полагались на письменные документы: акты, разрешения, описания и карты, полные новых голландских географических названий. При этом они предпочитали покупку завоеванию, где только возможно⁵. Англичане обычно игнорировали права туземцев и устанавливали свое право собственности посредством военных действий и труда. Они огораживали и засеивали поля, чтобы доказать свое право на землю.

Русские понемногу включали в свою практику элементы каждого из этих подходов. Как и англичане, русские понимали законность имущественных прав, основанных на сельскохозяйственном труде, строительстве и огораживании. Карты земельных владений и показания из судебных дел в Центральной России явно свидетельствуют о том, что дома, заборы, межи и вспаханные поля — все это составляло доказательства прав на собственность, и это было справедливо как для самой России, так и для Сибири. Как было показано ранее, обладание посредством строительства городов, крепостей и церквей играло значительную роль в обосновании

* Требование (исп.) (Примеч. пер.).

прав Московии в Сибири. Как и голландцы, москвиты весьма полагались на документальные свидетельства, чтобы узаконить свои притязания, ссылаясь на указы и грамоты царя и приказы для подтверждения русских прав в какой-либо области. Как и испанцы, они обычно оглашали условия своего завоевания более или менее понимающей местной публике. У москвитов было преимущество перед испанскими коллегами, состоявшее в том, что их завоевание происходило на суше и затрагивало близлежащие территории, что позволяло найти опытных переводчиков по дороге. Ерофей Хабаров сообщал о своей миссии в Даурию:

И яз, приказной человек Ярофейко, велел толмачам своим тех князей розговаривать и под царскую высокую руку призывать, что-де «дайте государю нашему ясак и будьте во всем послушны и покорны, и мы вас не убьем, и станем вас оберегать, кто вам силен»⁶.

Тех, кто принял господство москвитов, заставляли участвовать в церемониях подчинения, как и местное население в первых французских колониях. Даже разноцветные одежды появляются в установленных москвитами ритуалах капитуляции, хотя здесь не туземцы, а русские надевали яркие платья⁷. Охотно или нет, племена исполняли ритуалы и давали торжественные клятвы, которые для москвитов означали подчинение и преданность. В Сибири участники предположительно понимали происходящее в большей степени, однако эти ритуалы обладания имели смысл не только, и даже, пожалуй, не столько для тех, кого принуждали в них участвовать, но и для тех, кто организовывал этот печальный фарс. Ритуалы владения, как и все обсуждение и осуществление колониального завоевания и присоединения, были в той же мере адресованы как внутренней аудитории, т.е. русским колонистам, пытавшимся найти смысл в том, что они делают, так и внешней — в лице покоренных и колонизированных народов.

Несмотря на известное молчание Московии по поводу теоретических или философских вопросов, летописцы и администраторы на окраинах империи включали идеи «человеческой географии» в свои комментарии, карты и распоряжения. Как и их коллеги в центральных уездах, они постулировали комплекс взаимоотношений на основании видимого владения землей. На колониальной периферии, как и в аграрном центре, пространственные притязания могут быть заявлены и подкреплены с помощью человеческих агентов, которые могут свидетельствовать о подлинности этих прав. Заселение пространства немедленно приобретало политическое и идеологическое значение. Роль, отводимая коренному населению в этом идеологическом заселении пространства, показывает в некотором смыс-

ле уникальные характеристики московского строительства империи. Когда московиты пытались исследовать, контролировать и представлять себе свои растущие сибирские владения, они должны были понять, какую роль коренные народы будут играть на трех главных уровнях: как участники экономической деятельности и владельцы имущества, как политические субъекты и как души в великой драме спасения. В каждой из этих областей ментальные категории и подходы происходили из идей и практик, общих для московской политики и культуры.

«ИНОЗЕМЦЫ ЖЕ ИНОЯЗЫЧНИКИ С ЖИЛИЩИ МНОГИЕ РОДЫ»

Население Сибири в первую очередь было смешанным, о чем наблюдатели никогда не упускали случая упомянуть и что сибирский картограф Семен Ремезов сам все время подчеркивал. Излагая цели своих картографических компиляций, он объясняет: «Сих же всех, аки в зеркале, в книге сей ясно видим и пространно чтем данных и неподанных, совестных и противных, о них же zde писание надлежит книга сия служебная чертежная»⁸. В «Хорографической книге» Ремезов пишет: «...иноземцев же иноязычников с жилищи многие роды под пресловущим высокопрехвальным скифетром в службе и в дани бесчисленно и неизчетно»⁹. Ремезову было недостаточно собрать вместе бесчисленных и неисчислимых иноземцев и иноязычников, и он дает подробные, длинные списки их названий и изображает их различные жилища на своих чертежах и иллюстрациях, каталогизируя их многообразие с великим вниманием к деталям. Во введении к «Служебной чертежной книге» он рассказывает о полученных им с сыновьями распоряжениях собрать все имеющиеся карты Сибири и составить новую карту:

В сей книге всея Сибири городов карты сняты с тех имянно и подлинно, и подписано наличие описанием разных земель, и украин, и стран с прилежащими жительство снискателное изображение городов и слобод, острогов и погостов, и ясачных городков и волостей розных язык: калмыков, мугалцов, татар и остяков, вогуличь, самоеди, якутов, тунгусов и братов, и киргиз ясачных и неясачных тоземцов, всяких урочищ, рек и озер, лесов, каменей и степей, и немирных родов кочевых переходных орд с прилежащими землями соседних жилищ внутренней всей Сибири и соседей округлых орд — татарской, башкирской, казачьи, бухарские, хивинские, барабинские, кыргызские, мунгуцкие, богдонские, китайские, даурские, брацкие, якуцкие, коряцкие, мангазейские, полукские, самоецкие, остяцкие, вотяцкие, чувашской и черемизской и копчашской¹⁰.

Подобным образом, когда Ремезов перечисляет свои источники, пытаясь подтвердить сведения, содержащиеся в его компиляциях, он включает не только «всяких розных чинов русских людей», жителей, землепроходцев, купцов, приказных людей и картографов, к которым он обращался, но также «и иноземцов иностранных жителей пришелцов в Тоболеск старожилов памятливых бывалцов». Каталогизируя своих информантов по отдельности, по русским городам, из которых они происходили, он перечисляет «казанцов, уфимцов, пермяков, усолцов, хевролцов, яренчан, устюжан, мезенцов, холмогорцов, корелцов, пинежан, новгородцов»¹¹. Не менее заинтересованный в разнообразии инородцев, с которыми он сталкивался, в одном из дюжины похожих уездных планов в «Чертежной книге» Ремезов обозначает территории юкагиров, чуванцев, анаулов, чукчей, ламутов, коряков, тунгусов и ходов¹².

Здесь, как и в описаниях природы, Ремезов более красноречив и многословен, чем другие служилые люди приграничных областей, но по тону и по сути он ничем не отличается от своих менее литературно одаренных коллег. Федор Байков так же подробно перечислял народы, их особые традиции и места обитания в рассказе о своем путешествии в Китай: «А на устье тоя реки Вагаю юрты татарские; а живут в тех юртах Тобольскаго города служилые татара». «А живет тут калмыцкой лама, подле Иртыша на левой стороне». «А в Кабан-Гусане поставлена мечеть калмыцкая: кирпичь жженой». «А в горах улусы калмыцкие, многие кочевные, Аблая-тайши... а в степи калмыки Аблаевы кочевые ж». Далее он упоминает Аблаевых оседлых земледельцев-бухарцев: «...а избы у них, в которых живут, глиняные»; говорит о монголах: «А у мунгальских людей язык с калмыками один, а тайши у них многие»; и о тюбейцах, живущих в Китае и говорящих по-монгольски, и т.д.¹³. Петр Бекетов, встречая «тунгусские, брацкие и мунгальские» народы, описывал их характеристики. Владимир Атласов подробно фиксировал обещания верности и дани «люторов»*, юкагиров, курильцев, камчадалов, неясачных оседлых и кочевых коряков и тех, кто передвигался пешком, на оленях и лошадях. Он тщательно проводил различия между этими народами. Про одну группу неясачных коряков он пишет: «...а питаютца они рыбою и аманатов не держатца». У камчадалов «луки усовые китовые», стрелы из камней и костей и нет железа. Атласов даже утверждал, что встретил пленника из «Узакинского государства» — предположительно, части Индии¹⁴.

Сами перечни могут передавать смыслы, как положительные, так и отрицательные. Историк Г.П. Федотов, говоря о «Поучении» Владимира Мо-

* Речь идет о коряках, живших на берегу Олюторского залива на северо-востоке Камчатки (*Примеч. ред.*).

номаха, великого киевского князя XII века, признает действенность перечней. Мономах «говорит о природе как о проявлении любящей доброты Бога. Он может только назвать все чудеса Божественного творения — солнце, луну, звезды и различных животных и птиц, но его непритворное восхищение переполнено радостью и нежностью»¹⁵. Подобное удивление и восхищение слышно в некоторых из этих реестров коренных народов Сибири, подчинившихся или обреченных подчиниться мощи суверенного царя. Старательные описания — вербальные и наглядные — различных жилищ разных племен иллюстрируют тот же интерес к каталогизации коренных народов и их обычаев. Карты и иллюстрации Ремезова усыпаны круглыми юртами, остроконечными шатрами, похожими на улья жилищами, мечетями и храмами. Его чертеж верховьев реки Тобол особенно богат изображениями разнообразных жилищ и священных мест (вклейка 25). На чертеже амурских земель изображены шатры абунутов и аргунов. Кружки обозначают монгольские юрты, а красные квадраты и укрепленные заставы указывают на русские поселения (вклейка 26). На иллюстрациях в его «Летописи» представлены более детальные версии таких же шатров, юрт и мест поклонения, которые появляются на его картах (рис. 7.1). В упомянутом ранее посвящении к «Хорографической книге» три приносящих дань местных жителей, которые стоят на коленях, предлагая шкуры животных русской короне, одеты в отличительные, характерные наряды. «Сибирец», русский сибиряк, наблюдает за уплатой дани, стоя на коленях, но выпрямившись, держа в одной руке якорь в подтверждение своих заслуг землепроходца и охотника (рис. 7.2)¹⁶. Подобное внимание к изображению различий между плательщиками ясака очевидно в «Летописи» Ремезова (рис. 7.3 и 7.4). И дело не в их этнографической точности; важно то, что Ремезов, несомненно, приложил усилия к тому, чтобы сделать различия наглядными.

Не все каталоги завоевания переполнены радостью и нежностью. Доклады с мест навешивали на целые племена и группы ярлыки «воинствующих», «немирных» (т.е., еще не подчинившихся), а иногда «противных» и «нечистых». Они объединяли коренные народы под широкими названиями «иноземцы» или «туземцы», «иноязычные» и «иноверцы». Они поносили невыносимых и нераскаявшихся язычников — глухих, упрямых и неграмотных, которые пили гнилую рыбную воду и необъяснимо противились подчинению царю. По мнению Слёзкина, москвиты рассматривали этих различных «иных» как глубоко чуждых, культурно неудобоваримых, как и их гнилая рыбная вода, людей, которыми нужно править и которых нужно подчинять, но не ассимилировать¹⁷. В соответствии со своим отношением к религиозному обращению москвиты явно не задумывались о русификации своих новых подданных. Смешивая термины и ка-

Рис. 7.1. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 16. В своей «Летописи» Ремезов проводит различия между жилищами различных народов; здесь мы видим шатры татарского поселения Кызл-Тура.

тегории, они объединяли сибирские народы в одну массу под нелепыми религиозными ярлыками, такими как «бусурманское скверное агарянство», или говоря, что у них «веры никакой нет». В составлении перечней и подчеркивании категорий различия москвиты были так же склонны к деструктивному обобщению и презрению, как и все остальные.

Карты, составленные западными коллегами Ремезова, картографами имперской экспансии в Новый Свет в XVI и XVII веках, характеризуются несколькими различными подходами к обитателям территорий, на которые они предъявляли права. На многих картах коренное население от-

Рис. 7.2. Фрагмент посвящения к «Хорографической книге». Л. 8. (С разрешения Библиотеки Хоутона, Гарвардский университет.) Коленопреклоненные плательщики дани.

сутствует вовсе, а новые земли изображены пустующими и доступными. Хорошим примером является составленная примерно в то же время «Карта Вирджинии, исследованной до холмов, и ее широта: От $35\frac{1}{2}$ градуса рядом с Флоридой до 41 градуса: Границы Новой Англии» (1651). В тексте объясняется, что «у голландцев есть плантация, и они ведут большую торговлю мехами. Река, на которую лорд Плойден имеет патент и называет ее новым Альбионом, но там расположились шведы и ведут большую торговлю мехами. Плантация лорда Балтимора начата в 1635 году; плантация сквайра Йерлейса; шведская плантация; голландская плантация». Лишь кролики, птицы и лисы обитают на незаселенных землях, где ничто не мешает европейцам конкурировать между собой (рис. 7.5). Другие картографы не убрали местных жителей, а для обозначения конкретной территории изображали декоративные фигуры в перьях, полностью или частично обнаженные. Добавляя фигуры местных жителей, европейские картографы обычно отделяли их от местности. На печатных картах туземцам отведено место в углах, как декоративным виньеткам, что добавляет произведению оттенок экзотичности и, возможно, свидетельствует о достоверности. На многих западных картах Нового Света детально изображены сцены жизни туземцев, но они вырваны из местного

Рис. 7.3. Ремезов С.У. Краткая сибирская летопись. Ст. 9. Иллюстрации в «Летописи» также тщательно фиксируют этнографические различия между покоренными народами. В этом изображении оленьих пастухов, возниц собачьих упряжек и всадников на верблюдах сохраняется типичная ремезовская география с югом наверху.

контекста, они нарисованы на воде, заполняя пустое пространство океана, часто в компании занятных рисунков — кораблей, ветров и морских чудовищ. На более искусных картах XVII века граверы добавляли этнографические фигуры, часто парами или семьями, создавая замысловатые обрамления по краям карт колониальных областей и оставляя сами земли свободными от присутствия коренных жителей¹⁸. Такие приемы широко использовались в картах Нового Света, сделанных западноевропейцами, хотя разные общества, с которыми они сталкивались, и разные культурные предпосылки, которые они с собой приносили, определяли разли-

чия между картами, созданными испанцами и португальцами в Мексике и Южной Америке, и картами, созданными французами и англичанами в Северной Америке¹⁹.

На ранних картах Новой Испании и португальской Бразилии иногда представлены местные жители, работающие на благо своих хозяев, но чаще изображены зловещие сцены поклонения идолам, человеческих жертвоприношений жестоким богам и поедания каннибалами друг друга²⁰. Эти сцены выбирались не случайно. Помимо придания сенсационности для потенциально широкой массовой аудитории, такое внимание к неестественному подчеркивало то, каким образом коренные жители грубо нарушали законы Бога и природы. Если бразильцы — каннибалы, то они сами лишили себя возможного естественного или гражданского права на земельную собственность, которую колонисты хотели заполнить²¹. На картах Новой Англии отображались совсем другие, менее ужасные сцены, но они служили той же идеологической цели — оправдать лишение коренных жителей их земель. Видя в основном кочевые обычаи североамериканских индейцев, английские колонисты рассуждали так: поскольку индейцы «только перемещаются по земле, как это делают лисицы и дикие звери», их земля «не занята и свободна»²². «Они не огораживают землю и не имеют оседлых мест обитания, нет у них и домашнего скота, чтобы обрабатывать землю». В заключение английские колонисты приходили к выводу, что «эта территория доступна любому, кто сможет и захочет ее возделывать»²³. Индейцы, несмотря на все свидетельства об обратном, не имели организованных гражданских обществ, не огораживали свои земли и не занимались на них честным трудом. На английских картах повторялось такое видение Нового Света. Хотя на них иногда и присутствуют крошечные вигвамы или дома, чаще индейцы изображены как дикари, занятые охотой, рыбной ловлей или плавающие на каноэ — явно кочевые занятия, столь же далекие от оседлой сельской жизни, как и лесные звери, сопровождающие их на рисунках²⁴. Чаще всего эти чем-то занятые индейцы находятся в океане или за пределами картографического изображения земли, на маленьких иллюстрациях-вкладышах. Иногда индейцы, которые охотятся, ловят рыбу или рубят деревья, изображены на земле, но эти этнографические сцены туземной жизни не имеют конкретного местоположения. Коренное население представлено на картах вне пространства и места, как ни к чему не привязанное украшение. Удачно согласуясь с европейскими идеями об отсутствии у коренных американцев оседлых жилищ и их неразвитых концепциях владения имуществом, карты подтверждали удобное предположение о том, что коренное местное население не представляет препятствий для колониальных притязаний на землю²⁵.

Хотя европейские исследователи и поселенцы редко изображали туземные поселения на своих картах, они обязательно собирали точные све-

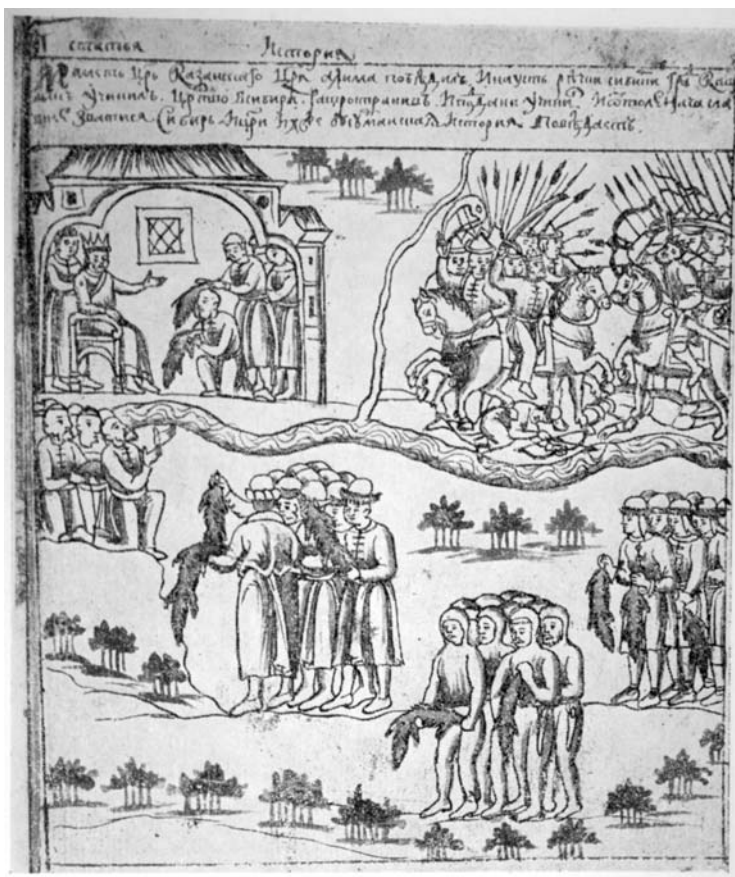

Рис. 7.4. Ремезов С.У. Краткая сибирская летопись. Ст. 17. В своем историческом описании Сибири до завоевания, Ремезов изображает отношение различных народов Сибири к сибирским ханам таким же образом, как он показывает платящих дань коренных жителей, когда они приносят меха представителям царя после похода Ермака.

дения. Очень часто исследователи публиковали рассказы о своих приключениях в Новом Свете, полные описаний и иллюстраций. Многие из этих публикаций до сих пор считаются ценными источниками информации о местных обычаях. Но они обычно отделены от самих карт, следовавших определенным традициям при изображении туземных народов. На картах колоний Нового Света часто можно увидеть надписи мелким шрифтом с названиями племен и обозначениями областей, но в целом они поража-

Рис. 7.5. «Карта Вирджинии, открытой до холмов, и ее широта: От 35S градуса рядом с Флоридой до 41 градуса: Границы Новой Англии», 1651. (С разрешения Библиотеки Уильяма Л. Клементса. Мичиганский университет.) Согласно этой карте, территория Северной Америки населена только пушными зверями и открыта для использования европейцами. Название и иллюстрации говорят о том, что конкуренция с другими европейскими колонистами представляет гораздо более важную проблему, чем наличие предшествующих прав каких-либо коренных жителей.

ют отсутствием визуальных средств для определения местоположения коренных жителей. В атласе мира Блау-младшего, например, на карте Венесуэлы отмечены «Indios de Perito» и «Indios Palenques»**, но в качестве иллюстраций на территории изображены огромные овцы, обезьяны и симпатичный красный попугай. Такая приблизительная, общая разметка территории резко контрастирует с аккуратными линейными делениями на

* Индейцы Перито (Примеч. пер.).

** Индейцы Паленквес (Примеч. пер.).

карте-плане земельных владений и границ английских владельцев колоний на Бермудах, основанной на съемке местности, осуществленной Джоном Норвудом в 1618 году²⁶. Общая тенденция для карт Нового Света — указывать названия туземных мест мелким шрифтом, но при этом обозначать красочными символами колониальные города. Так, на карте «Часть юридического округа Юкатан в Новой Испании» названы многие туземные места — Ксилотепек, Меститлан, Латеотлальпа, но только испанские города удостоены городской пиктограммы: Сьюдад-Реаль, Вальядолид²⁷.

Карта капитана Джона Смита 1612 года, напечатанная в его «Общей истории Вирджинии» 1626 года, необычна, хотя и не уникальна, тем, что на ней имеются крошечные указания на индейские поселения в виде миниатюрных символов домов и подписей с именами вождей или названиями племен: саскуеханнок, квадро, сеповиг. Текстовые и символические обозначения Смита настолько точны, что они оказались полезными для определения мест археологических раскопок индейских поселений. Однако в целом карта все равно производит стандартное зрительное впечатление более или менее незаселенной земли. На карте есть декоративные вставки в верхних углах, в которых нарисованы огромные фигуры индейцев. Слева Поухатан в головном уборе из перьев вершит суд перед едва одетыми туземцами, «когда капитан Смит был доставлен к нему пленником». Справа возвышается одинокий индеец, босой, одетый в шкуры, опираясь на дубинку и держа лук, еще больший по размеру, чем он сам. По сравнению с ним ландшафт выглядит карликовым. Огромный рост индейца объясняется в подписи: «саскуеханнок похожи на великанов и одеваются так». В подписях говорится, что крошечные символы обозначают «дома короля» и «обычные дома», но они почти незаметны среди насыщенной топографии карты²⁸. Конечно, среди этих примеров встречаются исключения, но обычно на колониальных картах раннего Нового времени избегали заметных наглядных изображений туземных поселений в месте их географического расположения (рис. 7.6).

В каждом из этих случаев испанцы и англичане, их политическое видение и отношение к распространению Евангелия создавали ментальную карту, а следовательно, и последующую фактическую социальную географию рассматриваемых территорий. Хотя карты вряд ли определяли политику, они отчасти формировали культурный и политический контекст, в котором создавалась политика и исходные предположения «здорового смысла» о контурах земли и отношениях с коренными народами. Испанская Америка оставила наследие почти единообразного католицизма на большом пространстве, хотя, учитывая несовершенный характер усилий

* Doctrinero — миссионер у индейцев (*исп.*). (*Прим. пер.*)

Рис. 7.6. «Общая карта Вирджинии» капитана Джона Смита 1612 года. (С разрешения Библиотеки Уильяма Л. Клементса. Мичиганский университет.) Индейцы упомянуты в текстовых комментариях, но изображены вне места: в океане или на отдельных картушах.

doctrineros^{*} и миссионеров, этот католицизм в значительной степени оставался номинальным, синкретичным или эклектичным на протяжении веков. Но на английских территориях, где миссионерская деятельность набрала силу только в XIX веке, индейцы в колониальных умах оставались неприятными, в корне чужими язычниками, что затем вылилось в устойчивую и длительную политику и практику переселения и искоренения.

Этнографические подробности у Ремезова передавали совершенно другую идею. Его юрты и мечети представляли население, имеющее определенное местоположение в пространстве и проживающее на идентифи-

* Doctrinero – миссионер у индейцев (исп.) (Прим. пер.).

цируемых территориях с распознаваемыми границами. Юрты помещались на чертежах для обозначения определенных поселений и их местоположения по отношению к другим объектам местности. Если Смит и его современники (Теодор де Бри приходит на ум в первую очередь) обычно отделяли свои этнографические иллюстрации — эскизы домов, навесов и ритуалов — от своих карт, то Ремезов поступал наоборот. Он часто добавлял разветвляющиеся реки Иртыш и Тобол снизу или в качестве фона на своих иллюстрациях эпизодов похода Ермака. С помощью такой схематичной географии он располагал сцены и действия в четко определенном и имеющем безошибочное географическое положение месте (вклейка 27). Ремезов на своих картах и в своих описаниях стремился каталогизировать и описать коренные народы, закрепляя их мобильность и разнообразие в установленных местах с помощью этнографических маркеров.

РАЗЛИЧИЯ НА КАРТАХ

С картографической точки зрения такое принятие и даже настойчивое утверждение различий очевидно в каждом аспекте составления карт, начиная с методов сбора сведений у туземных информантов и заканчивая способами представления мира на бумаге. Избегая выравнивающего «взгляда бога» — вида сверху, принятого большинством европейских картографов к концу XVI века, московиты картографировали свой мир с точки зрения участника-наблюдателя, находящегося на земле, и изображали географию различий во всем богатстве символов. Включение туземных географических знаний и принятие различий в составе империи также очевидны в сохранении — или попытке сохранения — местных топонимов. Московские карты сохраняли местные названия рек, гор и областей. Новые русские города чаще всего назывались по местным географическим названиям и объектам (Тобольск от реки Тобол, Енисейск от реки Енисей)²⁹. Несколько русских названий, такие как Березов и Красноярск, стоят особняком на картах XVII века, но в общем и целом топонимы сохраняют следы своего туземного происхождения. Московские летописцы, космографы и картографы с гордостью говорили о древности топонимов, которые они фиксировали. Ремезов с большой долей поэтической вольности объяснял, что «Византия — от Виза царя; Москва — по имени праотца Мосоха; Казань — от Казана царя, Сибирь — от Сибира царя»³⁰. В каждой из этих этимологий слышна похвальба древности и законности имперского происхождения без различий по религиозной принадлежности. Как наследница и преемница этих императорских мантий, Московия укрепляла свое положение и мощь, возвышая то, что существовало раньше.

Власть Московии происходила как идеологически, так и практически из разнородности земель и народов, приютившихся (или дрожащих от страха) под могучей державной рукой царя. Один лишь титул царя делал очевидным это имперское многообразие. На большой печати Алексея Михайловича, правившего в 1645—1676 годах, головокругительной спиралью вокруг имперского двуглавого орла перечисляются его титулы:

Божиею милостью великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всеа Руси, Самодержец Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Тверский, Огорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кочдинский, и всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств Государь и Обладатель³¹.

Первая часть списка напоминает об историческом «собрании русских земель», если использовать клише из учебников, рассказывающих о подъеме Московии. Одно за другим исторически независимые удельные княжества Руси — Владимирское, Новгородское, Псковское, Тверское, Рязанское, Ярославское, Нижегородское — поглощались единым государством с Москвой во главе. Мало-помалу царство росло, пока не поглотило первое полностью суверенное, полностью независимое, нерусское и неправославное государство — Казанское ханство, или царство, в 1552 году. По любым меркам московский правитель после этого заслужил имперский титул царя, который Иван Грозный уже присвоил себе за пять лет до того на коронации. К середине XVII века, когда Алексей Михайлович заказал свою большую печать, независимость и суверенность исторических княжеств были уже в далеком прошлом, но активно сохранялись во все удлиняющемся титуле — энциклопедическом хранилище прошлых завоеваний.

Карты, созданные для подтверждения московского господства в Сибири, сохранили тот же анахроничный перечень когда-то независимых, а теперь полностью интегрированных княжеств, царств, ханств и земель³². Как и титулы царей, карты отказывались делать русское имперское пространство однородным или единым, предпочитая фиксировать различия. Уже в XVI и начале XVII века, полагаясь, по-видимому, на русские источники географических сведений, западноевропейцы создавали карты России и Великой Татарии, на которых Москва была представлена как скопление княжеств, великих княжеств и уездов³³. Западная и русская картография

развивались в диалоге друг с другом. Различные сохранившиеся копии карты Годунова 1667 года (некоторые были сделаны западными картографами) представляют Сибирскую равнину в виде многочисленных этнополитических пространств, разделенных волнистыми чернильными линиями или естественно отделенных друг от друга разветвленными реками. Самоеды, «урлюковы», башкиры, калмыки, «мугалы», «саянцы», Аблаевы люди, «конташины» и остяки населяют территорию между Уралом и Великой Китайской стеной³⁴. «Общая карта Сибири и Великой Татарии», сохранившаяся в единственном экземпляре в Библиотеке Ньюберри в Чикаго, очевидно, является западной копией русской карты конца XVII века, на которой изображено такое же территориальное разделение народов Сибири³⁵.

Эти карты не только не стирали и не сглаживали различия, но выставляли их напоказ, даже когда это было всего лишь призрачное напоминание о далеком прошлом³⁶. Империя, когда бы она ни существовала, покоится на ощущении существенного различия между метрополией и колонией. Как указывает Рональд Суни в своих исследованиях России и Советского Союза более позднего времени, смежная конфигурация Российской империи создает постоянное противоречие между дифференцирующими импульсами имперского правления, которое осуществляет кардинально неравное и различное правление в центре и на периферии, и интегративными импульсами строительства нации, которое требует равенства и однородности всех подданных (или граждан)³⁷. Для москвитов это противоречие еще не было проблемой. О строительстве нации, которое опирается на основополагающие идеи равенства и идентичности граждан, еще не было и речи. Московское общество, как в центре, так и на окраинах империи, покоилось на принципах основополагающего различия и неравенства. И все же через различия по чину, старшинству, рождению, полу, почестям, религии и принадлежности общество формировало себя как единое целое, как государство. Русские четко осознавали свою рускость и нерускость тех, кого они встречали на своем пути на восток, но это острое чувство отличия не являлось препятствием для включения в Московское царство. Сибирские карты, подчеркивая несходство и разделение, основывались на той же форме строительства государства, которая оказалась такой эффективной при создании Московского царства.

Семен Ремезов, как обычно, служит для нас лучшим проводником к представлениям, лежащим в основе московского имперского завоевания. Его особый интерес к разнообразию народов и их границам лежит в основе самого примечательного из его многочисленных чертежей, так называемой Этнографической карты Сибири (вклейка 28). Надпись на карте гласит: «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири, Тобольскаго города и

всех розных градов и жилищь, и степи». Это выдающаяся работа, лоскутное одеяло фантастических ярких цветов — оранжевого, коричневого, желтого, охристого и кремово-белого — с комментариями, сделанными черными чернилами. В картуше из цветов и листьев сказано: «Надписание об ординских землях».

Сей чертеж наличие земель написася между рек и урочищъ грани и межи сосед всех Сибирских городов сходство по рекам городов и иноземских волостей, и кочевых орд коемуждо роду и языку по кое урочище со соседями владение земли своей в предки, они бо из своих жилищь с родных границ не выступают и в соседские не вступаются, а будя ис котораго языка орды в которую землю вступат скотом или на промыслы, какова будя зверь уловить придут, и о сем меж ими чиница межуособье и грабление.

Ремезов объясняет, что сведения, отображенные на карте, получены от путешественников и жителей этих областей: «И сему по допросам в различии шаров и цветов учинен сей в наличии Сибирский чертежь сходство всей Сибири города Тоболска и всех розных городов жилищь и степи, и иноземских орд родов и язык вкруг облежащих сосед». Его «надписание» ясно обозначает задачу России в Сибири: «о них нам повести и чертежи в подсовоение ясаку належат»³⁸.

Эта карта любопытна во многих отношениях. Первое и, возможно, самое удивительное — это отчетливое территориальное разделение, которое наглядно демонстрируется контрастными цветами нарисованных на ней кругов и словесно подчеркивается невероятным утверждением Ремезова о том, что «они бо из своих жилищь с родных границ не выступают и в соседские не вступаются... скотом или на промыслы». Кто когда-либо слышал, чтобы кочевники так серьезно относились к границам? Они, несомненно, уважали территориальность, зоны господства и контроль над пастбищами. Но четкие территориальные границы не имели места в мире кочевников³⁹. Вместо того чтобы стирать присутствие коренных народов и превращать землю в пустую, девственную территорию, как это имели обыкновение делать европейские картографы на изображениях Нового Света, Ремезов и его товарищи в авангарде Московской империи приняли полностью противоположный подход: они преувеличивали как географическую стабильность, так и политическую идентичность коренных народов. Сибирь в основном населяли кочевники, которые следовали за стадами северных оленей пешком или на нартах, а южнее — за стадами овец и коров верхом на лошадях и верблюдах. Границы, которые Ремезов так четко описывает и изображает жирными черными линиями, были пло-

дом политического воображения постороннего. Ремезов подчеркивает неизменность и нерушимость степных границ даже там, где постоянные перемещения и передвижения, сражения и слияния племенных группировок делали такую неподвижность в лучшем случае невероятной. В результате этническая группа натурализовывалась и получала пространственное определение⁴⁰.

Помимо того, что на этом чертеже устанавливались фиксированные географические границы для подвижных сибирских племен, последние получали также видимость автономного политического статуса. Если западные карты и описания обществ Нового Света продолжали твердить об отсутствии у индейцев социальной и политической организации, то объединения, так отчетливо изображенные на чертежах Ремезова, не только были наглядно представлены как политические единицы наравне с Московией и Китаем, но и получали этот статус даже перед лицом свидетельств об обратном. Ряд объединенных, независимых «земель» на чертеже был фикцией. Описания кочевой организации, сделанные на местах, дают совершенно иную картину, в которой люди были организованы в функциональные или небольшие социальные единицы, состоящие из восьми или десяти семей, или в более свободные улусы, состоящие из приверженцев определенного вождя. В отчете об одной из экспедиций Атласова 1696/97 года описывается, в каком масштабе коряков приводили в повиновение царю. Его отряд, потребовав ясак в виде меха рыжих лисиц от поселения из «человек ста с три и больши» оседлых коряков, продолжил искать вероятные цели: «И недошед Камчатки реки, наехали неясчных оленых коряк 2 юрты, и ласково их под царскую руку призывал...» (Дальше рассказывается о потрясающей жестокости, часто следовавшей за такими «ласковыми» приглашениями⁴¹.) Подобные маленькие сообщества семей — две юрты, горстка людей или даже небольшая деревня с сотней жителей — обеспечивали гораздо более практичную форму социальной организации для скитальцев по замерзшей тундре, чем традиционные этнические сообщества, создаваемые на чертежах Ремезова. Дело не только в том, что социальные объединения в тайге и тундре были маленькими. Политические сообщества были непостоянными и перемещающимися. Такие объединения обычно оказывались «недолговечными и непрочными», не такими, как цельные, формальные этнонациональные сообщества, изображаемые на картах⁴². Союзники и подданные могли раствориться гораздо быстрее, чем лед на холодном Севере, и группировки постоянно менялись, но эту текучесть трудно обнаружить в четко очерченных этнотерриториальных единицах Ремезова.

Интерес Ремезова к четким, определенным границам отражает довольно новую озабоченность государства межеванием и превращением окра-

ин в границы. Концептуальный сдвиг происходил медленно, длительно и постепенно. Этот процесс на Пиренеях описывает Питер Салинс, а для русского случая — Майкл Ходарковский⁴³. Ремезов отражает промежуточный момент, когда явно существовали конкурирующие термины: окраина, граница, межа, — но их оппозиция понималась нечетко, а направление будущего развития еще не было определено. Границы имели значение, и действительно, Ремезов сообщает, что царь поручил ему заняться «описанием разных земель и украин и стран», но оставалось неясным, о каких «украинах» (границах) шла речь⁴⁴. В ремезовском мире ярких лоскутов само разнообразие, свободно подчиняющееся России, делало ее богаче и подкрепляло ее притязания на имперское величие.

Не менее интригует используемая Ремезовым терминология. Больше всего восхищает название, которое он дал большому открытому пространству, расположенному в самом центре чертежа: «Великая Татария высокога холма и всей внутренней Сибири. А в ней грады: главный град Тоболеск со многими уезды Тара, Тюмень, Туринск, и великими яшашными Татарскими». За пределами его любимого Тобольска каждый цветной круг систематически обозначается буквой «З», что означает «земля». «Мордовска земля», «Земля Золотой Орды», «Земля казачьи орды», «Земля кыргыз белых и черных», «Земля немирных самоеди», «Земля Великия Московии», «Земля царства Китайскаго». Что это за «земли» или что они значили для Ремезова? Этот вопрос несколько озадачивает. Китай называется царством, так же как и Царство Гиляцкое (расположенное на материке у Тихоокеанского побережья, а не на острове Сахалин, который стал носить это название позже) и Царство Бухарское (Бухара). При этом Московия изображена лишь как набор «земель» — земля Великой Московии, Владимирская земля, земля Золотой Орды, Пермская земля — без какой-либо объединяющей границы или обозначающего собирательного существительного, которые показали бы, какие части принадлежат ей, а какие нет. На этой карте Москва даже не удостоилась названия «царство», как Китай. Ремезов, по-видимому, считает Китай мощным, единым территориальным образованием, о чем говорят его изображения Великой Китайской стены и славного града Китая, или Пекина. Визуально Китай изображен на всех чертежах Ремезова и чертежах его русских коллег-картографов в виде четко очерченного государства (вклейка 29). Ремезов усиливает это впечатление в своем описании «славной и великой стены, которая вокруг Китайского государства от великие реки желтые до окиана-моря делана»⁴⁵. Московия занимает гораздо более туманное геополитическое пространство, и так и должно быть. Даже на тех чертежах, где Ремезов поднял Москву до статуса «царства», наряду с Китаем и Гилякией, и даже окружил столицу сияющим красным венцом, аура царства, судя по всему, распространяется лишь

на область древнего Московского княжества. Это неопределенное образование, именуемое Московским царством, по-видимому, простирается не дальше Волги, которая служит визуальной границей. При этом отсутствуют какие-либо намеки на имперские устремления⁴⁶. В конце XVII века, когда работал Ремезов, более расплывчатое обозначение земель как мирных или немирных, ясных или неясных, вероятно, более способствовало пониманию матрицы земель и народов, которую мы предпочитаем не задумываясь называть «Российской империей».

Более того, возвращаясь к самой карте, посмотрим, где именно находится Московия. Где заканчивается Московия в своем продвижении на восток? На этнографической карте изображена аморфная политическая география государств, разделенных внутренними границами, и империй, распадающихся на отдельные, неопределенные пространства. Какие из многих «земель», многочисленных оранжевых и желтых лоскутов, принадлежат Российскому царству? Этот вопрос как будто вовсе не беспокоит Ремезова. Но почему нет? Если этот служилый человек из Тобольска, государственный картограф, официальный выразитель московских имперских и православных проектов не был заинтересован в определении границ московского владычества, то кто же тогда был заинтересован? И если автор светской агиографии Ермака представляет геополитическую таксономию, в которой все территории равны и все они (за исключением не имеющих ничего общего Китая, Бухары и Гилякии) неизменно называются «земли», то о чем нам говорит этот поборник московского православия и империализма?

Следует заметить, что в своем неопределенном использовании границ Ремезов не был уникален. Его географическое видение основывалось на картографических традициях соотечественников и на более ранних европейских обычаях, с которыми он познакомился во время своей работы в Москве. Такого же рода уравнивание политических единиц было типично для печатных карт, созданных в Западной Европе до середины XVII века. Джон Хейл в главе, посвященной европейской картографии эпохи Возрождения, отмечает, что отчетливые обозначения национальных границ поздно возникли на картах. «Лишенные обозначений национальных рубежей до конца [XVI] века, [карты и атласы] создавались не для политического прочтения»⁴⁷. Отодвигая дату еще дальше, Питер Салинс отмечает в своем исследовании формирования границ в Пиренеях, что «обычно на печатных картах XVII века пунктирные линии, отделяющие Францию от Испании, были неотличимы от линий, разделяющих административные единицы внутри самой Каталонии». Однако с помощью акварели издатели могли превратить природные границы в государственные: «До самого

конца XVII века на картах обычно не различались границы провинций и государств. И те и другие изображались неотчетливо пунктирными или прерывистыми линиями. Но горы часто исполняли роль политических границ, и издатели нередко выделяли цветом те горные гряды, которые служили разделом различных территорий»⁴⁸. Однако в колониальных условиях политика территориальных притязаний и владений была достаточно важной, чтобы дать издателям основания для выделения границ империи каждого монарха. На картах Нового Света конца XVI — начала XVII века нанесенные вручную краски часто (хотя и не всегда) отделяют друг от друга колониальные территории, на которые претендовали различные европейские державы.

Ремезов и его русские коллеги на местах не следовали этой практике. Нигде на московских чертежах мы не находим указаний на «государственную» или имперскую границу. Вместо этого московские картографы непреклонно следуют более ранней традиции размывания или стирания различий между главной и подчиненными единицами, оставляя неясным вопрос главенствующей территории. На сохранившихся копиях карты Годунова (рис. 5.4 и вклейки 18 и 20) имеются граничные линии, которые отделяют Пермские земли от северных русских земель (Холмогоры, Архангельск, Печора), а калмыков — от кучковых и бухарцев. Подобные границы отделяют Сибирскую землю от безымянной области, протянувшейся вдоль Амура, примерно от Нерчинска до Тихого океана⁴⁹. Мы привыкли к картографическим традициям, согласно которым границы различаются в зависимости от того, что они разделяют: страны, штаты, провинции или районы. Здесь границы — это границы, независимо от того, какие единицы они определяют.

В своих текстовых описаниях исследователи и завоеватели Сибири отражали подобные представления о московском имперском правлении как о несколько аморфном и многослойном явлении. Та же гибкость геополитической номенклатуры и концепций «встроенной» верховной власти очевидна в докладах исследователей и военных XVII века. Иван Петлин перечисляет каждую «землю», «царство» и «улус» (территорию князя или вождя кочевников) между Центральной Сибирью и Китаем, но ни разу не упоминает пересечения границ до тех пор, пока не достиг самого Китая⁵⁰. Его соотечественник Федор Байков перечислял скорее народы, а не земли, и для каждой группы указал, для кого они пашут землю или кому платят дань⁵¹. Атласов дифференцировал народы как мирные и немирные, но не пытался классифицировать территории по тому же принципу или высказывать суждения о политической принадлежности областей. Политические отношения остаются такими же неточными и персонализированными в рассказе Петра Бекетова о его попытках «приводить немирных землиц

людей под государеву царскую высокую руку, и привет к ним и ласку держать, и ясак с них на государя имать»⁵². Похоже, никто особо не интересовался изучением конкретного содержания царской «ласки» или точного статуса тех, кто находился «под государевой высокой рукой».

Ремезов и его коллеги—агенты империи не считали «империю» единым политическим образованием с четкими формой, определением и границами. Они также не пытались замаскировать резкие различия в пределах империи⁵³. Скорее они видели имперскую власть как широкий и растущий охват, что удачно подкреплялось постоянно используемой метафорой «государевой руки». Некоторые территории действительно являлись частью этого охвата, приютились ли они под этой рукой (как Тобольск) или были зажаты ее хваткой (как Сибирское ханство Кучума, разоренное нападением Ермака). Другие извивались под самыми кончиками пальцев, отдавая меха, когда пальцы их касались, при любой возможности увильвая и сбегая.

Пытаться назвать все эти варианты одним именем или изобразить их в виде единого политического пространства означало бы уходить от реальности. Ремезов мог обоснованно отграничить земли, принадлежащие другим «великим державам», что он и делает, изображая Великую стену, но на лоскутном одеяле мирных, немирных, ясачных, неясачных, верных и неверных племен и народов Сибири такая граница не имела бы смысла. Находясь на переднем краю продвижения Московии и будучи прекрасно знакомым с меняющейся политической топографией региона, Ремезов понимал свою миссию как имперскую в самом истинном смысле слова — т.е. как приведение различных автономных обществ под «государеву цареву руку» без гомогенизации, ассимиляции или русификации. С учетом разной степени вхождения в империю и преданности Российской короне, пестрая сегментация Ремезова начинает казаться более точной, чем аккуратные разделения суверенных государств. Этнографическая карта Ремезова совершенно противоположна современной национальной тенденции стирать внутренние различия и создавать объединяющий логотип из упрощенной формы государства (кухонные прихватки в форме Мичигана, магниты на холодильник в форме Техаса, знакомые очертания США, изображенные на бейсболках и футболках)⁵⁴. Ремезов, работавший в другую эпоху и поглощенный совершенно другим имперским проектом, полностью опускает контур империи, при этом отчетливо очерчивая внутренние различия и даже создавая их, когда в действительности разница недостаточно заметна.

Позднее Британская корона будет гордо наносить на карту свою империю, в которой солнце никогда не заходит, своим фирменным розовым цветом, обозначая ее пространство как полностью и целиком британское. Уже на европейских картах XVI и XVII веков мы видим жирные цветные

линии границ, отделяющие Новую Испанию от Новой Франции и Новую Англию от Новой Голландии. Верный картограф московских просторов предпочел свою палитру оранжевого, рыжего, желтого, охристого и коричневого, чтобы представить богатое разнообразие земель и пространств, завоеванных, подчиненных, номинально контролируемых царем, сопротивляющихся ему или потенциально доступных. В московском политическом исчислении территориально и этнически различающиеся части карты правильно отражали русские имперские притязания. Акт воображения, необходимый для дифференциации этих сегментов, очень удачно дополняет отсутствие ясного статуса различных подчиненных частей, создавая иллюзорную московскую империю, протянувшуюся лоскуток за лоскутком через всю карту, ограниченную в своем охвате только Великим морем-океаном и неоспоримой китайской государственностью. В своем представлении колониальных различий Ремезов демонстрирует, как глубоко его культурные корни находятся в московской почве, а не в привезенном дерне западно ориентированных культурных реформ Петра. Имперское величие покоилось не на внушительном единообразном гегемонистском контроле, а на строительстве как можно более широкого и пестрого государства, охватывающего как разнородные земли и народы, так и различные отношения подчинения.

ИМПЕРИЯ ДРУГОГО РОДА

У московитов были свои уникальные способы представления задач империи, ее оправдания и целей. Эти способы основывались и согласовывались с идеями о провидении, ландшафте и собственности в самой России. В высокой степени согласующиеся между собой различные голоса самых разнообразных источников — от официальных указов до церковно-литературных хроник, грубо нарисованных чертежей и докладов с мест, составленных дипломатами, землепроходцами и солдатами, — позволяют сделать некоторые обобщения относительно московской теории империи.

Московиты пребывали в счастливом убеждении, что их имперский проект пользуется божественным благословением: это избавляло их от хлопот, связанных с оправданием своих колониальных инициатив перед самими собой и другими. Российское царство было христианской империей, независимо от религиозной принадлежности подчиненных народов. С такими убеждениями царский режим и его передовые агенты в степи могли с чистой совестью брать пленников, стрелять в сопротивляющихся и заявлять о своем господстве. В то же время они могли терпимо относиться к многочисленным культурам, религиям и политическим требованиям,

которые, возможно, обеспокоили бы колониальный режим, менее уверенный в присущей ему святости. Именно благодаря присутствию в Сибири религиозно чуждого населения русское продвижение приобретало такое положительное христианское значение.

Важнейшим аспектом московской концепции империи был процесс формирования из коренных народов отличительных — в пространственном, политическом и культурном смысле — объединений, которые могли воздать должное христианскому царю. Для этой цели русские картографы, летописцы и администраторы пытались установить связь между коренным населением и данной территорией. Будучи общественными устройствами, племенные группы и княжеские владения получали форму и статус «земель» на страницах чертежей и атласов, где они были зафиксированы в пространстве и ограничены. В своих многочисленных, следующих один за другим титулах великий государь заявлял права на каждую территорию отдельно, не заботясь о различии общественного устройства или степени контроля, который он над ними осуществлял. На окраинах империи картографы, сборщики дани, ратные люди и охотники воспроизводили и расширяли этот процесс исторического приращения, изображая Сибирь как лоскутное одеяло из племенных групп, а царь с радостью прикреплял каждое последующее название к своему официальному титулу. Каждая земля и каждый народ, в свою очередь, способствовали созданию и легитимизации Московской империи, подчиняясь поборам государя и таким образом объявляя и закрепляя его права на обладание ими. Как объясняется в одной космографии XVII века: «Имать же под собою и Сибирскую всю землю с прилежащими к ней ордами, и царство Казанское, и Астраханское, яже прияша от поган, и к ним прилежащая многоразличныя роды татарские, нагайские, и колмыцкие, и черкаские, и черемысу, и мордву, и иных поганских народов немало, и сих имуть в повиновение, с них же и дань емлют»⁵⁵. Из-за такого агломератного способа строительства империи москвиты должны были предоставить степным улусам некоторую степень автономии и неприкосновенности или вообразить такую автономию и неприкосновенность, если они не существовали. Без составляющих единиц, то есть ярко раскрашенных кругов, обозначающих земли и народы, никто не смог бы засвидетельствовать царскую власть и невозможно было бы установить реальность царского владычества.

Устанавливая присутствие различных народов и вероисповеданий в ландшафте, эти агенты приграничных территорий включали коренные народы в знакомую логику прав и владения собственностью. Колониальные агенты предъявляли права на новые земли в Сибири так же, как они предъявили бы права на земельную собственность в любом другом месте Московии. Владение в широком смысле утверждалось и подтверждалось

присутствием подчиненного населения со своими собственными вескими правами на землю. В центральных областях, заявляя права на земельную собственность, московские землевладельцы обращались за поддержкой к своим подданным — крепостным и холопам, которые жили на земле и обрабатывали ее. Делая крестьянские дома хорошо заметными на своих картах, записывая крестьянские свидетельства в судебные протоколы и по краям чертежей, покрывая обратную сторону чертежей крестьянскими подписями, подтверждающими истинность их показаний, спорящие землевладельцы утверждали свои права на определенные участки земли, показывая, что их крестьяне обрабатывают землю и платят им пошрины. Без подтверждения проживающих там крестьян законные права было гораздо труднее установить. Та же экономическая и пространственная логика была свойственна московским колониальным притязаниям. Агенты империи требовали, чтобы коренные жители и работали на земле (охотились и снимали шкуры с диких животных), и подтверждали царские притязания на господство. Как и пресловутое дерево в лесу, московские имперские завоевания в степи должны были быть засвидетельствованы и удостоверены, чтобы стать реальными. Их должны были подтвердить реальные люди, которые могли продемонстрировать повинование и сделать наглядной реальность московского имперского господства. Поскольку в регионе не было другой крупной державы — конкурирующей империи, с которой Московия сталкивалась бы на границах, тем самым укрепляя их, москвитам нужно было участие завоеванных народов, чтобы сделать законным и реальным существование своей империи³⁶. Чтобы иметь возможность заявлять и доказывать свое господство, московским завоевателям нужно было декларировать и конкретизировать местные сообщества с определяемыми географическими рубежами, а при необходимости — даже изобретать национальные государства с их границами. Они обнаружили удобную логику предъявления прав в практиках и обычаях крепостного права и землевладения на русских землях и перенесли ее практическую часть на свои новые сибирские владения.

Многоуровневые коллективные притязания на землю в центре России также оказались полезны для имперского контроля в Сибири. Как мы видели, недвижимое имущество в Московии обычно раздавалось и находилось в собственности на основании принадлежности к группе людей, имеющих права на конкретные поля и пастбища. Определенная земля принадлежала посадским людям Серпухова, крестьянам монастырской деревни, пушкарям или стрельцам местного гарнизона, и в зависимости от этого карты земельных владений изображали собственность, поделенную на коллективные наделы, каждый под своим названием. Решительные требования групп людей служили для подтверждения справедливости владения и исключения посягательств представителей других групп. Сибирь-

ские карты переносят эту логику на все евразийское пространство, разделяя обширную территорию на земли различных племенных или национальных групп, которые владеют «земли своей в предки», никогда «из своих жилищ с родных границ не выступают» и никогда «в соседские [земли] не вступаются... скотом или на промыслы»⁵⁷. Геополитическая логика, постулирующая эти коллективно укорененные, территориально идентифицируемые единицы, обеспечивала на первый взгляд естественное положение в империи для земель и народов, которые были неразрывно связаны.

Конкретное понимание того, что делает требование законным в данной ситуации, во многом определяло то, каким образом колониальные практики влияли на жизнь коренных народов. Довольно удивительным образом, несмотря на безжалостное и жестокое исполнение, московские модели имперских посягательств на землю делали возможным широкое предоставление прав и всеохватывающее присоединение нерусских подданных, возможно более всеохватывающее, чем имперские представления и практики большинства западноевропейских колониальных держав того времени.

Московская традиция беспорядочных, явно пересекающихся требований облегчала путь к включению в состав империи. Многоуровневое владение не представляло непреодолимых проблем, а было скорее нормой. Московский идеологический каркас поддерживал курс присоединения, который не требовал полного лишения коренных жителей их собственности. Они могли оставаться более или менее на своих местах, под покровом растущих русских притязаний. Подобно крепостным и другим подчиненным держателям земли в центре России, коренные жители, претендующие на землю, были вынуждены принять новые границы и условия на земле, которая когда-то принадлежала только им. Они оказались ограничены в передвижении, и часть их земель отдавалась постоянно прибывающим русским поселенцам. Однако важно то, что их права на земли не отменялись полностью, и их форма землепользования не лишалась силы идеологически — росчерком философского или картографического пера.

Политически и экономически москвиты строили свое имперское видение из партикуляристских кубиков. Географическое видение, которое они принесли в свое завоевание, заставляло их не изгонять и истреблять, не обращать и гомогенизировать своих подданных, а скорее подчинять, локализовывать, каталогизировать и эксплуатировать их. В России раннего Нового времени, как и везде, ментальные конструкты преобразовывались в реальную политику и практику, оставляя народы и вероисповедания на своем месте на земле. Будучи интегрированы в царское государство через общее отношение подчинения и прощения, подданные империи сохраняли и даже укрепляли свое состояние отличия от целого. Московское по-

литическое воображение требовало присутствия исповедующих иную религию *иноверцев*, этнически особых *инородцев* и проживающих на иных территориях *иноземцев* для создания понятной империи, которая обеспечит правдоподобное, убедительное свидетельство могущества царя.

Во время недавнего подъема научных исследований о судьбах наций при советском режиме укрепилась идея о том, что Советский Союз, погубив некоторые нации, активно создавал другие, не существовавшие ранее⁵⁸. Можно сказать, что московская имперская политика в каком-то смысле несколькими веками ранее предугадала это движение, создав идентифицируемые нации с этническими эпитетами и четкими границами в попытке разобраться в аморфном, мобильном, кочевом населении и пугающе пустых, неопределенных пространствах Сибирской земли. При этом идеологически она смогла наполнить эту почти совершенно пустую землю подчиненными народами, которые с благодарностью подтверждали господство великого царя надо всеми составляющими частями империи. Когда подчиненные народы признали владычество царя, он, в свою очередь, признал их как своих подданных и приемных детей, которых он будет облагать налогами, защищать и подсчитывать, как золото и сокровища. Наслаждаясь таксономией наций под своим властным скипетром, царь напоминал себе и другим, что он был, согласно еще одному варианту формулы, не меньше чем «государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, государь Псковский, и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Перский, Вятский, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и обладатель всеа Сибирские земли и великие Оби, и Северные страны повелитель и иных многих земель государь»⁵⁹. Будучи добавлена в уже длинный список русских княжеств, поглощенных с течением времени, Сибирь с ее пестрым и скрупулезно каталогизированным населением предстала как еще одна отдельная, но неотъемлемая часть Московского царства.

ПОД ГОСУДАРЕВОЮ ВЫСОКОЮ РУКОЮ: КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПОДДАННЫЕ И ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВИИ

В отношении подчиненных земель и народов московские правители, администраторы, картографы и служилые люди действовали в рамках концептуальной схемы, объединяющей все темы, затронутые в этой книге. В последней главе мы переходим от земель, изображенных на колониальных картах, к людям, жившим на этих землях, и рассматриваем то значение, которое включение в царскую империю имело для коренного населения. В буквальном и переносном смысле сибирские племена были занесены в чертежные книги империи, а их имена и обязанности были зафиксированы в реестрах и списках подданных царя. Колонизация подвергла завоеванные народы чрезмерному насилию, экономическим и политическим притеснениям и суровым психологическим и физическим лишениям. Даже при поверхностном знакомстве с источниками, рассказывающими о завоевании Сибири, невозможно не заметить печальные свидетельства жестоких столкновений русских с местными жителями. Шедшие в авангарде завоевания ратные люди и землепроходцы жгли, кололи, стреляли, били, похищали, порабощали свои жертвы и лишали их имущества, и в своих отписках воеводам без угрызений совести демонстрировали жестокость, с которой они осуществляли имперское дело. Организационное и культурное неравенство было встроено в саму структуру имперского правления.

Но, как имперский владыка, царь не мог полагаться только на чистое принуждение, и поэтому вырабатывались различные практики для включения коренных сибиряков в империю и для обеспечения их преданности и стабильной уплаты ясака. По мере того как завоеватели и картогра-

фы затыгивали континент в сеть империи, коренные жители тоже оказывались в этой сети, и их статус менялся. Из немирных, неясачных иноземцев они превращались не просто в мирных и ясачных, а в московских подданных, «сирот» царя, со всеми вытекающими из этого печальными последствиями и скромными преимуществами. В то время как глубокое изучение колонизации, с точки зрения колонизированных, остается далеко за пределами данного исследования, в этой последней главе мы сделаем хотя бы один шаг в этом направлении, изучив положение коренных народов как подданных царя. Карты только изредка фигурируют в этом анализе, но пространственные концепции статуса человека, выявленные в этой книге, формировали способы понимания московскими колониальными властями своих отношений с колонизированными народами и таким образом формировали опыт колонизации у коренных сибиряков.

Определяющие условия московских имперских амбиций лаконично изложены в отписке Петра Бекетова о его миссии к озеру Байкал.

И велел им сказать государево жалованное слово, чтоб они, братцкие и тунгусские люди и мунгалские люди, были под государевою царскою высокою рукою и жили бы по своим урочищам по Селенге реке, и на Байкале озере, и по Килке реке безстрашно, от государевых бы служилых людей не бегали¹.

В этом насыщенном отрывке переплетаются все важные составляющие царской политической теории. Бекетов говорит о сибирских народах как о коллективных единицах, этнотерриториальных сообществах с четко идентифицируемыми географическими границами, определяемыми природными объектами. Когда эти народы входили в империю, они оставались в своих естественных границах, составлявших их пространственную идентичность. Как крестьяне и посадские люди в Центральной России, они получали некоторые минимальные гарантии и права благодаря связи с определенными местами. Внутри своих границ они могли в принципе жить «безстрашно», в безопасности, под защитой и контролем. Земля могла находиться одновременно во владении собственников разного уровня. Коренные жители продолжали ею владеть по праву традиции и по праву официального пожалования от государя, а государь владел ею по праву завоевания, подтвержденному клятвой повиновения, принесенной местным населением. Как подписи свидетелей-крестьян, заполнявшие края имущественных чертежей в московских судах, так и рисунки якутов заполняют страницы за страницами ясачных договоров и клятв, подтверждающих и делающих законным господство над ними царя. С помощью примитивных изображений людей, лодок, животных,

оружия и вооруженных воинов обитателей Дальнего Востока заставили наглядно подтвердить свое присутствие на земле и власть над ними русских завоевателей². Без голосов мужчин и иногда женщин, действительно живших на этой земле и обрабатывавших ее, притязания на владение землей оставались слабыми и могли быть легко оспорены. Взаимное подтверждение многоуровневого владения связывало царя и подданных совместным правом на землю.

При наилучшем развитии событий, через «государево жалованное слово», местные жители интегрировались в Московское государство, как остальные подданные царя. «Жалования» включали выплаты деньгами и натурой, но также подразумевали военную и судебную защиту, защиту прав на землю и средства существования и милосердное правосудие. Конечно, была понятна и обратная сторона «жалованного слова». Оказавшись «под государевою высокою рукою», новые подданные испытывали тяжелое бремя пошлин и обязанностей и приписывались к своим традиционным землям. Когда в 1623 году служилый человек Ждан Козлов отправился на разведку в «Братские земли»*, с тем чтобы подчинить жителей, ему были даны приказы склонить «братских людей» на свою сторону обещаниями милости царя и «всякими мерами проведывати». Убедившись в их преданности и в том, что они будут платить ясак, он должен был выдать им царские «жалования» и отпустить их «тотчас в свою землицу»³. Согласно этому идеалистическому представлению московского колониализма, завоеванные народы продолжали жить свободно, в пределах своих естественных границ, в соответствии со своими традициями, «безстрашно» и входили в большое царство как приемные дети царя, обязанные подчиняться и имеющие право на милосердную защиту⁴. Следуя этой логике, даже самые жестокие деятели русских окраин — такие горячие люди, как Дежнев, Атласов и Хабаров, — могли терпеть и даже восхвалять пестрое собрание разнообразных и на первый взгляд непримиримых культур, верований, практик и политических устройств.

Московиты, управляя колониями, неизменно связывали определенных людей с определенными местами. Различные группы и народы рассматривались как от природы различные, от природы отдельные и имеющие точное местонахождение в пространстве. Люди принадлежат конкретным местам. На чертежах была представлена таксономия явлений, существующих в природе, а не просто политическое разделение пространства. Развивая логику такого представления о политической географии, московский имперский проект состоял во включении, а не в разрушении уже существующих «в природе» или «божественно предопределенных» про-

* Имеются в виду места обитания бурятских племен. (*Прим. ред.*)

странственных или этнических единиц. Если язык, вера и место определяли народ, то империя могла стремиться к подчинению, а не уничтожению, перемещению или переопределению каких-либо из этих существенных характеристик. На понятийном уровне это представление о сформированной провидением политической и культурной географии вело московских агентов империи по определенному пути завоевания, при котором различия были прочно закреплены в пространстве.

Семен Ремезов, создававший свои труды в самом конце XVII века, добавил к этому видению имперского разнообразия особую нотку раннего Просвещения. Ремезов утверждал, что, как только сибирские племена подчинятся русскому господству, новые правители возьмут на себя обязательство защищать их и сохранять их образ жизни. В замечательной главе под названием «О мирном поставлении» Ремезов предупреждает:

Философ не довлеет правду во всех делах хранить, от сего велия любовь меж всеми роды добре живет, и новых вещей не вносити, а пришлецов за рубежь высылати. Обаче попечение имети должны есмы, да нашему Сибирству вовеки пребывати, дабы отчизна наша, когда тогда ныне требует совета и мудрости, и подлинным советом здравым, а не спылчивым, что исцелити добрыми обрасцы, которыми мочно междуособные и градские ухищрения и злобы утишити, ниже сокрушатися; от повестей неискуства смотрети подобает; ведомо мирное поставление крепце в мире чисте...⁵

Любопытно, что на иллюстрации к этому тексту изображены выстроившиеся в линию люди в западноевропейских платьях, над которыми ангел несет ленту со словами «vgeede vreedede», что означает «мир» на староголландском (рис. 8.1).

Рисунок и светский философский тон отрывка указывают на западный источник, а личные связи Ремезова и его возможное сотрудничество с Виниусом — голландцем, руководившим в то время Сибирским приказом, указывают на вероятный способ передачи текстов и идей из Голландии через Москву в Тобольск Ремезову.

Идея, выраженная в этом тексте и образе, тем не менее соотносится с московским прецедентом. Ремезов выражает в философских терминах и представляет как моральное обязательство общую политику, характерную для московской имперской экспансии по меньшей мере с 1552 года. Взятие Казани, как и покорение Сибири, было кровавым процессом, но, как только территорию усмирили, местных жителей поощряли продолжать жить в соответствии со своими традициями, держать землю и разрешать споры согласно обычаю, и просто платить дань не хану, а царю⁶.

Рис. 8.1. Ремезов С. У. Краткая сибирская летопись. Ст. 152. «О мирном поставлении».

В соответствии с взглядами, литературно оформленными Ремезовым, московские переселенцы следовали — или притворялись, что следовали, — стратегическим указаниям быть сдержанными при общении с местными и как можно меньше вмешиваться в их внутреннюю организацию. Когда московские передовые агенты не стреляли и не брали пленных, они, согласно приказам, «ясак збирали с них ласкою и приветом, а не жесточью, чтоб, видя нашу царскую милость, и иных немирных земель люди нам, великому государю, учинились в вечном холопстве и ясак с себя давали»⁷. Несмотря на западный просвещенческий наряд, философские размышления Ремезова не выражают ничего нового или радикального. Они, напо-

тив, основываются на традиционном московском подходе к колониальному правлению. Внутренняя логика имперского продвижения царского режима покоилась на его стремлении прежде всего сохранить мир и порядок. Согласно этой благотворной идее, колониальное правление должно как можно меньше нарушать существующую социальную организацию, чтобы обеспечить лояльность покоренных народов и вызвать доверие к милостивому, покровительствующему имперскому правителю.

Конечно, поскольку имперское продвижение по сути своей было уродливым процессом, не все встречи проходили в мирном духе, как представлялось на бумаге в чертежах и официальных указах. В 1556—1557 годах в дружеском приглашении югорским князьям царь Иван IV предлагал им возможность продолжать владеть своими собственными землями, которые с типичным высокомерием описывались как уже являющиеся частью царской «вотчины», и платить дань с этих земель. Далее следовало менее сердечное дополнение: «А не зберете вы наше дани со всякого человека по соболю и к нам на Москву не пришлете, и мне на вас послать рать своя и вострая сабля... и тому от меня, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, быть в опале и в продаже»⁸. В следующем веке первопроходец Хабаров рассказывал, что, после того как он сжег даурские поселения и изгнал всех жителей, ему удалось захватить несколько «языков», и он «у тех языков роспрашивал и огнем жег», чтобы получить сведения⁹. Свидетельства ужасного обращения с сибиряками, попавшими в руки русских, встречаются повсеместно. Абстрактно размышляя о своих владениях, московские администраторы и ратные люди представляли себе имперское пространство, состоящее из разнообразных земель и народов, добровольно гнездящихся под распростертыми руками царя, а их картографы наносили этот воображаемый сценарий на бумагу. Получалась приятная картина, в которой разные народы и верования могли гармонично объединиться под единым защитным панцирем. Когда в реальных обстоятельствах такая интерпретация была отдаленно возможна, завоевание даже представлялось как добровольный союз. Когда Атласов отправился в обусловленную чисто экономическими причинами экспедицию «для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясчных людей, которые под царскою великодержавною рукою в ясачном платеже не бывали»¹⁰, ему повезло обнаружить на Камчатке общину из 400 с лишним юрт, которая никогда никому не платила дань. Он с удовлетворением сообщил, что «по государскому счастию русским людям они были рады» и просили русских защитить их от грабежей соседей¹¹.

Что бы ни говорили о мирном и добровольном присоединении, Московия покоряла и подчиняла Сибирь с не меньшей жестокостью и насилем, чем любая другая имперская держава раннего Нового времени. Стремление Бекетова к мирному союзу, например, не слишком убедило его

Рис. 8.2. Ремезов С.У. Краткая сибирская летопись. Ст. 73. Помощники Ермака умиряют коренных жителей Назымской волости.

целевую аудиторию и не смягчило его собственную яростную реакцию. Разозленный намеренным, как он интерпретировал, упрямством местных жителей, он гневно сообщал, что «иноземцы, брацкие и тунгусские люди, малоумны, глупы, как видят государевых служилых людей мало, и они побивают государевых служилых людей»¹². Обругав «малоумных» туземцев за сопротивление своему предложению завоевать их, он санкционировал полномасштабное нападение в ответ. Исследуя Амурский край, Василий Поярков и Ерофей Хабаров открывали огонь по сопротивляющимся даурам из ружей и пушек¹³.

Иллюстрация этой сцены есть в «Летописи», и она настолько захватила воображение Ремезова, что он изобразил маленького человечка, подвешенного за одну ногу, на нескольких своих чертежах, буквально сделав частью ландшафта жестокость имперского завоевания (рис. 8.2 и 8.3)¹⁴. В других местах Ремезов изобразил сражения и смерти как русских, так и местных жителей, которые сопровождали русское завоевание, с подписями, разбросанными по ландшафту на карте. На чертеже реки Амур среди примечательных объектов местности есть место, обозначенное «Бои окольничего, убито 30 человек ниж Нерчинска»¹⁵. Тесная связь между принудительной мощью и добычей ресурсов очевидна на прекрасном чертеже, где изображена солеварня с соседним острогом и калмыцкий лагерь вдоль верховьев Иртыша. Острог, окруженный воинами в полном вооружении, ошетинился пушками, ружьями и копьями (см. вклейку 24)¹⁶. Понимая стратегическую пользу мягкого подхода и идеологические выгоды добровольного подчинения, ни один из москвитов, участвовавших в колонизации Сибири, не выразил ни малейших сомнений в необходимости прибегнуть к насилию, когда получал отказ на свое приглашение.

«ГОСУДАРЕВО ЖАЛОВАННОЕ СЛОВО»

Московские власти в теории и в идеале стремились присоединить земли и народы Сибири, насколько это было возможно, как нетронутые сообщества и геополитические единицы, которые могли подтвердить господство великого государя и христианского Бога. В рамках этой идеологии русские настаивали на своем собственном превосходстве, но в то же время они предоставляли подчиненным народам некоторые права как владельцам земельной собственности и как подданным царя. В этой структуре, как и в московских имущественных тяжбах, многочисленные уровни владения и контроля были не только приемлемы, но и ожидаемы и даже желанны. Местный тайша-князь мог подчиниться царской власти, сохранив или даже увеличив свою собственную. Степные кочевники могли переходить на сторону то одних, то других племенных вождей, соглашаясь при этом платить царские поборы или уклоняясь от них. Многоуровневые иерархии власти и одновременные предъявления прав на владение землей и людьми были нормой.

Григорий Аникеевич Строганов, первый русский, получивший официальное «жалование» царя на территорию, расположенную в Сибири, за Уралом, создал прецедент для присвоения москвитями сибирских земель. В 1558 году, за двадцать лет до того, как казак Ермак победил сибирского хана Кучума и открыл Западную Сибирь для русского заселения, царь

Иван IV выдал Строганову грамоту, в которой пожаловал ему обширные участки земли в Пермском крае, беспечно названные им «в нашей вотчине». Не желая настроить против себя проживающих в том крае инородцев, зырян и остяков, царь включил в свое «жалование» только «места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустые». «И прежде сего на том месте пашни не пахиваны и дворы деи не ставили и в мою деи цареву и великого князя казну с того места пошлина некая не бывала, и ныне не отданы никому, и в писцовых де книгах и в купчих и в правожных то место и ныне не написано ни у кого». Эту гарантированно пустую землю необходимо было быстро заполнить и начать продуктивно использовать, как и любую землю в Московском царстве. «И мне бы Григорья Строганова пожаловати, велети б ему на том месте городок поставити собою, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроить собою для береженья от нагайских людей и от иных орд и около б того места лес по речкам и до вершин и по озерам велети сечи, и пашни росчистя велети пахати, и дворы ставити, и людей велети называти, и в том бы месте велети росолу искати, а где найдется, и соль бы ему тут велети варити»¹⁷. Передача земли этим поселенцам предположительно происходила примерно по той же схеме, которая установилась позднее в том же веке в Сибири, когда новоприбывшим жаловали землю, «где годно место под сенные покосы», и давали на первое время зерно и освобождение от налогов на десять лет. В обмен на это по прошествии десятилетнего льготного периода половина их продукции должна была отправляться в царские кладовые. Поселенцы имели право продавать свои дома и сельскохозяйственные постройки любому, кто будет готов взять на себя обязательства перед государством¹⁸.

Строгановские владения в Перми были переходным случаем; они находились ближе к дому, чем позднейшие завоевания колонизаторов, но они создали образец для будущих вторжений в Сибирь. Там, где земли считались пустыми, а ресурсы в казну не поступали, сибирские администраторы следовали примеру Строгановых, ввозя тщательно отобранных поселенцев из России. Строганов, как и впоследствии сибирские администраторы, должен был пообещать проверить данные всех новоприбывших. Только «гулящие люди», «вольные люди» и, самое главное, «неподатные люди» имели право селиться на новых территориях. Тех, кто не отвечал этим требованиям, сразу же высылали обратно на их прежние места жительства, а в случае крепостных — к их прежним владельцам. Это условие было предназначено для того, чтобы предотвратить утечку налогоплательщиков из центральных налоговых реестров и сохранить целостность русской крепостной рабочей силы¹⁹. По мере того как московское колониальное правление все глубже продвигалось в Сибирь, политика импортирования из

России только ни к чему не привязанных «гуляющих людей» и ссыльных продолжалась. Мужчины, не имеющие привязанностей, зовущих их назад домой, приветствовались на суровой пограничной службе. Им предоставляли землю и приписывали к пушкарям или казакам, охранявшим русские заставы и исследовавшим замерзшие речные пути²⁰. Беглых крепостных встречали с подозрением и часто возвращали на землю, к которой они были прикреплены.

Пытаясь завладеть к своей выгоде богатствами Сибири, Москва дополнила свое колониальное заселение политикой признания и включения коренного населения, вовлекая новых подданных в корыстную паутину получения прибыли. В 1592 году от имени царя Федора Ивановича был дан наказ, предписывавший князю Петру Горчакову построить новый острог у реки Пелым, сразу за Уралом. В ходе этой работы Горчакову было велено записать местных вогулов на государеву службу и отправить их вместе с русскими служилыми людьми строить укрепления. В обмен он должен был пообещать облегчить их обязательства по уплате дани и дать им вознаграждение от царя деньгами и зерном. Он должен был заверить их, что они находятся в безопасности и что государь распространит на них свою доброту и благосклонность и будет покровительствовать им во всех делах. Кроме того, он должен выделить им землю вокруг острога, так чтобы они могли поселиться и возделывать ее, но их следовало держать за пределами самого острога и отдельно от русских²¹. В 1594 году царь пожаловал «отчины своей Сибирские» небольшую часть остяцкому князю и его брату в награду за его верную службу. Князья получали две волости «со всеми угоды и ясаком... и Игичею князю с братьею теми волостями и всякими угоды и людьми 11-ть человеки владети и ясак с них збирать на себя»²².

Как признание собственной экономической выгоды России, в сибирских указах и постановлениях того периода подчеркивается важность поддержания хороших отношений с ясачными людьми для обеспечения постоянного поступления мехов. Очевидно, ведя трудную борьбу с жестокостью своих агентов в пограничных землях, московские приказы постоянно повелевали приказным и служилым людям «беречи [ясачных людей] от проезжих и от тутошних людей, чтоб им обиды и насильства никоторого не было» и обращаться с ними «ласкою». Уже в конце XVI века, всего лишь через десять лет после первых крупных завоеваний в Западной Сибири, царь Федор приказал снизить ясачные сборы для пелымских татар, потому что так много их людей было убито или умерло и так много пушных зверей было поймано, что они не могли платить дань полностью. Было предписано «с них ясак имати по мере, чтоб их тем не отгонити»²³. В занятом указе 1599 года новый царь Борис Годунов повелевал своим сибирским представителям облачиться в яркие одежды и собрать сибирских

местных жителей, «князей, и мурз, и татар, и остяков, и вагуличь, и всяких ясачных людей», чтобы объявить освобождение от всех ясачных вы- плат на один год в честь его коронации. Власти должны были заверить си- бириков в добрых намерениях царя, его искреннем покровительстве и желании, чтобы они не испытывали нужды и гнета. Царь и его сын обе- щали, что коренное население будет жить «во всем в облехчене, и в по- кое и в тишине», и «велели им жити безоброчно, и в городех бы юрты и в уездех волости полнили». После этого объявления сибиряков следовало пригласить на пир, где подавалась бы еда из государевых кладовых²⁴. На следующий год после празднования своей коронации царь повелел возоб- новить сбор ясака, как и раньше, но побеспокоился, чтобы освободить от него бедных и больных, «чтоб сибирским людям нужи и отгони не было». После того как сбор дани закончился, власти «роспрашивали [ясачных людей], таков ли ясак с них имали, и нет ли им от ясатчиков какие прода- жи и убытков и безчестья». У трогательной заботы царя были свои преде- лы. С крепких и здоровых ясак следовало собирать надлежащего качества и количества: «Наш ясак, соболи, и лисицы, и куницы, и бобры, и белку, и горностаи, збирати по ясачным книгам сполна, и мелочи худые, лоску- тишков собольих, и кунных, и бобровых, и белых не имали, и корысти себе не в чем не чинили»²⁵.

В согласии со своими намерениями вскоре после этого царь Борис поддержал прошение сибирского татарина по имени Епанча, который жаловался, что его притесняли, взяли чрезмерный налог и нарушили право собственности. В ответ царь подтвердил, что татары владеют любой зем- лей, которую они возделывают. Такие земли не должны отдаваться нико- му другому: ни русским крестьянам, ни служилым людям. «И велел им на нас и на себя пашню пахать, смотря по тамошнему делу, чтоб нашей каз- не было прибыльнее, и пашенным бы людям, до коих мест пашню розпа- шут, сытим быти». «А будет татарин Епанча или которые иные татарове учнут говорить, чтоб в их юрте острогу для обид и всякого насилства не ставить и пашенных людей и ямских охотников не устраивать, и ты б им говорил, что преж сего гоняли из Сибири к нам к Москве и с Москвы в Сибирь мимо их юрт наши посланники и гонцы с нашею казною и у них имали проводы и провожатых были убытки великие; и мы по своему цар- скому милосердому обычаю, жалюя их, велели ям и пашенных людей уст- роити на пустых местех, а у них пашен и всяких угодей имати не велели». С этими заверениями «они б сумнения себе никоторого не держали, жили в нашем царском жалованьи в тишине и в покое... и твоим раденьем в пашне будет нам прибыль»²⁶. Царь понимал, что его территория, его «вот- чина», служила его интересам и приносила прибыль его казне, только если она активно использовалась, т.е. принадлежала людям, занимавшимся тру-

дом — возделыванием полей или охотой на соболей. Как царские земли в России должны были быть отданы дворянам, а от них — крепостным, так и сибирские земли принадлежали царю, но отдавались местным тайшам, а затем людям их племени. Многоуровневые права на собственность были выгодны всем, но только если низшие слои — люди, которые фактически извлекали из земли пользу, — получали некоторые права и гарантии на свои владения. По меньшей мере в принципе, московский обычай определять людей в терминах конкретных мест и связывать их друг с другом защитил обитателей Сибири от тотального выселения, которое было характерно для некоторых колониальных столкновений на Западе.

Хотя принципы множественного владения землей и неразрывных связей между людьми и местами служили защите прав коренных жителей на землю, русским поселенцам-земледелцам и сибирским кочевникам-пастухам трудно было мирно сосуществовать, потому что они использовали землю по-разному. В споре между русскими пашенными крестьянами и пастухами-якутами на дальнем северо-востоке якуты подали челобитье местному русскому воеводе о том, что они отчаянно нуждались в своих традиционных пастбищах для домашнего скота и что два новых русских поселенца заняли эти луга, вытеснив их и сильно избив в придачу. Стараясь учесть все интересы, воевода придумал компромисс, который, с точки зрения коренных жителей, чьи земли подверглись дележу, возможно, все же выглядел скорее как проигрыш. Он подтвердил право русских крестьян на их поля, но ограничил их доступ к выпасам. «И ты б якутом велел от пашенных крестьян скот держать верстах в 5-ти или в 10-ти для того, чтоб скотом у пашенных крестьян хлеба не потравить, а сенных покосов пашенным дать дать бы на человека по 3 десятины, а больше того не давать, а достальные сенные покосы все отдать якутом. И вперед якутом от пашенных и от русских людей обиды никакие не было»²⁷.

Более решительным был указ 1684 года, в котором в ответ на жалобу, поданную группой бурят, было четко сказано, что «в иноземских кочевьях пашнями русских людей селить не велено»²⁸. Здесь официальная политика повторила категоричную позицию Уложения 1649 года, в котором утверждались отдельные, четкие и неприкосновенные права различных групп людей на определенные виды земли:

А иноземские иноземцом беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцов иноземских поместей никому не давати. А русских людей поместей иноземцом не давати. <...>

А впредь русских людей поместных земель татаром, а татарских земель русским людям в поместье не давати²⁹.

Несмотря на ясность официальной политики, стычки между русскими и местными жителями возникали постоянно. Казаки, служилые люди и сборщики ясака с готовностью использовали свои «вострые сабли» и огнестрельное оружие против населения, с которым им было приказано обращаться мягко и защищать от обид и насилия. Оправдываясь тем, что местные жители становятся упрямыми, отказываются платить ясак или ведут себя вызывающе, войска обходились с ними жестоко. В донесениях самих русских описывается, как они сжигали юрты вместе с их обитателями, забивали старух до смерти, расстреливали целые деревни, связывали мужчин и избивали их, крали все, что было на виду, и захватывали женщин и детей в рабство. Брать пленных и держать их многие годы в русских крепостях и острогах стало обычной практикой московской политики усмирения. Согласно одному списку, составленному в Юагирии на дальнем северо-востоке в 1675—1676 годах, 94 из 518 юагирских мужчин ясачного возраста (от восемнадцати до пятидесяти лет) содержались в плену. Отрезвляющая цифра³⁰. В 1650-х годах К. С. Дунай, русский воевода на Колыме, отличился тем, что обложил тяжелыми и произвольными податями местное население и избивал тех, кто отказывался платить, иногда до смерти. Если юагиры не могли заплатить, он захватывал их жен, дочерей и сестер и продавал в рабство русским охотникам³¹. Казак-землепроходец Владимир Атласов отправил подробный доклад о своем обхождении с непокорными коренными жителями, повстречавшимися ему во время походов на Дальний Восток. «И они, камчадалы, великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де, Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтобы было им в страх и великому государю поклонились»³². Он явно не стеснялся сообщать о своих действиях, ничего не скрывая.

Его отчет неприкрашенно честен, но ужас от его поступков становится еще сильнее при чтении чрезвычайно интересного документа 1688 года, в котором отражен взгляд якутов на эти столкновения. В якутском челобитье описывается нападение двух казаков, Михаила Гребенщикова и знаменитого Владимира Атласова. «Приезжали оне Михайло с товарищи ко мне, холопу вашему, и родникам моим в юрты, — пишет пострадавший, — и отца моего и братьей, и родников моих били и увечили, и мучили, и назад руки вязали, и к деревью и к перекладам везали, для своей бездельной корысти, да он же, Турчек, связаного брата моего родного Быгынея да Акчигира бил и увечил и против сердца ногами топтал, и тем боем изувечили; да оне ж грабежем взяли...» Далее в жалобе рассказывается, что Гребенщиков «и якуцкого де языку не знают, и он де Мишка при нем Володьке смирен, а Володька Отласов бьет их и мучит и грабежем сильно отнимает». Среди его жертв были женщины, дети, старики и шаманы³³.

Помимо тягостных описаний жестокости документ необычен по нескольким причинам. Во-первых, сам Атласов — это гигантская фигура в российской истории, равная Льюису и Кларку. Он исследовал ледяные и негостеприимные земли дальнего северо-востока и установил, что Камчатка является полуостровом. Его репутация доблестного и благородного человека основана на его открытиях, а также на той идее, что он был «ориентирован на мирное присоединение народов Камчатки к России». По его собственным словам, сам он их «призывал [служить царю] ласкою и приветом»³⁴. Встречая это живое описание его реального поведения, мы можем увидеть героя русского освоения Арктики с другой стороны. Голоса его жертв в мучительных подробностях описывают уродливую оборотную сторону московского имперского завоевания.

Во-вторых, стоит рассмотреть контекст, в котором был произведен этот документ, и тот факт, что это отражение точки зрения низов вообще было зафиксировано. Показания якутов существуют, сохраненные в имперских архивах, поскольку якуты считали, что имеют право выдвинуть обвинения в царском суде, в котором дело было рассмотрено, показания по нему должным образом зафиксированы, решение принято, а приговор в отношении обидчиков приведен в исполнение. «По указу великих государей по челобитью иноземскому казаком Володьке и Мишке за воровство их и за озарничество и за бой и за увечья и за разоренья учинити наказанья: Володьку бить кнутом на козле нещадно, а Мишку бить батоги [менее суровое наказание], потому что он иноземского языку не знает. И взяты по ним поручную запись, что впредь им не воровать и озарничать»³⁵. Насколько мы знаем, приговор был приведен в исполнение. Великий Атласов, исследователь Арктики, получил суровый урок за свое преступление. Итак, несмотря на существующие неравенство, коррупцию и жестокость колониального правления, русский государь и его судебно-административная система стремились серьезно принимать челобитья сибирских коренных жителей и одинаково вершить правосудие и для местных, и для русских³⁶.

Это само по себе является необычной находкой и подводит нас к рассмотрению включения местных народов в Московскую империю в качестве политических субъектов. Когда Бекетов в описанном выше эпизоде велел своим людям объяснить обитателям Прибайкалья, что будет означать принятие ими царского колониального правления, первым пунктом шло разъяснение системы «государева жалованного слова»³⁷. Они будут включены в царство через объединяющую систему «жалованного слова» — важнейших связей, скреплявших всю Московию. Эти отношения подразумевали некоторую взаимность, и обязательства были обоюдными. Подданные были обязаны служить, платить, подчиняться и подтверждать величие царя. Они, несомненно, брали на себя более обременительную часть

сделки. При этом царь нес теоретический груз ответственности: защищать своих преданных подданных, сохранять их землю, гарантировать минимальные средства к существованию и вершить действенное правосудие. Как показал Джордж Вейкхардт, московский закон был одновременно несправедлив и предан идее равного правосудия. Закон, как он был написан и применялся, относился к разным людям по-разному. Штрафы и наказания, а также виды поведения, считавшиеся преступными, различались в зависимости от социального ранга и положения. Но в то же время чувство справедливости москвитов требовало, чтобы неравные законы применялись к каждой стороне строго в соответствии с предписанием³⁸. Таким образом, русские мелкопоместные землевладельцы, посадские люди и крестьяне требовали, чтобы их иски рассматривались и решения выносились согласно надлежащей правовой процедуре и в соответствии с формальной буквой закона. Точно так же сибиряки могли обращаться в суды со своими жалобами, и если их положение иноверцев-иноземцев ослабляло их юридический статус, то их статус как зависимых подданных царя гарантировал им, по крайней мере в принципе, справедливое слушание в рамках закона.

Далеко не все злоупотребления русских доходили до судов. Насилие составляло неотъемлемую часть процесса завоевания и колонизации, и русские злодеяния с одинаковой вероятностью могли становиться материалом эпических сказаний и легенд или подвергаться осуждению и наказанию. Героические подвиги великого Ермака и его банды головорезов представляют собой наиболее удачный пример. При этом московские администраторы регулярно слушали дела, возбужденные коренными жителями Сибири — иногда против своих соплеменников, иногда против русских, — и в своих вердиктах они, по-видимому, стремились к справедливому решению, каким бы оно ни было. Судебные протоколы, составлявшиеся русскими приказчиками, могли маскировать суровую реальность за фасадом законности, но многие дела без колебаний разрешались в пользу коренного жителя. Например, когда якут обратился в канцелярию воеводы Якутска с жалобой на похищение его жены русским служилым человеком, суд постановил, чтобы русского вместе с соучастником-якутом били без пощады³⁹. Ясачный татарин обратился в русский суд в Туринске после того, как русский служилый человек насильно занял его землю и начал охотиться, ставить капканы и использовать ее ресурсы. Суд приказал вернуть землю законному владельцу, а русскому агрессору сделать выговор. Когда русский, Петрушка Парабелец, ограбил остяка, кетский воевода приказал конфисковать украденные вещи и безжалостно бить злодея⁴⁰.

Сибиряки обращались в суд не только с протестами против русской жестокости, захвата земель и лугов, уничтожения лесов и мест обитания

пушных зверей и эксплуататорских ясачных сборов, но также против друг друга из-за нарушенных обещаний, насилия в семьях, обмана, недостаточного приданого, убийств и массы других будничных и, на первый взгляд, внутренних споров⁴¹. Например, якут подал жалобу в русскую приказную избу в Якутске против шамана, который заколдовал его родственника⁴². Группа якутов пожаловалась в тот же суд по поводу драки, разразившейся на свадьбе, и угрозы шамана заколдовать их всех⁴³. В деле, в котором один якут убил другого, виновный был приговорен к битью без пощады, после чего отдан сыну жертвы «в вечное холопство». Стороны подписали протокол дела на обратной стороне, поставив свои знаки — рисунки оленей и лодок⁴⁴. Каждое дело слушалось, записывалось и разрешалось. Хотя во многих делах не сохранилось сведений о принятых решениях, те, в которых имеются вынесенные вердикты, показывают, что в судах сибирских воевод, так же, как и в русских уездах, истец, какова бы ни была его этническая принадлежность, обычно получал желаемый результат, по крайней мере до тех пор, пока другая сторона не подавала встречный иск.

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ ПОДДАННЫХ

Чтобы отслеживать различных людей, платящих налоги и дань, и земли, отведенные им для сельского хозяйства или ловли зверей, последующие цари приказывали вести подробные «ясачные книги» — росписи имен каждого отдельного главы двора, иногда с поразительным количеством деталей о членах его семьи и той дани, которую он задолжал:

Юрт Курманчин: Курманчина Катыев стар, ясаку не платит давно, Бетюк Курманчин женат, Никита тож, взято 5 соболей, а донять на нем тово збору 5 же соболей. Казарин Кокурман женат, взято 10 соболей. Тово ж юрта Сынчика Курманчин по Тюменской росписи во 107-м году [1598—1599] взято 5 соболей, а во 108-м году [1599—1600] умер⁴⁵.

Каждый отдельный взрослый мужчина имел значение, будь то в Москве или Верхотурье, наряду со своим экономическим и семейным положением, а также местонахождением. Отдельные сибиряки, может быть, и хотели иметь меньшее значение и оставаться невидимыми для царя и сборщиков ясака, но московские методы регистрации и отслеживания всякого и каждого подданного успешно включали их в государство. Границы земель и дворы, будь то русских поселенцев или местных жителей, тщательно фиксировались на картах, которые часто упоминаются в наказах, отправленных на места. На карте Илимской волости из Сибирского при-

каза, на которой показано слияние реки Тунгуски с несколькими притоками, отмечено каждое русское поселение на берегах с указанием времени пути и расстояния между пунктами. «Деревня Бадарма, а в ней 2 двора». «Деревня под Шаманским порогом, а в ней 5 дворов стоят в рознь». «2 двора пашенных Илимских, Ефремка посатки с товарищем». «Деревня Карамчанина, а в ней 1 двор Илимского пашенного»⁴⁶. Поля, пустоши и крестьянские дома на чертеже под названием «Река Тобол писана с устья от Тоболска до вершины и с малыми речки, и озера, и селидбы» обозначены приклеенными маленькими квадратиками бумаги со схематичными изображениями и буквенными обозначениями: «п» — пустошь, «д» — двор (вклейка 31). На этой карте границы собственности показаны с помощью архитектурных и природных объектов, как и на чертежах-картах из центральных уездов.

Такие же подробные чертежи составлялись, чтобы помочь установить местоположение коренных жителей — плательщиков ясака. В 1641—1642 годах некоему Ваське Витязеву были направлены указания о разведке верховьев Лены среди тунгусских и «брацких» людей, выяснении возможностей сбора ясака и местонахождения там пахотной земли и поселений «и учинении чертежа» со всеми этими сведениями⁴⁷. В ответ на подобный приказ Федор Константинович Фофанов, капитан нового острога на реке Туре, провел разведку среди местных ногайцев и зырян и «в которых юртех поля пашенные, и тому к нам Федор послал чертеж. А того к нам Федор имянно не описал, которые юрты по ясачным книгам приписаны ясаком и судом к новому острогу». Хотя карта не сохранилась, в конце доклада имеется копия того, что было написано на карте, и это дает представление об уровне детализации, с которой местное население отслеживалось и записывалось: «А в чертеже написано: пашенных мест от Верхотурья к острогу: юрт Байгирин, юрт Колмак, юрт Илясов, юрт Ургунчин, юрт Кокузов, от острогу к Тюмени юрт Ербаков»⁴⁸. Сохранилось очень мало карт улусов местных жителей, но все же несколько у нас есть. На чертеже Ремезова «Река Тобол писана с устья от Тоболска», о котором мы говорили чуть раньше, отображены не только русские двory, но также и то, сколько сибирских семей живет в каждом поселении, а на нескольких его чертежах нанесено местоположение небольших скоплений юрт. На карте верховьев Тобола отмечены красными кружками поселения различных групп, обозначен тип каждого поселения и указано, какой ясак причитается: «Нагайская 2 [юрта], ясак платят на Уфу». «Живут башкиры, а ясак платят на Уфу»⁴⁹ (вклейка 17). Более поздняя карта из той же чертежной книги названа «Река Том с урочищи и степ з жильями язык». К ней прилагается список различных народов, и сколько есть каждого⁵⁰. После того как их записали в книги и нанесли на карты, плательщикам ясака становилось трудно уклоняться от уплаты дани, но при этом они получали до-

кументальное подтверждение прав на территорию — чтобы ставить капканы, пасти скот или возделывать землю.

Сибирские просители включали себя (и включались русскими бюрократическими формулировками) в более широкие категории, используемые всеми подданными царя, а московские приказчики признавали их, используя общий словарь подданства в государстве. Коренные жители перенимали тот же язык прошений, которым пользовались равные им по положению русские. Местные вожди, которых в русских источниках называли «князцы» или «мурзы», обращаясь к царю, называли себя «хлоп твой», используя ту же терминологию, что и члены привилегированной русской элиты. Простые люди, из русских или коренных жителей, начинали свои прошения царю с обращения того же рода: «Бьет челом сирота твой». Конечно, многие челобитья доходили до судов через посредство официальных или неофициальных писцов и переводчиков, как видно из отдельных документов. «Речи ее толмачил Онтюшка Одинцов», — говорится в примечании под показаниями молодой якутки⁵¹. Возможно, еще более примечательно то, что русские переводчики решили использовать для сибиряков ту же терминологию, что и для себя. Как мы видели, москвиты были склонны проводить различия по типам. Татарские земли должны оставаться в руках татар; русские земли должны отойти русским. Представители элиты употребляли один набор терминов для описания себя и подвергались одному набору легальных штрафов и наказаний; представители низших слоев употребляли другой набор терминов, и в отношении них действовал другой, более суровый набор штрафов и наказаний. Но удивительно, что различия между колонизированными и колонизаторами улетучивались при обращении к царю и представителям его судебной системы. Колониальные подданные, после того как они вошли в империю, становились во многих отношениях полноправными членами сообщества, со всеми обременениями и ограничениями, правами и средствами защиты, которые из этого следовали.

Они, несомненно, несли обременения, которые хорошо описаны в других местах. Под гнетом обязательств добывать меха животных (которые быстро исчезали из-за чрезмерного количества капканов) подвергающиеся нападениям казачьих войск, вытесненные со своих пастбищ русскими поселенцами, испытывающие унижения из-за жестоких русских обычаев держать пленников и использовать женщин как домашних и сексуальных рабынь, коренные жители терпели более чем достаточно злоупотреблений, чтобы заставить их бежать и яростно сопротивляться. Однако, как подданные русского царя, они могли воспользоваться и пользовались законным правом на милосердие, покровительство и правосудие этого монарха. Их права были аналогичны правам равных им по положению русских, т.е. не

очень большими. В результате имперского завоевания народы Сибири вошли в систему царского самодержавия, в которой вряд ли можно было найти модель демократических свобод. Но что мы находим и что, возможно, несколько удивительно, — это то, что права колонизированных, в той мере, в которой они у них были, не слишком отличались от прав большей части колонизаторов. Главным правом, предоставляемым всем подданным царя, было право на удовлетворение в суде, которое, как мы видим, и русские, и сибиряки использовали активно и успешно⁵². Следующим по списку шло право определять себя в пространственных терминах посредством крепкой, гарантированной законом связи с конкретной землей. Как мы видели, московские крестьяне в силу своего легального закрепощения получали действенное право на определенные участки земли, с которых их нельзя было изгнать. Для сибирских кочевников выгоды скорее всего были менее очевидны, что следует из жалоб о захватах русскими земледельцами их пастбищ. Тем не менее московская привычка думать в пространственных терминах и бесповоротно привязывать людей к определенным местам означала некоторую географическую и экономическую защиту для колонизированных народов.

У стремлений, лежащих в основе колониального завоевания Нового Света и Сибири, было много общих экономических мотивов и политико-логистических детерминант. Жестокость и болезни собрали свою страшную дань с сибирских народов, подобно тому как они уничтожили большую часть коренного населения обеих Америк. Хотя принуждение, оружие и микробы были наиболее действенны при установлении владения и господства, московское отношение к людям и собственности, географии и типологии создало фундаментальное убеждение в том, что коренные жители должны быть закреплены географически со всеми своими отличиями, а не ассимилированы или истреблены. Долгосрочные результаты показывают, что различия в том, как разные европейские державы и русские рассматривали и представляли себе имперское завоевание, обусловленные определенным культурным пониманием владения и господства, были важны и имели последствия в реальном мире для колонизированных народов. Московская политика, как и политика испанской короны, основывалась на сохранении коренного населения и местных сообществ на периферии. Русские власти и переселенцы воображали создание империи из различных земель, империи в самом истинном смысле, как собиравшие ранее суверенных сообществ, сохраняющих свои политические и культурные различия под властью могущественных региональных правителей, назначенных далеким, извлекающим из всего этого прибыль царем. Двигаясь одновременно в двух направлениях — к дифференциации и разделению, с одной стороны, и к интеграции под царским прав-

лением — с другой, московская имперская политика создала уникальный союз своеобразия и различий.

Для завоеванных народов Сибири, как для крепостных в Центральной России, социальное и политическое существование и владение собственностью были неразрывно связаны. Пространственная версия «подданства» в Московии наделила колонизированных малой толикой компенсации за жестокость имперских агрессоров. Включив жителей Сибири в существующий политический и религиозный порядок, в котором право можно было подтвердить, а защиту потребовать на основе пространственной принадлежности, московский колониальный режим создал идеологическую и логическую структуру, в которой сибиряки, как и крестьяне, и все остальные представители царства, имеющие местонахождение в пространстве, могли потребовать и, что еще более примечательно, получить удовлетворение. Московское имперское правление заключило колониальных подданных в тяжелые, но защищающие объятия царя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространственное мышление и географические категории обеспечили некоторые фундаментальные концепции, с помощью которых москвиты осмысливали свою жизнь. Предлагая способ понять свое буквальное и — более широко — фигуральное место в мире, пространственный анализ позволял москвитам пустить корни в обществе, в мире и в божественном космосе, давая смысл и цель, статус и признание в обществе, которое во многих других отношениях страдало от неопределенности.

Всегда существует опасность предопределить результат, сосредоточившись на одном конкретном наборе источников или круге исследуемых вопросов. У этого исследования, с его поглощенностью картами и географическими источниками, есть риск такой самореализующейся программы. Если в результате изучения географических источников высказать утверждение о том, что география играла решающую роль в структурировании мышления и общества москвитов, то это утверждение может оказаться не таким убедительным, как хотелось бы. Поэтому и еще потому, что я не хочу настаивать на единственном, доктринерском толковании истории, я ограничиваюсь здесь утверждением, что пространство необходимо брать в расчет как один из центральных организующих принципов московского социального, политического и религиозного понимания мира. Несомненно, другие способы «разрезания пирога» дают не менее плодотворные модели интерпретации московской истории. Тем не менее я придерживаюсь того мнения, что пространство предлагает особенно продуктивную и фундаментальную точку отсчета для понимания этого далекого общества как самого по себе, так и в сравнении с другими экспансионистскими, централизующимися национальными монархиями раннего Нового времени.

Почему категория пространства является особенно полезной отправной точкой для анализа московской политики и культуры XVII века? Как отмечается на протяжении этой книги, два самых значительных процесса того века касались изменения фундаментального отношения к местам и связей с местами. В то самое время, когда крепостное право шаг за шагом прикрепляло крестьян и посадских людей к определенным местам и усиливало связь между людьми и местами, стремительная имперская экспансия расшатывала представления о закреплённости, открывая широкие приграничные территории, отодвигая границы, сводя на нет усилия цен-

тра по закреплению населения в пространстве, привлекая предприимчивых солдат и поселенцев, могущих упрочить русское завоевание и колонизацию. И все же, несмотря на текучесть населения и очевидную подвижность русских людей и русской власти, продвигающихся вперед через степи, закреплённость в пространстве оставалась стержнем царской имперской политики в Сибири. Как показано мной, в московском колониальном воображении, а значит и на практике, успех империи и христианская миссия обязывали русских строить видные, величественные сооружения христианского поселения по всему евразийскому пространству. Путем заселения и посредством каталогизации обитателей русских острогов, а также разнообразных коренных народов в определенных местах агенты империи устанавливали свое колониальное превосходство с помощью пространственных категорий, которые они несли с собой на неизведанные земли.

Пространственное мышление заметно окрашивало московскую политику, религию и культуру на повседневном уровне и в других важных областях жизни. Для русского православия, например, была характерна ярко выраженная локализация, проявлявшаяся в практиках поклонения верующих. Как показывает исследование Роберта Х. Грина о роли святых в народном православии, существовала важная связь между культурами региональных святых и их могилами и реликвиями. Чтобы добиться наиболее эффективного чудодейственного вмешательства, просители посещали могилы своих покровителей лично. Высоко почитаемая практика паломничества укрепляла пространственную привязку святости: только отправившись к священному месту, можно было в полной мере воспользоваться благосклонностью святых заступников. Если расстояние не позволяло отправиться в паломничество лично, то тогда можно было принести икону или символ в место поклонения святому и отправить верующему, чтобы через такое посредничество передать непосредственную духовную силу, сосредоточенную в этом месте. Если тело святого убирали из места поклонения, то это серьезно нарушало духовный обмен, который происходил между святым заступником и его приверженцами¹. Сами святые имели топонимические эпитеты: Анна Кашинская, Василий Мангазейский, Симеон Верхотурский. Даже внелокальные святые пускали корни в определенных местностях. Каждый из многочисленных вариантов иконы Богородицы имеет региональное обозначение: Владимирская Божья Матерь, Казанская Божья мать, Корсунская Божья Матерь. Святые пространства ритуально воспроизводились, получали известные названия и символическое применение, чтобы осязаемым образом принести святость Иерусалима или библейского прошлого в Москву. Новоиерусалимская часовня, возвышающийся на Красной площади помост под названием «Голгофа», важная для обрядов «река Иордан» — все они фигурировали в священной

топографии города². С теологической точки зрения для русского православия знать о священном месте было не столь значимо в духовном смысле, как быть в этом месте. Воссоздание святых мест обеспечивало необходимый изоморфизм между символическим и фактическим месторасположением. Святая Русь, святая Москва и «Богом защищенный» Тобольск имели реальное значение как определенные места, пропитанные крайне локализованной, специфичной для данного места святостью.

Так же и на более светском уровне отчетливо проявляется заметное положение географических категорий в попытках москвитов осмыслить свое положение в мире. Не только цари убеждали себя и других в своем подавляющем, грандиозном могуществе, перечисляя до бесконечности скопление княжеств, ханств, царств и земель, которыми они правили, но и скромные просители всех чинов сразу же идентифицировали себя в географических терминах. В челобитных, исках и жалобах они представлялись по чину и полу, семейному статусу и положению в обществе, а также точно обозначали свое местонахождение: «яз, раба твоя, бедная вдова-тулянка», «мы, богомольцы твои, братия Иверского Валдайского монастыря», «я, ярославской выборной дворянин». В городах и уездах более тонкие градации коллективной принадлежности проявлялись в пространственных терминах. Ряды домов и лавок и полоски полей и пастбищ принадлежали определенным родам людей, поэтому пространственная планировка поселения подтверждала принадлежность к определенной общине. Взаимодействуя с судебными властями или обращаясь к царю с просьбой о милосердии, крепостные сообщали о том, из какой они деревни, с не меньшим постоянством, чем сообщали имя землевладельца, которому принадлежала их деревня. Идентификация без пространственного маркера была неполной и непонятной. Помещая себя в пространстве, москвиты могли заявить о своем положении в обществе и государстве. Не только крепостные, но и люди всех чинов воспринимали себя как часть определенной и наполненной смыслом географии. Только холопы, находившиеся в самом низу социальной лестницы, — люди без пространственных связей, могущих обосновать их притязания на защиту и признание в государстве, и бояре на самом верху, чьи наиболее значимые географические связи были с двором и Кремлем в Москве, а не с какой-либо определенной региональной политической базой, обычно не упоминали географические названия при самоидентификации.

Центральность пространственной идентичности подчеркивается трудностями, которые вызывала ее противоположность. Чтобы законно передвигаться по стране, люди всех чинов, а особенно крепостные и представители несвободных классов, должны были иметь пропуски (отпускные письма, подорожные, проезжие грамоты или памяти), разрешающие про-

ход через чужие уезды. Не имеющие разрешений странники навлекали на себя не только строгость закона, но и подозрительность крестьян и посадских людей, о чем свидетельствуют частые осуждения беглецов и бродяг. Нарушая нормы неизменности, скитальцы спутывали понятийные категории и разрушали социальную географию. В глазах москвитов самым жалким зрелищем был не имеющий корней «гуляющий человек», «скитающийся меж двор», живущий подаванием. Об этой участи часто говорят в своих челобитных бедные и доведенные до отчаяния люди, изгнанные из своих домов, а следовательно, из социальной и культурной жизни. Жизнь «гулящего человека» была опасной, так как он находился вне категорий и не имел никаких прав на защиту или принадлежность к какой-либо группе.

Подчеркивание местоположения как маркера идентичности облегчало консолидацию обширной империи, основанной на включении без ассимиляции огромного разнообразия народов, чья принадлежность к государству и чьи права в этом государстве основывались на заявлении о принадлежности к определенным местам. Места предлагали идентичность и значимое положение подданным царства, которое, в свою очередь, воспринималось как набор разнородных мест, народов и чинов. Московское общество было пронизано четкими и непреодолимыми различиями во всех направлениях. Для стран, более заинтересованных в достижении однородности, стирании различий, стандартизации языка и обращении иноверцев в общепринятую веру, эти различия стали бы серьезным препятствием. Для Московии такое разнообразие не только воспринималось как должное, но и считалось преимуществом. Подданные царя представляли собой иерархию чинов, религий, языков и наций, а также возрастов, полов и занятий. В глазах закона и друг друга эти различия имели постоянство и неизменность естественных границ, и идея об уравнивании статуса или ценности между различными слоями была невообразима. Тем не менее царскому режиму удалось создать пространственную власть, которая была достаточно всеохватывающей, чтобы включить в себя все различные группы, привязав их по чину и месту, но не была заинтересована в том, чтобы облачить их всех в одно и то же одеяние русского православия. На основании своего места в царстве — как в фигуральном, так и в буквальном смысле — каждый подданный царя мог взывать к его милосердию и требовать, по крайней мере в принципе, беспристрастного разбирательства в его судах. Категориальные различия и неравенства среди людей, составлявших империю, были присущи самому московскому политическому обществу, а также его имперским владениям, что делало управление империей лишь вопросом перенесения принципов, действующих дома, на более широкую территорию. «Иноземцев же иноязычников с жилищи многие роды» и «всяких чинов люди» делали всю Московию лоскутным одеялом различий, над которыми стоял один царь.

Пространство и пространственность пропитывали и формировали способы, которыми москвиты воспринимали вселенную во всем ее духовном, политическом, социальном и культурном многообразии. Обращаясь затем к еще более широкому горизонту и перемещая анализ на сравнительный уровень, можем ли мы утверждать, что озабоченность москвитов землей, пространством и местом, а также географической логикой была своего рода уникальной или она являлась общим знаменателем для всех сравнимых режимов раннего Нового времени? Я бы ответила так: пространственное мышление на самом деле характерно для всех амбициозных, централизующихся, завоевательных монархий раннего Нового времени, но все они создавали свои особые способы использования и понимания пространства и смысла. Поэтому пространственные концепции дают идеальную категорию для сравнительного анализа: они заметно присутствуют во всех имеющих отношение к делу случаях, но существенно различаются в реальных применениях и проявлениях.

Например, хотя в стандартном представлении невозможно такое сопоставление разных случаев, наше исследование пространства и подданства позволяет нам утверждать, что москвиты, как и англичане, выработали сложные идеи о правах подданных короны, а кроме того, и те и другие выработали юридическое и антропологическое понимание отношений между землевладением и людьми. Тем не менее две концептуальные системы резко отличались. В XVII веке, когда англичане осуществляли свои первые набеги на Северную Америку, у себя на родине они были озабочены огораживанием собственности и установлением и укреплением индивидуального прямого владения. Такая концепция земли как частной, делимой, отчуждаемой собственности неизбежно приводила к изгнанию ее обитателей и переосмыслению отношений между землей, имуществом и людьми. Из этого логически следует, что права и обязанности подданного Английского королевства должны были быть концептуально отделены от пространственной закрепленности (хотя в течение длительного времени они и не были отделены от владения собственностью). Права в государстве понимались как возникающие из естественных прав англичан, а не из положения на земле. И наоборот, в России, где неумолимый рост крепостничества делал зыбкой концепцию «прав подданных», права и признание в государстве происходили именно из этой пространственной закрепленности, которая привязывала население к земле. Юридический язык прав, прочно прикрепленных к месту, заменил на функциональном уровне более абстрактный дискурс прав и свобод.

Рассматривая сравнительные пространственные характеристики в разделе данного исследования, посвященном колонизации, мы находим, что все колониальные державы раннего Нового времени оформляли свои

притязания на завоеванные территории в пространственных терминах, в свою очередь основанных на понимании земли и народа, существующих в тот момент у них на родине. Португальцы, если Патриция Сид права, заявляли свои притязания на южноамериканские владения в чисто картографических терминах, посредством нанесения неба и земли на карту. Знание пространства в их глазах обеспечивало достаточную законность серьезных притязаний на реальные территории. Англичане в Северной Америке основывали притязания на территорию на своем понимании природы права собственности. Видя, что коренные американцы не огораживали, не ограничивали и не обрабатывали землю, а также не имели никакого постоянного жилища, они приходили к выводу, что индейцы могли быть справедливо изгнаны с земли тем или иным способом. Поскольку англичане не видели внутренней связи между людьми и конкретными местами, то изгнание тех, кого они считали кочевниками, не имеющими законного права на землю, не представляло концептуальной или нравственной проблемы. Для испанцев территориальные притязания, несомненно, были не менее важны, но в их словаре завоевания люди стояли выше пространства, и обращение душ давало наиболее существенное обоснование для испанской экспансии в Новый Свет.

В двух последних случаях, как и в Московии, такое понимание имело реальные последствия для коренных народов. В то время как английская Северная Америка стала свидетельницей катастрофического вытеснения и уничтожения коренного населения, местное население Мексики и Южной Америки, в подавляющем большинстве католическое, сегодня демонстрирует практическое наследие других идеологических конструктов. Сибирь несет отпечаток русского подхода к «человеческой географии», для которого ни искоренение, ни обращение не были характерны. Пережив тяжелые удары и глубокие изменения за четыре века русского и советского господства, коренное население Сибири отчасти по-прежнему укладывается в те волнистые очертания, которые мы находим на этнографической карте Семена Ремезова, составленной в 1690-е годы. По крайней мере номинально многие из тех народов по-прежнему живут в тех же регионах, и мало кто из них демонстрирует глубокие следы воинствующего ревностного православного христианства.

Таким образом, мы не утверждаем, что озабоченность Московии пространственными вопросами была уникальной или что география играла основополагающую роль в культуре Московии, но мы можем заключить, что пространственный анализ дает нам чрезвычайно продуктивные способы сравнения монархий раннего Нового времени и выявления тех факторов, которые на самом деле определяли различия в направлении исторического развития. Отношение к взаимосвязи между людьми и местами должно быть справедливо причислено к наиболее значимым из этих различий.

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

¹ Два исключения, которые заслуживают внимания, это оригинальные работы В.С. Кусова и С.И. Сотниковой. См., например: *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989; *Сотникова С.И.* Памятники отечественной картографии XVII в. // *Памятники науки и техники.* 1987—1988. Т. 6. С. 176—185.

² *Кусов В. С.* Чертежи Земли Русской XVI—XVII вв. М.: Русский мир, 1993.

³ Одно солнце, названное «Восток»: РГАДА. Ф. 1209. Новгород. Стб. 23677. Ч. 2. Л. 303. Два улыбающихся солнца: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Калужская губерния. № 1. Лев Багров ошибается, когда утверждает, что на всех русских картах XVII века «север внизу, а юг наверху» (*Bagrow L.* A History of the Cartography of Russia up to 1800 / Ed. H. W. Kastner. Wolfe Island, Ont.: Walker Press, 1975. P. 34).

⁴ *Monmonier M. S.* How to Lie with Maps. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 45; *Lefebvre H.* The Production of Space / Trans. D. Nicholson-Smith. Oxford: Blackwell, 1991.

⁵ См., например, продолжающийся проект «История картографии»: *The History of Cartography* / Ed. J. B. Harley, D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 1992, 1994, 1998. Vols. 1—2. Работа, которая на многие годы задала повестку дня в этой области в широком смысле: *Harley J.B.* Deconstructing the Map // *Cartographica.* 1989. Vol. 26. No. 2. P. 1—20 (перепечатана в его книге: *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography* / Ed. P. Laxton, J. H. Andrews. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001). Теоретический вклад также внесли следующие исследования: *Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1989. P. 201—323; *Harvey D.* Justice, Nature, and the Geography of Difference. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996; *Soja E.W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. N.Y.: Verso, 1989; *Yi-Fu Tuan.* Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.

⁶ *Wood D., with Fels J.* The Power of Maps. N.Y.: Guilford Press, 1992; *Edney M.H.* Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765—1843. Chicago, 1990, 1997; *Saifer N.* Unveiling the Amazon to European Science and Society: The Reading and Reception of La Condamine's Relation Abrégée d'un voyage fait dans l'Intérieur de l'Amérique méridionale (1745) // *Terrae Incognitae.* 2001. Vol. 33. P. 33—47. Дэниел Лорд Смайл приводит доводы в пользу трансформирующей силы средневековых нотариальных концепций пространства в работе: *Smail D.L.* Imaginary Cartographies: Possession and Identity in Late Medieval Marseille. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2000.

⁷ *Moretti F.* Atlas of the European Novel, 1800—1900. London: Verso, 1998. P. 5 note 3, p. 3.

⁸ Термин «стратегии интеграции» употребляется в работе: *Kollmann N.S.* *Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia.* Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1999. P. 169—202. (Рус. пер.: *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. С. 271—321). Коллманн исследует честь как одну из составляющих сложной стратегии интеграции. Другие исследования подчеркивают религиозные и социально-экономические аспекты формирования согласия. Например, см. очерки в сборнике: *Medieval Russian Culture / Eds. M.S. Flier, D. Rowland.* Berkeley: University of California Press, 1994. Vol. 2.

⁹ В то время как историки упускают значение самого пространства как фактора интеграции, они ни в коем случае не упускали значение мобильности. Напротив, начиная с трудов В. О. Ключевского, не имеющая равных мобильность русского народа является важным клише исторического мышления. См., например: *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 50—51.

¹⁰ О культурной концепции континентальных разделений между Европой, Азией и Африкой, см.: *Lewis M.W., Wigen K.E.* *The Myth of Continents: A Critique of Metageography* Berkeley: University of California Press, 1997.

¹¹ *Bohlen C.* Westward Ho: An Empire Tries to Become a Normal Nation // *The New York Times.* May 19, 2002. P. C1.

¹² *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // Сочинения: В 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 294—302.

¹³ *Gorbatov I.* *Catherine the Great and French Philosophers of the Enlightenment: Montesquieu, Voltaire, Rousseau, Diderot and Grimm.* Bethesda, MD: Academica Press, 2006. P. 117—146.

¹⁴ Об этом внутреннем конфликте см.: *Boeck B.* Containment vs Colonization: Muscovite Approaches to Settling the Steppe // *Peopling the Periphery: Slavic Settlement in Eurasia from Muscovite to Soviet Times / Ed. N. Breyfogle, A.M. Schrader, W. Sunderland.* London: Routledge-Curzon, 2007. P. 41—60; *Davies B. L.* State Power and Community // *Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635—1649.* Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2004. См. также: *Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // *Ученые записки РАНИОН.* 1926. № 1. С. 327—354.

¹⁵ *Bassin M.* Mysl'it' Prostranstvom: Eurasia and Ethno-Territoriality In Post-Soviet Maps // *Zeit-Räume. Neue Tendenzen in der historischen Kulturforschung aus der Perspektive der Slavistik / Ed. S. K. Frank, I. P. Smirnov.* Wiener Slavistischer Almanach. [2002]. Vol. 49. P. 15—35; *Bassin.* *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865.* Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

¹⁶ Подобное утверждение для гораздо более позднего периода русской истории см. в работе: *Бербанк Дж.* Народные суды, имперское законодательство и гражданство в России // *Российская империя в сравнительной перспективе / Ред. А. Миллер.* М.: Новое издательство, 2004. С. 320—358. Бербанк утверждает, что «закон признает и включает особость, сохраняя при этом свое притязание на то, чтобы быть конечным источником справедливости». См.

также: *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905—1917. Bloomington: Indiana University Press, 2004; *Wirtschafter E.K.* Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. P. 561—563; *Kivelson V.* «Muscovite Citizenship»: Rights without Freedom // *Journal of Modern History*. 2002. Vol. 74. P. 465—489.

1. МОСКОВСКАЯ КАРТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

¹ *Postnikov A.V.* Outline of the History of Russian Cartography // *Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of «Regionology»* / Ed. K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. P. 2—3; *Кузин А.А.* Развитие чертежного дела в России // *Труды Института истории естествознания и техники*. 1955. № 3. С. 131—169.

² Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание. № XII / Ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003. С. 19—26; карта на с. 19; цитата на с. 21. Я глубоко признательна Алексею Сирену за то, что он обратил мое внимание на эту публикацию. Фраза «очи ума» встречается в православных молитвах — например, в акафисте преподобному Досифею Киевскому.

³ Впервые упомянут, но воспроизведен в плохом качестве в работе: *Кауштанов С.М.* Чертеж земельного участка XVI в. // *Труды Московского государственного историко-архивного института*. М., 1963. Т. 17. С. 429—436. Высококачественное цветное изображение появилось в книге: *Постников А.В.* Карты земель российских: очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества [также на английском: *Russia in Maps: A History of the Geographical Study and Cartography of the Country*]. М.: Наш дом; Paris: L'Age d'Homme, 1996. С. 11—12.

⁴ Например, в «Слове о погибели Русской земли», написанном в XIII веке, рассказывается о протяженности, местоположении и народах Русской земли: Слово о погибели Русской земли // *Памятники литературы Древней Руси*. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. С. 130—131.

⁵ *Тиц А.А.* Загадка древнерусского чертежа. М.: Стройиздат, 1978.

⁶ *Turnbull D.* The Ad Hoc Collective Work of Building Gothic Cathedrals with Templates, String, and Geometry // *Science, Technology and Human Values*. 1993. Vol. 18. No. 3. P. 315—340.

⁷ *Berry M. E.* The Codification of Space and Society. Неопубликованная работа, подготовленная для семинара: What Is Early Modern and Japanese about «Early Modern Japan?» Berkeley, Calif., September 1996. P. 20, 21—22.

⁸ См.: *The History of Cartography* / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 1992, 1994, 1998. Vols. 1—2.; *Barber P.* Maps and Monarchs in Europe 1550—1800 // *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe: Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / Ed. G.C. Gibbs, R. Oresko,

H.M. Scott. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 75—124; *Berry M.E.* The Codes of Strangers: Homelessness as a Motive for Mapmaking. Unpublished manuscript, 1996; *Monarchs, Ministers, and Maps: The Emergence of Cartography as a Tool of Government in Early Modern Europe* / Ed. D. Buisseret. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 1; *Harvey P.D.A.* Maps in Tudor England. London: The Public Record Office and the British Library, 1993. P. 65; *Yonemoto M.* Mapping Early Modern Japan: Space, Place, and Culture in the Tokugawa Period, 1603—1868. Berkeley: University of California Press, 2003. Сильные централизованные государства возникали по всей Евразии на удивление одновременно, и, по-видимому, в них действовали многочисленные общие факторы, давшие стимул к нанесению их территорий на карту. Виктор Либерман говорит об усилении жизнеспособности населения, интенсивном развитии военных технологий и денежного обращения как о некоторых из причин одновременно-го роста евразийских государственных держав: *Lieberman V.* Transcending East-West Dichotomies: State and Culture Formation in Six Ostensibly Disparate Areas / Beyond Binary Histories: Re-imagining Eurasia to c. 1830 / Ed. V. Lieberman. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 19—102.

⁹ *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М.: АН СССР, 1956. С. 200. Также цитируется в работе: *Postnikov A. V.* Outline of the History of Russian Cartography. P. 3.

¹⁰ *Bagrow L.* The First Russian Maps of Siberia and Their Influence on West-European Cartography of North East Asia // *Imago Mundi*. 1952. Vol. 9. P. 83—95; *Bagrow L.* History of the Cartography of Russia up to 1800; *Ефимов А.В.* Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964. С. VII—VIII; *Moreland C., Bannister D.* Antique Maps: A Collector's Guide, 3rd ed. Oxford: Phaidon Christie's, 1989. P. 238; *Postnikov A.V.* Russia in Maps; *Андреев А.И.* Чертежи и карты России XVII в., найденные в послевоенные годы // Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Л.: АН СССР, 1960. № 2. С. 88—90.

¹¹ *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М.: Наука, 1974. С. 21—56; *Baron S. B.A.* Rybakov on the Jenkinson Map of 1562 // *New Perspectives on Muscovite History* / Ed. L. Hughes. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 3—13.

¹² Знаменитая и спорная карта полинезийских островов, которую в 1769 году нарисовал для капитана Кука «таитянский эрудит» Тупия, свидетельствует о том, что у островных мореплавателей не было традиции визуального отображения, но тем не менее они плавали по не имеющему опознавательных знаков океану с помощью ментальных карт. См.: *Finney B.* Nautical Cartography and Traditional Navigation in Oceania // *The History of Cartography*. Vol. 2. Book 3. P. 446—451; *Turnbull D.* Maps Are Territories; Science Is an Atlas: A Portfolio of Exhibits. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

¹³ О картографических находках см. также: *Андреев А.И.* Чертежи и карты России XVII в. С. 81—90.

¹⁴ *Кауштанов С.М.* Чертеж земельного участка XVI в.

¹⁵ *Baron S.H.* The Lost Jenkinson Map of Russia (1562) Recovered, Redated, and Retitled // *Terrae Incognitae*. 1993. Vol. 25. P. 53—66; *Baron S.H. B.A.* Rybakov on the Jenkinson Map of 1562. P. 3—13.

¹⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 41. [Коллекция Н. Головина]. № 56. Второй приказ начертить карту был направлен тому же посельскому в следующем году: Там же. Ф. 41. № 57. Копия этого же документа хранится в Российской национальной библиотеке в копияной книге Кирилло-Белозерского монастыря: Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург. Отдел рукописей. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. А. I/16. Л. 495—495 об. Эти сведения предоставил мне М.М. Кром, за что я ему очень благодарна.

¹⁷ *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России. С. 207—213.

¹⁸ Упоминания о картах в XVI веке рассматриваются в следующих работах по истории русской картографии раннего Нового времени: *Bagrow L.* History of Russian Cartography up to 1800. P. 1—17; *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989; *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989. С. 19—20; Карты земель российских. С. 7—36; *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века; *Rybakov B.A.* Russian Maps of the Fifteenth and Sixteenth Centuries. / Trans. J.A. Gibson // The Canadian Cartographer. 1977. Vol. 14. P. 10—23. О кадастрах как инструментах государства см.: *Kain R.J.P., Baigent E.* The Cadastral Map in the Service of the State: A History of Property Mapping. Chicago: University of Chicago Press, 1992; *Scott J.C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 1—83. (Рус. пер.: *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005). Свежий критический взгляд на связь между картами и государственной властью см. в статье: *Biggs M.* Putting the State on the Map: Cartography, Territory, and European State Formation // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41. P. 374—405.

¹⁹ Популярная легенда гласит, что Федор Годунов сам начертил эту карту. Кроме очевидной неправдоподобности этого утверждения есть свидетельства того, что недоразумение возникло в результате неправильного истолкования текста (*Keuning J.* Isaac Massa, 1586—1643 // *Imago Mundi*. 1953. Vol. 10. 65—79).

²⁰ О Большом чертеже и репродукции некоторых более поздних копий украинских карт см. в книге: *Bagrow L.* History of the Cartography of Russia up to 1800. P. 4—12; Книга Большому чертежу / Ред. К.Н. Сербина. М.: АН СССР, 1950; *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. С. 20—22; *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. С. 75—77. В тщательном исследовании фондов библиотеки царя Алексея Михайловича Дэниел Уо перечисляет многочисленные карты, как иностранные, так и местные: *Waugh D.C.* The Library of Aleksei Mikhailovich // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Berlin, 1986. Vol. 38. S. 299—324. Перечни карт из царской библиотеки встречаются в работах: *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: 1898. С. 311; ЧОИДР. 1893. Кн. 4. Смесь 13—14; Опись делам Приказа тайных дел 1713 года // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 1—43; Русская историческая библиотека (далее РИБ). Т. 21. Кол. 490—491. Заслуживает внимания передача карт

Нижнего и Среднего Поволжья в Приказ Казанского дворца 29 ноября 1682 г. (РИБ. Т. 21. Кол. 956). О составлении стратегических карт границ см.: *Kohlin H. The 17th-century Swedish and Russian Maps of the Borderland between Russian and the Baltic Countries // Imago Mundi. 1952. Vol. 9. P. 95—97.*

²¹ *Kain R.J.P., Baigent E. The Cadastral Map in the Service of the State. P. 344.*

²² *Scott J.C. Seeing Like a State. P. 47.*

²³ Что касается московских писцовых книг, до сих пор наиболее ценным остается исследование С. Б. Веселовского: Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства: В 2 т. М.: 1916. См. также: *Кочин Г. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 2. С. 145—186.*

²⁴ О крепостном праве и его связи с составлением кадастров см.: *Hellie R. Enserfment and Military Change. Chicago: University of Chicago Press, 1971; Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М.: Наука, 1975.*

²⁵ *Scott J.C. Seeing Like a State. P. 3. Об изменениях, произведенных распространением государственных перечней и реестров в Московии, см.: Poe M. The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia // Journal of Early Modern History. 1998. Vol. 2. No. 3. P. 247—273; Poe M. Muscovite Personnel Records, 1475—1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Vol. 45. No. 3. P. 361—378; Poe M. Elite Service Registry in Muscovy, 1500—1700 // Russian History/Histoire russe. 1994. Vol. 21. P. 251—288.*

²⁶ *Scott J.C. Seeing Like a State. P. 49. Скотт исследует различные способы сопротивления, используемые на первый взгляд бессильными членами общества, в работе: Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985. О картах как инструментах локального сопротивления см.: Craib R. B. Cartographic Mexico: A History of State Fixations and Fugitive Landscapes. Durham, N.C.: Duke University Press, 2004.*

²⁷ *Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков. М.: Стройиздат, 1989; Bagrow L. History of Russian Cartography up to 1800. P. 1—17; Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков / Ред. Н.Ф. Гуляницкий. М.: Стройиздат, 1994; Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России. С. 5—10; Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. С. 7—20. В списках фондов государственных архивов, составленных в XVII веке, упоминается много карт. Например: Записки Отделения русской и славянской археологии. Т. 2. С. 25—28. Я благодарна Дэниелу Уо за эту ссылку. Ряд карт XVII века были перерисованы и опубликованы: Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия (Приложение ко II-му тому Записок Славяно-Русского Отделения Археологического Общества) / Ред. В. Ломанский. СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1861.*

²⁸ О конфликтах на севере и на западе и о военных маневрах см.: *Ellersieck H.E. Russia under Aleksei Mikhailovich and Feodor Alekseevich, 1645—1682: The Scandinavian Sources. Ph.D. diss. University of California, Los Angeles, 1955; Lossky A. The Baltic Question, 1679—1689. Ph.D. diss. Yale University, 1948. О южной границе см.: Stevens C. B. Soldiers of the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press,*

1995. О Крыме и востоке см.: *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. О Сибири см.: *Скрынников П.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982; *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994 (рус. пер.: *Слёзкин Ю.Л.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008).

²⁹ О географических знаниях и покорении Сибири см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири: В 2 т. М.; Л.: АН СССР, 1960, 1965; *Bassin M.* Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography*. Vol. 14 (1988). P. 3—21; *Ефимов А.В.* Атлас географических открытий в Сибири. Т. I. С. 272.

³⁰ Русско-китайские отношения в XVII веке: В 2 т. / Ред. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969, 1972; *Ефимов А. В.* Атлас географических открытий в Сибири; *Свенске К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорскою Академиею наук в 1745 году, собраны из архива Императорской Академии наук, приложение к IX-му тому записок Имп. Академии наук. № 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1866; *Mancall M.* Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971; *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбов и книг Сибирского приказа (1592—1768), опубликовано: ЧОИДР. Кн. 200. 1902. С. 114—115; *Bagrow L.* A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tatar Strait, and Sakhalin // *Imago Mundi*. 1955. Vol. 12. P. 128; *Лебедев Д.М.* География в России XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 116—120.

³¹ *Bagrow L.* First Russian Maps of Siberia.

³² Удобный каталог московских карт можно найти в работе: *Кусов В.С.* Чертежи земли русской XVI—XVII вв. М.: Русский мир, 1993.

³³ О такого рода картах земельных участков см.: *Гудзинская А.П., Михайлова Н.Г.* Графические материалы как источник по истории архитектуры помещичьей и крестьянской усадеб в России XVII в. // *История СССР*. 1971. № 5. С. 214—227; *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства; *Кузин А.А.* Развитие чертежного дела в России. С. 131—169; *Тиц А.А.* Загадки древнерусского чертежа. Интересные заметки о чертежах см. в работе: Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Стб. 108. Л. 250, 257 (1687).

³⁵ Постников описывает своего рода процесс профессионализации в работе: *Outline of the History of Russian Cartography*. P. 18.

³⁶ О единицах измерения: верста составляла немногим больше километра, а сажень — чуть больше 2,13 метра, но меры были стандартизированы только в XVIII веке. О методах составления карт см.: *Gol'denberg L.A., Postnikov A.V.* The Development of Mapping Methods in Russia // *Imago Mundi*. 1985. Vol. 37. P. 63—80; *Huttenbach H.* Hydrography and the Origins of Russian Cartography // *Five Hundred Years of Nautical Science*. P. 142—152; *Ryan W.F.* Scientific Instruments in Russia from the Middle Ages to Peter the Great // *Annals of Science*. 1991. Vol. 48. P. 367—384.

³⁷ *Postnikov A.V.* *Outline of the History of Russian Cartography*. P. 11.

³⁸ *Komedchikov N.N.* The Language of Russian Geographical Drawings of the Period before 1700. Paper presented at the 20th International Conference on the History of Cartography. Portland; Maine, June 18, 2003.

³⁹ *Постников А.В.* Карты земель российских. С. 36. О российской картографии в XVIII веке см. также: *Shaw D.J.B.* Geographical Practice and Its Significance in Peter the Great's Russia // *Journal of Historical Geography*. 1996. Vol. 22. P. 160—176; *Shaw D.* «A Strong and Prosperous Condition»: The Geography of State Building and Social Reform in Peter the Great's Russia // *Political Geography*. 1999. Vol. 18. P. 991—1015.

⁴⁰ О Кирилове и Делиле, а также картографических проектах Петра см.: *Гольденберг Л.А., Постников А.В.* Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М.: Недра, 1990; *Goldenberg L.A.* Russian Maps and Atlases as Historical Sources. Trans. J.R. Gibson. Toronto: B.V. Gutsell, Dept. of Geography, York University, 1971; *Postnikov A.V.* Russia in Maps. P. 36—55; *Свенске К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи.

⁴¹ *Букхерт В.Г.* История Архива Межевой Канцелярии (Центрального межевого архива) 1768—1939: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Российский государственный гуманитарный университет. М.: 1991. С. 6; *Givens R.D.* To Measure and to Encroach: The Nobility and the Land Survey // *Russia and the World of the Eighteenth Century* / Ed. R.P. Bartlett, A.G. Cross, K. Rasmussen. Columbus, Ohio: Slavica, 1988. Спасибо Элиз Виртшафтер за эту последнюю цитату.

⁴² Эта карта сохранилась и воспроизведена в английском переводе Мас-сы, выполненном Дж. Эдвардом Орчардом. Смешанная перспектива, в которой вид сверху сочетается с боковыми проекциями зданий, шатров, лошадей и повозок, характерен для более поздних русских карт, но это один из первых дошедших до нас примеров, датируемый задолго до других эквивалентных карт с установленным русским авторством. См.: *Massa I.* A Short History of the Beginnings and Origins of These Present Wars in Moscow under the Reign of Various Sovereigns down to the Year 1610 / Transl. and introduction by G.E. Orchard. Toronto: University of Toronto Press, 1982. P. 130.

⁴³ Цитируется в работе: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1. С. 43.

⁴⁴ К сожалению, Багров не указывает свой источник (*History of Russian Cartography* up to 1800. P. 6). Другие труды о Спафарии не подтверждают историю Багрова. См.: *Mancall M.* Russia and China; *Foust C.M.* Spafarii, Nikolai Gavrilovich (Nicholaie Spatarul Milescu) // *Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*. Vol. 37. P. 20—24; *Фурсенко В.* Спафарий Милеску // *Русский биографический словарь*. Т. 19. С. 183—190.

⁴⁵ *Harley J.B.* Silences and Secrecy: The Hidden Agenda of Cartography in Early Modern Europe // *Imago Mundi*. 1988. Vol. 40. P. 61.

⁴⁶ *Ibid.* P. 59.

⁴⁷ О Виниусе и планах по публикации см.: *Bagrow L.* History of Russian Cartography to 1800. P. 42; *Bagrow L.* The Atlas of Siberia / Facsim. ed. Intro. L. Bagrow. 's-Gravenhage: Mouton, 1958. P. 14—15; *Bagrow L.* Semyon Remezov — A Siberian Cartographer // *Imago Mundi*. 1954. Vol. 11. P. 120—121; *Постников А.В.* Картографирование Сибири в XVII — начале XVIII века. Семен Ульянович

Ремезов и его рукописные атласы // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым в 1701 году: В 2 т. М.: ФГУП, РКО Картография 2003. Т. 2. С. 7—10. Андреев обратил внимание на подписи на голландском языке, но утверждал, что они были частью законного совместного российско-голландского издательского труда: Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1. С. 130. Решительное опровержение идеи Багрова см. в работе: *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 гг. М.: Наука, 1965. С. 92—95. О значении печатного дела для западной картографии см. среди прочих: *Brotton J.* Trading Territories: Mapping the Early Modern World. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1998. P. 35—42. И о картах в Османской империи, где не было книгопечатания: *Ibid.* P. 87—118.

⁴⁸ *Bagrow L.* History of Russian Cartography up to 1800. P. 163, 179, 186, 190—191, 194.

⁴⁹ *Ibid.* P. 179, 194.

⁵⁰ *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 2. С. 25—32. Спор между Энгелем и Дж. Ф. Миллером тянулся с 1765 по 1777 год.

⁵¹ Например, Л. А. Гольденберг обращает внимание на «этическую сторону незаконного присвоения частным лицом уникального памятника русской науки и культуры XVII в., по праву принадлежащего советскому народу» (Семен Ульянович Ремезов. С. 85). См. также: *Постников А. В.* Картографирование Сибири в XVII — начале XVIII века. С. 13.

2. КАРТОГРАФИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ И ЗАКОННОСТЬ В МОСКОВИИ

¹ *Harley J. B.* Silences and Secrecy. P. 57.

² *Kain R. J. P., Baigent E.* The Cadastral Map in the Service of the State. Особо резкие замечания о смыслах карт см. в провокационной статье: *Harley J. B.* Deconstructing the Map. P. 1—20. Этот выпад вызвал острую реакцию: Responses to J. B. Harley's Article «Deconstructing the Map» // *Cartographica.* 1989. Vol. 26. P. 89—127. Рассмотрение главенствующей роли карт централизованного государства и их «господствующей дисциплинарной власти» см., среди прочего, в работе: *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Rev. and extended ed., 2nd ed. London: Verso, 1991. P. 173 (Рус. пер.: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001). См. также работу: *Winichakul Th.* Siam Mapped: A History of the Geo-Body of a Nation. Honolulu, 1994, на которой Андерсон основывает свое изучение карт; и *Wood D., with Fels J.* The Power of Maps. P. 74—75. Идея картографирования как утверждения власти наиболее полно разработана в исследованиях западного культурного империализма. См.: *Edney M. H.* Mapping an Empire; *Mignolo W. D.* The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, and Colonization. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995; *Rabasa J.* Inventing America: Spanish Historiography and the Formation of Eurocentrism. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.

³ *King G. Mapping Reality: An Exploration of Cultural Cartographies.* N.Y.: St. Martin's Press, 1996. P. 139, 145.

⁴ Теоретик Дэвид Харви так характеризует эту точку зрения: «Создать один доминирующий картографический образ из всего этого множества — это акт доминирования, требующий огромной власти. Он означает навязывание единственного дискурсивного применения отображения многочисленным картографическим работам, искоренение различий и утверждение репрезентативного единообразия. Это типичная дискурсивная стратегия господствующей власти, которая намеревается обуздать воображение и приспособить эмпирические практики, а также социальные отношения и институты к господствующему способу производства, или, как предпочитает Фуко, к господствующей дисциплинарной власти». (*Justice, Nature and the Geography of Difference.* P. 284).

⁵ *Winichakul Th. Siam Mapped.* P. 47.

⁶ *King G. Mapping Reality.* P. 165.

⁷ *Barber P. Maps and Monarchs in Europe 1550—1800.* P. 87.

⁸ *Rural Images: Estate Maps in the Old and New Worlds / Ed. D. Buisseret.* Chicago: University of Chicago Press, 1996. О местных картах в европейском контексте см.: *Harvey P.D.A. Local and Regional Cartography in Medieval Europe // History of Cartography.* Vol. 1. P. 464; *Kain R.J.P., Baigent E. The Cadastral Map in the Service of the State.* P. 3—5, 331—332; *Harley J.B. Maps, Knowledge, and Power // The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments / Ed. D. Cosgrove, S. Daniels.* Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 300. О случайном характере развития и принятия картографирования см.: *Fletcher D.H. The Emergence of Estate Maps: Christ Church, Oxford, 1600—1840.* Oxford: Clarendon Press, 1995, особенно p. VII, 135; *Bendall S. Enquire «When the Same Platte Was Made and by Whome and to What Intent».* P. 34—48.

⁹ О росте государственного контроля и управления см.: *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / Ed. J. Kotilaine, M. Poe.* London: RoutledgeCurzon, 2004.

¹⁰ Например: РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Псковская губерния. № 3; Ф. 210. Севский стол. Ст. 397. Л. 401—402. Многочисленные иллюстрации, примеры и рассуждения см. в работах: *Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков; Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков / Ред. Н.Ф. Гуляницкий.* М.: Стройиздат, 1994; *Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России.* С. 13—15, особенно рис. 3. Багров воспроизводит дорожную карту территории между Чудским озером и озером Ильмень в книге: *History of Russian Cartography up to 1800.* P. 13. Fig. 7. См. также его работу: *A Russian Communications Map, 1685 // Imago Mundi.* 1952. Vol. 9. P. 99—101.

¹¹ *Waugh D.C. Library of Aleksei Mikhailovich.* P. 299—324.

¹² Книга Большому чертежу. С. 49.

¹³ *Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков.* С. 1—17; *Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков, passim; Постников А.В. Развитие крупномасштабной картографии в России.* С. 5—10; *Рыбаков Б.А. Русские карты Московии.* С. 7—20.

¹⁴ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Дело 1/2. Витебская губерния.

¹⁵ Там же. Ф. 1209. Углич. Стб. 35555. Ч. 2. Л. 171.

¹⁶ Там же. Углич. Стб. 35626. Ч. 2. Л. 234. Этот документ датируется 1730 г., но рассказывает о более раннем событии.

¹⁷ Там же. Торжок. Стб. 27491. Л. 177; карта на л. 175.

¹⁸ Там же. Елец-Ефремов. Стб. 23829. Л. 12; карта на л. 1.

¹⁹ Там же. Л. 4—40. Реймонд Б. Крейб в своей работе по местному картографированию в Мексике XIX века также находит, что местная реакция формируется скорее местными интересами, чем врожденным или наивным сопротивлением идее картографирования. См. его работу: *Craib R. B. Cartography and Power in the Conquest and Creation of New Spain // Latin American Research Review. 2000. Vol. 35. P. 7—36; и Yonemoto M. Mapping Early Modern Japan.*

²⁰ В северных уездах класс независимых собственников-крестьян сохранялся и в XVII веке, и немало исследований посвящены разбору характера и пределов их имущественных притязаний. Поскольку я еще не нашла каких-либо карт, появившихся в судебных процессах с участием этих крестьян, я не включила их в данное исследование. См., например: *Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М.: Археографический центр, 1997; и сборник, редактором которого она являлась совместно с Н. А. Горской: Представления о собственности в российском обществе XV—XVIII вв.: проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М.: Институт российской истории РАН, 1998.*

²¹ *Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.*

²² Рассмотрение земельных судебных дел XV и XVI веков см. в работе: *Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985. С. 161—198.*

²³ Наиболее полное изложение законодательства XVII века и описание судебных процедур по делам о границах и имущественном праве собственности можно найти в работе: *The Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649. Part 1. Text and Translation / Trans. and ed. R. Hellie. Irvine, Calif.: Charles Schlacks, Jr., 1988. Chap. 10. Arts. 231—237, 239, 243; Chap. 16. Arts. 60—63; Chap. 17. Arts. 18, 21, 45, 50—52.* В своде законов не упоминается составление карт как часть судебной процедуры.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Московский стол. Стб. 33020. Ч. 2. Л. 230. *Кусов В. С. Московское государство XVI — начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007. С. 207.* Обычная *десятина* была мерой земли, равной 2,7 акра, но она также могла обозначать более крупный участок размером 3,6 или 4 акра. *Четверть составляла половину десятины, а осьмина — половину четверти.* Дело еще более усложняется тем, что, поскольку в XVII веке обычно измерялась лишь одна треть трехпольного землевладения, фактические измерения иногда надо утраивать. См.: *Pushkarev S. G. Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917 / Ed. G. Vernadsky, R. T. Fisher. London: Yale University Press, 1970. P. 11, 77.*

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27991. Ч. 2. Листы не нумерованы. 1682 или 1683 г.

²⁶ Там же. Карачев. Стб. 25011. Л. 95.

²⁷ Там же. Суздаль. Стб. 28043. Л. 43. См. также пример частной инициативы: Ф. 210. Приказный стол. Стб. 2449. Л. 281, 284.

²⁸ РГАДА. Ф. 1209. Чернь. Стб. 24533. Л. 178, 181.

²⁹ Там же. Л. 188. В тексте говорится, что границы на чертеже были не «прямые». Поскольку на картах, представленных Земцовым, границы действительно показаны в виде прямых линий, то этот отрывок можно понимать скорее как жалобу на то, что границы были не прямыми в буквальном смысле, а не на то, что они были нечестно нарисованы.

³⁰ Там же. Карты Степана Жданова на л. 68, 176 и 180; карты Алексея Земцова — на л. 73, 185; и карта подьячего на л. 225. Есть другие случаи, где конфликтующие стороны представляли противоречивые карты и с презрением отзывались об изображении местности друг у друга. Например, в деле из Старорусского уезда 1690-х гг. представители трех монастырей продемонстрировали по несколько карт каждый в поддержку своих версий. Некоторые из пяти карт сильно истерты. Дело растянулось на сотни страниц (РГАДА. Ф. 1209. Новгород. Стб. 23667. Ч. 2. Л. 75—78, 303).

³¹ РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский (историческое название Польской). Стб. 34253. Ч. 1. Л. 132.

³² *Гудзинская А.П., Михайлова Н.Г.* Новые материалы по истории древнерусских городов // История СССР. 1970. № 4. С. 199—202. Ил. 2. Карты: РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35837. Ч. 1. Л. 44, 151.

³³ *Морозов Б.Н.* Чертеж конца XVII века подмосковной вотчины князей Воротынских // Архив русской истории. 1992. № 2. С. 189. Карты воспроизведены на с. 186—187.

³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Переславль-Залесский. Стб. 21993. Л. 253 (1691); Стб. 22122. Ч. 2. Л. 1 (1681); Кашин. Стб. 36641. Л. 123—124 (1690); Москва. Стб. 33020. Ч. 2. Л. 230 (1688); Стб. 40875. Ч. 2. Л. 74; Там же. Ф. 192. Оп. 1. Новгородская губерния. № 9. О национальной архитектуре того периода см.: *Громов Г.Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.

³⁵ Из семидесяти двух тридцать восемь были подьячими Поместного приказа, двое — подьячими Патриаршего казенного приказа, шестнадцать просто названы подьячими, и шестнадцать были местными городовыми воеводами, которые, возможно, были, а возможно, и не были составителями приписываемых им карт. В целом художники не были обучены составлению карт, чему не трудно поверить, если вспомнить, какими совершенно безыскусными были их картографические попытки. И все же в используемых ими палитре и условных обозначениях наблюдается некоторое однообразие. Багров приписывает многие рассматриваемые им карты профессиональным художникам: знаменщикам, иконникам (иконописцам), печатникам и чертежникам, тогда как в моей выборке только один из составителей карт принадлежал к художественной профессии — был иконописцем. Расхождение профессиональных характеристик можно объяснить различиями между типами изученных карт. Багров в первую очередь рассматривает карты, заказанные непосредственно центральными приказами и для них, главным образом для Разрядного и Сибирского приказов. См.: *Bagrow L.* History of Russian Carto-

graphy up to 1800. P. 1—44. Единственный иконописец — составитель карт в моей выборке (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Новгородская губерния. № 9) упоминается в работе: *Кусов В.С.* Чертежи Земли Русской XVI—XVII вв. С. 211. № 747. Карта, составленная священником: РГАДА. Ф. 1209. Кашин. Стб. 25720. Ч. 2. Л. 254.

³⁶ О землемерах и межевиках в качестве составителей карт см.: РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34278. Л. 1, 4, 36; Тула. Стб. 37455. Л. 100, 102. Записи о землемерных и межевых работах приводятся в книге: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. Другие подьячие Поместного приказа упоминаются в следующих делах: Михаил Тенев: РГАДА. Ф. 1209. Владимир. Стб. 33646. Ч. 1. Л. 110; Федор Истомин: Там же. Москва. Стб. 32727. Ч. 1. Посл. с.; Евфим Сумороков: Там же. Тула. Стб. 37455. Л. 102.

³⁷ Цитата: РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34236. Л. 5. Об Андрее Быковском см.: Там же. Суздаль. Стб. 27992. Ч. 1 (без нумерации страниц). Об Офросимове см.: РГАДА. Ф. 210. Стб. 108. О Постникове и стрельце см.: РГАДА. Ф. 1209. Торжок. Стб. 27217. Л. 73; Щекин и Мосалитинов: РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 1066. Л. 52; Васильев: РГАДА. Ф. 1209. Елец—Ефремов. Стб. 24155; и рассыльщик: Там же. Муром. Стб. 36090.

³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34236. Ч. 1. Л. 5—6.

³⁹ Там же. Суздаль. Стб. 27991. Ч. 2. Без нумерации. 1682 или 1683 г.

⁴⁰ Кобрин отмечает эту тенденцию дел растягиваться на десятилетия уже в XV и XVI веках: *Кобрин В.Б.* Власть и собственность. Примеры долгих дел см.: РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34226. Л. 212—426 (одиннадцать лет); Калуга. Стб. 26174. Л. 45—125 (десять лет); Муром. Стб. 36201. Ч. 2. Л. 266—446 (семь лет); Торжок. Стб. 27491. Ч. 1. Л. 175—184 (двадцать пять лет); Углич. Стб. 35601. Л. 2—6, 126—147 (шестнадцать лет); Углич. Стб. 35626. Ч. 2. Л. 231—240 (десять лет).

⁴¹ Примеры такого стремления к эффективности и истине см.: РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 2449. Л. 265; Стб. 1086. Л. 296—297; Стб. 1066. Л. 52; Ф. 1209. Алексин. Стб. 31086. Л. 186, 227; Калуга. Стб. 26646. Л. 141; Муром. Стб. 36032. Л. 202. Официальную, законную формулировку этого обязательства соблюдать правду см. в работе: *The Muscovite Law Code / Ed. R. Hellie.* Chap. 10. Art. 161.

⁴² См., например: РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 2449. Л. 285, 296; Там же. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34253; Калуга. Стб. 26646. Л. 138—139; Углич. Стб. 3555. Л. 2, 178—79, 210.

⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 28053. Л. 149—150. Встречный иск и указы о новом расследовании и составлении новой карты: Л. 155—157. В том же деле некоторые предполагаемые свидетели жаловались, что их указали как давших показания, которых они не давали. Они не присутствовали на расследовании и никому не поручали подписываться вместо себя (Л. 170).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Алексин. Стб. 31086 (1670-е гг.)

⁴⁵ Там же. Чернь. Стб. 24533. Л. 68—225.

⁴⁶ Там же. Углич. Стб. 3555. Ч. 2. Л. 209. См. также: Рис. 3.10.

⁴⁷ Там же. Муром. Стб. 36032. Л. 189—207; карты на л. 182, 183, 184—185. Подобным образом в трехстороннем деле, в котором Крутицкий митрополит выступал против двух групп дворян-землевладельцев в Звенигородском и Руз-

ком уездах в 1683 г., подьячего побили за подделку документов, при этом приговор впоследствии менялся несколько раз. См.: Там же. Стб. 36201, особенно л. 314.

⁴⁸ *Mitchell T. Colonizing Egypt*. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. lx.

⁴⁹ *Monmonier M.S. How to Lie with Maps; Poe M. The Imaginary World of Semen Koltovskii: Genealogical Anxiety and Falsification in Seventeenth-Century Russia // Cahiers du monde russe*. 1998. 39. P. 375—388.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Псковская губерния. № 3.

⁵¹ *Цитата из статьи: Fletcher G. Of the Russe Commonwealth // Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / Ed. L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison: University of Wisconsin Press, 1968. P. 132. Маршалл По развивает эту точку зрения в статье: Poe M. The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. P. 473—486.

⁵² Космография 1670 г. СПб.: Императорская Археографическая комиссия, 1878—1881. С. 267.

⁵³ *Weickhardt G.G. Due Process and Equal Justice in the Muscovite Codes // Russian Review*. 1992. Vol. 51. P. 463—480; *Weickhardt G.G. Pre-Petrine Property Law // Slavic Review*. 1993. Vol. 52. P. 663—679. Джером Горсей признавал действующую культуру закона в Московии и жесткие ограничения, которые она налагала на государство уже в конце XVI века. Он писал, что Иван Грозный «свел неясности и неопределенности их законов и судоговорения в чрезвычайно четкую форму письменного закона, чтобы любой человек понимал и защищал свое дело без адвоката и оспаривал большое наказание перед царским судом без задержки» (*Horsey J. Travels // Rude and Barbarous Kingdom*. P. 311).

⁵⁴ Джейн Бербанк убедительно доказывает эту точку зрения в своем исследовании крестьян и культуры закона в конце XIX — начале XX века. Она документально подтверждает расцвет активной культуры закона среди русских крестьян. См.: *Burbank J. Insult and Punishment in Rural Courts: The Elaboration of Civility in Late Imperial Russia // Etudes rurales*. 1999. 149—150. P. 147—171; *Она же. A Question of Dignity: Peasant Legal Culture in Late Imperial Russia // Continuity and Change*. 1995. Vol. 10. P. 391—404.

⁵⁵ *Algazi G. Lords Ask, Peasants Answer: Making Traditions in Late Medieval Village Assemblies // Between History and Histories: The Making of Silences and Commemorations / Ed. G. Sider, G. Smith. Toronto: University of Toronto Press, 1997. P. 199—229* (рус. пер.: *Альгази Гади. Господа спрашивают, крестьяне отвечают: Создание традиции на сельских сходах позднего Средневековья // История и антропология: Междисциплинарные исследования на рубеже XX—XXI веков / Ред. М. Кром, Д. Сэбиан, Г. Альгази. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 70—110); *Frank S.P. Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856—1914. Berkeley: University of California Press, 1999.**

⁵⁶ Повесть о Шемякином суде // *Русская демократическая сатира XVII века / Ред. В. П. Адрианова-Перетц. 2-е изд. М.: Наука, 1977. С. 17—25.*

⁵⁷ Примеры того, как люди более низкого статуса выигрывают дела у оппонентов более высокого чина, см. в документах: РГАДА. Ф. 1209. Новгород. Стб. 23667. Ч. 1 и 2. Л. 66—162.

⁵⁸ *Dewey H.W.* Judges and the Evidence in Muscovite Law // *Slavonic and East European Review*. 1957. 36. P. 189—194; *Dewey H.W.* The 1550 Sudebnik as an Instrument of Reform // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 10 (162). P. 161—180.

⁵⁹ *Горский А.Д.* Борьба крестьян за землю на Руси: в XV — начале XVI века. М.: Изд-во Московского университета, 1974; *Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян. М.: Наука, 1966. Согласно позднесоветской «сословно-представительной» модели, царский режим выростал в союзе с дворянством и горожанами. Например, см.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1978.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1209. Елец—Ефремов. Стб. 23829. Л. 4.

⁶¹ *Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М.: Изд. Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1915. С. 54. (Челобитная московских дворян, городских служилых людей, гостей и московских торговых людей, поданная царю Алексею Михайловичу 2 июня 1648 г., была изложена в реляции шведского резидента в Москве, Карла Поммеринга, королеве Христине от 6 июля того же года и приведена в издании П.П. Смирнова в переводе со шведского. — *Примеч. ред.*)

⁶² Там же. С. 60.

⁶³ *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI в. СПб: Алетейя, 2002; *Flier M.* Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // *Medieval Russian Culture*. P. 213—242; *Flier M.* Court Ceremony in an Age of Reform: Patriarch Nikon and the Palm Sunday Ritual // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine* / Ed. S.H. Baron, N.S. Kollmann. DeKalb: Northern University Press, 1997. P. 73—95; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: Открытое общество, 1998; *Kivelson V.A.* The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // *American Historical Review*. 1993. Vol. 98. P. 733—756; *Rowland D.* Did Muscovite Literary Ideology Place Any Limits on the Power of the Tsar? // *Russian Review*. 1990. Vol. 49. P. 125—156; *Rowland D.* Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia: The Blessed Host of the Heavenly Tsar // *Medieval Russian Culture*. P. 182—212.

⁶⁴ *Kollmann N.S.* By Honor Bound. P. 202 (рус. пер.: *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью). Об особого рода беспристрастности, характерной для московского закона, см.: *Weickhardt G.G.* Due Process and Equal Justice in the Muscovite Codes P. 463—480.

⁶⁵ *Kollmann N. S.* By Honor Bound. P. 202.

⁶⁶ *Henshall N.* The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London: Longman, 1992 (рус. пер.: *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003); *Kivelson V. A.* Autocracy in the Provinces: Russian Political Culture and the Gentry in the Seventeenth Century. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997; *Lieberman V.* Transcending East-West Dichotomies. P. 509; *Ostrowski D.* The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. P. 534—563.

3. Знаки в пространстве: КРЕСТЬЯНЕ И СОБСТВЕННОСТЬ В КРЕПОСТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

¹ РГАДА. Ф. 1209. Алексин. Стб. 31494. Ч. 1. Л. 115.

² Soja E.W. Postmodern Geographies. P. 7.

³ Там же.

⁴ Tuan Yi-Fu. Space and Place. P. 54.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 2239 (микрофильм). Л. 30; карта на л. 17—18 (1698/1699).

⁶ Там же. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34236. Л. 5—6.

⁷ Там же. Ф. 210. Поместный стол. Стб. 108. Л. 257; карта л. 258—263.

⁸ Там же. Ф. 1209. Вязьма и Можайск. Стб. 29680. Л. 179.

⁹ Pavlova E. From Turf to Icon: the Ritual of Legal Confirmation (Otvod) in Private Legal Documents of Northeastern Russian Principalities of the 1380s—1460s // Chicago Anthropology Exchange. 1995. Vol. 21. P. 71—86.

¹⁰ РГАДА. Суздаль. Стб. 27995. Ч. 2. Л. 71. Карты на л. 73а, 73б, 184а.

¹¹ Там же. Чернь. Стб. 24533. Л. 68, 73, 176, 180, 185, 225.

¹² Там же. Новгород. Стб. 23667. Л. 303.

¹³ Там же. Суздаль. Стб. 28043. Ч. 1. Л. 142.

¹⁴ Там же. Юрьев-Польский. Стб. 34226. Ч. 2. Л. 425—426; карта на л. 214. Природные характеристики и контуры земли предположительно больше говорили крестьянам, знакомым с каждой низиной, чем сегодняшним городским жителям. Тем не менее хаотическое состояние межевых знаков и путаница с местными ориентирами, очевидно, показывают, что близкие к земле сельские жители часто приходили в замешательство из-за неопределенности границ.

¹⁵ Там же. Юрьев-Польский. Стб. 34266. Ч. 3. Л. 429.

¹⁶ Там же. Москва. Стб. 32724. Ч. 2. Л. 10—11; карта на л. 1.

¹⁷ Там же. Алексин. Стб. 30972. Л. 226; карта на Л. 333 (1688).

¹⁸ Там же. Елец, Ефремов. Стб. 23829. Ч. 7. Л. 13; карта на л. 1.

¹⁹ Там же. Юрьев-Польский. Стб. 34226. Ч. 2. Л. 212—426; карта на л. 214.

²⁰ Там же. Суздаль. Стб. 28053. Ч. 1. Л. 149; карта на л. 129.

²¹ Там же. Владимир. Стб. 33646. Л. 117, 81.

²² Там же. Ф. 1209. Углич. Стб. 3555. Л. 166; карты на л. 10, 164.

²³ Там же. Л. 167, 165. Еще одно дело, в котором встречаются многочисленные названия и прозвища: РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34253. Л. 69—70; карта на л. 132.

²⁴ Это стереотипная фраза. См., например: РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34236. Л. 5—6.

²⁵ РГАДА. Ф. 1209. Калуга. Стб. 26646. Ч. 2. Л. 131—132. См. рис. 3.9.

²⁶ И наоборот, колониальные карты часто изображали коренные народы дикарями. См.: Harley J.B. Maps and the Colombian Encounter: An Interpretive Guide to the Travelling Exhibition. Milwaukee: University of Wisconsin, 1990.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35730. Л. 89—90. Похожий случай см.: Там же. Владимир. Стб. 33580. Ч. 1. Л. 101.

²⁸ Там же. Торжок. Стб. 27015. Ч. 1. Л. 132а. Похожий случай: РГАДА. Ф. 1209. Калуга. Стб. 26646. Ч. 2. Л. 131—132. Карты также показывали изменения в другом направлении. На симпатичной карте из Переславля-Залесского отмечено: «Деревня, что была пустошь Короваево поместья Василя да Микифора Ефир[ова?]» (Там же. Переславль-Залесский. Стб. 22076. Л. 231). На карте из Углича упоминается «пустошь, что ныне деревня Перетягино» (Там же. Углич. 35626. Ч. 1. Л. 76; другие версии на л. 77, 231).

²⁹ Там же. Ф. 1209. Москва. Стб. 32724. Ч. 2. Л. 3; карта на л. 1.

³⁰ Там же. Юрьев-Польский. Стб. 34252. Ч. 1. Л. 15 (карта на двух листах, л. 2).

³¹ Там же. Владимир. Стб. 33646. Л. 117.

³² Там же. Углич. Стб. 35730. Ч. 1. Л. 57—61.

³³ Паоло Скуатрити рассматривает значение болот в средневековой экономике, а также причины и следствия перехода от классической антипатии в отношении болот к средневековому пониманию их полезности: *Squatriti P. Water and Society in Early Medieval Italy, AD 400—1000*. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.

³⁴ Там же. Ф. 1209. Дмитров. Стб. 38873. Ч. 2. Л. 284—285. Вязьма и Можайск. Стб. 29753. Л. 79.

³⁵ Там же. Муром. Стб. 36121. Л. 86.

³⁶ Космография 1670 г. С. 270. Ни Герхард Меркатор, ни Абрахам Ортелиус не описывали такими словами русские леса. На самом деле Меркатор отмечает, что русские леса «долгим трудом теперь стали настолько редки, что они не могут, как полагают многие, похвастаться такой густотой и непроходимостью, как прежде» (*Mercator G., Hondius J. Historia Mundi: Or Mercator's Atlas Containing his Cosmographical Description of the Fabrick and Figure of the World*. London: T. Cotes, 1635. P. 166).

³⁷ Горький М. О русском крестьянстве. Изд-во И.П. Ладыжникова. Берлин, 1922. <http://www.rulife.ru/mode/article/68/> (просмотр 5 ноября 2010 г.). Я бы хотела поблагодарить Наталию Мишакову за помощь в отыскании этого источника. Цитируется в работе: *Koslow J. The Despised and the Damned: The Russian Peasant through the Ages*. N.Y.: Macmillan, 1972. P. 35. И-Фу Туан использует этот отрывок для иллюстрации того, что он считает русским пониманием пространства (*Tuan Yi-Fu. Space and Place*. P. 56).

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 1086. Л. 294; карта на л. 292.

³⁹ Там же. Ф. 1209. Вязьма и Можайск. Стб. 29609. Л. 264, 167.

⁴⁰ Там же. Калуга. Стб. 26646. Ч. 2. Л. 131—132. Дело описывается на л. 127—147.

⁴¹ Там же. Л. 139.

⁴² Там же. Кашира. Стб. 25720. Ч. 2. Л. 245—246. Дело находится на л. 241—295. Черновой набросок находится на л. 243. См. дело с проявлениями крайней жестокости: Там же. Тула. Стб. 37455; текст на л. 108—117; карта на л. 112—113.

⁴³ О протобюрократических элементах в допетровской системе приказов см. работу: *Plavsic B. Seventeenth-Century Chanceries and Their Staffs // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the*

Twentieth Century / Ed. W.M. Pintner, D.K. Rowney. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 21—45.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Воронеж. Стб. 34699. Л. 161—164.

⁴⁵ Там же. Вязьма и Можайск. Стб. 29609. Л. 162. Еще один великолепный пример с идеальными кругами см.: Тверь. Стб. 40875. Ч. 2. Л. 74.

⁴⁶ Там же. Воронеж. Стб. 34698. Л. 246—247; Стб. 34699. Л. 264.

⁴⁷ Там же. Кашира. Стб. 25720. Ч. 2. Л. 245—246; еще одна карта из того же дела на л. 243.

⁴⁸ Там же. Алексин. Стб. 30972. Ч. 2. Л. 174а. См. огромную городскую карту, на которой подобные социальные разделения обозначены в пространстве: Там же. Галич. Стб. 20640. Ч. 3. Л. 1.

⁴⁹ Я нашла полезный анализ понятий интернальности и экстернальности, гранич и исключения в работах: *Jameson F.* Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham; N.C.: Duke University Press, 1991. P. 38—45, 97—129; *Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. N.Y.: Praeger, 1966 (рус. пер.: *Дуглас М.* Чистота и опасность / Пер. с англ. Р. Громова под ред. С. Банковской. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000).

⁵⁰ *Soja E.W.* Postmodern Geographies. P. 6. См. также: *Harley J.B.* Maps, Knowledge, and Power // *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments* / Ed. D. Cosgrove, S. Daniels. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; 1994. P. 277—312.

⁵¹ Энн Йенсен Адамс отмечает, что на миниатюре, иллюстрирующей месяц март в Часослове Жана, герцога Беррийского (1413—1416), «крестьяне, обрабатывающие земли герцога, зрительно заключены в границы тех полей, к которым они прикреплены» (*Adams A.J.* Competing Communities in the «Great Bog of Europe»: Identity and Seventeenth-Century Dutch Landscape Painting // *Landscape and Power* / Ed. W. J.T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 42).

⁵² РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36201. Ч. 2. Л. 442. Другие карты и тексты к ним на л. 266, 419—420, 464.

⁵³ Там же. Суздаль. Стб. 27955. Ч. 2. Л. 184а. Эти карты относятся к делу о реке Тумке и ее изменчивом русле, о котором мы говорили ранее в этой главе.

⁵⁴ Там же. Суздаль. Стб. 28053. Л. 129. Здесь и далее в документах часто используется общее обозначение «понятые люди» — люди, которых призвали или заставили выступить в качестве свидетелей. Карты очень часто приписывают сведения понятым людям. Например: Торжок. Стб. 27386. Ч. 1. Л. 224. В других делах используется более точная терминология, как, например, на суздальской карте, на которой полностью написаны имена всех: «...старожилы и окольные люди... Суздальского уезду поместья», принадлежащих различным землевладельцам: РГАДА. Ф. 1209. Суздаль. Стб. 27994. Ч. 1.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1209. Вязьма и Можайск. Стб. 29680. Л. 180.

⁵⁶ Там же. Дмитров. Стб. 38873. Ч. 2. Л. 284—285.

⁵⁷ Например: РГАДА. Ф. 1209. Алексин. Стб. 31417. Л. 139 об. — 40 об.

⁵⁸ Там же. Переславль-Залесский. Стб. 22076. Л. 209—230. Цитируемый отрывок находится на л. 217.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1209. Новгород. Стб. 23667. Ч. 1. Л. 66—85. Карты находятся на л. 76, 77, 78 и 303.

⁶⁰ Там же. Суздаль. Стб. 27955. Л. 72.

⁶¹ Там же. Юрьев-Польский. Стб. 34253. Номера страниц трудно разобрать. Возможно, этот отрывок находится на л. 73.

⁶² Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний Государственного исторического музея. М.: Наука, 1994. № 16. С. 22—23.

⁶³ Там же. № 24. С. 27.

⁶⁴ Не все помещики занимали такую пассивную позицию. Крестьянские челобитные XVII в. № 25. С. 27. См. опровержение образа московских помещиков как отсутствующих землевладельцев в работе: *Ostrowski D. Early Pomest' e Grants as a Historical Source // Oxford Slavonic Papers. New Series. 2000. Vol. 33. P. 62.*

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1209. Юрьев-Польский. Стб. 34253. Возможно л. 23 или 73. «Своею одною»: РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 2239. Л. 25-29.

⁶⁶ В 1681 году крестьяне Спасо-Прилуцкого монастыря обратились с прошением к архимандриту по поводу земли, которую они арендовали у монастыря. Описывая свой договор, они утверждали, что взялись «владеть пустошью и оброк платить пополам и поделить поземелно, всякому свои паи розпахивать и розчищать, с того и оброк платить» (Крестьянские челобитные XVII в. [№ 144.] С. 123).

⁶⁷ В северных областях России немногочисленные крестьяне, не закрепленные за помещиками, называемые черными, или тяглыми, крестьянами, которые сами владели землей и платили налоги непосредственно в государственную казну, могли считать землю своего государя своей собственной. Об отношении черных крестьян к собственности см.: *Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне. С. 259—277; Представления о собственности в российском обществе XV—XVIII вв. Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи / Ред. Е.Н. Швейковская, Н.А. Горская. М.: Институт российской истории РАН, 1998; Собственность в России. Средневековье и раннее Новое время / Ред. Н.А. Горская. М.: Наука, 2001.*

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1209. Вязьма и Можайск. Стб. 29680. Л. 180.

⁶⁹ Там же. Торжок. Стб. 27015. Л. 121; карта на л. 133.

⁷⁰ Там же. Торжок. Стб. 27217. Л. 74; карта на л. 87.

⁷¹ Там же. Калуга. Стб. 26646. Ч. 2. Л. 139.

⁷² *Веселовский С.Б. Сошное письмо. О налогах и их сборах в XVII веке. Помимо Веселовского см.: Blum J. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961. P. 228—235.*

⁷³ Уложение. Гл. 16. Ст. 38.

⁷⁴ Там же. Ричард Хелли переводит «деловые люди» как «рабы»; но это выражение можно понимать иначе, как «наемные ремесленники». О деловых людях см.: *Hellie R. Slavery in Russia, 1450—1725. Chicago: University of Chicago Press. 1982 (рус. пер.: Хелли Р. Холопство в России 1450—1725 / Предисл. и науч. ред. А.Б. Каменский. М.: Издат. центр «Академия», 1998).*

⁷⁵ РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35741. Номера листов отсутствуют.

⁷⁶ О введении новой системы налогообложения в 1679 г. см.: *Blum J. Lord and Peasant in Russia*. P. 234.

⁷⁷ Там же. Алексин. Стб. 30972. Ч. 2. 1688. Л. 175—205. Ч. 4. Л. 303, 314—315. Карты на л. 174а, 333.

⁷⁸ Там же. Углич. Стб. 3555. Ч. 2. Л. 166—179, 209—210. Продолжение того же дела см.: РГАДА. Ф. 1209. Углич. Стб. 35730. Ч. 1. Л. 57—61. 1684. Одна из нескольких карт по этому делу воспроизведена на вклейке 5.

⁷⁹ Anonymous plat of land belonging to Governor Joseph West, 1680, South Carolina // Buisseret. *Rural Images*. Plate 4; Savery S. James Read's estate on the Ogeechee River. 1769. Особняк и картуш см.: Там же (вклейка 6).

⁸⁰ *Kolchin P. American Slavery, 1619—1877*. N.Y.: Hill and Wang, 1993. P. 114.

⁸¹ *Cradock J. Plan of Parnassus Estate, 1758* // Buisseret. *Rural Images*. Plate 5. «Дома негров» и «участки негров» перечислены в указателе, но на карте изображены только в виде букв. Как и американские карты, большинство этих вест-индских карт относятся к XVIII веку.

⁸² *Craton M. Property and Propriety: Land Tenure and Slave Property in the Creation of a British West Indian Plantocracy, 1612—1740* // *Early Modern Conceptions of Property* / Ed. J. Brewer, S. Staves. London: Routledge, 1996. P. 516.

⁸³ *Hill T. Property at Vauxhall, Surrey, 1681* // Buisseret. *Rural Images*. P. 58. Fig. 2.26 (господский дом и дома арендаторов); Norden J. From survey of King's Honour of Windsor, Berkshire, 1607 // *Ibid.* P. 42. Fig. 2.13 (с господским домом и фермером-арендатором с козой).

⁸⁴ Уолтер Джонсон в исследовании повседневных операций на невольничьих рынках Луизианы приходит к заключению, что рабовладельцы стремились к самоутверждению и удовлетворению посредством владения рабами (*Johnson W. Soul by Soul: Life inside the Antebellum Slave Market*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999). Об отношениях хозяин — крепостной см. также: *Bush L.M. Serfdom in Medieval and Modern Europe: A Comparison* // *Serfdom and Slavery: Studies in Legal Bondage* / Ed. Bush. London: Longman, 1992. P. 223.

⁸⁵ *Hoch S. The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order* // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* // Ed. J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 200.

⁸⁶ *Hellie R. Slavery in Russia, 1450—1725*; Idem. *The Stratification of Muscovite Society: The Townsmen* // *Russian History/Histoire russe*. 1978. Vol. 5. P. 119—175.

⁸⁷ Орландо Паттерсон отмечает, что некоторые виды московского рабства не лишали поработенных социального существования. Рабы могли считаться частью более крупного сообщества. И Московия не была уникальной в этом отношении. См.: *Patterson O. Slavery and Social Death: A Comparative Study*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.

⁸⁸ *Soja E.W. Postmodern Geographies*. P. 7, 25.

⁸⁹ *Ibid.* P. 71. Цитата из работы: *Castells M. The City and the Grass Roots*. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 4.

4. «ДУШИ ПРАВЕДНЫХ В СВЕТОМ МЕСТЕ»:
ЛАНДШАФТ И ПРАВОСЛАВИЕ НА РУССКИХ КАРТАХ XVII ВЕКА

¹ Панич Т.В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского. «Естественнонаучные» сочинения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. С. 76—77, 81—83; цитата на С. 83. Я благодарна Георгу Михелсу за эту ссылку. О шестодневях см.: Словарь книжников и книжностей Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, 1987. Т. 1. С. 478—483.

² Mitchell W.J.T. Imperial Landscape // Landscape and Power. P. 15.

³ Историки картографии, чье поле исследований находится за пределами России, начали анализировать религиозные и идеологические представления, присущие картам, но обычно они сосредотачивают внимание на идеологическом содержании мировых и национальных карт, а не местных. См., например, следующие работы: Woodward D. Reality, Symbolism, Time, and Space in Medieval World Maps // Annals of the Association of American Geographers. 1985. Vol. 75. P. 510—521; The History of Cartography / Ed. J. B. Harley, D. Woodward. Vol. 1. Интересное толкование городской карты см. в статье: Schultz J. Jacopo de' Barbari's View of Venice: Map Making, City Views, and Moralized Geography before the Year 1500 // Art Bulletin. 1978. Vol. 60. P. 447—452.

⁴ Marker G. Literacy and Texts in Muscovy: A Reconsideration // Slavic Review. 1990. Vol. 49. P. 74—89; Idem. Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation // Russian Review. 1989. Vol. 48. P. 1—19.

⁵ Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y.: Oxford University Press, 1992. P. 102.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Елец-Ефремов. Оп. 57. Стб. 86/23829. Ч. 7. Л. 3.

⁷ Там же. Юрьев-Польский. Стб. 34236. Ч. 1. Л. 11.

⁸ Морозов Б. Н. Чертеж конца XVII века подмосковной вотчины князей Воротынских. С. 189. И-Фу Туан отмечает, что «примитивная картография» часто очень скрупулезна и содержит больше, чем строго необходимо. Он объясняет это излишество «желанием сохранить общее географическое знание в картографической форме» (Tuan Yi-Fu. Space and Place. P. 77).

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Торжок. Стб. 27386. Л. 296.

¹⁰ В современном контексте эта идея была выражена Иосифом Бродским, когда он написал в предисловии к альбому черно-белых фотографий Советской России: «Черно-белые фотографии очень подходят для России, поскольку это государство в основном потертого серого цвета. Художник, рисующий здесь свой пейзаж яркими красками, делает одолжение своему ремеслу, а не реальности, если только, конечно, он не решил бросить ей вызов» (Brodsky J. In Praise of Gray // Poliakov L. Russia: A Portrait. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1991. P. 6).

¹¹ См. наблюдения Дэниела Роуланда о роли вертикальных структур, церквей и башен в статье: Rowland D. Boris Godunov's Uses of Architecture // Architectures of Russian Identity, 1500 to the Present / Ed. J. Cracraft, D. Rowland. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 34—47.

¹² Морозов Б.Н. Чертеж конца XVII века. С. 189. Карта воспроизведена на с. 186—187.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36032. Л. 182, 183, 184.

¹⁴ Там же. Чернь. Стб. 24533. Ч. 1. Л. 68, 176, 180 (1677). Изображая ту же территорию, его оппонент по этому делу и судебный писец использовали совершенно другие символы для представления деревень: Л. 73, 185, 225. О смысле и образах креста см.: *Святославский А.В., Трошин А.А.* Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлекхранилище, 2000.

¹⁵ *Baxandall M.* Art and Experience in Sixteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. 2nd ed. N.Y.: Oxford University Press, 1988. 35.

¹⁶ *Hurwitz E.* Metropolitan Hilarion's Sermon on Law and Grace // Russian History/Histoire russe. 1980. 7. P. 332, 333. Фраза «схатологический психоз» заимствована из работы: *Billington J.H.* The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. N.Y.: Vintage Books, 1966. P. 139 (рус. пер.: *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001). См. образцы пессимистичного взгляда: *Florovsky G.* Ways of Russian Theology. Part 1. Belmont, Mass.: Nordland, 1979. P. 86—114; *Goldfrank D.* Pre-Enlightenment Utopianism in Russian History // Russian History/Histoire russe. 1984. Vol. 11. P. 123—147; *Thomson F.J.* The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century: The Case of the Slavonic Translations and the Reception of the Pseudo-Constantinian Constitution (Donatio Constantini) // Slavic Gandensia. 1995. Vol. 22. P. 63—107.

¹⁷ *Billington J.H.* The Icon and the Axe. P. 139—140. Еще одно выражение апокалиптической идеи: Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Paris: YMCA Press, 1947; переиздано с новой нумерацией страниц в 1971 г.: С. 195.

¹⁸ *Flier M.S.* Till the End of Time: The Apocalypse in Russian Historical Experience before 1500 // Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice / Ed. R.H. Green, V.A. Kivelson. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 127—158. См. также: *Idem.* Filling in the Blanks: The Church of the Intercession and the Architectonics of Medieval Muscovite Ritual // Harvard Ukrainian Studies. 1995. 19. P. 120—137; *Rowland D.* Moscow — The Third Rome or the New Israel? // Russian Review. 1996. Vol. 55. P. 591—614. Георгий Федотов поддерживает обе точки зрения, но разделяет их хронологически, приписывая светлый этап средневековой Киевской Руси, а темный этап — Московии (*Fedotov G.P.* The Russian Religious Mind. 2 vols. Belmont, Mass.: Nordland, 1975 (рус. пер.: *Федотов Г.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X—XIII вв.; Т. 11: Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII—XV вв. М.: Мартис, 2001, 2004.) Особенно: Vol. 1. P. 158—175). Такое хронологическое деление принято многими другими учеными. См.: *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. С. 56—57; *Hurwitz E.* Metropolitan Hilarion's Sermon on Law and Grace. P. 332, 333.

¹⁹ О пре- и постмилленаристских вариантах апокалиптической мысли см.: *Marsden G. M.* Fundamentalism and American Culture: The Shaping of Twentieth-Century Evangelicalism: 1870—1925. Oxford: Oxford University Press, 1980. P. 48—55.

²⁰ Панич Т.В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского. С. 88.

²¹ Там же. С. 89.

²² Keenan E. Afterword: Orthodoxy and Heterodoxy // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine. P. 201. Подобный взгляд на границы понимания народной религиозности см. в работе: *Bushkovitch P. Religion and Society*. P. 7, 212—213.

²³ Репрезентативные примеры подобных исследований см. в очерках: *Kaiser D. Quotidian Orthodoxy: Domestic Life in Early Modern Russia*; *Levin E. From Corpse to Cult in Early Modern Russia*; *Rowland D. Two Cultures, One Throne Room: Secular Courtiers and Orthodox Culture in the Golden Hall of the Moscow Kremlin*; *Thyret I. Women and Orthodox Faith in Muscovite Russia: Spiritual Experience and Practice // Orthodox Russia*. P. 179—192, 81—104, 33—58, 159—175.

²⁴ *Michels G.B. At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999. Михелс выступает против названия этих раскольников староверами, поскольку, как он говорит, староверы стали последовательным движением только в XVIII веке.

²⁵ Л.Н. Пушкарев отмечает важность взаимодействия человеческого и божественного, наблюдаемую в том, как человек изображает природу более красивой, чем она есть, что выражено в русских народных пословицах. См.: *Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII—XVIII веков*. М.: Наука, 1994. С. 98—101. Г.В. Алферова увлекательно доказывает идею о том, что города Московии проектировались и строились на основе тонкого эстетического чувства, определяющего планировку города (*Алферова Г.В. Русские города XVI—XVII веков*).

²⁶ Я.С. Лурье, описывая миниатюры XV века, пишет, что «звери и птицы были не реальными видами животного мира, а прежде всего символами — носителями определенных нравственных свойств, предметами богословских уподоблений». См.: *Лурье Я.С. Два миниатюриста XV в.: К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси / Ред. В.Г. Базанов*. М.: Наука, 1976. С. 108.

²⁷ *Baxandall M. Art and Experience in Sixteenth-Century Italy*. P. 34.

²⁸ *Федоров-Давыдов А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX века*. М.: Искусство, 1953; *Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства*. С. 43—56; *Султанов Н. Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях: Исследование по рукописи XVI века: «Житие Николая Чудотворца» с 16-ю таблицами рисунков*. СПб.: Типография И. Вошинского, 1881; *Осташенко Е.Я. Архитектурные фоны в некоторых произведениях древнерусской живописи XIV века // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.* М.: Наука, 1970. С. 275—309; *Успенский А. К истории русского бытового жанра (Scène de genre, tirées de manuscrits russes du XVII-e s.) // Старые годы*. 1907. № 1. С. 207—215; *История русского искусства / Ред. И. Грабарь*. М.: АН СССР, 1955, 1959. Т. 3—4. О садах в Московской культуре см.: *Забелин И.Е. Московские сады в XVII ст. // Забелин И.Е. Опыты изучения русских древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи*. Ч. 2. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1873. С. 266—321.

²⁹ *Alpatov M.V.* Early Russian Icon Painting. Moscow: Iskusstvo, 1984. Вклейка 179. «Св. Николай Зарайский с житием». Клеймо: «Св. Николай изгоняет дьявола», начало XVI века (Музей Андрея Рублева).

³⁰ Самое яркое изображение резкого перехода от Эдемского сада к голому внешнему миру, которое я видела, было на дверях, выставленных в Музее имени Андрея Рублева (жертвенник конца XVI — начала XVII в.). Другие примеры: *Alpatov M.V.* Early Russian Icon Painting. Plate 203; *Popov G.* Tver Icons, 13th—17th centuries. St. Petersburg: Aurora Art Publishers, 1993. Plate 173; *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. С. 65. Черно-белая вклейка № 52, фрагменты на цветной вклейке 115. Тема изгнания обсуждается в работе: *Сергеев В.Н.* Духовный стих «Плач Адама» на иконе // ТОДРЛ. 1971. 26. С. 280—286.

³¹ Занимательные образы из «Бытия Святой Троицы» показывают изгнание, а также сотворение мира: «Троица в бытии» // Искусство Строгановских мастеров. Реставрация. Исследования. Проблемы. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1991. С. 33. Вклейка 4 (текст на с. 32); «Троица в бытии, 1580—90 гг.» // Древнерусское искусство. М.: Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Грабаря, 1990. Т. 1. Новые открытия реставраторов. Вклейка 20. Образы Богоматери в раю см. на вклейке 163 в книге: *Alpatov M.V.* Early Russian Icon Painting, на иконе «О тебе радуется» из Успенского собора Московского Кремля, ок. 1500; О тебе радуется: Русские иконы Богоматери XVI — начала XX века: Каталог выставки из фондов Музея имени Андрея Рублева, 1995. М.: Авангард, 1995. Вклейка 10, текст на с. 39. Икона «О тебе радуется» основана на песнопении Иоанна Дамаскина, и ее идея постоянно усиливалась гимном «Достойно есть».

³² *Alpatov M.V.* Early Russian Icon Painting. Plate 113: «Страшный суд», Третьяковская галерея, середина XV века; *Smirnova E.* Moscow Icons, 14th—17th Centuries. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1984. P. 283. No. 113. Ряд других образов повторяют ассоциацию между деревьями и раем. См., например: *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. Цветная вклейка 116 (на новгородской иконе середины XVII века «Символ веры» представлены души в лоне Авраамовом на фоне деревьев, увешанных виноградом). На фреске 1642—1643 гг. «Благовещение Иоакиму и Анне», находящейся в третьем ярусе на южной стене Успенского собора Московского Кремля, в сценах также изображены деревья, при этом Благовещение Анне происходит на фоне райских деревьев, характерных для карт, в то время как деревья Иоакима более натуралистичны: *Tolstaya T.V.* The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin: For the 500th Anniversary of the Unique Monument of Russian Culture. Moscow: Iskusstvo, 1979. Plate 38.

³³ Эта икона воспроизводится в нескольких местах. Особенно хорошие репродукции можно найти в книге: *Smirnova E.* Moscow Icons. Plates 176—179. Комментарии к этой иконе можно найти в работах: *Антонова В.И., Мневя Н.Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVII в.: В 2 т. М.: Искусство, 1963; *Кочетков И.А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая (Благословенно воинство небесного царя)» // ТОДРЛ. 1985. Т. 38. С. 185—209; *Rowland D.* Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia.

³⁴ «Что Ты наречем, о благодатная» // О тебе радуется: Русские иконы Богоматери XVI — начала XX века: Каталог выставки из фондов Музея имени Андрея Рублева. М.: Авангард, 1995. С. 43. № 18. Описание рая, как места, куда и Иисус, и кающийся вор попадают после своей смерти, происходит из Евангелия от Луки 23:43 (*McKenzie J.L., S.J. Dictionary of the Bible. London: Geoffrey Chapman, 1972. P. 637.*)

³⁵ «Благоразумный разбойник Рах в раю» // Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Вклейка 167.

³⁶ «Владимирская Богоматерь (Древо государства Московского)» // Smirnova E. Moscow Icons. Plates 199—200; Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. Цветная вклейка 17; Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. С. 411—413. Вклейка 143. Анализ этой иконы можно найти в работе: *Thyret I. Between God And Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001. P. 70—79.*

³⁷ «Двоесловие живота и смерти» // Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. Вклейки 87, 203 (фрагменты).

³⁸ «Богоматерь Вертоград заключенный» // Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. Цветная вклейка 27, 113 (фрагменты).

³⁹ Федоров-Давыдов А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX века. С. 19; Кусов В.С. Картографическое искусство Русского государства. С. 43—56. Как показывает Кусов, архитектурные изображения, обозначающие расположение городов и монастырей, появились на иконах уже во второй четверти XVI века. Деревья и элементы природного ландшафта, изображенные не в обстановке рая, появляются позже. Постников возражает против анализа отношения между картами и иконами, данного Кусовым (*Постников А.В. Карты земель российских*).

⁴⁰ Федоров-Давыдов А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX века. С. 18—23. На раннем, переходном произведении 1623 г. — фронтисписе к иллюстрированному «Житию Зосимы и Савватия» — художник изобразил Соловецкий монастырь полностью, со всеми окружающими водоемами, деревьями и стилизованными деревьями. См.: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Ред. Д.С. Лихачев. М.: Искусство, 1980. С. 239.

⁴¹ «Всякое дыхание да славит господя» // Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. С. 131. Ср.: Данилова И.Е., Мнева Н.Е. Живопись XVII века // История русского искусства / Ред. Грабарь. С. 426.

⁴² Дэниел Роулэнд рассматривает вопрос восприятия и понимания образов фресок дворянами, не слишком просвещенными в богословии. Он указывает, что люди, часами стоящие в приемных покоях царя, «должны были как-то понимать настенные изображения, даже если они и видели только беспорядочный набор образов. Каждый придворный привносил в свое восприятие фресок собственный опыт и интересы, и для каждого послание несколько отличалось» (*Rowland D. Two Cultures, One Throne Room. P. 33—58.*)

⁴³ Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая»; *Rowland D. Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia. Особенно P. 183.*

⁴⁴ Классическое представление Преображения в 1490-х гг. наиболее ярко иллюстрирует использование мандалы. См.: *Smirnova E.* Moscow Icons. Plates 121—123. Невозможно перечислить все иконы, на которых присутствуют мандалы как означающие божественного пространства. Вот несколько примеров XVII века: «Символ веры» // *Alpatov M.V.* Early Russian Icon Painting. Plate 203; *Филатьев Иван.* «Успение» // Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. Вклейка 31; «Дни Творения». Вклейка 61; «Воскресение». Вклейка 65.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1209. Муром. Стб. 36032. Л. 183, 184; Новгород. Стб. 23667. Л. 303; Юрьев-Польский. Стб. 34252. Ч. 1. Л. 15. Моя благодарность Дэну Роулленду за предложение таким образом интерпретировать круги в пространстве.

⁴⁶ Откровение св. Иоанна Богослова 21:10. Антонова и Мнева тщательно анализируют библейские и гимнологические отсылки на этой иконе, но они не упоминают открытый круг и не рассматривают его значение (Каталог древнерусской живописи. С. 128—134). Самая близкая текстовая аналогия, которую мне удалось найти, довольно вольная. Это Откровение 21:24—25: «Спасенные народы будут ходить во свете его [Нового Иерусалима], и цари земные принесут в него славу и честь свою. Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет». Другие образы, заимствованные из Откровения, также вольно интерпретируются на этой иконе, как, например, отсылки к рекам и деревьям в Откровении 22:1—2: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улий его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов».

⁴⁷ О различии между плодоносящими и бесплодными деревьями см.: *Кочетков И.А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая». С. 198—199. О значениях образов, приравнивающих Москву к Новому Иерусалиму, Граду Небесному, и об их влиянии на среду обитания см.: *Баталов А.Л., Вятчина Т.Н.* Об идейном значении и интерпретации Иерусалимского образца в русской архитектуре XVI—XVII вв. // Архитектурное наследство. 1988. № 36; *Flier M.S.* Breaking the Code; *Idem.* Filling in the Blanks; *Кудрявцев М.П.* Москва — Третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М.: Сол Систем, 1994. С. 38—45; *Лебедев Лев, протоиерей.* Богословие Русской земли как образа обетованной земли царства небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI—XVII веков // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11—18 мая 1987 года. М.: Изд. Московской патриархии, 1989. С. 140—179; *Rowland D.* Boris Godunov's Uses of Architecture, 1584—1605.

⁴⁸ *Meyendorff J.* Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. N.Y.: Fordham University Press, 1979. P. 143.

⁴⁹ *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. Цветная вклейка 114; цветная вклейка 130.

⁵⁰ *Сакович А.Г.* Народная гравированная книга Василия Коренина, 1692—1696. М.: Искусство, 1983. С. 18—31.

⁵¹ Октоих, сиречь осмогласник с е гласа по и-и. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1904. Глас И, песнь Е. С. 562.

⁵² О тебе радуется. С. 45. № 21.

⁵³ Еще одним возможным источником, из которого составители карт могли взять свой земной рай, было единственное православное картографическое представление, доступное москвитам до XVII века, — своеобразная «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Ред. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М.: Индрик, 1997. Карты (или то, что им приблизительно соответствует) на клейках 4, 28. Также интересно увидеть изображения Адама и Евы в Эдеме и «плоды земные», в которых используются такие же элементы деревьев, как на картах и на иконах (вклейки 22, 35). Как показала Изольда Тире, это произведение широко копировалось в Московии в XVI веке со значительными модификациями греческой версии, включая сокращение или исключение самых репрезентативных карт. Эти данные делают «Христианскую топографию» маловероятным источником. Более того, чертежи мало напоминают иллюстрации в этом произведении. Моя благодарность за разрешение процитировать работу: *Thyret I. The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes in 15th and 16th Century Russia*. Не опубликовано.

⁵⁴ Богатые ассоциации, связанные именно с деревьями, в отличие от других форм растительной жизни, могут отражать то, что Дуглас Дэвис называет «эвокативным символизмом деревьев», «свойственным деревьям подразумеваемый смысл и неотъемлемо присущая им привлекательность как основа для эвокативных символических откликов» (*Davies D. The Evocative Symbolism of Trees // The Iconography of Landscape*. P. 41).

⁵⁵ По мнению Алисон Хилтон, русское народное искусство и природные мотивы в нем находились в большей степени под влиянием язычества, чем христианства. Поскольку с XVII века сохранилось мало артефактов народного характера, трудно говорить о них с большой уверенностью (*Hilton A. Piety and Pragmatism: Orthodox Saints and Slavic Nature Gods in Russian Folk Art // Christianity and the Arts in Russia / Ed. W.C. Brumfield, M.M. Velimirovic. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 55—72; Idem. Russian Folk Art. Bloomington: Indiana University Press, 1995*).

⁵⁶ *Raba J. The Biblical Tradition in the Old Russian Chronicles // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. Vol. 46. P. 20.*

5. ПОСЛАНИЯ ЗЕМЛИ:

КАРТЫ СИБИРИ И ПРОВИДЕНЦИАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ

¹ Вот лишь несколько из наиболее важных работ: *Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1927; *Его же.* Научные труды: В 4 т., в 5 кн. Т. 3—4. М.: Наука, 1959; *Lantzeff G.V.* Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration. Berkeley: University of California Press, 1943; *Миллер Г.Ф.* История Сибири: В 2 т. М.; Л.: Наука, 1937, 1941; *Огородников В.И.* Из истории покорения Сибири: По-

корение Юагирской земли. Чита, 1922; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М.: Наука, 1972.

² Здесь я повторяю краткую историю, изложенную в работе: *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russia's Conquest of Siberia, 1558—1700: To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. Portland: Oregon Historical Press, 1985. Vol. 1. P. XXXIX—XLI.

³ Среди известных примеров протопоп Аввакум и дед (или отец, согласно Багрову) сибирского картографа Семена Ремезова, о которых речь пойдет далее. Среди других знаменитых сибирских ссыльных XVII века польский картограф Афанасий фон Бейтон, хорват Юрий Крижанич и князь И.Н. Хованский. О Хованском см.: *Кوشелева О.Е.* Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому // Архив русской истории. 1994. № 5. С. 139—144.

⁴ *Khodarkovsky M.* «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. D.R. Brower, E.J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 11. Ходарковский далее рассматривает эти вопросы в работах: *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600—1771.* Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1992; и *Russia's Steppe Frontier.*

⁵ Интересный обзор исследования и картографирования Крайнего Севера см.: *Bagrow L.* A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tatar Strait, and Sakhalin. P. 127—136. Не веря в то, что Азия и Америка разделены, Петр I заказал новую карту Тихоокеанского побережья, которая была составлена И.К. Кириловым на основе китайских карт в 1724 г. (*Ibid.* P. 130—131). О Дежневем см. также: *Bagrow L.* History of Russian Cartography up to 1800. P. 22, 118. Об Атласове и составлении карты Камчатки см.: *Лебедев Д.М.* География в России XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 32—34.

⁶ И снова я использую сведения из работы: *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russia's Conquest of Siberia. P. LX—LXII, а также: *Bassin M.* Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier.

⁷ *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russia's Conquest of Siberia. P. LX.

⁸ *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. 1902. С. 114—115; *Bagrow L.* A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tatar Strait, and Sakhalin. P. 128; *Лебедев Д.М.* География в России XVII века. С. 116—120.

⁹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 354. Т. 2. С. 232—234; С. 347—350 (описание и перепись населения, карты, посвященные открытию Красноярска); *Bagrow L.* History of Russian Cartography. P. 22; *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. 1902. С. 123; *Замысловский Е.* Чертежи сибирских земель XVI—XVII вв. // Журнал Министерства народного просвещения. Июнь 1891. Т. 275. С. 334—347.

¹⁰ Кусов перечисляет 20 карт сибирских городов XVII века плюс 238 у С.У. Ремезова: *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. С. 13.

¹¹ *Bagrow L.* First Russian Maps of Siberia. P. 83—95; Carte generale de la Siberie et de la Grande Tartarie (Cartes Marines: Edward Everett Ayer Collection. The Newberry

Library, Chicago). Рассматривается в работе: *Postnikov A.V.* Russian Cartographic Treasures of the Newberry Library // *Mapline*. 1991. Vol. 61—62. P. 6—8.

¹² *Tuan Yi-Fu*. Space and Place. P. 83.

¹³ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во. восточной литературы, 1962. Т. I. С. 445—446.

¹⁴ Марк Бассин отвечает на этот вопрос для XIX века в книге *Imperial Visions*. P. 58. См. также его работу, посвященную XVII веку: *Bassin M.* Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier.

¹⁵ Цитируется в работе: *Slezkine Y.* Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Russia's Orient*. P. 27.

¹⁶ Сказки Владимира Атласова о путешествии на Камчатку // Записки русских путешественников XVI—XVII вв. / Сост., подгот. текстов и коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. АLEXИНОЙ. М.: Советская Россия, 1988. С. 423.

¹⁷ Там же. С. 422.

¹⁸ Там же. С. 423.

¹⁹ *Greenblatt S.* *Marvelous Possessions: The Wonder of the New World*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 13.

²⁰ *Cronon W.* *Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England*. N.Y.: Hill and Wang, 1983. P. 22—23, цитирует Уильяма Вуда и Джона Джосселина (William Wood, John Josselyn). Также: *Parrish S.S.* The Female Opossum and the Nature of the New World // *The William and Mary Quarterly*. 1997. 3rd Ser. Vol. 54. No. 3. P. 475—514.

²¹ *Diment G.* *Siberia in Literature // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* // Ed. G. Diment, Y. Slezkine. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 8; Сибирские летописи. Изд. Имп. Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 261. *Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents Translated from the Russian Chronicles by Tatiana Minorsky and David Wileman* / Ed. Terence Armstrong. London: Hakluyt Society, 1975. P. 64—65.

²² Сибирские летописи, С. 109—110; *Yermak's Campaign in Siberia*. P. 64—65.

²³ Об Аввакуме и старообрядчестве см.: *Pascal P.* *Avvakum et les debuts du Raskol*. 1938; репр. Paris: Mouton, 1963; *Michels*. *At War with the Church*.

²⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979. С. 32.

²⁵ Там же. С. 46.

²⁶ Там же.

²⁷ *Панич Т. В.* Литературное творчество Афанасия Холмогорского. С. 76—77, 81—83.

²⁸ *Hallowell A. I.* *Culture and Experience*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955. P. 187; цитируется в книге *Tuan Yi-Fu*. *Place and Space*. P. 87.

²⁹ Путевые записки Ивана Петлина о Монголии и Китае // Записки русских путешественников. С. 334.

³⁰ Как установил Багров, эта карта сохранилась в виде копии, сделанной Делилем (*Bagrow L.* *History of Russian Cartography up to 1800*. P. 41. Fig. 19).

³¹ ДАИ. Т. 4. С. 22; *Bagrow L.* *History of Russian Cartography up to 1800*. P. 22.

³² Сказки Владимира Атласова. С. 425.

³³ РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 148.

³⁴ *Baddeley J.F.* Russia, Mongolia, China. London, 1919; reprint N.Y.: B. Franklin, 1964. Vol. 2. P. 208—214. Багров рассматривает карту и описания Спафария в своих работах: *Bagrow L.* History of Russian Cartography. P. 35; *Bagrow L.* A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tatar Strait, and Sakhalin. P. 128—129.

³⁵ Хорографическая книга. Вершина Тобола реки. Л. 23 (см. полную архивную ссылку в прим. 51 ниже).

³⁶ Посольство Федора Байкова в Китай // Записки русских путешественников. С. 344.

³⁷ Там же. С. 347.

³⁸ Там же.

³⁹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии: Сб. документов / Ред. А.В. Ефимов, Н.С. Орлова. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1951. С. 120.

⁴⁰ Отписка Петра Бекетова о походе в Забайкалье // Записки русских путешественников. С. 370—371. По имеющимся сведениям, Максимов тоже составил карту, но если она и сохранилась, то ее еще не обнаружили. См.: *Bagrow L.* History of Russian Cartography up to 1800. P. 22.

⁴¹ ДАИ. Т. 8. № 44. С. XXIV.

⁴² Служебная чертежная книга. Л. 102 об. (см. полную архивную ссылку в примечании 51 ниже); Багров описал и установил авторство этой карты: *Bagrow L.* History of Russian Cartography. P. 41.

⁴³ Сказки Владимира Атласова. С. 423. Ср.: Хорографическая книга. Л. 98 (см. полную архивную ссылку в прим. 51 ниже); и анализ описаний флоры, фауны и местности в маньчжурских документах о «Тартарии»: *Elliott M.C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // Journal of Asian Studies. 2000. Vol. 59. P. 603—646.

⁴⁴ *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russia's Conquest of Siberia. No. 53. P. 171—174; подобный отчет Василия Полякова 1643 г.: *Ibid.* P. 217. Достоин сожаления, что на некоторых картах отмечены районы, где «прежде сего бывал соболиной промысел. Промышляли тунгусы и якуты соболи, а ныне звери умалились» (карта Петлина из собрания Делиля, воспроизведена в книге: *Bagrow L.* History of Russian Cartography up to 1800. Fig. 32).

⁴⁵ Это наблюдение отражает мою общую неудовлетворенность преобладанием дуалистических моделей в понимании культуры Московии (или любой другой страны). Дуалистическая модель представлена наиболее ярко и интересно в работе: *Lotman Ju.M., Uspenskii B.A.* The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Up to the End of the Eighteenth Century) // The Semiotics of Russian Culture / Ed. A. Shukman. Ann Arbor: Dept. of Slavic Languages and Literatures, University of Michigan, 1984. P. 3—35.

⁴⁶ О чертеже Годунова и его более поздних копиях см.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1; *Bagrow L.* A History of Russian Cartography up to 1800. Багров приводит высококачественные черно-белые репродукции карт. У Андреева репродукции менее четкие, но некоторые его иллюстрации не воспроизведены у Багорова. Ремезов включил копии чертежа Годунова в свои книги, и большой, непереpletенный экземпляр сохранился в коллекции Багорова в Гарвардской библиотеке Хоутона.

⁴⁷ Чертеж всей Сибири до Китайского и до Никанского царства. 1673. Автор неизвестен. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16 (ВУА). № 20220. Воспроизведено и рассматривается в работах: *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1. С. 40—42; *Postnikov A.V.* Outline of the History of Russian Cartography. P. 16; *Lainema M., Nurminen J.* Ultima Thula. Map No. 89. Воспроизведена на с. 128, обсуждается на с. 334. Джон Ноейс исследует значение «мифа о мобильности» для преодоления «застоев и блокировок» как неотъемлемую часть колониальной экспансии (*Noyes J.* Colonial Space: Spatiality in the Discourse of German South West Africa 1884—1915. Philadelphia: Harwood Academic Publishers, 1992, P. 189).

⁴⁸ Служебная чертежная книга. Л. 15 об. (см. полную архивную ссылку в примеч. 51 ниже).

⁴⁹ *Steinberg S.* View of the World from 9th Avenue // *The New Yorker*. 29.03.1976 (обложка).

⁵⁰ *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов; *Его же.* Изограф земли Сибирской. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1991; *Дергачева-Скоп. Е.И.* С.У. Ремезов — сибирский просветитель конца XVII века // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1 / Ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. С. 95—106; *Зиборов В. К.* Ремезов Семен Ульянович // Словарь книг и книжников Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 298—302.

⁵¹ Чертежная книга хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве: РГБ. Ф. 256. Коллекция Румянцева. № 346. Этот великолепный атлас был воспроизведен в факсимильном издании: *Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: А.М. Котомина, 1882. Новая цифровая репродукция атласа появилась совсем недавно под тем же названием: Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Том 1 — это атлас; в томе 2 содержится комментарий и излагается текст Ремезова на современном русском языке. Хорографическая книга находится в Библиотеке Хоутона Гарвардского университета (Bagrow Collection. MS. Russ 72), где она хранится вместе с несколькими другими русскими картами XVII века (включая карты Спафария и Кирилова) и западными копиями русских карт. Служебная чертежная книга находится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге: РНБ. Эрмитажное собрание. № 237. Она была недавно опубликована в факсимильном издании как часть четырехтомного собрания трудов Ремезова: Сочинения С.У. Ремезова: В 4 т. Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2006. Т. 3. Служебная чертежная книга: Факсимильное издание / Дизайн проекта А.Ф. Быкова. Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2006. Т. 4. *Дергачева-Скоп Е., Алексеев В.* Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), комментарии / Ред. В.М. Гуминский; Дизайн и макет проекта А.Ф. Быкова. Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2006. В том же издательстве идет работа над публикацией «Хорографической книги». Иллюстрированная история похода Ермака с полным текстом и иллюстрациями

имеется как на русском, так и на английском языках: *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Ред. А. Зост. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского, 1880; *Yermak's Campaign in Siberia*.

⁵² Об образовательных возможностях в Тобольске см.: *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 212. № 82.

⁵³ Службная чертежная книга. Л. 2; Хорографическая книга. Л. 2, 5; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 37. Пол Бушкович рассматривает значение церемонии Крещения Господня в ее московском виде для выражения и распространения эсхатологического послания: *Bushkovitch P.* The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Russian Review*. 1990. Vol. 49. P. 1—17.

⁵⁴ До ласкового читателя // Службная чертежная книга. Л. 12.

⁵⁵ Там же. С. 141—143. По словам Гольденберга, Ремезов намеренно призывает читателя сравнить его работу с картой России 1546 г., составленной Герберштейном, который был осведомлен гораздо хуже. Ремезов обычно ссылается на иностранные источники, чтобы показать свое собственное превосходство (С. 136).

⁵⁶ *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 49.

⁵⁷ Он восхваляет Петра за то, что тот послал русских в Европу, чтобы изучить карты, различные виды компасов и способы измерения земли и морей (Службная чертежная книга. Л. 1—4). В «Хорографической книге» он утверждает великую ценность своей работы, основанной на греческой, латинской и немецкой картографической и философской традициях, и дает определение хорографии (Л. 1 об.).

⁵⁸ Службная чертежная книга. Л. 107 об. — 8. «Чертеж земли ханского величества» с картушами, виньетками и латинскими подписями; Хорографическая книга. Л. 2 об. Карта двух полушарий.

⁵⁹ Службная чертежная книга. Л. 107 об. — 8.

⁶⁰ *Mercator G.* Atlas; or, A Geographicke Description of the World. London, 1636; *Rabasa J.* *Inventing America*. P. 186.

⁶¹ Чертежная книга. Л. 27; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 89.

⁶² Чертежная книга. Л. 27 («До ласкового читателя»).

⁶³ *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 15—20.

⁶⁴ Службная чертежная книга. Л. 22 об. — 23. «Золотая баба» встречается на самых ранних западных картах России, включая карту Герберштейна 1549 г., карту Антония Вида 1555 г., карту Дженкинсона 1562 г. и «Европу» Румольда Меркатора в атласе 1595 г.: *Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura*. 1602 edition. Англичанин Джэйлс Флетчер сообщил в описании своего путешествия в Россию: «Что касается истории “Золотой бабы” или “Золотой старухи” (которая, как я читал на некоторых картах и в описаниях этих стран, является божеством в виде старой женщины)... я считаю, что это совершеннейшая выдумка» (*Fletcher G.* *Of the Russe Commonwealth*. P. 202—203).

⁶⁵ Эпитет «лебединая песня» был дан Постниковым в работе: *Постников А.В.* *Карты земель российских*. С. 24.

⁶⁶ Службная чертежная книга. Л. 1; Хорографическая книга. Л. 1 об.

⁶⁷ О сборе карт многих картографов см., например: Чертежная книга. Л. 3, где поясняется, что царь приказал составить карты Сибири в 7177 (1668/1669) году, и карты собирались в период между этим годом и 7209-м (1700/1701). В отношении некоторых карт в атласе отдается должное их первоначальным авторам, как, например, в «Хорографической книге» на л. 147, где упоминается полковник Даурского полка Афанасий Иванов сын Байков как составитель чертежа реки Амура, Китая, Нерчинска и Иркутска.

⁶⁸ Это одна из главных тем исследований империи в последнее время. См., например: *Breyfogle N.B.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2006; *Imperial Russia*; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2002. Эта тема настойчиво появляется в нерусскоязычной литературе. См.: *Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World* / Ed. F. Cooper, A.L. Stoler. Berkeley: University of California Press, 1997; *White R.* The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650—1815. N.Y.: Cambridge University Press, 1991.

⁶⁹ О деятельности Ремезова как проектировщика и строителя города Тобольска см. мою работу: *Kivelson V.* Angels in Tobol'sk: Celestial Topography and Visionary Administration in Late Muscovite Siberia // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 28. No 1—4 (2006). P. 543—556.

⁷⁰ *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 139. Здесь Ремезов основывается на тех же смешанных христианских и античных астрологических традициях, которые Афанасий Холмогорский объединяет в своем Шестодневе. См.: *Панич Т.В.* Литературное творчество Афанасия Холмогорского. С. 77—88.

⁷¹ Служебная чертежная книга. Л. 12 об.; *Дергачева-Скоп Е.И.* «Похвала» Сибири С.У. Ремезова. ТОДРЛ. 1965. Т. 21. С. 266—274.

⁷² Служебная чертежная книга. Л. 12 об.; *Дергачева-Скоп Е.И.* «Похвала» Сибири С.У. Ремезова. С. 273. Все эти различные элементы детально изображены на архитектурном плане города Тобольска, составленном Ремезовым: Там же. Л. 20 об. — 21; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 137.

⁷³ *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 139—141.

⁷⁴ Утесы охраняют Тобольск в «Служебной чертежной книге» (л. 15 об., 146 об. — 147, 164) и в «Хорографической книге» (л. 164).

⁷⁵ *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 139.

⁷⁶ Скаска Владимира Атласова. С. 424.

⁷⁷ Чертежная книга. Л. 22.

⁷⁸ Служебная чертежная книга. Л. 16.

⁷⁹ Хорографическая книга. Л. 9 об.; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 138.

⁸⁰ Хорографическая книга. Л. 8.

⁸¹ Служебная чертежная книга. Л. 69. Об этих до сих пор неидентифицированных рунах см.: *Миллер Г.Ф.* О сибирских писаных камнях // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 526—540.

⁸² Служебная чертежная книга. Л. 1. См. также: Чертежная книга. Л. 1. Интересно, что он датирует начало правления Петра только 1698 годом.

⁸³ РГБ. Отдел рукописей. № 2214. Л. 3—3 об.; цитируется в работе: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1. С. 186. Этнографическая история была утеряна, но Андреев убедительно доказывает, что большие куски из нее были дословно скопированы в сохранившемся источнике XVIII века.

⁸⁴ Обычные документы, созданные в Центральной России, иногда прибегали к подобной системе датировки. Некий драгун, который пишет царю из Новгорода в 1676/77 г. подчеркивает христианскую референцию своей системы датировки (совершая при этом ошибку): «В нынешнем 7185 году с Рождества Христа». Ему следовало написать «от Адама» или «от Сотворения мира» (РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 272. Л. 143).

⁸⁵ Служебная чертежная книга. Л. 26 об.

⁸⁶ Там же. Л. 116 об. Характерно, что заключение, или «окончание», является примерно в середине труда, а не в конце.

⁸⁷ Биографии многих исследователей/завоевателей приграничных территорий можно найти в статье: *Бахрушин С.В.* Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири) // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, ч. 1. С. 213—215.

⁸⁸ ДАИ. Т. 11. С. 73—74; *Dmytryshyn B., Crownhart-Vaughan E.A.P., Vaughan T.* Russia's Conquest of Siberia. P. 461.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 148; воспроизведено вместе с несколькими подобными картами в работе: *Ефимов А. В.* Атлас географических открытий в Сибири. Рис. 35—37. Еще один пример: РГАДА. Ф. 924. Тобольская приказная палата. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1—26 План указан отдельно как ед. хр. 11. Случайные упоминания этой карты в сопутствующем земельном споре показывают, что она использовалась во многом так же, как чертежи в судебных делах в Центральной России: чертежи упоминаются на л. 1, 13. Еще один доклад об обнаружении свободной пахотной земли: РГАДА. Ф. 924. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—9. В других документах зафиксировано распределение пахотной земли и словесно описаны характерные объекты местности (*Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 244—245, 287, 303).

⁹⁰ В своей «Хорографической книге» Ремезов обещает, что «Сия служба надобна жителем и доброприятна и состоятельна бывает в спорных делах в данных крепостях по помете и за печатью сие изографство яко пгич свое перо возвышая» (л. 8). На некоторых картах изображены виды картографических и граничных измерений описываемых им полей, например: Хорографическая книга. Л. 11, 44.

⁹¹ *Bassin M.* Imperial Visions, особенно р. 58. Бассин удачно цитирует «Мертвые души» Гоголя: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» Занимательное рассмотрение психологии желания и колониального восприятия безгранично-го пространства можно найти в работе: *Noyes J.* Colonial Space. P. 166—182.

⁹² Спасибо Рудольфу Мразеку за то, что он поднял вопрос о пустыни.

6. «ВОЗВЫСИТЦА И ПРОСЛАВИТЦА
В КОНЦЕХ ХРИСТИАНСКИЙ РОГ»:
ХРИСТИАНСТВО И КОЛОНИАЛИЗМ

¹ Ремезов С.У. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Ст. 53. Стб. 14 (2-й паг.). Полное описание изд. см. ниже в прим. 6.

² Отписка Петра Бекетова о походе в Забайкалье // Записки русских путешественников. С. 361. О Бекетове см.: *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35—49.

³ См., например: Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1. XVII век / Сост. С.Б. Окунь, Г.Н. Румянцев. Улан-Удэ: АН СССР, Сибирское отделение, 1960. С. 40.

⁴ *Khodarkovsky M.* Four Degrees of Separation: Constructing Non-Christian Identities in Muscovy // Cultural Identity in Muscovy, 1359—1584 / Ed. A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. Moscow: Izdatel'stvo Its-Garant; Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1997. P. 248—266. Цитата: P. 255.

⁵ Ср., например: *Collins D.N.* Subjugation and Settlement in Seventeenth- and Eighteenth-Century Siberia // The History of Siberia from Russian Conquest to Revolution / Ed. A. Wood. N.Y.: Routledge, 1991. P. 39—40; *Khodarkovsky M.* The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia / Of Religion and Empire. P. 120; *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multiethnic History / Trans. A. Clayton. N.Y.: Longman, 2001. P. 142 (Рус. пер. с ориг. нем. изд. 1992 года: *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997); *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Ленингр. отделение Учебно-педагогического изд-ва Наркомпроса РСФСР, 1941.

⁶ Тексты Строгановской летописи (Спасский список) и Есиповской летописи (Сычевский список) я цитирую по изд.: Сибирские летописи. СПб.: Императорская Археографическая комиссия, 1907. С. 1—46 и С. 105—170 соответственно. Ремезовская летопись также имеется в Сибирских летописях, но я ссылаюсь на факсимильное издание: *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Ред. А.И. Зост. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского, 1880. Данная цитата из Строгановской летописи: Сибирские летописи. С. 122—123.

⁷ Сибирские летописи. С. 105.

⁸ Там же. С. 1.

⁹ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 1. Стб. 1 (2-й паг.). Возможен, этот протестантский фатализм возник в результате знакомства с голландской картографией? Ремезов также видит в победе Ермака исполнение пророчества Исаяи. См.: Там же. Ст. 136.

¹⁰ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Л. 1. Рис. 1.

¹¹ Там же. Ст. 148. Стб. 42 (2-й паг.).

¹² Там же. Л. 7 об. Рис. 27.

¹³ Там же. Ст. 21. Стб. 7 (2-й паг.).

¹⁴ Там же. Ст. 139. Стб. 38—39 (2-й паг.).

¹⁵ Служебная чертежная книга. Л. 9 и фронтиспис.

¹⁶ Сибирские летописи. С. 312; *Slezkine Yu. Arctic Mirrors*. P. 42 (Рус. пер.: *Слэзкин Ю. Арктические зеркала*. С. 56).

¹⁷ Служебная чертежная книга. Л. 16.

¹⁸ Сибирские летописи. С. 124—125.

¹⁹ Служебная чертежная книга. Л. 16. Космография в 76 главах. С. 33.

²⁰ Сибирские летописи. С. 105—106 (Есиповская летопись). Так же в Строгановской летописи: Сибирские летописи. С. 1.

²¹ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 18. Стб. 6 (2-й паг.).

²² Там же. Л. 5. Рис. 18.

²³ Сибирские летописи. С. 124—125.

²⁴ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 139. Стб. 39 (2-й паг.).

²⁵ Сибирские летописи. С. 43—44.

²⁶ Служебная чертежная книга. Л. 14 об.; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. Примеч. 12. С. 226.

²⁷ Матвей 18:20; цитируется в книге: *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 1.

²⁸ Другие подробные чертежи и планы городов и церквей см.: Хорографическая книга. Л. 2; Служебная чертежная книга. Л. 20 об. — 21, 65 об. — 66, 117 об., 118, 164 об. — 165.

²⁹ *Дергачева-Скоп Е.И.* «Похвала» С. У. Ремезова. С. 273.

³⁰ Служебная чертежная книга. Л. 16; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 100.

³¹ Сибирские летописи. С. 44.

³² Там же. С. 162.

³³ Служебная чертежная книга. Л. 8. Этот образ основан на «Древе государства Российского» Симона Ушакова. Икону Ушакова можно увидеть в книге: *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. Цветная вклейка 17. О ней говорится в работе: *Thyret I. Between God And Tsar*. P. 70—79. Об иконописных работах Ремезова см.: *Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И.* Новонайденное свидетельство об иконах «Святая София премудрость Божия» и «Распятие», предположительно принадлежащих кисти С.У. Ремезова // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания / Ред. Е.К. Ромодановская и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 264—274.

³⁴ Космография в 76 главах. Библиотека Чарторыйских (Краков). Ркп. № 1417. Л. 32а—33 (микрофильм Хиландарской исследовательской библиотеки Университета штата Огайо). Спасибо Джону Р. Уилсону за разрешение прочитать его магистерскую диссертацию, выполненную в Университете штата Огайо: *The Geographical Imagination in Early Modern Russia*. Columbus, 2000. См. также похожие записи в сочинениях: Космография 1670 г. С. 13; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Ред. А. Н. Попов. М., 1869. С. 516.

³⁵ Космография в 76 главах. Л. 33. Также: Избрание вкратце от книги глаголемья Космография // Изборник славянских русских сочинений и статей / Ред. Попов. С. 528—529. Это сочинение, по словам А.И. Андреева, было на-

писано в 1690-х гг.: *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1. С. 156—158. «Пустые» земли также описываются в «Космографии 1670 г.» (с. 14). В Есиповской летописи тоже подчеркивается, что в то время как Кучум правил и господствовали его «боги мерския», Сибирь с ее «нечестивыми капищами» все еще была «вogneждение зверем и водворение сирином», но позже, когда были построены города, крепости и церкви, она стала страной красоты и изобилия (Сибирские летописи. С. 124).

³⁶ Сборник смешанного содержания: Библиотека Санкт-Петербургского государственного университета. Ркп. 22. Л. 13—41 об. (микрофильм Хиландарской исследовательской библиотеки Университета штата Огайо, Рулон 78). Цитата на л. 21—22. Также: Космография 1670 г. С. 10—11.

³⁷ Чертеж всей Сибири до Китайского царства.

³⁸ *Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492—1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 10—11.

³⁹ *Ibid.* О запутанной юридической истории притязаний на землю на американском юго-западе см.: *Montoya M.E.* Translating Property: The Maxwell Land Grant and the Conflict over Land in the American West, 1840—1900. Berkeley: University of California Press, 2002.

⁴⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири: В 2 т. М.; Л.: Наука, 1937, 1941. Т. 2. С. 154, 155, 164, 192, 195, 265—266, 266—267; о монастырских церквях и священниках см.: С. 181—183. Другие случаи описываются в работе: *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. 1900. Т. 194, кн. 3. С. 84—85.

⁴¹ *Zguta R.* The One-Day Votive Church: A Religious Response to the Black Death in Early Russia // *Slavic Review*. 1981. Vol. 40. P. 423—432.

⁴² Сибирские летописи. С. 125.

⁴³ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 1. Стб. 1 (2-й паг.).

⁴⁴ Сибирские летописи. С. 44; также: *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 134: «Протчие бусурманы кучюмляна, живушей по степи, егдаж виде, яко Кучюм зле убиен, приидоша ко граду Тобольску и приложишася ясак платити, якоже и до сего дни; овии же крестившася во христианство и поверстаны в службу в новокрещеной список... И по крещени многих бусурман, посем Сибирь распространися, и поставиша грады и монастыри со всяким превольством» (стб. 36—37 2-й паг.).

⁴⁵ *Idem.* Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia. P. 117.

⁴⁶ *Idem.* Ignoble Savages and Unfaithful Subjects. P. 9—26. Цитата — р. 17.

⁴⁷ *Khodarkovsky M.* Four Degrees of Separation. P. 263. См. Также: *Idem.* Russia's Steppe Frontier. Особенно P. 191—192.

⁴⁸ Лучшая работа, посвященная религиозному обращению именно в Сибири: *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского севера в XVIII в. Особенно с. 7—24. См. также: *Огородников В.И.* Из истории покорения Сибири. С. 87—92. Первоисточники можно найти в работах: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 203—204; *Russia's Conquest of Siberia* / Ed. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. No. 86. P. 315—316.

⁴⁹ Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 203—204; *Russia's Conquest of Siberia*. P. 126, 130, 315—316. Хрестоматия по истории СССР.

XVI—XVII вв. / Ред. М.Н. Тихомиров. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1962. Т. 2. С. 550—552; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 330—333.

⁵⁰ Хорографическая книга. Л. 97.

⁵¹ *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors. P. 43 (*Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. С. 58—59); *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера. С. 22—23; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М.: Наука, 1964. С. 121—123.

⁵² ПСЗ. Т. 2. С. 662.

⁵³ Часто издавались судебные запреты, чтобы избежать жестокого принудительного крещения и коррупции при получении разрешения на крещение: *Russia's Conquest of Siberia*. P. 126, 130; Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. / Ред. М.Н. Тихомиров. Т. 2. С. 550—552; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 330—333; Т. 2. С. 377—378; *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 4. С. 97—229; *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. С. 20—21, 50—53, 54.

⁵⁴ Новообращенные должны были свидетельствовать, что обращение было добровольным и их родственники не будут жаловаться. См., например: РГАДА. Ф. 1177. Якутская приказная изба. Оп. 1, 12. Л. 180. № 14. Л. 130, 174—174 об., 337—338 об.; № 26. Л. 17—19; Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. документов / Ред. Я.П. Алькор, Б.Д. Греков. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1936. № 97, 99, 100, 107—112, 123, 176.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1177. Якутская приказная изба. Оп. 1, 12. Л. 180.

⁵⁶ Колониальная политика. № 112.

⁵⁷ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 151. Стб. 43 (2-й паг.).

⁵⁸ *Bartlett R.* The Making of Europe: Conquest, Colonization, and Cultural Change, 950—1350. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993. О скрытых смыслах «концепции нетерриториальной, не имеющей границ всемирной христианской империи» см.: *Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700—1700* / Ed. D. Power, N. Standen. N.Y.: St. Martin's Press, 1999. P. 5, XX.

⁵⁹ *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors. P. 41 (*Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. С. 55).

⁶⁰ Кроме того, немногие священники были постоянно заняты тем, чтобы следить за поведением своей русской паствы. См. перечни нарушений, регулярно совершаемых русскими в Сибири, в указе патриарха Филарета архиепископу Сибирскому Киприану: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 276—282, 293—298. Подчинение, а не обращение было первым шагом также испанской и французской колонизации. Практические ограничения масштаба обращения были важными факторами, сводившими к минимуму требование немедленного массового обращения во всех этих усилиях по колонизации. См.: *Greenblatt S.* *Marvelous Possessions*; *Moogk P.* *La Nouvelle France: The Making of French Canada — A Cultural History*. East Lansing: Michigan State University Press, 2000. P. 17—50; *Seed P.* *Ceremonies of Possession*.

⁶¹ *Keenan E.L.* *Muscovy and Kazan' 1445—1552: A Study in Steppe Politics*. Ph.D. diss. Harvard University, 1965.

⁶² Колониальная политика. № 9. См. также: Записки русских путешественников. С. 352.

⁶³ Сибирские летописи. С. 137.

⁶⁴ Прокофьев Н.И. Литература путешествий XVI—XVII веков // Записки русских путешественников. С. 9.

⁶⁵ Сибирские летописи. С. 312; *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors. P. 42. (Слэзкин Ю. Арктические зеркала. С. 57).

⁶⁶ Ремезов С.У. Краткая сибирская летопись. Ст. 148. Стб. 42 (2-й паг.).

⁶⁷ Хорографическая книга. Л. 8.

⁶⁸ Это рассуждение является ответом на то, что было описано как неспособность царского режима вообразить способ, которым можно «включить многочисленных нерусских подданных России в это [православное и патриархальное] “воображаемое сообщество”» (*Kollmann N.S.* Society, Identity and Modernity in Seventeenth-Century Russia // *Modernizing Muscovy.* P. 425).

7. «ИНОЗЕМЦЫ ЖЕ ИНОЯЗЫЧНИКИ БЕСЧИСЛЕННЫЕ И НЕИЗЧЕТНЫЕ»: «ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ» СИБИРИ И КОНЦЕПЦИИ ИМПЕРИИ В МОСКОВИИ

¹ Об английских апологетах и этом произведении, в частности, см.: *Cronon W.* Changes in the Land. P. 56—59. Испанские и другие европейские взгляды см. в работах: *Pagden A.* Dispossessing the Barbarian: The Language of Spanish Thomism and the Debate over the Property Rights of the American Indians // *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe* / Ed. A. Pagden. N.Y.: Cambridge University Press, 1987. P. 79—98; *Pagden A.* The Fall of Natural Man: The American Indian and the Origins of Comparative Ethnology. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500-c. 1800. New Haven: Yale University Press, 1995; *Greenblatt S.* Marvelous Possessions: The Wonder of the New World. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 55—64, 168—171.

² *Pagden A.* Dispossessing the Barbarian. P. 95.

³ *Lockhart J., Schwartz S.B.* Early Latin America: A History of Colonial Spanish America and Brazil. N.Y.: Cambridge University Press, 1983; *Chevalier F.* Land and Society in Colonial Mexico: The Great Hacienda. Berkeley: University of California Press, 1963; *Stern S.J.* Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest: Huamanga to 1640. Madison: University of Wisconsin Press, 1982; *Stern S.J.* Paradigms of Conquest: History, Historiography, and Politics // *Journal of Latin American Studies.* Quincentenary Supplement: The Colonial and Post-Colonial Experience. Five Centuries of Spanish and Portuguese America. 1992. Vol. 24. P. 1—34.

⁴ По мнению Патрисии Сид (*Seed P.* Ceremonies of Possession), испанские имперские практики брали свое начало в опыте мусульманского господства. О заявлении прав и собственности в колониальной Новой Англии см.: *Anderson V.D.* King Philip's Herds: Indians, Colonists, and the Problem of Livestock

in *Early New England // William and Mary Quarterly*. 3rd series. 1994. Vol. 51. No. 4. P. 601—624. О предъявлении прав на собственность см. интересную дискуссию: *Epstein R. Possession as the Root of Title // Georgia Law Review*. 1979. Vol. 13. P. 1221—1243; *Rose C.M. Possession as the Origin of Property // University of Chicago Law Review*. 1985. Vol. 52. P. 73—88.

⁵ Патрисия Сид исследует различные национальные традиции предъявления прав в работе: *Seed P. Ceremonies of Possession*. Основные выводы на с. 71—97. Об испанском «Требовании» см. там же на с. 69—99; текст «Требования» на с. 69. См. также: *Greenblatt S. Marvelous Possessions*. P. 97—98.

⁶ Отписка Ерофея Хабарова о походе в Даурию // *Записки русских путешественников*. С. 378.

⁷ Например: *Миллер Г.Ф. История Сибири*. Т. 1. С. 381—382.

⁸ Служебная чертежная книга. Л. 1.

⁹ Хорографическая книга. Л. 9 об.; *Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов*. С. 138.

¹⁰ Служебная чертежная книга. Л. 1. См. также: *Чертежная книга*. Л. 3.

¹¹ Хорографическая книга. Л. 3.

¹² Чертежная книга; также воспроизводится в работе: *Огородников В. И. Из истории покорения Сибири*.

¹³ Посольство Федора Байкова в Китай // *Записки русских путешественников*. С. 342—347. Возможно, он что-то перепутал или неточно использовал терминологию, когда писал о калмыцких мечетях. Калмыки были буддистами. Но возможно, что он упоминает мечети проживающих там бухарцев.

¹⁴ *Записки русских путешественников*. С. 415—419.

¹⁵ *Fedotov G.P. Russian Religious Mind*. Vol. 1. P. 370. (Рус. пер.: *Федотов Г.П. Собр. соч.*: В 12 т. Т. 10: *Русская религиозность*. Ч. 1.: *Христианство Киевской Руси. X—XIII вв. М.*: Мартис, 2001.)

¹⁶ Хорографическая книга. Л. 8.

¹⁷ *Slezkine Yu. Arctic Mirrors*. Атласов описывает гнилую рыбную воду и отсутствие веры среди камчадалов: *Записки русских путешественников*. С. 424.

¹⁸ Эти визуальные стратегии прослеживаются на картах, приведенных в сборнике: *New England in Early Printed Maps 1513—1800: An Illustrated Carto-Bibliography / Comp. В.В. McCorkle*. Providence, R.I.: John Carter Brown Library, 2001. Карта 685.1 менее характерна, поскольку территория наполнена сценами, изображающими туземцев, их дома и обычаи, что больше похоже на этнографические иллюстрации Ремезова. Об этнографических иллюстрациях по краям карт и их значении для установления господствующего гендерного порядка см.: *Traub V. Mapping the Global Body // Early Modern Visual Culture: Representation, Race, and Empire in Renaissance England / Ed. P. Erickson, C. Hulse*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. P. 44—97.

¹⁹ Одно заслуживающее внимания исключение из этого правила можно найти на картах, созданных местными картографами в первые годы испанской колонизации Мексики. На этих картах, поразительно напоминающих московские местные карты, детально изображены деревни и земельные владения коренных жителей. Поскольку испанцы, как и москвиты, стремились к тому, чтобы включить существующие общества и административные струк-

туры в свои имперские владения, это сходство не случайно. См.: *Mundy B.* The Mapping of New Spain: Indigenous Cartography and the Maps of the Relaciones Geographicas. Chicago: University of Chicago Press, 1996. О неполном стирании туземных элементов с колониальных карт Нового Света см.: *Rabasa J.* *Inventing America*. P. 180—209. Особенно P. 182—183.

²⁰ Валери Трауб описывает переход европейских картографических традиций от характерного для эпохи Ренессанса изображения местных жителей, занятых полезным трудом на фоне ландшафта, к тенденции выносить этнографические изображения на поля и в рамки (Mapping the Global Body. P. 44—97). К примеру, см. изображение Северной и Южной Америки с индейцами, заключенными в декоративные картуши: *Montanus A.* *De Nieuwe en Onbekende Weereld of Beschryving van America en't zuid-Land, Vervaaetende d'Oorsprong de Americaenen en Zuidlanders, gedenkwaerdige togten derwaerds, Geleghendheid der vaste Kusten, Eilanded, Steden, Sterken, Dorpen, Tempels...* Amsterdam: Jacob van Meurs, 1671. До P. 1; также p. 259. В этом издании также изображены зловещие сцены, встречающиеся в географических описаниях Нового Света, когда индейцы жгут и обезглавливают людей и приносят их в жертву. Например, на с. 261, 244—245; а также сцены, в которых коренные жители работают на испанских господ — на с. 230—233. См. также карту Себастьяна Мюнстера «*Novae Insulae*»: *Mackin A.* *The New England Plates // Mapping Boston / Ed. D. Cobb, A. Krieger, with A. Turner.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 77. Plate 4. Много ранних европейских этнографических иллюстраций собрано в работе: *Lehner E., Lehner J.* *How They Saw the New World.* N.Y.: Tudor, 1966.

²¹ См. также карту Бразилии, на которой индейцы исполинских размеров изображены на территории, но не привязаны к конкретному месту: *Vaulx P. de.* *Atlas of 1616.* На карте изображены королевские щиты, на которых показаны земли во владении Испании и Франции. Несколько находящихся вне пространства туземцев занимаются бесполезной деятельностью.

²² Роберт Кушман цитируется по изданию: *Cronon W.* *Changes in the Land.* P. 56.

²³ Джон Уинтроп цитируется: Там же. P. 56.

²⁴ *Cumming W.P.* *British Maps of Colonial America.* Chicago: University of Chicago Press, 1974; *Idem.* *The Southeast in Early Maps; 3rd ed. / Rev. and enl. L. De Vorse, Jr.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998; *Cumming W.P., Skelton R.A., Quinn D.B.* *The Discovery of North America.* London: Elek, 1971; *Blaeu's The Grand Atlas of the 17th Century World.* Introduction, captions, and selection of maps by John Goss. London: Studio, 1997; см. изображения туземцев в рамке: *Americae nova tabula.* P. 156—157; *Africae nova description.* P. 140—141; изображения дикой природы и дикарей: *Venezuela.* P. 178—179; *Americae nova tabula.* P. 156—157; изображения дикарей в картуше: *Virginiae partis australis.* P. 170—171.

²⁵ Эта теория больше всего применима к кочевым и полукочевым народам Северной и Центральной Америки и была менее убедительна и оправдана в случае оседлых обществ, с которыми испанцы столкнулись в Мексике и Перу. В таких случаях и там, где труд туземцев был необходим для возделыва-

ния полей, добычи драгоценных металлов или охоты на пушных зверей, европейские колонизаторы вырабатывали другие идеологические и административные формулировки.

²⁶ Blaeu's The Grand Atlas. P. 156—157, 164—165, 166—167, 178—179.

²⁷ Ibid. P. 172—177.

²⁸ *Smith J.* The Generall Historie of Virginia, New-England, and the Summer Isles with the Names of the Adventurers, Planters, and Governours from Their First Beginning. ano: 1584. to This Present 1626. London: I[ohn] D[awson] and I[ohn] H[aviland] for Edward Blackmore, 1632. Другие примеры колониальных карт Нового Света с крошечными индейцами, разбросанными по ландшафту, и/или индейцами, рост которых преувеличен, в картушах и виньетках см.: *William Wood*, 1634. Воспроизведена: *Mackin A.* New England Plates. P. 87; *John Seller.* A Mapp of New England, 1675. Воспроизведена: *McCorkle B.* The Mapping of New England before 1800 // Mapping Boston. P. 22.

²⁹ Об этом говорят многие ученые, которые писали о русской картографии. Например: *Лебедев Д.М.* География в России XVII века; *Постников А.В.* Карты земель российских. Об ошибках, которые делали москвиты при назывании степных народов, см.: *Khodarkovsky M.* Six Degrees of Separation. P. 254. О значении предъявления прав путем называния в европейском опыте в Новом Свете см.: *Seed P.* Ceremonies of Possession. P. 163, 174—175. Конечно, индейских топонимов тоже полно на карте Северной Америки: Нантакет, Согатак, Сагинау, озеро Виннипесоки.

³⁰ Служебная чертежная книга. Л. 12; Избрание вкратце от книги, глаголемья Космография // Изборник славянских русских сочинений и статей / Ред. А.Н. Попов. С. 398, 508—517.

³¹ Большая печать воспроизводится в книге: Записки русских путешественников. С. 351. Масса включает в титулы царя владичество над ногайцами, северцами, ливонцами и самоедами, см.: *Massa I.* A Short History of the Beginnings and Origins of These Present Wars. P. 23. Немного отличающаяся версия приводится в работе: *Russia's Conquest of Siberia* / Ed. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. P. 400. Другие впечатляющие перечисления можно найти в произведениях: Космография 1670 г. Санкт-Петербург, 1878—1881. С. 34, 265; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 344. См. обсуждение в тексте Миллера на с. 207—208. На карте Херритца указан многочисленный титул царя, как и в работе: *Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth. P. 111—112.

³² Я благодарю Линдси Хьюз за то, что она подняла этот вопрос.

³³ На карте Меркатора 1554 г., например, на территории России среди густых лесов обозначены различные княжества (Вологодское, Галицкое, Ярославское, Суздальское) и великие княжества (Тверское, Московское) (воспроизведена: *Bagrow L.* A History of the Cartography of Russia up to 1600. P. 92—93. Figs. 45—46). На знаменитой карте Антония Дженкинсона, известной до недавнего времени только по более поздним публикациям Ортелиуса (1570, 1605) и де Йоде (1578), границы между княжествами, землями и уездами, составлявшими Московское царство, обозначены пунктирными линиями (воспроизведена: *Ibid.* P. 95, 97. Figs. 48, 50). О карте Дженкинсона и ее удивительном открытии см.: *Scott V.* Map of Russia Revealed at Conference // The Map Collector. 1989. Vol. 48. P. 39—40.

³⁴ Harvard, Houghton Library: Карта Годунова, 1667; Карта Сибири Ремезова. Западноевропейские копии карты Годунова воспроизводятся и обсуждаются в работе: *Bagrow L. History of Russian Cartography.*

³⁵ Carte generale de la Siberie et de la Grande Tatarie; обсуждается в работе: *Postnikov A.V. Russian Cartographic Treasures.* P. 6—8.

³⁶ Карты России, составленные в начале XVII века Гильомом Делилем, критиковались за включение устаревших княжеств. Выводы, сделанные в этой главе относительно остаточного использования старинных географических разделений, говорят о том, что французские картографы отображали более современную политическую географию, чем считалось.

³⁷ *Suny R.G. The Empire Strikes Out: Russia, the Soviet Union, and Theories of Empire // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / Ed. Suny, T. Martin. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 23—66.*

³⁸ Чертежная книга. Л. 25.

³⁹ *Crone P. The Tribe and the State // States in History / Ed. J.A. Hall. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 48—77; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier; Lindner R.P. What Was a Nomadic Tribe? // Comparative Studies in Society and History. Vol. 24. 1982. P. 689—711.*

⁴⁰ Я благодарю Рональда Суни за это объяснение. Ходарковский также отмечает, что в московских таксономиях уравнивались язык и народ (Six Degrees of Separation. P. 253). К этой паре я бы добавила пространственное местоположение.

⁴¹ Сказки Владимира Атласова о путешествии на Камчатку // Записки русских путешественников. С. 415, 416.

⁴² *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier.* P. 9.

⁴³ *Sahlins P. Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees.* Berkeley: University of California Press, 1989; *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier.* В тайском случае этот процесс был более сжатым; см. *Winichakul T. Siam Mapped. Об этническом разнообразии Российской империи как источнике имперской гордости см.: Bassin M. Imperial Visions; Suny R. The Empire Strikes Back; Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995 (рус. пер.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра I до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004). Национальные границы были более четко определены ранее в западных и южных частях Московии. Например, Трифон Коробейников, который путешествовал в Константинополь в 1583—1584 гг., отчетливо называет точный день, когда он попал в Литву (Записки русских путешественников. С. 23; комментарий об этом источнике на с. 439).*

⁴⁴ Служебная чертежная книга. Л. 1.

⁴⁵ Служебная чертежная книга. Л. 106. Изображения Великой стены и Пекина: Там же. Л. 30 об.; Хорографическая книга. Л. 150—151; особенно красивый рисунок: Чертежная книга. Л. 19 (Чертеж земли Нерчинского города); воспроизводится: *Постников А.В. Карты земель российских.* С. 30—31. Рис. 17.

⁴⁶ Houghton Library, Bagrow Collection: *Ремезов С.У.* Карта Сибири.

⁴⁷ *Hale J.R. The Civilization of Europe in the Renaissance. N.Y.: Atheneum, 1994. P. 20.*

⁴⁸ *Sahlins P.* Boundaries. P. 62, 37. Хейл утверждает, что даже эти цветные границы не были «предназначены для того, чтобы способствовать серьезно-му политическому прочтению континента. Они отражали интерес к картам как к декоративным объектам или определяли широкие географические зоны». Более того, подкрашивание, по его мнению, часто происходило без разрешения издателей (*Civilization of Europe in the Renaissance*. P. 34—35). Политические границы и их изображение в европейской картографии конца XVII века обсуждаются в работе: *Akerman J.A.* Cartography and the Emergence of Territorial States // *Proceedings. Western Society for French History*. P. 84—93.

⁴⁹ Houghton Library, Bagrow Collection: Карта Годунова, 1667; Служебная чертежная книга. Л. 30 об. — 31.

⁵⁰ Путевые записки Ивана Петлина о Монголии и Китае // Записки русских путешественников. С. 333 и далее. Ходарковский дает такое определение улуса: «территория, на которой проживают люди и стада, или народ в целом у тюрко-монголов» (*Russia's Steppe Frontier*. P. 232).

⁵¹ Посольство Федора Байкова в Китай // Записки русских путешественников. С. 342—345.

⁵² Отписка Петра Бекетова о походе в Забайкалье // Записки русских путешественников. С. 361.

⁵³ На европейских картах раннего Нового времени Хейл видит последовательные усилия представить Европу как единое целое и преуменьшить значение национальных границ на континенте. Ремезов и другие авторы придерживаются иного подхода.

⁵⁴ *Anderson B.* Imagined Communities. Chap. 10. Видение Ремезова также противоположно идее Виничакула о создании «геотела» современной нации (*Winichakul T.* Siam Mapped).

⁵⁵ Избрание вкратце от книги, глаголемья Космография // Изборник славянских русских сочинений и статей / Ред. А.Н. Попов. С. 516.

⁵⁶ О значении имперской конкуренции см.: *Tracy J.D.* Isak in Siberia vs Competition among the Colonizers in Canada: A Note on Comparisons between Fur Trades // *Russian History/Histoire russe*. 2001. Vol. 28. P. 403—410. Французы тоже требовали ритуальных представлений, изображающих согласие, от своих колониальных подданных, но они чаще вступали в торговые, а не в колониальные отношения в Новом Свете в этот период. См.: *Companies and Trade: Essays on Overseas Trading Companies during the Ancien Regime* // Ed. L. Blusse, F. Gaastra. Leiden: Leiden University Press, 1981; *Seed P.* Ceremonies of Possession; *Moogk P.* La Nouvelle France.

⁵⁷ Чертежная книга. Л. 25.

⁵⁸ *Suny R.G.* The Empire Strikes Out. P. 23—66; *Idem.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993; *Idem.* Nationalities in the Russian Empire // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. P. 487—492; *Martin T.* An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism // *A State of Nations*. P. 67—92; *Idem.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001 (рус. пер.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—

1939. М.: РОССПЭН, 2011); *Brubaker R.* Nationalism Reframed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; *Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 414–452 (рус. пер.: *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период.* Самара, 2001. С. 329–374).

⁵⁹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 344–344, обсуждается на с. 207–208.

8. ПОД ГОСУДАРЕВОЮ ВЫСОКОЮ РУКОЮ: КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПОДДАННЫЕ И ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВИИ

¹ Отписка Петра Бекетова о походе в Забайкалье // *Записки русских путешественников.* С. 364–365.

² РГАДА. Ф. 1177. № 12. Л. 183–186; Колониальная политика Московского государства в Якутии. Таблицы 2–14.

³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 307–308.

⁴ *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors. P. 29–31. (*Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. С. 45–47).

⁵ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 152. Стб. 44 (2-й паг.).

⁶ *Pelenski J.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague: Mouton, 1974; *Idem.* State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo-Christian Worlds: The East European Pattern* / Ed. A. Ascher, T. Halasi-Kun, B. K. Kiraly. Brooklyn, N.Y.: Brooklyn College Press, 1979; *Rywkin M.* The Prikaz of the Kazan Court: First Russian Colonial Office // *Canadian Slavonic Papers*. 1976. Vol. 18. P. 293–300. См. также: A Discussion on Kazan' and Muscovy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. P. 541–583 (статьи И. Шевченко, Э. Кинана, О. Прицака и Я. Пеленского). Опубликовано слишком поздно, чтобы попасть в англоязычную версию этой книги: *Romaniello, Matthew P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552–1671. Madison: University of Wisconsin Press, 2011.

⁷ *Russia's Conquest of Siberia* / Ed. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughan. P. 315–316; Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 203–204.

⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 331–332. Прил. № 1.

⁹ Отписка Ерофея Хабарова о походе в Даурию // *Записки русских путешественников.* С. 377.

¹⁰ Скаска Владимира Атласова о путешествии на Камчатку // Там же. С. 415.

¹¹ Там же. С. 418. Дежнев рассказывает о просьбе чуванцев защитить их от «погромов» нечестных русских. Они также просили уменьшить для них яsak. Русские в то время держали чуванских пленников, чтобы добиться подчинения (Отписки Семена Дежнева о походе на Анадырь // *Записки русских путешественников.* С. 401–402).

¹² Отписка Петра Бекетова. С. 365.

¹³ Отписка Ерофея Хабарова. С. 374. Жуткий рассказ об обращении москвитов с «малыми народами Севера» в Сибири дает Юрий Слѣзкин в первой главе книги «Арктические зеркала». В. И. Огородников рисует героическую картину отваги и верности русских завоевателей (Из истории покорения Сибири. С. 51—82), за которой следует резкое осуждение того, как они обращались с местными жителями.

¹⁴ *Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись. Ст. 73. Рис. на л. 19; Службная чертежная книга. Л. 47 об. — 48.

¹⁵ Хорографическая книга. Л. 147.

¹⁶ Там же. Л. 97.

¹⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 332—335. Другие примеры того, как гулящие люди и ссыльные устраивались на надлежащую службу в Сибири, см.: Там же. Т. 2. С. 177—178, 213—214, 226, 273.

¹⁸ Колониальная политика Московского государства в Якутии. № 95.

¹⁹ Нежелание царя переходить за Урал во многом сходно с той неохотой, которую выявил Бриан Бек в московской политике по отношению к заселению украинской границы: опасения вызвать недовольство могущественных соседей и лишит центр работников и налогоплательщиков сдерживали московские имперские амбиции (*Boeck B.* Containment vs Colonialization).

²⁰ Челобитная от ссыльных черкасов с просьбой о предоставлении пахотной земли рядом с рекой Черпаних: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. № 28. Л. 43. Запись о крестьянах на пахотной земле рядом с Тобольском (1677): РГАДА. Ф. 924. Тобольская приказная палата. № 4. № 5 (1693). Запись о гулящем человеке (бродяге) с крестьянами: Там же. № 6. Согласие гулящего человека поступить на службу к казаку в Березове: РГАДА. Ф. 833. Березовская приказная изба. № 1. Ссыльные, зачисленные в казачьи полки: РГАДА. Ф. 1177. Якутская приказная изба. Оп. 1. № 21. Л. 14. Приглашение гулящим людям и охотникам поселиться на земле рядом с Илимом: РГАДА. Ф. 1177. Якутская приказная изба. № 5. Л. 141—152. О том, как селили гулящих и вольных людей, см.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 308. Переселение крестьян из перенаселенных деревень, где семьи разрослись так, что земельные ресурсы стали недостаточны, упоминается там же на с. 378—379 (№ 287). О том, как в Верхотурье привезли пятьдесят «вольных, гулящих» женщин и девушек, пригодных для вступления в брак, см.: Там же. С. 374—375 (№ 284). См. также: *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. 1900. Т. 194, кн. 3. С. 53—65, 72—76.

²¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 346—354.

²² Там же. С. 361. Тот же глагол «владеть» используется землевладельцами и крестьянами в русских сельскохозяйственных угодьях. О пахотных землях, предоставленных ясачным якутам, см.: РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 86—88.

²³ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 372—373. Скорость, с которой экологическое бедствие следовало за русским завоеванием, поражает. На чертежах, составленных всего через несколько лет после прихода русских, отмечены области, которые раньше были богаты пушным зверем, а теперь опустели.

²⁴ Там же. С. 381—382.

²⁵ Там же. С. 390—392.

²⁶ Там же. 383—384. Подобные вопросы обсуждаются в работе: *Бахрушин С.В.* Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири). С. 216—217. Поскольку пахать землю, чтобы прокормить слуг царя, было еще одной формой службы, навязанной местному населению, сохранились челобитные, в которых люди просили выделить им меньше, а не больше земли: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 149—150. Другие просили освободить их от сельскохозяйственных повинностей и вместо этого включить в списки плательщиков ясака: Там же. С. 206—207, 245—246. О принудительном земледелии см.: *Огородников В.И.* Из истории покорения Сибири. С. 87.

²⁷ Колониальная политика Московского государства в Якутии. № 117. Подобные стычки из-за землепользования происходили в колониальной Новой Англии. См.: *Anderson V.D.* King Philip's Herds. P. 601—624; *Cronon W.* Changes in the Land. P. 54—81.

²⁸ Колониальная политика Московского государства в Якутии. № 134.

²⁹ Уложение 1649 г. Гл. 16. Ст. 14, 41. Деление земель между татарами и русскими проводилось по всей Сибири, например: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 187.

³⁰ *Огородников В.И.* Из истории покорения Сибири. С. 93; *Slezkine Yu.* Arctic Mitgors. P. 1—46 [*Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. С. 45—47].

³¹ ДАИ. Т. 4. № 30. № 82. *Огородников В.И.* Из истории покорения Сибири. С. 97.

³² Скаска Владимира Атласова. С. 418.

³³ Колониальная политика Московского государства в Якутии. № 138.

³⁴ *Прокофьев Н.И.* Литература путешествий XVI—XVII веков. С. 13.

³⁵ Колониальная политика Московского государства в Якутии. № 138.

³⁶ Слэзкин также отмечает умение коренных жителей добиваться результатов в царских судах (Arctic Mitgors. P. 29—31). (*Слэзкин Ю.* Арктические зеркала. С. 55).

³⁷ Отписка Петра Бекетова о походе в Забайкалье // Записки русских путешественников. С. 364—365. Это как будто иллюстрирует мысль Ходарковского о том, что русские истолковывали как подчинение то, что племена понимали как соглашения о взаимной защите (*Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met; Russia's Steppe Frontier).

³⁸ *Weickhardt G.G.* Due Process and Equal Justice in the Muscovite Codes. P. 463—480. О народном стремлении к такому чувству справедливости см.: *Kivelson V.* Devil Stole His Mind. P. 733—756.

³⁹ РГАДА. Ф. 1177. Якутская приказная изба. № 12. Л. 253—254.

⁴⁰ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 149—150, 253—254. Когда ясачный татарин опротестовал то, что его землю забрали русские, туринский воевода рассмотрел дело и направил его в вышестоящую инстанцию. К сожалению, решение по нему не сохранилось (Там же. С. 251—252).

⁴¹ Прекрасное собрание таких дел имеется в сборнике: Колониальная политика Московского государства в Якутии; и в работе: *Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа.

⁴² РГАДА. Ф. 1177. № 2. Л. 152.

⁴³ Там же. № 7. Л. 67. Еще одно обвинение шамана в колдовстве: Там же. № 16. Л. 78—80.

⁴⁴ Там же. № 12. Л. 183—186. Еще один подобный случай см.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 377—378.

⁴⁵ Там же. С. 405—406. Другие подобные перечни можно найти в архиве: РГАДА. Ф. 1177. № 21. Л. 1—16; и в работе: *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. С. 78—79.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 148. Этот чертеж сохранился без сопровождающей документации, но, очевидно, это тот чертеж, который Н.Н. Оглоблин описывал вместе с документальными материалами в своем каталоге материалов Сибирского приказа 1898 г.: Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. С. 138—139. Он воспроизведен вместе с несколькими подобными картами в работе: *Ефимов А.В.* Атлас географических открытий в Сибири. Рис. 35—37.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 1177. № 24. Л. 45—52.

⁴⁸ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 392—393.

⁴⁹ Хорографическая книга. Л. 23.

⁵⁰ Там же. Л. 130.

⁵¹ Колониальная политика Московского государства в Якутии. № 110.

⁵² В других колониальных режимах раннего Нового времени тоже слушались иски, поданные коренными жителями против европейских поселенцев. Французы и испанцы даже дошли до того, что представляли присоединение всех покоренных ими народов либо всех новообращенных христиан как поданных короны, зависящих от правосудия монарха. См.: *Gibson Ch.* Aztecs under Spanish Rule; *Stern S.J.* Peru's Indian Peoples; *Idem.* Paradigms of Conquest. P. 1—34; *Moogk P.* La Nouvelle France. P. 43—45. В других случаях так называемое правосудие вершилось для проформы и имело очевидный уклон в пользу колонистов. См., в частности: *Anderson V.D.* King Philip's Herds. P. 601—624.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

¹ *Greene R.H.* «Bodies Like Bright Stars»: Saints and Relics in Orthodox Russia, 1860s—1920s. Ph.D. diss., University of Michigan, 2004.

² *Bushkovitch P.* Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. P. 1—18; *Flier M.S.* Breaking the Code. P. 213—242; *Idem.* Filling in the Blanks. P. 120—137; *Idem.* Court Ritual and Reform. P. 73—95.

Библиография

СОКРАЩЕНИЯ

- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. В 12 т. и Указатель. СПб., 1846—1875.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб., 1830—1843.
РАНИОН — Российская ассоциация Научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва).
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
Служебная чертежная книга — см. ниже Российская национальная библиотека.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы (Ленинград — Санкт-Петербург).
Хорографическая книга — см. ниже Harvard University.
Чертежная книга — см. ниже Российская государственная библиотека.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Сборник: В 264 т. М., 1845—1918.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ, ЦИТИРУЕМЫЕ В ТЕКСТЕ

- РГАДА. Ф. 1209. См. перечни в каталоге-справочнике: *Кусов В. С.* Чертежи земли русской XVI—XVII вв. М.: Русский мир, 1993.
РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Калужская губерния. № 1.
РГАДА. Ф. 192. Киевская губерния. № 10.
РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Дело 1/2. Витебская губерния.
РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Стб. 108. Л. 250, 257; карта Л. 258—263.
РГАДА. Ф. 210. Приказный стол. Стб. 1086. Л. 294. Карта: Л. 292. Стб. 2239 (микрофильм). Л. 25—30 (карта на Л. 17—18).
РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 148.
РГАДА. Ф. 833. Березовская приказная изба. № 1.
РГАДА. Ф. 924. Тобольская приказная палата. № 4, 5, 6, 10, 11.
РГАДА. Ф. 1177. Якутская приказная изба. Оп. 1. № 2. Л. 152. № 5. Л. 141—152. № 7. Л. 67. № 12. Л. 180, 183—186, 253—254; № 14. Л. 130, 174—174 об., 337—338 об.; № 16. Л. 78—80. № 21. Л. 1—16. № 24. Л. 45—52. № 26. Л. 17—19. № 28. Л. 43, 86—88.
Российская государственная библиотека, Москва. Рукописный отдел. Ф. 256. Коллекция Румянцева. № 346. *Ремезов*. Чертежная книга.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Москва. Фонд 846. Опись 16 (ВУА). № 20220. Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никасаго. 1673.
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Эрмитажное собрание. № 237. Служебная чертежная книга Ремезова (также известная как «Служебная книга»).

- Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. А. 1/16. Л. 495—495 об.
- Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН (СПбФИРИ), Санкт-Петербург. Фонд 41. Коллекция Н. Головина. № 56 и 57.
- Harvard University, Houghton Library, Bagrow Collection. Ремезовская копия чертежа Годунова: MS Russ 72 (1); «Чертеж всей Сибири» Ремезова: MS Russ 72 (3); карта Спафария: MS Russ 72 (2); *Ремезов*. Хорографическая книга (также известная как «Хорографическая чертежная книга»): MS Russ 72 (6).
- Harvard University Map Collection. Mt 180.1929 pf. Northamptonshire 1580—1797, English Common Fields, Photo Reproductions.
- Hilandar Research Library. Ohio State University. Космография в 76 главах (без начала). Микрофильм рукописи из Библиотеки Чарторыйских в Кракове. № 1417.
- Hilandar Research Library. Ohio State University. Сборник смешанного содержания. Л. 13—41 об. Микрофильм рукописи из Библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета.
- Newberry Library, Chicago. Carte generale de la Siberie et de la Grande Tatarie // Cartes Marines. Edward Everett Ayer Collection.
- South Carolina Historical Society. Anonymous plat of land belonging to Governor Joseph West. 1680. South Carolina. (Анонимный план земли, принадлежащей губернатору Джозефу Весту. 1680 г. Южная Каролина).
- University of Michigan. Map Library. Ivan Kirilov and Joseph Nicolas Delisle. Mappa Generalis Totius Imperii Russici = Атлас Российской. СПб.: Императорская Академия Наук, 1745.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ

- Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера: Описи копийных книг в двух томах / Ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993—95.
- Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М.: Наука, 1964.
- Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности. СПб.: Алетей, 2002.
- Алексеев В.Н., Дергачева-Скоп Е.И.* Новонайденное свидетельство об иконах «Святая София премудрость Божия» и «Распятие», предположительно принадлежащих кисти С.У. Ремезова // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания / Ред. Е.К. Ромодановская и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 264—274.
- Альгази Г.* Господа спрашивают, крестьяне отвечают: Создание традиции на сельских сходах позднего Средневековья // История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX—XXI веков / Под общей ред. М. Крома, Д. Сэбиана, Г. Альгази. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге; Алетей, 2006. С. 70—110.
- Алферова Г.В.* Русские города XVI—XVII веков. М.: Стройиздат, 1989.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
- Андреев А.И.* Чертежи и карты России XVII в., найденные в послевоенные годы // Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Л.: АН СССР, 1960. № 2. С. 88—90.

- Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Т. 1. XVII век. 2-е изд. М.; Л.: АН СССР, 1960; Т. 2. XVIII в. (первая половина). М.; Л.: АН СССР; ДА, 1965.
- Антонова В.И., Мнева Н.Е.* Каталог древнерусской живописи XI — начала XVII в.: В 2 т. М.: Искусство, 1963.
- Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов / Ред. Д.С. Лихачев. М.: Искусство, 1980.
- Бахрушин С.В.* Научные труды: В 4 т., в 5 кн. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв.; Ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1955; Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1959.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1927.
- Бахрушин С.В.* Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1: М.: Наука, 1955. С. 212—225.
- Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. / Бахрушин С.В.. Научные труды. Т. 4. М.: Наука, 1959. С. 97—229.
- Баталов А.Л., Вятчина Т.Н.* Об идейном значении и интерпретации Иерусалимского образа в русской архитектуре XVI—XVII вв. // Архитектурное наследство. 1988. Вып. 36.
- Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1898.
- Биллингтон Дж.* Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
- Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян. М.: Наука, 1966.
- Буххерт В.Г.* История Архива Межевой Канцелярии (Центрального межевого архива) 1768—1939. Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Российский государственный гуманитарный университет. М.: 1991.
- Бербанк Дж.* Народные суды, имперское законодательство и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 320—358.
- Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35—49.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М.: Наука, 1975.
- Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915—1916. Т. 1—2.
- Гольденберг Л.А.* Изограф земли сибирской. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1991.
- Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 гг. М.: Наука, 1965.
- Гольденберг Л.А.* Петровские геодезисты и первый печатный план Москвы. М.: Недра, 1990.
- Громов Г.Г.* Жилище // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М.: Наука, 1975.
- Гудзинская А.П., Михайлова Н.Г.* Графические материалы как источник по истории архитектуры помещиц и крестьянской усадеб в России XVII в. // История СССР. 1971. № 5. С. 214—227.
- Градостроительство Московского государства XVI—XVII веков / Ред. Н.Ф. Гуляницкий. М.: Стройиздат, 1994.

- Данилова И.Е., Мнева Н.Е.* Живопись XVII века // История русского искусства / Ред. И. Е. Грабарь. Т. 3, 4. М.: АН СССР, 1955, 1959.
- Древнерусское искусство. Т. 1: Новые открытия реставраторов. М.: Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. академика И. Грабаря, 1990.
- Дергачева-Скоп Е.И.* «Похвала» Сибири С.У. Ремезова // ТОДРЛ. 1965. Т. 21. С. 266—274.
- Дергачева-Скоп Е.И.* С.У. Ремезов — сибирский просветитель конца XVII века // Очерки русской литературы Сибири. Т. 1 / Ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. С. 95—106.
- Дуглас М.* Чистота и опасность М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Ефимов А.В.* Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979.
- Забелин И.Е.* Московские сады в XVII ст. // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. Исследования, описания и критические статьи. Ч. 2. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1873. С. 266—321.
- Замысловский Е.* Чертежи Сибирских земель XVI—XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 275. 1891. Июнь. С. 334—347.
- Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.: Императорское Русское археологическое общество, 1861. Т. 2. С. 25—28.
- Записки русских путешественников XVI—XVII вв. / Сост. и ред. Л.И. Алехина, Н.И. Прокофьев. М.: Советская Россия, 1988.
- Зиборов В.К.* Ремезов Семен Ульянович // Словарь книг и книжников Древней Руси. Т. 3 (XVII в.). Ч. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 298—302.
- Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Ред. А.Н. Попов. М.: Мамонов, 1869.
- История русского искусства / Ред. И. Грабарь. Т. 3, 4. М.: АН СССР, 1955, 1959.
- Искусство Строгановских мастеров. Реставрация. Исследования. Проблемы. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1991.
- Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс — Традиция, 1997.
- Каштанов С.М.* Чертеж земельного участка XVI в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1963. Т. 17. С. 429—436.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // Соч. в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
- Ключевский В.О.* Сочинения: В девяти томах. М.: Мысль, 1987.
- Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Ред. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. М.: Индрик, 1997.
- Кобрин В.Б.* Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985
- Коллманн Н.Ш.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001.
- Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. документов / Ред. Я.П. Алькор, Б.Д. Греков. Институт народов Севера ЦИК СССР, 1936.
- Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М.: Наука, 1975.
- Космография 1670 г. СПб.: Императорская Археографическая комиссия, 1878—1881.

- Кочетков И.А.* К истолкованию иконы «Церковь воинствующая (Благословенно воинство небесного царя)» // ТОДРЛ. 1985. Т. 38. С. 185—209.
- Кочин Г.* Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 2. С. 145—186.
- Кошелева О.Е.* Приговор князю Ивану Никитичу Хованскому // Архив русской истории. 1994. № 5. С. 139—144.
- Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний Государственного исторического музея. М.: Наука, 1994.
- Кудрявцев М.П.* Москва — Третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М.: Сол Систем, 1994.
- Кузин А.А.* Развитие чертежного дела в России // Труды Института истории естествознания и техники. М.: АН СССР, 1955. Т. 3. С. 131—169.
- Кусов В.С.* Чертежи Земли Русской XVI—XVII вв. М.: Русский мир, 1993.
- Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М.: Недра, 1989.
- Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 1.
- Лебедев Д.М.* География в России XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1949.
- Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М.: АН СССР, 1956.
- Лебедев Лев, протоиерей.* Богословие Русской земли как образа обетованной земли царства небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI—XVII веков // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность», Москва, 11—18 мая 1987 года. М.: Изд. Московской патриархии, 1989. С. 140—179.
- Лурье Я.С.* Два миниатюриста XV в. (К проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси) // Культурное наследие Древней Руси / Ред. В.Г. Базанов. М.: Наука, 1976. С. 105—111.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2011.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири: В 2 т. М.; Л.: Наука, 1937, 1941.
- Морозов Б.Н.* Чертеж конца XVII века подмосковной вотчины князей Воротынских // Архив русской истории. 1992. № 2. С. 185—192.
- Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Ученые записки РАНИОН. 1926. С. 327—354.
- О тебе радуется: Русские иконы Богоматери XVI — начала XX века: Каталог выставки из фондов Музея им. Андрея Рублева, 1995. М.: Авангард, 1995.
- Оглобин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. 1592—1768: В 4 ч. // ЧОИДР, 1895. Кн. 2. № 173; 1898. Кн. 1. № 184; 1900. Кн. 3. № 194; 1902. Кн. 1. № 200.
- Огородников В.И.* Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922.
- Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского севера в XVIII в. Л.: Ленинградское отделение Учебно-педагогического изд-ва Наркомпроса РСФСР, 1941.
- Октоих, сиречь осмогласник с е гласа по и-и. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1904.
- Осташенко Е.Я.* Архитектурные фоны в некоторых произведениях древнерусской живописи XIV века // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв. М.: Наука, 1970. С. 275—309.

- Панич Т.В.* Литературное творчество Афанасия Холмогорского. «Естественнонаучные» сочинения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
- Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб., 1830—1843. Т. 2.
- Постников А.В.* Картографирование Сибири в XVII — начале XVIII века. Семен Ульянович Ремезов и его рукописные атласы // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым в 1701 году: В 2 т. М.: ФГУП, РКО Картография 2003. Т. 2. С. 7—10.
- Постников А.В.* Карты земель российских: Очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества [также см.: Russia in Maps: A History of the Geographical Study and Cartography of the Country] М.: Наш дом-L'Age d'Homme, 1996.
- Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989.
- Представления о собственности в российском обществе XV—XVIII вв. Проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи / Ред. Е.Н. Швейковская, Н.А. Горская. М.: Институт российской истории РАН, 1998.
- Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М.: Наука, 1972.
- Прокофьев Н.И.* Литература путешествий XVI—XVII веков // Записки русских путешественников XVI—XVII вв. / Сост. и ред. Н.И. Прокофьев, Л.И. Алехина. М.: Советская Россия, 1988. С. 5—22.
- Пушкарев Л.Н.* Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII—XVIII веков. М.: Наука, 1994.
- Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1989.
- Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: А. М. Котомина, 1882.
- Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым в 1701 году: В 2 т. М.: ФГУП, РКО Картография, 2003.
- Ремезов С.У.* Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Ред. А.И. Зост. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского, 1880.
- Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Paris: YMCA Press, 1947; переиздано с новой нумерацией страниц в 1971 г.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: В 2 т. / Ред. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1969, 1972.
- Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. М.: Наука, 1974.
- Сакович А.Г.* Народная гравированная книга Василия Коренина, 1692—1696. М.: Искусство, 1983.
- Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия (Приложение ко II-му тому Записок Славяно-Русского Отделения Археологического Общества) / Ред. В. Ломанский. СПб., Типография Иосафата Огризко, 1861.
- Сборники документов по истории Бурятии. XVII век / Ред. С.Б. Окунь, Б.Н. Румянцев. Улан-Удэ: АН СССР, Сибирское отделение, 1960. Т. 1.
- Свенске К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Императорскою Академиею наук в 1745 году, собраны из архива Императорской Академии наук, приложение к IX-му тому Записок Имп. Академии наук. № 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1866.

- Святославский А.В., Трошин А.А.* Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М.: Древлехранилище, 2000.
- Сергеев В.Н.* Духовный стих «Плач Адама» на иконе // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. 280—286. Сибирские летописи. СПб.: Императорская Археографическая комиссия, 1907.
- Скотт Дж.* Благими намерениями государства: Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.
- Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982.
- Слэзкин Ю.Л.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Слэзкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 329—374.
- Словарь книжников и книжностей Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987.
- Слово о погибели Русской земли // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М.: Художественная литература, 1981. С. 130—131.
- Смирнов П.П.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века // ЧОИДР. 1915. Т. 254, ч. 1. С. 1—73.
- Собственность в России. Средневековье и раннее Новое время / Ред. Н.А. Горская. М.: Наука, 2001.
- Сочинения С.У. Ремезова: В 4 т. Тобольск: Изд-во ОФ «Возрождение Тобольска», 2006. Т. 3. Служебная чертежная книга: Факсимильное издание; Т. 4. *Дергачева Е.И., Алексеев В.Н.* Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. Текст рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), комментарии.
- Сотникова С.И.* Памятники отечественной картографии XVII в. // Памятники науки и техники. 1987—1988. Т. 6. С. 176—185.
- Султанов Н.* Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. Исследование по рукописи XVI века: «Житие Николая Чудотворца» со 16-ю таблицами рисунков (Памятники древней письменности и искусства. 1881. Т. 8). СПб.: Типография И. Вошинского, 1881).
- Тиц А.А.* Загадка древнерусского чертежа. М.: Стройиздат, 1978.
- Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра I до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004.
- Успенский А.* К истории русского бытового жанра (Scène de genre, tirées de manuscrits russes du XVII-e s.) // Старые годы. 1907. Январь. № 1. С. 207—215.
- Федоров-Давыдов А.* Русский пейзаж XVIII — начала XIX века. М.: Искусство, 1953.
- Федотов Г.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 10: Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X—XIII вв.; Т. 11: Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII—XV вв. М.: Мартис, 2001, 2004.
- Фурсенко В.* Спафарий Милеску // Русский биографический словарь. СПб.: Изд. Императорского Русского исторического общества, 1896—1918. Т. 19, 183—190.
- Хелли Р.* Холопство в России 1450 — 1725 / Предисл. и науч. ред. А.Б. Каменского. М.: Изд. центр «Академия», 1998.
- Хенишелл Н.* Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западно-европейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003.

- Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв.: В 2 т. / Ред. М.Н. Тихомиров. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1962.
- Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М.: Археографический центр, 1997.
- Энциклопедия русского игумена XIV—XV вв.: Сб. преподобного Кирилла Белозерского / Ред. Г.М. Прохоров. Российская национальная библиотека, Кирилло-Белозерское собрание. № XII. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003.
- Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: Открытое общество, 1998.
- Adams A.J.* Competing Communities in the «Great Bog of Europe»: Identity and Seventeenth-Century Dutch Landscape Painting // *Landscape and Power* / Ed. W.J.T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 35—76.
- Akerman J.R.* Cartography and the Emergence of Territorial States in Western Europe // *Proceedings of The Tenth Annual Meeting of the Western Society for French History* / Ed. by John F. Sweets. Lawrence: University of Kansas, 1984. P. 84—93.
- Alpatov M.V.* Early Russian Icon Painting. M.: Iskusstvo, 1984.
- Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. and extended ed. 2nd ed. N.Y.: Verso, 1991.
- Anderson V.D.* King Philip's Herds: Indians, Colonists, and the Problem of Livestock in Early New England // *William and Mary Quarterly*. 1994. 3rd series. Vol. 51. P. 601—624.
- Baddeley J.F.* Russia, Mongolia, China. 2 vols. London, 1919; reprint N.Y.: B. Franklin, 1964).
- Bagrow L.* A History of Russian Cartography up to 1800 / Ed. H.W. Kastner. Wolfe Island, Ont.: Walker Press, 1975.
- Bagrow L.* A Few Remarks on Maps of the Amur, the Tatar Strait, and Sakhalin // *Imago Mundi*. 1955. Vol. 12. P. 127—136.
- Bagrow L.* Semyon Remezov — A Siberian Cartographer // *Imago Mundi*. 1954. Vol. 11. P. 120—121.
- Bagrow L.* The First Russian Maps of Siberia and Their Influence on West-European Cartography of North East Asia // *Imago Mundi*. 1952. Vol. 9. P. 83—95.
- Bagrow L.* The Atlas of Siberia / Facsim. Introduction by Leo Bagrow. 's-Gravenhage: Mouton, 1958.
- Barber P.* Maps and Monarchs in Europe 1550—1800 // *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe: Essays in Memory of Ragnhild Hatton* / Ed. G.C. Gibbs, R. Oresko, H.M. Scott. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 75—124.
- Baron S.H.* The Lost Jenkinson Map of Russia (1562) Recovered, Redated, and Retitled // *Terrae Incognitae*. 1993. Vol. 25. P. 53—66.
- Baron S.H.* B.A. Rybakov on the Jenkinson Map of 1562 // *New Perspectives on Muscovite History* / Ed. L. Hughes. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 3—13.
- Bartlett R.* The Making of Europe: Conquest, Colonization, and Cultural Change, 950—1350. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.
- Bassin M.* Expansion and Colonialism on the Eastern Frontier: Views of Siberia and the Far East in Pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14. P. 3—21.
- Bassin M.* Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840—1865. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Bassin M.* Myslit' Prostranstvom: Eurasia and Ethno-Territoriality In Post-Soviet Maps // *Zeit-Räume. Neue Tendenzen in der historischen Kulturforschung aus der Perspektive*

- der Slavistik / Hg. S.K. Frank, I.P. Smirnov // Wiener Slavistischer Almanach. 2002. Bd. 49. S. 15—35.
- Bassin M.* Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces // Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. P. 473—511.
- Baxandall M.* Art and Experience in Sixteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1988.
- Bendall S.* Enquire «When the Same Platte Was Made and by Whome and to What Intent»: Sixteenth-Century Maps of Romney Marsh // Imago Mundi. 1995. Vol. 47. P. 34—48.
- Berry M.E.* The Codes of Strangers: Homelessness as a Motive for Mapmaking. Unpublished ms. 1996.
- Berry M.E.* The Codification of Space and Society. Unpublished paper prepared for the Seminar on «What Is Early Modern and Japanese about “Early Modern Japan”?». Berkeley, Calif., September 1996.
- Beyond Binary Histories: Re-imagining Eurasia to c. 1830 / Ed. V. Lieberman. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.
- Biggs M.* Putting the State on the Map: Cartography, Territory, and European State Formation // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41. P. 374—405.
- Billington J.H.* The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. N.Y.: Vintage Books, 1966.
- Blaeu's The Grand Atlas of the 17th Century World. Introduction, captions, and selection of maps by John Goss. London: Studio, 1997.
- Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.
- Boeck B.* Containment vs. Colonization: Muscovite Approaches to Settling the Steppe // Peopling the Periphery: Slavic Settlement in Eurasia from Muscovite to Soviet Times / Ed. N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. N.Y.: Routledge, forthcoming.
- Bohlen C.* Westward Ho: An Empire Tries to Become a Normal Nation // The New York Times, May 19, 2002. C1.
- Breyfogle N. B.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006.
- Brodsky J.* In Praise of Gray // *Poliakov L.* Russia: A Portrait. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1991. P. 5—9.
- Brotton J.* Trading Territories: Mapping the Early Modern World. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1997.
- Brubaker R.* Nationalism Reframed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905—1917. Bloomington: Indiana University Press, 2004.
- Bush M.* Serfdom in Medieval and Modern Europe: A Comparison // Serfdom and Slavery: Studies in Legal Bondage / Ed. M.L. Bush. London: Longman, 1996. P. 199—224.
- Bushkovitch P.* The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Russian Review. 1990. Vol. 49. P. 1—18.
- Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y.: Oxford University Press, 1992.
- Campbell T.* The Earliest Printed Maps. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Castells M.* The City and the Grass Roots. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Chevalier F.* Land and Society in Colonial Mexico: The Great Hacienda. Berkeley: University of California Press, 1963.

- Collins D.N.* Subjugation and Settlement in Seventeenth- and Eighteenth-Century Siberia // *The History of Siberia from Russian Conquest to Revolution* / Ed. A. Wood. N.Y.: Routledge, 1991. P. 37—56.
- Companies and Trade: Essays on Overseas Trading Companies during the Ancient Regime* // Ed. L. Blussé, F. Gaastra. Leiden: Leiden University Press, 1981.
- Cosgrove D.* Mapping the New World: Culture and Cartography in Sixteenth-Century Venice // *Imago Mundi*. 1992. Vol. 44. P. 65—89.
- Craib R.B.* Cartographic Mexico: A History of State Fixations and Fugitive Landscapes. Durham, N.C.: Duke University Press, 2004.
- Craton M.* Property and Propriety: Land Tenure and Slave Property in the Creation of a British West Indian Plantocracy, 1612—1740 // *Early Modern Conceptions of Property* / Ed. J. Brewer, S. Staves. N.Y.: Routledge, 1996. P. 497—529.
- Crone P.* The Tribe and the State // *States in History* / Ed. J. A. Hall. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 48—77.
- Cronon W.* Changes in the Land: Indians, Colonists, and the Ecology of New England. N.Y.: Hill and Wang, 1983.
- Cumming W.P.* British Maps of Colonial America. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
- Cumming W.P.* The Southeast in Early Maps. 3rd ed. rev. and enl. by Louis De Vorsey, Jr. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1998.
- Cumming W.P., Quinn D.B., Skelton R.A.* The Discovery of North America. London: Elek, 1971.
- Davies B.L.* State Power and Community // *Early Modern Russia: The Case of Kozlov, 1635—1649*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2004.
- Davies D.* The Evocative Symbolism of Trees // *The Iconography of Landscape* / Ed. D. Cosgrove, S. Daniels. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 32—42.
- Dewey H.W.* Judges and the Evidence in Muscovite Law // *Slavonic and East European Review*. 1957. Vol. 36. P. 189—194.
- Dewey H.W.* The 1550 Sudebnik as an Instrument of Reform // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 10 (162). P. 161—180.
- Diment G.* Siberia in Literature // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / Ed. G. Diment, Y. Slezkine. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 7—17.
- Discussion on Kazan' and Muscovy // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26. P. 541—583 (articles by Ševčenko, Keenan, Pritsak, Pelenski).
- Dixon S.* Catherine the Great. N.Y.: Longman, 2001.
- Domar E.* The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis // *Economic History Review*. 1970. P. 18—32.
- Douglas M.* Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. N.Y.: Praeger, 1966.
- Early Modern Conceptions of Property / Ed. J. Brewer, S. Staves. N.Y.: Routledge, 1996.
- Edney M.H.* Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765—1843. Chicago: University of Chicago Press, 1990, 1997.
- Ellersieck H.E.* Russia under Aleksei Mikhailovich and Feodor Alekseevich, 1645—1682: The Scandinavian Sources. Ph.D. diss. University of California, Los Angeles, 1955.
- Elliott M.C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *Journal of Asian Studies*. 2000. Vol. 59. P. 603—646.
- Epstein R.* Possession as the Root of Title // *Georgia Law Review*. 1979. Vol. 13. P. 1221—1243.
- Fedotov G.P.* Russian Religious Mind. Vol. 1. Kievan Christianity: The 10th to the 13th Centuries. Vol. 2. The Middle Ages. The 13th to the 15th Centuries. Belmont, Mass.: Nordland, 1975.

- Finney B.* Nautical Cartography and Traditional Navigation in Oceania // The History of Cartography. Vol. 2. Book 3. Cartography in the Traditional African, American, Arctic, Australian, and Pacific Societies / Ed. D. Woodward, G.M. Lewis. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 446—451.
- Fletcher D.H.* The Emergence of Estate Maps: Christ Church, Oxford, 1600—1840. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Fletcher G.* Of the Russe Commonwealth // Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / Ed. L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison: University of Wisconsin Press, 1968. P. 109—248.
- Flier M.S.* «Breaking the Code», The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // Medieval Russian Culture. Vol. 2 / Ed. M.S. Flier, D. Rowland. Berkeley: University of California Press, 1994. P. 213—242.
- Flier M.S.* Court Ritual and Reform: Patriarch Nikon and the Palm Sunday Ritual / Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. S. H. Baron, N. S. Kollmann. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. P. 73—95.
- Flier M.S.* Filling in the Blanks: The Church of the Intercession and the Architectonics of Medieval Muscovite Ritual // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 120—137.
- Flier M.S.* Till the End of Time: The Apocalypse in Russian Historical Experience before 1500 // Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice / Ed. R.H. Green, V.A. Kivelson. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 127—158.
- Florovsky G.* Ways of Russian Theology. Part 1. Belmont, Mass.: Nordland, 1979.
- Forsythe J.* A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581—1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Foust C.M.* Spafarii, Nikolai Gavrilovich (Nicholaie Spatarul Milescu) // Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. Gulf Breeze, FL.: Academic International Press, 1976. Vol. 37. P. 20—24.
- Frontiers in Question: Eurasian Borderlands, 700—1700 / Ed. D. Power, N. Standen. N.Y.: St. Martin's Press, 1999.
- Gibson Ch.* The Aztecs under Spanish Rule: A History of the Indians of the Valley of Mexico, 1519—1810. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1964.
- Givens R.D.* To Measure and to Encroach: The Nobility and the Land Survey // Russia and the World of the Eighteenth Century / Ed. R.P. Bartlett, A.G. Cross, K. Rasmussen. Columbus, Ohio: Slavica, 1988. P. 533—549.
- Gol'denberg L.A.* Russian Maps and Atlases as Historical Sources / Trans. J.R. Gibson. Toronto: B. V. Gutsell, Dept. of Geography, York University, 1971.
- Gol'denberg L.A., Postnikov A.V.* The Development of Mapping Methods in Russia // Imago Mundi. 1985. Vol. 37. P. 63—80.
- Golder F.A.* Russian Expansion on the Pacific, 1641—1850. Cleveland: Arthur H. Clark, 1914.
- Goldfrank D.* Pre-Enlightenment Utopianism in Russian History // Russian History. 1984. Vol. 11. P. 123—147.
- Gorbatov I.* Catherine the Great and French Philosophers of the Enlightenment: Montesquieu, Voltaire, Rousseau, Diderot and Grimm. Bethesda, MD: Academica Press, 2006. P. 117—146
- Greenblatt S.* Marvelous Possessions: The Wonder of the New World. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Greene R.H.* «Bodies Like Bright Stars»: Saints and Relics in Orthodox Russia, 1860s—1920s. Ph.D. diss., University of Michigan, 2004.
- Hale J.R.* The Civilization of Europe in the Renaissance. N.Y.: Atheneum, 1994.

- Hallowell A.I.* Culture and Experience. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1955.
- Harley J.B.* Deconstructing the Map // *Cartographica*. 1989. Vol. 26. No. 2. P. 1—20.
- Harley J.B.* Maps, Knowledge, and Power // *The Iconography of Landscape: Essays on the Symbolic Representation, Design and Use of Past Environments* / Ed. D. Cosgrove, S. Daniels. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 1994. P. 277—312.
- Harley J.B.* Maps and the Colombian Encounter: An Interpretive Guide to the Travelling Exhibition. Milwaukee: University of Wisconsin, 1990.
- Harley J.B.* The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography / Ed. P. Laxton, with an introduction by J.H. Andrews. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.
- Harley J.B.* Silences and Secrecy: The Hidden Agenda of Cartography in Early Modern Europe // *Imago Mundi*. 1988. Vol. 40. P. 57—76.
- Harvey D.* The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1989.
- Harvey D.* Justice, Nature, and the Geography of Difference. Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1996.
- Harvey P.D.A.* Maps in Tudor England. London: The Public Record Office and the British Library, 1993.
- Hellie R.* Enserfment and Military Change. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Hellie R.* Slavery in Russia, 1450—1725. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Hellie R.* The Stratification of Muscovite Society: The Townsmen // *Russian History/Histoire russe*. 1978. Vol. 5. P. 119—175.
- Henshall N.* The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London: Longman, 1992.
- Hilton A.* Piety and Pragmatism: Orthodox Saints and Slavic Nature Gods in Russian Folk Art // *Christianity and the Arts in Russia* / Ed. W.C. Brumfield, M.M. Velimirovic. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 55—72.
- Hilton A.* Russian Folk Art. Bloomington: Indiana University Press, 1995.
- The History of Cartography. Vols. 1—3 / Ed. J.B. Harley, D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 1992, 1994, 1998.
- The History of Siberia from Russian Conquest to Revolution / Ed. A. Wood. N.Y.: Routledge, 1991.
- Hoch S.L.* The Serf Economy, the Peasant Family, and the Social Order // *Imperial Russia: New Histories for the Empire* / Ed. J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998. P. 199—209.
- Holl B.T.* Avvakum and the Genesis of Siberian Literature // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / Ed. G. Diment, Y. Slezkine. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 33—46.
- Horsey J.* Travels // *Rude and Barbarous Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers* / Ed. L.E. Berry, R.O. Crummey. Madison: University of Wisconsin Press, 1968. P. 262—369.
- Hosteltler L.* Qing Colonial Enterprise: Ethnography and Cartography in Early Modern China. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
- Hurwitz E.* Metropolitan Hilarions Sermon on Law and Grace // *Russian History/Histoire russe*. 1980. Vol. 7. P. 322—333.
- Huttenbach H.* Hydrography and the Origins of Russian Cartography // *Five Hundred Years of Nautical Science* / Ed. D. Howse. Greenwich, London: The Museum, 1981. P. 142—152.

- Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. J. Burbank, D. Ransel. Bloomington: Indiana University Press, 1998.
- Jameson F. Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, N.C.: Duke University Press, 1991.
- Johnson W. Soul by Soul: Life inside the Antebellum Slave Market. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.
- Kain R.J.P., Baigent E. The Cadastral Map in the Service of the State: A History of Property Mapping. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Kaiser D. Quotidian Orthodoxy: Domestic Life in Early Modern Russia // Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice / Ed. R.H. Green, V.A. Kivelson. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 179—192.
- Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History / Trans. A. Clayton. N.Y.: Longman, 2001.
- Keenan E.L. Afterword: Orthodoxy and Heterodoxy // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. S.H. Baron, N.S. Kollmann. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1997. P. 199-206.
- Keenan E.L. Muscovy and Kazan' 1445—1552: A Study in Steppe Politics. Ph.D. diss. Harvard University, 1965.
- Keuning J. Isaac Massa, 1586—1643 // *Imago Mundi*. 1953. Vol. 10. P. 65—79.
- Khodarkovsky M. The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia // Ed. R.P. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001. P. 115—143.
- Khodarkovsky M. Four Degrees of Separation: Constructing Non-Christian Identities in Muscovy // Cultural Identity in Muscovy, 1359—1584 / Ed. A.M. Kleimola, G.D. Lenhoff. Moscow: Izdatel'stvo Its-Garant; Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1997. P. 248—266.
- Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. D.R. Brower, E. J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 9—26.
- Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500—1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600—1771. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1992.
- Kicza J.E. Dealing with Foreigners: A Comparative Essay Regarding Initial Expectations and Interactions between Native Societies and the English in North America and the Spanish in Mexico // Colonial Latin American Historical Review. 1994. Vol. 3. P. 381—397.
- Kicza J.E. Patterns in Early Spanish Overseas Expansion // William and Mary Quarterly. 3rd series. 1992. Vol. 49. P. 229—253.
- Kivelson V.A. Angels in Tobol'sk: Celestial Topography and Visionary Administration in Late Muscovite Siberia // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28. No. 1—4 (2006). P. 543—556.
- Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: Russian Political Culture and the Gentry in the Seventeenth Century. Stanford; Calif.: Stanford University Press, 1997.
- Kivelson V.A. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Uprising // American Historical Review. 1993. Vol. 98. P. 733—756.
- Kivelson V.A. «Muscovite Citizenship»: Rights without Freedom // Journal of Modern History. 2002. Vol. 74. P. 465—489.

- Kliuchevsky V. O.* A Course in Russian History: The 17th Century. // Trans. N. Duddington. Chicago: Quadrangle Books, 1968.
- Kohlin H.* The 17th-century Swedish and Russian Maps of the Borderland between Russian and the Baltic Countries // *Imago Mundi*. 1952. Vol. 9. P. 95—97.
- Kolchin P.* American Slavery, 1619—1877. N.Y.: Hill and Wang, 1993.
- Kollmann N.S.* Society, Identity and Modernity in Seventeenth-Century Russia / *Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia* / Ed. J. Kotilaine, M. Poe. London: RoutledgeCurzon, 2004. P. 417—432.
- Kollmann N.S.* By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1999.
- Komedchikov N.N.* The Language of Russian Geographical Drawings of the Period before 1700. Paper presented at the Twentieth International Conference on the History of Cartography. Portland; Maine. 18 June 2003.
- Koslow J.* The Despised and the Damned; the Russian Peasant through the Ages. N.Y.: Macmillan, 1972.
- Lainema M., Nurminen J.* Ultima Thule: Arctic Explorations. Helsinki: Art-Print Oy, 2001 (with «expert consultants» A.V. Postnikov, J.P. Delgado, U. Ehrensward, A. Savours).
- Lantzeff G.V.* Siberia in the Seventeenth Century: A Study of the Colonial Administration. Berkeley: University of California Press, 1943.
- Leahey M.J.* Iconic Discourse: The Language of Images in Seventeenth-Century New France // *The Language of Encounter in the Americas, 1492—1800: A Collection of Essays* / Ed. E.G. Gray, N. Fiering. N.Y.: Berghahn Books, 2000. P. 102—118.
- Lefebvre H.* The Production of Space / Trans. D. Nicholson-Smith. Cambridge, Mass.: Blackwell, 1991.
- Lehner E., Lehner J.* How They Saw the New World. N.Y.: Tudor, 1966.
- Leibsohn D.* Mapping after the Letter: Graphology and Indigenous Cartography in New Spain // *The Language of Encounter in the Americas, 1492—1800: A Collection of Essays* / Ed. E.G. Gray, N. Fiering. N.Y.: Berghahn Books, 2000. P. 119—151.
- Levin E.* From Corpse to Cult in Early Modern Russia // *Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice* / Ed. R.H. Green, V.A. Kivelson. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 81—104.
- Lewis M.W., Wigen K.E.* The Myth of Continents: A Critique of Metageography. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Lieberman V.* Transcending East-West Dichotomies: State and Culture Formation in Six Ostensibly Disparate Areas // *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. P. 449—546.
- Lindner R.P.* What Was a Nomadic Tribe? *Comparative Studies in Society and History*. 1982. Vol. 24. P. 689—711.
- Lockhart J., Schwartz S.B.* Early Latin America: A History of Colonial Spanish America and Brazil. N.Y.: Cambridge University Press, 1983.
- Lossky A.* The Baltic Question, 1679—1689. Ph.D. diss., Yale University, 1948.
- Lotman Ju.M., Uspenskii B.A.* The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Up to the End of the Eighteenth Century) // *The Semiotics of Russian Culture* / Ed. A. Shukman. Ann Arbor: Dept. of Slavic Languages and Literatures, University of Michigan, 1984. P. 3—35.
- Mackin A.* The New England Plates // *Mapping Boston* / Ed. D. Cobb, A. Krieger, with A. Turner. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 173—228.
- Mancall M.* Russia and China; Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.

- Marker G.* Literacy and Texts in Muscovy: A Reconsideration // *Slavic Review*. 1990. Vol. 49. P. 74—89.
- Marker G.* Primers and Literacy in Muscovy: A Taxonomic Investigation // *Russian Review*. 1989. Vol. 48. P. 1—19.
- Marsden G.M.* Fundamentalism and American Culture: The Shaping of Twentieth-Century Evangelicalism: 1870—1925. Oxford: Oxford University Press, 1980.
- Martin T.* An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. T. Martin, R.G. Suny. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 67—92.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2001.
- Massa I.* A Short History of the Beginnings and Origins of These Present Wars in Moscow under the Reign of Various Sovereigns down to the Year 1610 / Trans. and ed. G.E. Orchard. Toronto: University of Toronto Press, 1982.
- McKenzie J.L., S.J.* Dictionary of the Bible. London: Geoffrey Chapman, 1972.
- McCorkle B.* The Mapping of New England before 1800 // *Mapping Boston*. Ed. D. Cobb, A. Krieger, with A. Turner. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 22—35.
- The Mercator Atlas of Europe / Ed. M. Watelet. Facsimile of the maps by Gerardus Mercator contained in the Atlas of Europe, circa 1570—1572. Pleasant Hill, Ore.: Walking Tree Press, 1998.
- Mercator G., Hondius J.* *Historia Mundi: Or Mercator's Atlas Containing his Cosmographical Description of the Fabrick and Figure of the World*. London: T. Cotes, 1635.
- Meyendorff J.* Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. N.Y.: Fordham University Press, 1979.
- Michels G.B.* At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999.
- Mignolo W.D.* The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, and Colonization. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
- Mitchell W.J.T.* Imperial Landscape // *Landscape and Power* / Ed. W.J.T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 5—34.
- Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia / Ed. J. Kotilaine, M. Poe. London: RoutledgeCurzon, 2004.
- Monarchs, Ministers, and Maps: The Emergence of Cartography as a Tool of Government in Early Modern Europe / Ed. D. Buissert. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Monmonier M.S.* How to Lie with Maps. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- Montanus A.* De Nieuwe en Onbekende Weereld of Beschryving van America en't zuid-Land, dervaetende d'Oorsprong de Americaenen en Zuidlanders, gedenkwaardige togen derwaerds, Geleghendheid der vaste Kusten, Eilanded, Steden, Sterken, Dorpen, Tempels... Amsterdam: Jacob van Meurs, 1671.
- Montoya M.E.* Translating Property: The Maxwell Land Grant and the Conflict over Land in the American West, 1840—1900. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Moogk P.* La Nouvelle France: The Making of French Canada — A Cultural History. East Lansing: Michigan State University Press, 2000.
- Moreland C., Bannister D.* Antique Maps: A Collector's Guide, 3rd ed. Oxford: Phaidon Christie's, 1989.
- Moretti F.* Atlas of the European Novel, 1800—1900. London: Verso, 1998.
- Mundy B.* The Mapping of New Spain: Indigenous Cartography and the Maps of the Relaciones Geograficas. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

- Muscovite Law Code (Ulozhenie) of 1649 / Ed. and trans. R. Hellie. Irvine, Calif.: Charles Schlacks, Jr., 1988.
- New England in Early Printed Maps 1513—1800: An Illustrated Carto- Bibliography / Comp. B.B. McCorkle. Providence, R.I.: John Carter Brown Library, 2001.
- Noyes J.* Colonial Space: Spatiality in the Discourse of German South West Africa 1884—1915. Philadelphia: Harwood Academic Publishers, 1992.
- Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. R.P. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2001.
- Ostrowski D.* Early Pomest'e Grants as a Historical Source // *Oxford Slavonic Papers*. New Series. 2000. Vol. 33. P. 36—63.
- Ostrowski D.* The Facade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 2002. Vol. 44. P. 534—563.
- Pagden A.* Dispossessing the Barbarian: The Language of Spanish Thomism and the Debate over the Property Rights of the American Indians // *The Languages of Political Theory in Early-Modern Europe* / Ed. A. Pagden. N.Y.: Cambridge University Press, 1987. P. 79—98.
- Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500 — c. 1800. New Haven: Yale University Press, 1995.
- Pagden A.* The Fall of Natural Man: The American Indian and the Origins of Comparative Ethnology. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Parrish S.S.* The Female Opossum and the Nature of the New World // *The William and Mary Quarterly*. 3rd Ser. 1997. Vol. 54. P. 475—514.
- Pascal P.* Avvakum et les debuts du Raskol. 1938; reprint, Paris: Mouton, 1963.
- Patterson O.* Slavery and Social Death: A Comparative Study. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.
- Pavlova E.* From Turf to Icon: the Ritual of Legal Confirmation (Otvod) in Private Legal Documents of Northeastern Russian Principalities of the 1380s—1460s // *Chicago Anthropology Exchange*. 1995. Vol. 21. P. 71—86.
- Pelenski J.* Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). The Hague: Mouton, 1974.
- Pelenski J.* State and Society in Muscovite Russia and the Mongol-Turkic System in the Sixteenth Century // *The Mutual Effects of the Islamic and Judeo- Christian Worlds: The East European Pattern* / Ed. A. Ascher, T. Halasi-Kun, B.K. Kiraly. Brooklyn, N.Y.: Brooklyn College Press, 1979.
- Plavsic B.* Seventeenth-Century Chanceries and their Staffs // *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century* / Ed. W.M. Pintner, D.K. Rowney. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 21—45.
- Poe M.* Elite Service Registry in Muscovy, 1500—1700 // *Russian History/Histoire russe*. 1994. Vol 21. P. 251—288.
- Poe M.* The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia // *Journal of Early Modern History*. 1998. Vol. 2. P. 247—273.
- Poe M.* Muscovite Personnel Records, 1475—1550: New Light on the Early Evolution of Russian Bureaucracy // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. Bd. 45. S. 361—378.
- Polevoi B.P.* Concerning the Origin of the Maps of Russia of 1613—1614 of Hessel Gerritsz // *New Perspectives on Muscovite History* / Ed. L. Hughes. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 14—23.
- Popov G.* Tver Icons, 13th—17th centuries. St. Petersburg: Aurora Art Publishers, 1993.

- Postnikov A.V.* Outline of the History of Russian Cartography // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Towards a Discipline of «Regionology» / Ed. K. Matsuzato. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. P. 1—49.
- Postnikov A.V.* Russian Cartographic Treasures of the Newberry Library // Mapline. 1991. No. 61—62. P. 6—8.
- Raba J.* The Biblical Tradition in the Old Russian Chronicles // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. Bd. 46. S. 9—20.
- Rabasa J.* Inventing America: Spanish Historiography and the Formation of Eurocentrism. Norman: University of Oklahoma Press, 1993.
- Romanelli M.P.* The Elusive Empire: Kazan and the Creation of Russia, 1552—1671. Madison: University of Wisconsin Press, 2011.
- Rose C.M.* Possession as the Origin of Property // University of Chicago Law Review. 1985. Vol. 52. P. 73—88.
- Rowland D.* Biblical Military Imagery in the Political Culture of Early Modern Russia: The Blessed Host of the Heavenly Tsar // Medieval Russian Culture / Ed. M. S. Flier, D. Rowland. Berkeley: University of California Press, 1994. Vol. 2. P. 182—212.
- Rowland D.* Boris Godunov's Uses of Architecture // Architectures of Russian Identity, 1500 to the Present / Ed. J. Cracraft, D. Rowland. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 34—47.
- Rowland D.* Moscow — The Third Rome or the New Israel? // Russian Review. 1996. Vol. 55. P. 591—614.
- Rowland D.* Two Cultures, One Throne Room: Secular Courtiers and Orthodox Culture in the Golden Hall of the Moscow Kremlin // Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice / Ed. R.H. Green, V.A. Kivelson. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 33—158.
- Rural Images: Estate Maps in the Old and New Worlds / Ed. D. Buisseret. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Russia's Conquest of Siberia, 1558—1700: To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion / Ed. B. Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan, T. Vaughn. Vol. 1. A Documentary Record. Portland: Oregon Historical Press, 1985.
- The Russian Primary Chronicle: Laurentian Text // Trans. and ed. S.H. Cross, O.P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Mass.: The Medieval Academy of America, 1953, reprint 1968.
- Ryan W.F.* Scientific Instruments in Russia from the Middle Ages to Peter the Great // Annals of Science. 1991. Vol. 48. P. 367—384.
- Rybakov B.A.* Russian Maps of the Fifteenth and Sixteenth Centuries / Trans. J.A. Gibson // The Canadian Cartographer. 1977. Vol. 14. P. 10—23.
- Rywkyn M.* The Prikaz of the Kazan Court: First Russian Colonial Office // Canadian Slavonic Papers. 1976. Vol. 18. P. 293—300.
- Safier N.* Unveiling the Amazon to European Science and Society: The Reading and Reception of La Condamine's Relation Abrégée d'un voyage fait dans l'Intérieur de l'Amérique méridionale (1745) // Terrae Incognitae. 2001. Vol. 33. P. 33—47.
- Sahlins P.* Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees. Berkeley: University of California Press, 1989.
- Schultz J.* Jacopo de' Barbari's View of Venice: Map Making, City Views, and Moralized Geography before the Year 1500 // Art Bulletin. 1978. Vol. 60. P. 447—452.
- Scott J.C.* Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1998.

- Scott J.C.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven: Yale University Press, 1985.
- Scott V.* Map of Russia Revealed at Conference // *The Map Collector*. 1989. Vol. 48. P. 39—40.
- Seed P.* Ceremonies of Possession in Europe's Conquest of the New World, 1492—1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Shaw D.J.B.* «A Strong and Prosperous Condition»: The Geography of State Building and Social Reform in Peter the Great's Russia // *Political Geography*. 1999. Vol. 18. P. 991—1015.
- Shaw D.J.B.* Geographical Practice and Its Significance in Peter the Great's Russia // *Journal of Historical Geography*. 1996. Vol. 22. P. 160—176.
- Skelton R.A.* The Early Map Printer and His Problems // *Penrose Annual*. 1964. Vol. 57. P. 171—187.
- Skrynnikov R. G.* Boris Godunov / Ed. and trans. H. F. Graham. Gulf Breeze, Fla.: Academic International Press, 1982.
- Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.
- Slezkine Yu.* Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917* / Ed. D.R. Brower, E. J. Lazzarini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 27—57.
- Slezkine Yu.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 414—452.
- Smail D.L.* Imaginary Cartographies: Possession and Identity in Late Medieval Marseille. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2000.
- Smirnova E.* Moscow Icons, 14th—17th Centuries. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1984.
- Smith J.* The Generall Historie of Virginia, New-England, and the Summer Isles with the Names of the Adventurers, Planters, and Governours from Their First Beginning. ano1584 to this Present 1626. London: I[ohn] D[awson] and I[ohn] H[aviland] for Edward Blackmore, 1632.
- Soja E.W.* Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso, 1989.
- Squatriti P.* Water and Society in Early Medieval Italy, AD 400—1000. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Steinberg S.* View of the World from 9th Avenue // *The New Yorker*. March 29, 1976. Cover.
- Stern S.J.* Paradigms of Conquest: History, Historiography, and Politics // *Journal of Latin American Studies*. Quincentenary Supplement: The Colonial and Post-Colonial Experience. Five Centuries of Spanish and Portuguese America. 1992. Vol. 24. P. 1—34.
- Stern S.J.* Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest: Huamanga to 1640. Madison: University of Wisconsin Press, 1982.
- Stevens C.B.* Soldiers of the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995.
- Suny R.* The Empire Strikes Out: Russia, the Soviet Union, and Theories of Empire // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Ed. T. Martin, R.G. Suny. N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 23—66.
- Suny R.* Nationalities in the Russian Empire // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. P. 487—492.
- Suny R.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993.
- Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World* / Ed. F. Cooper, A.L. Stoler. Berkeley: University of California Press, 1997.

- Thomson F.J.* The Intellectual Difference between Muscovy and Ruthenia in the Seventeenth Century: The Case of the Slavonic Translations and the Reception of the Pseudo-Constantinian Constitution (Donatio Constantini) // *Slavic Gandensia*. 1995. Vol. 22. P. 63—107.
- Thyret I.* Between God And Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001.
- Thyret I.* The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes in 15th- and 16th-Century Russia. Unpublished paper.
- Thyret I.* Women and Orthodox Faith in Muscovite Russia: Spiritual Experience and Practice // *Orthodox Russia: Studies in Belief and Practice* / Ed. R.H. Green, V.A. Kivelson. University Park: Pennsylvania State University Press, 2003. P. 159—175.
- Tolstaya T.V.* The Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin: For the 500th Anniversary of the Unique Monument of Russian Culture. M.: Iskusstvo, 1979.
- Tracy J.D.* Iasak in Siberia vs. Competition among the Colonizers in Canada: A Note on Comparisons between Fur Trades // *Russian History/Histoire russe*. 2001. Vol. 28. P. 403—410.
- Traub V.* Mapping the Global Body // *Early Modern Visual Culture: Representation, Race, and Empire in Renaissance England* / Ed. P. Erickson, C. Hulse. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2000. P. 44—97.
- Tuan Yi-Fu.* Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
- Turnbull D.* The Ad Hoc Collective Work of Building Gothic Cathedrals with Templates, String, and Geometry // *Science, Technology and Human Values*. 1993. Vol. 18. P. 315—340.
- Turnbull D.* Maps Are Territories; Science Is an Atlas: A Portfolio of Exhibits. Chicago: University of Chicago Press, 1993.
- Urness C.* Rybakov on the Delisle Map of 1706 // *New Perspectives on Muscovite History* / Ed. L. Hughes. N.Y.: St. Martin's Press, 1993. P. 24—34.
- Waugh D.C.* The Library of Aleksei Mikhailovich // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1986. Bd. 38. S. 299—324.
- Weickhardt G.G.* Due Process and Equal Justice in the Muscovite Codes // *Russian Review*. 1992. Vol. 51. P. 463—480.
- Weickhardt G.G.* Pre-Petrine Property Law // *Slavic Review*. 1993. Vol. 52. P. 663—679.
- Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827—1905. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2002.
- White R.* The Middle Ground: Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes Region, 1650—1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Wilson J.R.* The Geographical Imagination in Early Modern Russia. M.A. thesis, Ohio State University, 2000.
- Winichakul T.* Siam Mapped: A History of the Geo-Body of a Nation. Honolulu: University of Hawaii Press, 1994.
- Wirtschaftler E.K.* Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. P. 561—563.
- Wood D., with Fels J.* The Power of Maps. N.Y.: Guilford Press, 1992.
- Woodward D.* Reality, Symbolism, Time, and Space in Medieval World Maps // *Annals of the Association of American Geographers*. 1985. Vol. 75. P. 510—521.
- Five Centuries of Map Printing / Ed. D. Woodward. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

Wortman R.S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.

Yermak's Campaign in Siberia: A Selection of Documents Translated from the Russian Chronicles by Tatiana Minorsky and David Wileman / Ed. T. Armstrong. London: Hakluyt Society, 1975.

Yonemoto M. Mapping Early Modern Japan: Space, Place, and Culture in the Tokugawa Period, 1603—1868. Berkeley: University of California Press, 2003.

Zguta R. The One-Day Votive Church: A Religious Response to the Black Death in Early Russia // *Slavic Review*. 1981. Vol. 40. P. 423—432.

Именной указатель

- Аввакум, протопоп 172, 173, 177, 178, 180, 181, 187, 190, 195
Августин, Аврелий 230
Аврутин Е. 14
Адамс Э. Й. 302
Акерман Джон 14
Акерман Джим 15
Алексеев В. 76, 99
Алексей Михайлович, царь 56, 154, 245, 289, 299
Алферова Г.В. 307
Альгази Г. 81
Андерсон Б. 293
Андреев А. И. 293, 315, 318, 321
Андрей Михайлович, крестьянин 38
Антипин Л. 118
Антоний, архимандрит 98
Антонова В. И. 310
Аристотель 230
Артемий 93
Арцыбышев А. 77
Атласов В. В. 167, 170, 171, 174, 176, 177, 192, 234, 248, 251, 260, 263, 271, 272, 312, 324
Афанасий Холмогорский, архиепископ 139, 140, 149, 172, 317

Багров Л. 15, 50, 51, 285, 292—294, 296, 297, 314, 315
Баженов М. — вклейка 8
Байков А. И. 317
Байков Ф. И. 168, 176, 197, 234, 251
Баксендолл М. 146
Балтимор, лорд 237
Барбер П. 54
Барон С. 37
Басов Д. — вклейка 3
Бассин М. 14, 313
Бейдженс Э. 40
Бейтон А. И., фон 312

Бек Б. 330
Бекетов П. И. 176, 202, 234, 251, 259, 263, 272
Белкина Л. 16
Белкина П. 16
Бестужев А. Ю. 63
Бербанк Дж. 14, 287, 298
Берелович А. 15
Берри М. Э. 35
Блау Дж. 241
Блау Я. В. 183
Блудов И. 64, 93, 95
Борисов Е. 114
Борисов С. 114
Бри Т., де 244
Бродский И. А. 305
Брюсова В. Г. 155
Бульчев А. А. 13
Бушкович П. 316
Быковской А. 71, 297

Варсонофий, митрополит 67
Василий III, вел. князь 36
Васильев А. 102
Васильев Ф. 72, 297
Ведерницын А. 115
Вейкхардт Дж. 273
Вельяминов И. 130, вклейка 10
Вердеревский И. 63
Веселовский С. Б. 290, 304
Вест Дж. 132, 135
Вид А. 316
Виниус А. А. 45, 50, 261, 293
Виртшафтер Э. 14, 292
Витязев В. 275
Владимир Всеволодович Мономах, вел. князь 234, 235
Воейков П. 106, 109
Воротынский, князь 143
Вуд У. 313

- Гаврилов Второй 176
Гальперин Ч. 14
 Гейзенберг В. К. 40
 Герасимов Д. 37
 Герберштейн С., фон 37, 81, 316
 Гоббс Т. 230
 Годунов Б., царь 39, 268, 269
 Годунов П. И. 42
 Годунов Ф. Б. 39, 289
Голдфрэнк Д. 14
Гольденберг Л. А. 182, 293, 316
Горсей Дж. 298
Горский А. Д. 82
 Горчаков П. Д. 268
 Горький М. 105
 Гребенщиков М. 271
 Грек Феофан 33
 Грибоедов Н. 91, 141
Грин Б. 14
Грин Р. Х. 280
Гринблатт С. 171
 Гринев В. 91
Гудзинская А. П. 65
 Гумилев Л. Н. 26
- Даннинг Ч.* 11
Дарнтон Р. 9
 Дежнев С. И. 167, 260, 312, 330
Делано-Смит К. 14
 Делиль Г. 327
 Делиль Ж. Н. 46, 48, 51, 292, 314
Джастер С. 14
 Дженкинсон А. 37, 316, 326, 327
 Джовио П. 37
Джонсон П. 15
Джонсон У. 304
 Джосселин Дж. 313
 Дидро Д. 25
Димент Г. 163, 170
Дмитриева З. В. 12
Дмитришин В. 167
 Добрынин Л. — вклейка 9
Долбилов М. Д. 14
 Домашнев Ф. 71, 97
 Дубровина А. Д. 78
 Дунай К. С. 271
- Дуров И. 114
Дэвис Д. 311
- Екатерина II, императрица 25, 45, 46
 Елизавета Петровна, императрица 47, 51
 Епанча 269
 Ермак Тимофеевич 42, 164, 166, 182, 187, 188, 204—209, 212, 225, 240, 244, 252, 264—266, 273, 316, вклейка 30
 Есипов С. 171, 173, 180, 181, 204, 209
- Жан, герцог Беррийский 302
 Жданов С. 64—66, 68, 77, 93, 98, 143, 296
- Зайкин С. 130
 Земцов А. 64, 67, 77, 296
Зенченко М. Ю. 12
 Золотарев И. 141
 Зюзин В. 141
- Иван I Данилович Калита 154
 Иван III, вел. князь 34, 36, 38
 Иван IV (Грозный), царь 16, 37—39, 41, 156, 188, 214, 263, 266, 298
 Иванов А. 114
 Индикоплов К. 311
 Истомин Ф. 297
- Йерлейс, сквайр 237
 Йоде Г., де 327
- Кайзер Д.* 14
Кальвино И. 7, 93
 Каргашин И. — вклейка 9
 Карл V, император 230
 Кассини Дж. 46
Кастелли М. 138
Каштанов С. М. 37
Кейн Р. Дж. 40
 Кекин П. 43
Кивельсон Д. 5
Кивельсон М. Г. 5
 Кинан Э. 150, 329
Кинг Дж. 53

- Киприан, архиепископ 322
Кирилов И. К. 46, 48, 292, 312
Кларк У. 272
Ключевский В. О. 10, 25, 286
Кобрин В. Б. 297
Ковригин И. С. 120
Козлов Ж. 260
Коллманн Н. Ш. 14, 84, 85, 286
Колчин П. 131
Комедчиков Н. Н. 45
Коноплеев А. 106, 109
Коноплеев В. 106, 109
Коноплеев Д. 106, 109
Коробейников Т. 327
Корсаков А. 93, 95
Корякин 97
Корякин Н. 98, вклейка 4
Кочетков И. А. 156
Кошелева О. Е. 12, 13, 16
Крейб Р. Б. 295
Крижанич Ю. 312
Кром М. М. 12, 14, 16
Кук Дж. 288
Кусов В. С. 15, 19, 104, 285, 309, 313
Кучум, хан 42, 164, 204, 206, 215, 252,
264, 266
Кушман Р. 325
- Лавров Л. — вклейка 3
Лангер К. 16
Лангер Р. 16
Ларионов П. 76
Лас Касас Б., де 229
Лаун К. 14
Лебедев Д. М. 36
Левин И. 14
Лефевр А. 22
Либерман В. 14, 288
Ломоносов М. В. 183
Лонгстрет К. 14
Лоншаков Г. 198
Лукичев М. П. 15
Лурманн С. 14
Лурье Я. С. 307
Льюис М. 272
Ляцкий И. В. 37
- Макарий, митрополит 214
Макрейнольдс Л. 16
Максимов И. 176
Малгин А. 115
Мальгин И. 95, 96
Мальгин Ф. 95
Маслов М. — вклейка 8
Масса И. 49, 50, 170, 292, 326
Матвеев Д. 130, вклейка 10
Матвеев М. 76
Матеич П. 15
Мейендорф И. 158
Меркатор Г. 80, 183, 184, 301, 326
Меркатор Р. 316
Мещеринов А. И. 59, 60
Мещеринов И. И. 59, 60
Микита, сын Михаила, крестьянин 38
Милеску Н. Г. — см. Спафарий.
Миллер Г. Ф. 326
Митчелл Т. 79
Митчелл В. Дж. Т. 140
Михаил Федорович, царь 56
Михайлов С. — вклейка 7
Михайлова Н. Г. 65
Михелс Г. 305
Мишакова Н. 11, 14, 301
Мнева Н. Е. 310
Монмонье М. 22, 26
Моретти Ф. 17, 23
Морозов Б. Н. 65, 141, 143
Мосалитинов Г. 72, 297
Московитин И. Ю. 167
Мразек Р. 319
Мунехин М. 226
Мюнстер С. 325
Муромцев Т. 107—109
- Назаров В. Д.* 15
Нарышкины 60
Недобрава А. 76
Никонов Г. 111
Новокшенов Л. 119—121
Новосильцов В. 102
Нойс Дж. 315
Нойбергер Д. 16
Норвуд Дж. 242

- Обросимов Г. 114
Овчинникова Г. 16
Оглоблин Н. Н. 332
Огородников В. И. 330
Огрызко И. И. 219
 Одинцов О. 276
 Оксианов П. 115
 Ортелиус А. 183, 301, 326
Орчард Дж. Э. 292
Островский Д. 14
 Офросимов О. 71, 297
 Ошанин Д. 76, 99
- Павел Сибирский, митрополит 221
 Павловец Н. 155
 Палицын А. Ф. 178
 Палмквист Э. 50, 178
Панич Т. В. 139, 149
 Парабелец П. 273
 Парфеньев А. — вклейка 4
Паттерсон О. 305
Паунси К. 14
Педли М. 14
Пеленский Я. 329
 Петлин И. 42, 167, 168, 173, 174, 178, 197, 251, 314
 Петр, митрополит 154
 Петр I, император 18, 45—47, 57, 58, 60, 183, 195, 197, 226, 253, 292, 312, 316
 Плещеев Г. 101, 102
 Плойден, лорд 237
По М. 14
 Подлясов П. 60
 Поливкин Ш. 120
 Полтев П. Ф. 64
 Полуэкт, священник 108—111
 Поляков В. 314
 Поммеринг К. 299
Постников А. В. 15, 33, 45, 291, 309
 Постников П. 72, 297
 Постников С. 145
 Поярков В. Д. 167, 197, 263
 Прозоровский А. П. 114, 121
 Протопопов Б. 63
Прохоров Г. М. 33, 34
- Путильцов И. 46, 47
Пушкарев Л. Н. 307
- Разин С. Т. 56
 Ремезов Л. С. 195
 Ремезов С. У. 15, 43, 44, 50, 51, 164, 176, 179; 181—188, 190—192, 194—198, 205—209, 212, 213, 218, 222, 226, 233—236, 240, 243, 244, 247—253, 261—266, 275, 284, 312, 315—318, 320, 324, 328; вклейки 17, 18, 20—29
- Римские-Корсаковы, семья 60
Роджерс Д. 14
Розенберг Б. 14
 Романовы, династия 29, 39, 56, 86
Романюк С. К. 16
Роулэнд Д. 13, 156, 306, 309
 Рублев Андрей 33
 Рубрук Вильгельм, де 224
 Рудеев К. — вклейка 8
Рыбаков Б. А. 37
- Саид Э.* 53
Салинс П. 249, 250
Седов П. В. 12
Сейфиер Н. 14
 Селезнев А. 69
 Сепульведа Х. Х., де 229
Сид П. 215, 216, 284, 324
Сиренов А. 287
Скотт Дж. С. 40, 41, 290
 Скрыпицын Ю. 77, 99
Скуатрити П. 301
Слэзкин Ю. 163, 208, 224, 235, 330, 331
Смайл Д. Л. 14, 285
Смилянская Е. Б. 16
Смирнов П. П. 299
 Смит Дж. 242—244
 Смолянин А. 110
Сойя Э. 113, 137
Соколовский И. Р. 12
Соловьев С. М. 25
Сотникова С. И. 15, 285
 Спафарий (Милеску Н. Г.) 15, 50, 168, 174—176, 178, 292

- Ставровская Н. А.* 7
Стадухин М. В. 176
Стейнберг С. 181
Степанов Ф. — вклейка 7
Стефан Пермский, епископ 218
Столыпин В. 99
Строганов Г. А. 164, 266, 267
Строгановы, семья 164, 204, 205
Суворов З. Г. 63
Сумороков Е. 297
Суни Р. 14, 246, 327
- Тенеков М.* 297
Тернбулл Д. 35
Тире И. 14, 311
Тиц А. А. 34
Трауб В. 14, 325
Траурнихт Д. А. 176
Трифонов Л. 96
Туан И-Фу 90, 301, 305
- Уилсон Дж. Р.* 320
Уинтроп Дж. 325
Уо Д. 14, 289, 290
Усаков М. 70
Ушаков Д. 71
Ушаков С. 154, 159, 320
Уэсли-Хилл Д. 15
- Февр Л.* 11
Федор Алексеевич, царь 76
Федор Иванович, царь 39, 257, 268
Федотов Г. П. 234, 306
Филарет, патриарх 322
Филатев С. 78
Флайер М. 14, 149
Флетчер Дж. 317
Фофанов Ф. К. 275
Франк С. 81
Фуко М. 49, 53, 294
- Хабаров Е. П.* 167, 232, 260, 263
Хант Л. 9
Хантинг, семья 13
Харви Д. 294
Харли Дж. Б. 50, 53
- Хейл Дж.* 250, 328
Хелли Р. 136, 304
Хилтон А. 311
Хо С. 14
Хованский И. Н. 312
Хованский П. 43
Ходарковский М. 14, 167, 202, 219, 249, 327, 328, 331
Хок С. 136
Холл Б. Т. 172
Хофер Т. 5
Христина, королева 299
Хьюз Л. 326
- Цельковский К.* 72
Цызырев М. 57, 58
- Чекин Л.* 14
Челищев Г. — вклейка 3
Чингисхан 164
- Шакловитый Л.* 145
Шашков И. 78
Швейковская Е. Н. 16
Шевченко И. 329
Шекспир У. 224
Шеховской Г. 97
Шушерин Ф. 130
- Щекин М.* 72, 297
- Эдни М.* 14
Энгель С. 51
- Ярышкин П. О.* 63, 64

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	9
Благодарности	13
Введение	17
1. Московская картография в контексте истории и историографии	32
2. Картография, самодержавие и законность в Московии	53
3. Знаки в пространстве: Крестьяне и собственность в крепостническом обществе	88
4. «Души праведных в светлом месте»: Ландшафт и православие на русских картах XVII века	139
5. Послания земли: Карты Сибири и провиденциальные нарративы	162
6. «Возвыситца и прославитца в концах христианский рог»: Христианство и колониализм	202
7. «Иноземцы же иноязычники бесчисленные и неизчетные»: «Человеческая география» Сибири и концепции империи в Московии	229
8. Под государевою высокою рукою: Колониальные подданные и имперская политика Московии	258
Заключение	279
Примечания	285
Библиография	333
Именной указатель	353

Валери Кивельсон
КАРТОГРАФИИ ЦАРСТВА:
ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ В РОССИИ XVII ВЕКА

Редактор *И. Жданова*
Художник *Д. Черногаев*
Корректоры *О. Семченко, Л. Морозова*
Верстка *С. Петров*

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 22,5. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
“Ульяновский Дом печати”»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новое Литературное Обозрение

Интернет-магазин www.nlobooks.ru

Возможность купить книги НЛО по ценам издательства, которые значительно ниже цен в книжных магазинах

Доставка в любой регион России

**Специальные сервисы
для покупателей интернет-магазина:**

Раздел «Раритеты»

Возможность оформить заказ на редкие книги нашего издательства, тираж которых почти распродан.

Раздел «Print on demand»

Возможность купить книги «НЛО», которые уже давно стали библиографической редкостью.

Мы специально издадим эти книги для Вас по уникальной технологии «Print on Demand», которая позволяет напечатать любую книгу тиражом всего в 1 экземпляр.

Раздел «Специальные предложения»

Возможность купить отдельные книги издательства со значительными скидками